

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: История.
Международные отношения

2025

Том 25

Выпуск 1

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

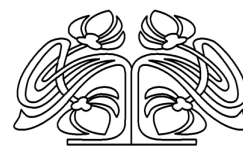
ИЗВЕСТИЯ

САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия История. Международные отношения, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2025 Том 25

ISSN 1819-4907 (Print)

ISSN 2542-1913 (Online)

Издаётся с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Станков К. Н.** Война за польское наследство в отечественной историографии XIX – начала XXI века 4
- Зверев В. О.** Контрразведка штаба 12-й армии в Первой мировой войне (1915–1917 годы) 12
- Белов К. В.** Российские военно-статистические учреждения второй четверти XIX века: результаты их практической деятельности 18

Всеобщая история

- Беляева Д. А.** Этика и политическая прагматика в первой филиппике Цицерона против Марка Антония 24
- Сироткина А. А.** Женское и женоподобное: восприятие гендерных норм в англо-нормандском историописании XII века 31
- Гаврилова Е. В.** Брачные союзы как инструмент политики в эпоху Позднего Средневековья (на примере судьбы Маргариты Ангулемской) 38
- Гордиенко Д. О.** Англия «Великого века» и проблемы военного строительства (1603–1714) 44
- Горбачев Д. В.** Историософия И. А. Фесслера 54
- Макаров Е. П.** Рост протестных настроений в Виргинии после завершения Франко-индейской войны 1754–1763 годов 61
- Гунько А. А.** Французская оккупация Гамбурга в 1806 г.: континентальная блокада и контрабанда 68

Международные отношения

- Шендрик И. И.** Итальянская экспансия и реакция Великобритании в Средиземном море (1920–1930) 75
- Насибова А. С.** Исторические и правовые аспекты становления азербайджано-турецких (османских) отношений в начале XX века 81
- Дорохов В. Г., Жаронкина Е. А.** Франко-российское соперничество в Северной Африке в 2010-е годы 87

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** Начальные люди Саратова – Григорий Федорович Елизаров: неизвестные страницы биографии 95
- Пчелинцев И. А.** Личные связи А. А. Гераклитова периода работы в Саратовской ученой архивной комиссии как фактор его научной биографии 110
- Герман А. А.** Американская администрация помощи (АРА) и ее участие в борьбе с голодом в Поволжье (начало 1920-х годов) 118
- Лёвина О. С.** Помощь населения Саратова и области госпиталям в годы Великой Отечественной войны 130

Критика и библиография

Представляем книгу

- Бусыгин А. Е.** Портрет историка в координатах времени: ученики об учителе и наставнике 136

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения»» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76642 от 26 августа 2019 года
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.5; 5.6.7).
Журнал входит в международную базу данных DOAJ

Журнал выходит 4 раза в год.
Подписной индекс издания 36018.
Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru).
Цена свободная.
Электронная версия находится в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Батищева Татьяна Федоровна,
Трубникова Татьяна Александровна,
Коренева Татьяна Андреевна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталья Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Шевякова Виктория Валентиновна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 21.03.2025.

Подписано в свет 31.03.2025.

Выход в свет 31.03.2025.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 16.56 (17.75).

Тираж 100 экз. Заказ 6-Т

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2025

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи по всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведению, истории международных отношений, источниковедению и историографии, а также обзорные статьи, рецензии и сообщения.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные научными сотрудниками и преподавателями – специалистами по истории, истории международных отношений, докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков с пробелами через полуторный интервал и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем рецензий и сообщений – 10–20 тыс. знаков с пробелами и до 2 рисунков. Рецензии оформляются так же, как статьи. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована. Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: тип статьи (научная статья, обзорная статья, рецензия, краткое сообщение), индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность (с указанием структурного подразделения), e-mail, ORCID, Aurhor ID своей странички в e-library), аннотация, ключевые слова (7–10), благодарности и ссылки на гранты (если есть), текст статьи, примечания (при наличии), список литературы;

– на английском языке: тип статьи, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, Aurhor ID своей странички в e-library, место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Требования к аннотации:

– должна отражать краткое содержание статьи;
– оптимальный объем 300–500 знаков;
– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы. Каждое примечание обозначается концевой сноской и нумеруется арабской цифрой.

Список литературы составляется в пронумерованном с [1] по [последняя] ссылке порядке. Библиографические ссылки на приставный список литературы должны быть оформлены в порядке упоминания в тексте, с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц (листов архивного дела). Каждое архивное дело одного фонда считается отдельным источником в нумерации списка литературы. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: iimo_sgu@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

Stankov K. N. The War of the Polish Succession in the Russian historiography of the XIX – early XXI century 4

Zverev V. O. Counterintelligence of the headquarters of the 12th Army in the First World War (1915–1917) 12

Belov K. V. Russian military statistical institutions of the second quarter of the XIX century: The results of their practical activities 18

World History

Beliaeva D. A. Ethics and political pragmatics in the First Philippic of Cicero against Mark Antony 24

Sirotkina A. A. Feminine and Effeminate: Perception of gender norms in 12th-century Anglo-Norman Historical Writing 31

Gavrilova E. V. Marriage Alliances as a political tool in the Late Middle Ages (using the example of the fate of Marguerite of Angouleme) 38

Gordienko D. O. England of the “Great century” and the problems of military construction (1603–1714) 44

Gorbachev D. V. Historiosophy of I. A. Fessler 54

Makarov E. P. The rise of protest sentiment in Virginia after the end of the French and Indian War of 1754–1763 61

Gunko A. A. The French occupation of Hamburg in 1806: The Continental blockade and smuggling 68

International Relations

Shendrik I. I. Italian expansion and British reaction in the Mediterranean (1920–1930) 75

Nasibova A. S. Historical and legal aspects of the formation of Azerbaijan-Turkish (ottoman) relations at the beginning of the XX century 81

Dorokhov V. G., Zharonkina E. A. Franco-Russian rivalry in North Africa in the 2010s 87

Regional History and Local Studies

Rabinovich Ya. N. The initial people of Saratov – Grigory Fedorovich Elizarov: Unknown pages of biography 95

Pchelintsev I. A. A. Geraklitov's personal connections from the period of his work at the Saratov Scientific Archival Commission as a factor in his scientific biography 110

German A. A. American Relief Administration and its participation in the fight against hunger in the Volga region (early 1920s) 118

Lyovina O. S. The assistance of the population of Saratov and the region to hospitals during the Great Patriotic War 130

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

Busygin A. E. Portrait of the historian in the coordinates of his time: Students about their teacher and mentor 136

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönningkhaus (Lüneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

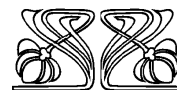
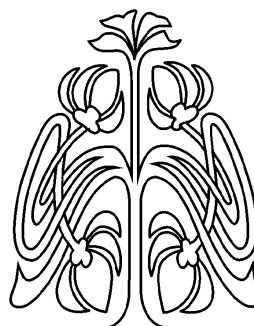
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

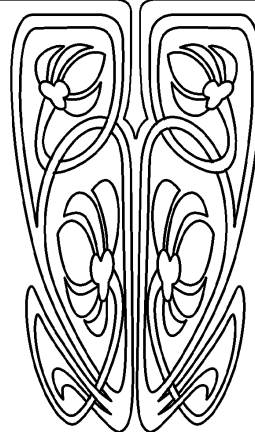
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 4–11

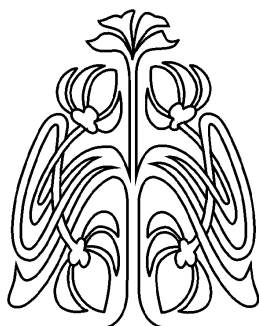
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 4–11

<https://imo.sgu.ru>

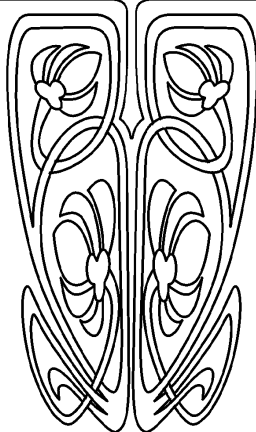
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-4-11>, EDN: EEJGAI

Научная статья

УДК 930(470+571)|18/20|:355.48|1733/1735|

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Война за польское наследство в отечественной историографии XIX – начала XXI века

К. Н. Станков

Институт российской истории РАН, Россия, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19

Станков Кирилл Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма, stankov11@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-00002-5056-225X>, AuthorID: 745052

Аннотация. В данной статье показана эволюция представлений о Войне за польское наследство в отечественной историографии, начиная с появления первых работ по этой проблеме в XIX в. и до самых последних исследований. Автор приходит к выводу, что в развитии изучения данной темы можно выделить три этапа: дореволюционный, советский и постсоветский, каждый из которых характеризуется специфическими особенностями. В ходе изучения темы сделан общий вывод о необходимости написания на современном этапе обобщающей монографии о Войне за польское наследство, которая бы учитывала все имеющиеся на данный момент достижения в этой области.

Ключевые слова: Война за польское наследство, историография, отечественные исследователи, С. Лещинский, Б. Х. Миних, П. П. Ласси, Т. Гордон

Для цитирования: Станков К. Н. Война за польское наследство в отечественной историографии XIX – начала XXI века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 4–11. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-4-11>, EDN: EEJGAI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The War of the Polish Succession in the Russian historiography of the XIX – early XXI century

K. N. Stankov

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Science, 19 Dmitry Ulianov St., Moscow 117292, Russia

Kirill N. Stankov, stankov11@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-00002-5056-225X>, AuthorID: 745052

Abstract. The presented article shows the evolution of ideas about the War of the Polish Succession in Russian historiography, starting with the appearance of the first works on this problem in the XIX century and up to the most recent studies. The author concludes that three stages can be distinguished in the development of the study of this topic: pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet, each of which is characterized by specific features. During the study of the topic, a general conclusion was made about the need at the present stage to write a generalizing monograph on the War of the Polish Succession, which would take into account all currently available achievements in this field.

Keywords: The War of the Polish Succession, the Russian historiography, the Russian Investigators, S. Leshinsky, B. H. Minich, P. P. Leisy, T. Gordon

For citation: Stankov K. N. The War of the Polish Succession in the Russian historiography of the XIX – early XXI century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 4–11 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-4-11>, EDN: EEJGAI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Первые отечественные работы о Войне за польское наследство 1733–1735 гг. написаны еще ее непосредственными участниками и современниками. Однако эти сочинения во многом носят мемуарный характер, и их стоит отнести скорее к источникам, чем к историографии. Научное осмысление проблемы началось, пожалуй, только с начала XIX в., что не в последнюю очередь было вызвано состоянием в то время польского вопроса и, как следствие, – появлением интереса российской читающей публики к его истокам, в частности, к событиям 1733–1735 гг.

Автор настоящей статьи не претендует на первенство в изучении этой темы, тем более что по ней имеется специальное исследование К. М. Белюкова, в котором рассмотрено большинство работ дореволюционных историков, в разной степени затрагивавших в своих исследованиях Войну за польское наследство [1]. Целью данной публикации является не перечисление всех работ, касающихся этой тематики, а выделение наиболее знаковых фигур с точки зрения возникновения и развития представлений о Войне за польское наследство, формирования и эволюции основных подходов к ее освещению, изменения (или их отсутствия) восприятия войны историками XIX–XXI вв.

Историография этого международного конфликта, начиная с его возникновения, практически сразу разделилась на две основные ветви: одни работы были в большей степени посвящены описанию боевых действий и значению конфликта для развития русского военного искусства, другие авторы сосредоточились почти исключительно на дипломатической стороне вопроса и его роли в развитии системы международных отношений в Европе. Хотя современные специалисты по историографии проблемы утверждают, что в работах дореволюционных российских историков Война за польское наследство изложена в обобщающем виде [2], их анализ показывает, что историография периода Империи так же, как и современная, не стремилась к охвату всех сторон этого международного конфликта, и каждый автор касался преимущественно той сферы, которая была ему ближе и интереснее.

В 1823 г. вышла одна из первых работ о Войне за польское наследство, принадлежавшая перу флигель-адъютанта Д. П. Бутурлина. В основе его книги лежит солидная источниковая база: архивные материалы (к сожалению, автор не указывал, какие именно, ограничиваясь в подстрочнике фразой «Выписки из Архивов») и «Записки» полковника русской армии Х. Г. Манштейна, что, однако, не избавило автора от некоторых поверхностных оценок международного аспекта конфликта. Касаясь предыстории войны, Д. П. Бутурлин свел все его содержание к противостоянию отдельных европейских монархов и политиков. Так, вступление Версаля в войну историк объяснял тем, что «для сохранения чести Франции надлежало

приняться за оружие» [3, с. 8]. Излагая дипломатическую подоплеку вооруженного конфликта, Д. П. Бутурлин ограничился кратким и весьма общим пересказом позиций в польском вопросе наиболее влиятельных европейских держав. Историк ошибочно полагал, что у Станислава Лещинского не было поддержки в Польше, и своему избранию он был обязан лишь подкупом части ее политической элиты французским золотом [3, с. 17, 21–23]. Источники показывают, что ситуация была гораздо более сложной [4, с. 38]. Порой автор противоречит сам себе. Так, касаясь осады Данцига (Гданьска) в 1734 г., он отмечал, что С. Лещинский в Речи Посполитой «имел еще многочисленных приверженцев, возбуждавших мятежи» [3, с. 35].

Гораздо подробнее в книге изложена военная сторона вопроса. Со скрупулезностью офицера описаны боевые действия, а также роль в них различных военачальников, правда, преимущественно с русской стороны. Внимание уделено не только крупным баталиям, но и мелким стычкам и частным передвижениям войск. Вместе с тем Д. П. Бутурлин, рассматривая военные акции русских войск непосредственно в Польше, практически оставил вне сферы своего внимания операции в Литве [3, с. 88], а также на иных театрах войны (на Рейне, в Италии и других) [3, с. 31–32, 89–90], ограничившись кратким упоминанием о них. Кроме того, касаясь осады русскими и саксонскими силами Данцига в 1734 г., Д. П. Бутурлин сосредоточился всецело на сухопутных действиях, практически ничего не сообщая о морской войне [3, с. 75–79].

В то же время Д. П. Бутурлину принадлежит немало ценных наблюдений. Так, например, он обратил внимание, что с обеих сторон в Польше велась малая война, которая причиняла особо сильный урон мирному населению [3, с. 35]. Этот же автор одним из первых предпринял попытку доказать несправедливость обвинений русским двором генерал-поручика П. П. Ласси в медлительности и нерешительности. Действия русского главнокомандующего в Польше историк объяснял обстоятельствами войны: невозможностью собрать все подчиненные ему войска вследствие их вынужденной распыленности по территории противника, который начал вести партизанскую войну, и мощью укреплений Данцига, которые, учитывая уровень военной техники того времени, было непросто сокрушить [3, с. 34–44]. Свой тезис о храбрости Ласси Д. П. Бутурлин подтверждает в другом месте своего обширного труда, приводя сведения о сражении при Висичине (1734 г.), в котором генерал-ирландец, располагая всего 3 тыс. драгун и казаков, наголову разбил 8-тысячный польский корпус. Историк особо подчеркивает, что русские в этой баталии потеряли убитыми только 1 солдата, в то время как на поле битвы полегло около тысячи конфедератов [3, с. 57–59]. В отличие от последующих авторов,

при описании этой войны в основном концентрировавшихся на осаде русскими войсками Данцига в 1734 г., он подробно останавливается на военной кампании в Польше 1735 г. [3, с. 91–110].

В конце XIX в. появилось несколько обобщающих работ по истории русской армии и флота. Так, Д. Ф. Масловский в своих «Записках по истории военного искусства в России» уделил немного внимания Войне за польское наследство. Его очерк ограничивается общими сведениями. Заслуживает внимания подробное описание местности Данцига, способствовавшей усилению его обороноспособности, а также четко расписанный состав войск противоборствующих сторон [5, с. 191–193]. Герой Д. Ф. Масловского – генерал-поручик П. П. Ласси [5, с. 177–178]. Он впервые подчеркнул, что силы сторонников Лещинского в Данциге в 5 раз численно превосходили осаждающих [5, с. 201]. О Б. Х. Минихе историк писал, что, отправляясь под Данциг, он «не имел определенного плана действий, не обратил внимания на представления Ласси» и вообще «разсчитывал одним ударом покончить с Гданьском» [5, с. 193]. Д. Ф. Масловский скромно оценивал военные успехи Б. Х. Миниха и был первым, кто описал бедственное положение русской армии под Данцигом в 1734 г., пока морская эскадра под командованием адмирала Т. Гордона не доставила боеприпасы и тяжелую осадную артиллерию [5, с. 194–195]. Д. Ф. Масловский впервые отметил, что в результате неудачного штурма Гаттельсберга была потеряна почти половина русской армии, стоявшей под Данцигом [5, с. 199–200]. Успех побега Лещинского из Данцига Д. Ф. Масловский также приписал отсутствию бдительности со стороны Б. Х. Миниха, так как не было организовано патрулирование на лодках водных артерий, омывающих город, прежде всего берегов Вислы, и отсутствовала организованная проверка постов [5, с. 201]. В целом же успех русской армии под Данцигом Д. Ф. Масловский всецело относил к «полной неспособности Станислава Лещинского» [5, с. 201]. Кроме того, он приводит немало примеров успешного командования русскими войсками Ласси [5, с. 195–200]. В то же время Д. Ф. Масловский сообщал интересные детали о военных действиях в других частях Польши, отсутствующие в работах его предшественников, но, к сожалению, не указал при этом использованные им источники [5, с. 195–197].

В отличие от Д. Ф. Масловского, Н. И. Костомаров всячески превозносил Б. Х. Миниха, который, по его словам, с поступления на царскую службу «стал всецело принадлежать России, и его имя вступило в ряд имен знаменитых деятелей в русской истории» [6, с. 142]. Отмечал историк и то, что для фельдмаршала-немца участие в войнах России являлось больше вопросом политическим: «Миних понял, что он попал в такую страну, где нет ничего прочного, и попытался обеспечить себя новыми кондициями» [6, с. 147].

В целом же Н. И. Костомаров не внес ничего принципиально нового в изучение Войны за польское наследство, ограничиваясь весьма кратким пересказом уже известного материала [6, с. 152–154].

Известный русский историк Н. Г. Устрялов подчеркивал, что все беды Польши в конечном счете происходят не столько из-за внешнего вмешательства, сколько из-за ее внутреннего политического устройства [7, с. 542]. Вступление в Войну за польское наследство Франции он был склонен объяснять субъективными и этическими факторами. В частности, Н. Г. Устрялов отмечал: «Версальский кабинет посчитал для себя стыдом» отказать С. Лещинскому в помощи и потому выступил против Австрии [7, с. 544].

Традиции изучения дипломатической истории Войны за польское наследство заложены Н. Н. Бантыш-Каменским. Подробно описывая изменения в системе международных отношений, последовавшие за польским кризисом, он весьма скупое освещал события самой войны, что, впрочем, нельзя вменить великому историку в вину, так как это и не являлось задачей его фундаментального труда. Его «Обзор внешних сношений России (по 1800 год)» представляет собой интерес, прежде всего, в силу того, что в нем впервые систематически показаны отношения России со всеми наиболее крупными игроками в Европе [8–10].

В. И. Герье посвятил специальное исследование дипломатической борьбе за польский престол в 1733 г. Уже в заголовке подчеркивался фундаментальный характер его труда: «Историческая диссертация, составленная по архивским источникам» [11]. Он подробно рассматривал внутреннюю ситуацию и внешнеполитические позиции всех наиболее значительных стран-участниц войны. В книге предложен непревзойденный до сих пор, по крайней мере в отечественной историографии, портрет С. Лещинского, в котором автор удачно избежал крайностей в характеристике этого польского короля и попытался объективно воссоздать его образ. Несколько обширных глав посвящено внутренней ситуации в Польше накануне войны. Целый раздел В. И. Герье уделил приезду в Варшаву русского посла Р. Г. Левенвольде в 1733 г. В целом в книге этого историка впервые в русской историографии складывается единый образ Войны за польское наследство, правда, лишь на её подготовительной и начальной фазах (до 1734 г.) [11].

Отношение России к планам раздела Польши европейскими державами в 1720-е – начале 1730-х гг. рассматривалось в статье крупного российского историка и социолога М. М. Ковалевского, написанной на материалах Королевского архива в Стокгольме (сейчас – Национальный архив Швеции) [12, с. 16–58].

Выдающийся русский историк С. М. Соловьев в своем многотомном труде «История России с древнейших времен» отдельную главу посвятил борьбе за польский престол в 1733–1735 гг.

Им был собран обширный фактический материал. Свою задачу историк видел в том, чтобы подробно изложить подоплеку конфликта, представить соотношения различных сил как в самой Польше, так и за ее пределами, в том числе в России [13, с. 323–337]. С. М. Соловьев так же, как и некоторые его предшественники, симпатизировал П. П. Ласси. Но при этом он отмечал сравнительно узкий кругозор генерала-ирландца, знавшего «только свое военное дело», и характеризовал его как «человека скромного и без связей при дворе» [13, с. 339]. В то же время, в отличие от Д. Ф. Масловского русский классик не противопоставлял его Б. Х. Миниху, которому также отдает должное. В его «Истории России» выписан яркий портрет этого полководца-немца на русской службе [13, с. 341–343].

Касаясь непосредственно военного конфликта, С. М. Соловьев в качестве главной причины временного успеха партии Лещинского называл несогласованность действий и внутренние разногласия среди русских политиков и военных [13, с. 338, 340]. Он всячески подчеркивал дружелюбие, по крайней мере, некоторых поляков по отношению к русской армии. С. М. Соловьев не ограничился описанием осады Данцига и подробно остановился на последующей борьбе в Польше, которая в его повествовании тонко переплетается с дипломатическими баталиями при различных европейских дворах и ролью в них русских политиков [13, с. 351–367].

Имеется также широкий круг работ, которые непосредственно не касаются Войны за польское наследство, но посвящены смежным с ней вопросам, в силу чего этот конфликт так или иначе в них упоминается. В данной статье эти работы будут опущены, поскольку они подробно рассмотрены в вышеупомянутом исследовании К. М. Белюкова [1].

О состоянии изученности вопроса на рубеже XIX–XX вв. красноречиво свидетельствует тот факт, что во многих работах по военной истории России XVIII в. Война за польское наследство даже не упоминается. В качестве примера можно привести «Курс истории русского военного искусства» полковника А. Байова. В специальном выпуске его многотомного труда, посвященного графу Б. Х. Миниху, ни осаде Данцига русскими войсками под его командованием в 1734 г., ни другим военным операциям этой войны не уделено ни строчки, в то время как участию Б. Х. Миниха в русско-турецкой кампании 1735–1739 гг. отведена целая глава [14]. Аналогично обстоит дело и с подготовленным в 1911–1913 гг. коллективом военных историков и генералов Генерального штаба царской армии трудом «История русской императорской армии». Это издание было крупным проектом и, как отмечали его издатели, оно предназначалось «для просвещения не только русского офицерства, но и русского общества»

[15, с. 5]. В книге целый раздел посвящен отечественным вооруженным силам при Анне Иоанновне, обозначенный по аналогии со временем Петра I «эпохой Миниха». Авторы полагали, что по значимости для развития военного дела в России последний сыграл не меньшую роль, нежели великий царь-реформатор. Подробно характеризуя деятельность фельдмаршала Миниха, о его участии в Войне за польское наследство авторы даже не упомянули [15, с. 125–132].

Обошел вниманием Войну за польское наследство и крупнейший дореволюционный специалист по истории русского флота С. И. Елагин [16–18]. Другой военный историк того же времени Ф. Ф. Веселаго в своем обобщающем труде «Краткая история русского флота» ограничился лишь самым общим описанием боевых действий на море, известных из сочинений других авторов, а в работе «Краткие сведения о русских морских сражениях за два столетия с 1656 по 1856 год» о Войне за польское наследство он вовсе не упомянул [19, с. 85–86]. Очевидно, к началу XX в. образ этого военного конфликта потускнел. Исследователи начали терять к нему интерес.

В советский период исследование Войны за польское наследство практически не получило развития. В самых общих чертах она освещается в первом томе «Истории дипломатии», вышедшем в 1941 г. Причины конфликта сводятся к весьма сомнительному субъективному фактору: французский король Людовик XV был тестем С. Лещинского, и если бы последний не удержался на польском престоле, то возникла бы ситуация, когда супругой французского монарха оказалась бы проституированная. «Так, война, – утверждают авторы, – которую собралась навлечь на себя Франция поддержкой кандидатуры Лещинского на польский трон, имела свои основания королевское тщеславие» [20, с. 256]. Кроме того, в этом коллективном труде допущена серьезная ошибка: плененный российским адмиралом Т. Гордоном французский десант, высадившийся под Данцигом в 1734 г., был отправлен в Кронштадт, и лишь позднее – в Петербург [20, с. 256]. В то же время авторы раздела «Дипломатия европейских государств в XVIII веке» рассматриваемого труда профессора С. В. Бахрушин и С. Д. Сказкин впервые обратили внимание на то, что в этот период в Польше была сильна не только группировка сторонников Лещинского, о чем много писали ранее, но и партия его противников. Они же отмечали, что Война за польское наследство стала важным уроком для французского правительства, как «опасно для него пренебрегать русской дружбой» [20, с. 256].

В том же 1941 г. вышла статья советского ученого Я. Я. Зутиса, посвященная балтийскому вопросу в истории России. Несмотря на то, что в подзаголовке публикации хронологические рамки заданы промежутком между Полтавским сражением и Семилетней войной, автор подробно

рассматривал предпосылки и причины соперничества великих держав в этом регионе в Средние века и Раннее Новое время. В исследовании тщательно изложена многовековая борьба Руси, а затем Московского государства за выход к Балтике, дипломатия Петра I в этом вопросе, Голштинский кризис 1720-х гг., отношения Петербурга с Великобританией и Францией в 1730–1750-х гг. в связи с балтийской торговлей. Однако за множеством этих проблем Я. Я. Зутисом оказалась потерянной Война за польское наследство [21].

Ей же уделено весьма скромное место в 8-м томе «Очерков истории СССР». Авторами раздела «Война за “польское наследство” (1733–1735) и взаимоотношения России с великими державами в первой половине 30-х годов XVIII в.» был привлечен обширный пласт документов, в первую очередь архивных (среди них – материалы из фонда «Шведские дела» Архива внешней политики России – сейчас Архива внешней политики Российской империи), бумаги российского вице-канцлера А. И. Остермана, переписка представителей иностранных государств, аккредитованных в Петербурге, публикации международных конвенций, трактатов и других дипломатических документов. Однако, несмотря на столь внушительную источниковую базу, им не удалось сказать ничего принципиально нового по сравнению с дореволюционными историками. В книге все внимание сконцентрировано на дипломатии и международных отношениях и совершенно игнорируется военная сторона событий [22, с. 355–362].

Своеобразным мостом между советской и постсоветской историографией являются исследования известного специалиста по эпохе Петра I – Н. И. Павленко. Для данной статьи особый интерес представляет его работа по более позднему периоду – «Анна Иоанновна (Немцы при дворе)». В монографии сквозь призму влияния придворных немцев на русскую императрицу рассмотрены различные стороны ее правления, в том числе войны и внешняя политика. Историк всячески подчеркивает полное отсутствие у Б. Х. Миниха полководческих способностей, а также пагубное влияние разногласий между ним и А. И. Остерманом на ведение дел в важнейших сферах государственной жизни. Последний считал главной потенциальной союзницей Австрию, у которой с Россией были общие враги – Турция и Франция. Со своей стороны, Б. Х. Миних «полагал, что нет более выгодного союзника для России, чем Франция» [23, с. 299].

В рассматриваемой книге приводится любопытная характеристика польского короля и саксонского курфюрста Августа III: «Он был холоден и молчалив, часто пребывал в смятении, иногда беспричинно громко смеялся», «был ленив, проявлял страсть к пошлым удовольствиям: маскарадам, турнирам, стрельбе в цель» [23, с. 301]. В целом, автор приходит к выводу, что русское

правительство в политической борьбе привело к власти в Польше весьма ничтожную личность. В то же время историк справедливо отмечает большую популярность С. Лещинского в Польше [23, с. 302–303]. В конечном счете ответственность за развязывание войны Н. И. Павленко возлагает на польских магнатов и шляхту, «доведших страну до такого экономического и политического упадка, который позволял более сильным соседям и отдаленной от нее Франции вмешиваться в ее внутренние дела» [23, с. 304]. Кроме того, по мнению историка, другой причиной поражения сторонников Лещинского является их ошибочная внешнеполитическая ориентация. Автор монографии справедливо замечает, что сторонники Лещинского могли рассчитывать только на внешнюю помощь, «ибо в самой Польше силы, способные оказать сопротивление русским войскам, отсутствовали» [23, с. 306]. Но, в то же время они переоценивали заинтересованность Франции в их поддержке. Касаясь последней, Н. И. Павленко признает ранее высказывавшиеся субъективные факторы, связанные с личностью короля Людовика XV и его супруги. Главную же причину автор видит в нежелании Версаля на начальном этапе войны развязывать открытые боевые действия против Российской империи [23, с. 306]. Швеция и Турция, несколько столетий вместе игравшие роль «восточного барьера» Франции, также ничем не могли помочь полякам. Ресурсы первой были столь ограничены, что ее «правительство испытывало трудности, чтобы содержать турецкого посла и его свиту, прибывших в Стокгольм для переговоров о согласованных действиях против России» [23, с. 306]. Турция также оказалась не способной помочь Лещинскому, будучи занятой неудачной войной с Ираном [23, с. 306]. Касательно негативного мнения о Ласси и его действиях под Данцигом Н. И. Павленко впервые высказал предположение, что причиной тому было не бездействие генерала-ирландца, так как со своими немногочисленными силами иначе он и не мог поступить, а борьба в придворных кругах в Петербурге. В частности, историк утверждает, что за назначением Б. Х. Миниха главнокомандующим русскими войсками в Польше стояло давнее соперничество между ним и Бироном. Последний решил отдалить Б. Х. Миниха от двора Анны Иоанновны, отправив его воевать под Данциг, и лишить его таким образом влияния на императрицу [23, с. 307].

Заслуживают внимания отдельные замечания Н. И. Павленко. Так, он сообщает, что подкуп членов сейма практиковали обе стороны – и Франция, и Россия, однако последняя – в меньшей степени, отчасти из-за бедности, но главным образом потому, что «более полагалась не на деньги, а на дипломатию и военную силу» [23, с. 301]. Чрезвычайно любопытна полная иронии характеристика действий Б. Х. Миниха под Данцигом:

«Он постоянно гнался за славой, которая норовила от него ускользнуть» [23, с. 38]. Кроме того, Н. И. Павленко открыто признает провал Б. Х. Миниха под Данцигом. По мнению ученого, главной задачей было не взятие этого города, а пленение С. Лещинского [23, с. 308, 311]. Так, интересен приводимый историком факт, что Б. Х. Миних настолько был убежден в эффективности своих действий по блокаде Данцига, что, получив первую весть о побеге Лещинского, не поверил ей и даже написал об этом Анне Иоанновне. Автор монографии отмечает пробел в источниках, касающийся бегства Лещинского из Данцига, и то, что в его «таинственном исчезновении из города много неясного, и отечественные источники не позволяют дать исчерпывающий ответ» [23, с. 309]. Интересно предположение Н. И. Павленко, что к побегу злосчастного польского короля-изгнанника был причастен сам Б. Х. Миних, за что он от поляков якобы «получил значительный куш» [23, с. 309–310]. Одним из первых этот историк отметил субъективность такого источника, как реляция Б. Х. Миниха в Петербург. По словам исследователя, главнокомандующий русскими силами под Данцигом даже самые скромные успехи своим «умелым пером» превращал «в успех первостепенной важности» [23, с. 310]. В целом Н. И. Павленко, хотя и признает факт победы России в Войне за польское наследство, одним из первых отмечает огромные потери – не менее 8 тыс. солдат [23, с. 311].

Основные события Войны за польское наследство нашли отражение в монографии современного петербургского историка Е. В. Анисимова «Анна Иоанновна. От герцогини к императрице». В освещении этого военного конфликта он впервые уделяет особое внимание любопытному источнику – «Петербургским ведомостям», пытаясь реконструировать, как формировалось представление об этом конфликте у рядовых россиян. Автор отклоняет ранее распространенную трактовку причин вмешательства в польский вопрос Людовика XV, якобы вызванных сугубо субъективными или династическими факторами: «Франция намеревалась поддержать Станислава, исходя не только из родственных чувств своего короля, но и имперских интересов» [24, с. 235]. Также Е. В. Анисимов подчеркивает, что на стороне Лещинского было абсолютное большинство «польской шляхты и многие сенаторы во главе с временным властителем государства – примасом, архиепископом Гнездно – Федором Потоцким» [24, с. 235]. В то же время автор справедливо отмечает, что главное в событиях 1733–1735 гг. заключалось в том, что «судьба Польши ... решалась уже не в Варшаве», и «фигура Станислава как преемника Августа II на польском престоле была абсолютно неприемлема для Австрии и России» [24, с. 236]. С другой стороны, историк подчеркивает, что в немалой степени сложной

ситуации в Польше способствовали не только русские и австрийские штыки, но и разномыслие в самом государстве: «почти сразу стало ясно, ... что часть гонимых честолюбием и корыстолюбием польских вельмож выступят под тем или иным предлогом против избрания Станислава» [24, с. 338]. К этому автор добавляет традиционные противоречия между польской и литовской знатью [24, с. 238]. Наконец, в книге «Анна Иоанновна. От герцогини к императрице» представлена яркая картина избрания Лещинского польским королем в 1733 г., а также не менее любопытные зарисовки отдельных сражений [24, с. 238, 240–242].

В монографии О. Г. Агеевой «Императрица Всероссийская Анна Иоанновна» также уделяется внимание Войне за польское наследство. В частности, в ней отмечены успехи России на основных направлениях внешней политики накануне этого международного конфликта [25, с. 74]. Исследовательница наряду с Н. И. Павленко является одной из немногих, кто подчеркивает крайнюю посредственность Августа III и как политика, и как личности [25, с. 75]. О. Г. Агеева связывает успех Миниха под Данцигом с тем, что тот по-немецки правильно организовал обстрел города и его укрепленных предместий [25, с. 77]. Кроме того, она обращает внимание на огромную цену победы России в этой войне – 8 тыс. погибших солдат и офицеров. Тем не менее, в целом общий итог войны оценивается как положительный [25, с. 77].

Известный российский историк И. В. Курукин в своей книге «Анна Иоанновна» также касается сюжетов, связанных с Войной за польское наследство. В частности, он отмечает, что при Анне Иоанновне в русском правительстве произошел «отказ от дальнейшей экспансии на Балтике» (в этой связи рассматривается и деятельность созданной по приказу императрицы Военной морской комиссии, пересмотревшей петровскую программу по строительству Балтийского флота, главное внимание которой ранее уделялось созданию военных кораблей крупных рангов) в пользу «утверждения российского влияния в соседней Польше и активных действий против Турции и Крыма» [26, с. 342–343]. Вообще, военную ситуацию, возникшую в Центральной Европе в связи с польским кризисом, начавшимся в 1733 г., И. В. Курукин рассматривает как первую проверку недавно возникшего русско-австрийского союза на прочность [26, с. 343]. Он же приводит любопытные биографические сведения о героях Войны за польское наследство с русской стороны – П. П. Ласси и Б. Х. Минихе [26, с. 299–301]. Особый интерес представляют сообщения И. В. Курукина о том, что русские солдаты из царской армии, отправленной в 1735 г. на Рейн, на новых землях встретились не только с отсутствием крепостничества, но и в целом с более высоким уровнем жизни. В связи с этим в их рядах началось массовое дезертирство [26, с. 343–344].

Среди современных российских историков дипломатическая сторона Войны за польское наследство в контексте русско-австрийских отношений рассматривается в книге С. Г. Нелиповича «Союз двухглавых орлов». В работе на основании широкой источниковой базы, в том числе на материалах трех архивов (Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного архива древних актов, Российского государственного архива военно-исторического архива) рассматривается развитие международных отношений в Европе с начала XVIII в., создается многоплановая картина того, как Россия и Австрия через различные комбинации союзов и их расторжение постепенно шли навстречу друг другу. Отдельная глава посвящена вопросу о политической судьбе Речи Посполитой в отношениях Петербурга и Вены. Автор работы полагает, что масштаб общеевропейской войны конфликт за польский трон принял из-за вмешательства не России и Австрии, а, в первую очередь, Франции [27, с. 124]. По мнению С. Г. Нелиповича, именно вмешательство России в австро-французскую войну «способствовало восстановлению мира в Европе» [27, с. 124].

В последние годы отечественные историки разрабатывают главным образом проблемы, не получившие освещения в предшествующей историографии. К. М. Белькову и О. В. Саприкиной принадлежат статьи по историографии и источникам Войны за польское наследство [1, 2]. А. М. Столяров исследовал репрезентации событий этого военного конфликта в современных российских учебниках. Он приходит к выводу, что освещение Войны за польское наследство в них «в значительной степени не соответствует представлениям о ней в российской и зарубежной историографии и требует существенной корректировки» [28].

В. С. Великанов на основании реляций главнокомандующего русскими силами в Польше фельдмаршала Б. Х. Миниха описал осаду им Данцига в 1734 г. [29].

Монография П. А. Кротова и М. О. Акишина посвящена ранее практически не изученной личности – вице-адмиралу Н. А. Сенявину, отличившемуся на службе в русских военно-морских силах [30].

Л. И. Ивонина предприняла попытку, в том числе на основании современной польской историографии, пересмотреть образ Станислава Лещинского [31].

С. А. Мезин впервые обратил внимание на описание французами, попавшими в русский плен под Данцигом, российской столицы – Петербурга. Он же опубликовал пространный фрагмент ценного источника – воспоминаний участника обороны Данцига, капитана французского Блеуаского полка Ф. Ш. д'Агей де Миона [32]. В статье В. В. Познахирева нашли отражение правовые аспекты содержания французских военнопленных,

взятых адмиралом русского Балтийского флота Т. Гордоном под Данцигом в 1734 г. [33].

А. Б. Сидякин уделит внимание роли курляндского вопроса в Войне за польское наследство. Исследователь подчеркивает стратегическое положение герцогства и заинтересованность в контроле над ним в Петербурге [34].

Таким образом, отечественная историография Войны за польское наследство чрезвычайно богата и разнообразна. В дореволюционный период появился целый ряд фундаментальных работ на данную тему. Тогда же отмечался особый интерес исследователей как к сугубо военной стороне вопроса, так и к русской и европейской дипломатии того периода. Впрочем, часто в трактовке последней превалируют субъективные и этические факторы, что, как показала последующая историография, было ошибочным. Кроме того, именно в период Империи у российских историков впервые возникает интерес к личностям как предводителей русских войск, так и Станислава Лещинского. В советский период Война за польское наследство мало интересовала отечественных исследователей. О ней упоминается лишь в нескольких общих работах, не вносящих ничего принципиально нового в научное представление об этом конфликте. В постсоветской историографии благодаря введению в научный оборот широкого круга новых источников получило распространение как более глубокое изучение уже намеченных предшественниками проблем, так и совершенно новые направления исследований.

Следует отметить работы по историографии и источникам, различным правовым и территориальным вопросам, появление биографий участников событий, которые ранее оставались в тени. Подводя итог, следует констатировать, что на современном этапе назрела необходимость в создании обобщающей монографии, в которой бы со всей полнотой освещались все имеющиеся на настоящее время достижения в данной области.

Список литературы

1. Бельков К. М. Война за «польское наследство» 1733–1735 гг. в трудах историков Российской империи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2018. № 1 (87). С. 11–18. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-1.2>
2. Бельков К. М., Саприкина О. В. Русские дневники и мемуары о войне за Польское наследство (1733–1735) как исторический источник // Научный диалог. 2018. № 4. С. 259–278. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-4-259-278>
3. Бутурлин Д. П. Военная история походов россиян в XVIII столетии : в 3 ч. СПб. : Военная типография Главного штаба Его Императорского Величества, 1823. Ч. 3. 154 с.

4. Миних И. Э. Россия и русский двор в первой половине XVIII века: записки и замечания графа Эрнста Миниха. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1891. 339 с.
5. Масловский Д. Ф. Записки по истории военного искусства в России: в 3 вып. СПб.: Академия Генерального штаба, 1891. Вып. 1. 356 с.
6. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописании ее главнейших деятелей: в 4 т. М.: Рипол Классик, 1998. Т. 4. 540 с.
7. Устрялов Н. Г. Русская история до 1855 года. Петро-заводск: Корпорация «Фолиум», 1997. 957 с.
8. Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год): в 4 ч. Ч. 1 (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1894. 303 с.
9. Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год): в 4 ч. Ч. 2 (Германия и Италия). М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1896. 271 с.
10. Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год): в 4 ч. Ч. 3 (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1897. 319 с.
11. Герье В. И. Борьба за польский трон в 1733 году. Историческая диссертация, составленная по архивским источникам. М.: Типография В. Грачева и К., 1862. 167 с.
12. Ковалевский М. М. Взгляд на историю русской дипломатии в Швеции: (на основании данных Королевского архива в Стокгольме) // Юридический вестник. М., 1887. Т. 25, кн. 1. С. 16–58.
13. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 23 кн. М.: Мысль, 1993. Кн. 10, т. 20. 751 с.
14. Байов А. Курс истории русского военного искусства: в 7 вып. Вып. 3: Эпоха Миниха (Царствование императрицы Анны Иоанновны). СПб.: Типография Гр. Скачков с С-ми, 1909. 91 с.
15. История русской императорской армии / под ред. С. В. Потрашкова. М.: Эксмо, 2022. 800 с.
16. Елагин С. И. История русского флота. Воронеж: Типография Комиссионера Императорской Академии художеств, Гогенфельдена и Ко, 1864. 412 с.
17. Елагин С. И. Начало Кронштадта. Кронштадт: Б. и., 1866. 31 с.
18. Елагин С. И. Список судов Балтийского флота, построенных и взятых в царствование Петра Великого, 1702–1725. СПб.: Типография Морского ведомства, 1867. 74 с.
19. Веселаго Ф. Ф. Краткая история русского флота: в 2 вып. СПб.: Типография В. Демакова, 1893. Вып. 1. 302 с.
20. История дипломатии: в 3 т. / под ред. В. П. Потемкина. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1941. Т. 1. 566 с.
21. Зутис Я. Я. Балтийский вопрос в политике великих держав: (От Полтавской битвы до Семилетней войны) // Историк-марксист. 1941. № 2. С. 66–80.
22. Очерки истории СССР: в 9 т. Т. 8: Россия во второй четверти XVIII в.; Народы СССР в первой половине XVIII в. / под ред. А. И. Барановича, Л. Г. Бескровного, Е. И. Заозерской, Е. И. Индовой. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 866 с.
23. Павленко Н. И. Анна Иоанновна (Немцы при дворе). М.: АСТ-Пресс Книга, 2002. 384 с.
24. Анисимов Е. В. Анна Иоанновна. От герцогини к императрице. М.: Молодая гвардия, 2017. 362 с.
25. Агеева О. Г. Императрица Всероссийская Анна Иоанновна. М.: Комсомольская правда, 2015. 95 с.
26. Курукин И. В. Анна Иоанновна. М.: Молодая гвардия, 2014. 430 с.
27. Нелипович С. Г. Союз двухглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М.: Квадрига, 2010. 408 с.
28. Столяров А. М. Репрезентация «войны за польское наследство» 1733–1735 годов в современных российских учебниках по истории // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 6 (68): в 2 ч. Ч. 2. С. 174–177.
29. Великанов В. С. Война за Польское наследство 1733–35. Борьба в Польше и участие России в данном конфликте // Воин. 2005. № 18. С. 42–51.
30. Кротов П. А., Акишин М. О. Вице-адмирал Н. А. Сенявин (1681–1738). СПб.: Историческая иллюстрация, 2022. 308 с.
31. Иволина Л. И. Станислав Лещинский в борьбе за польский трон в 30-е годы XVIII века // Honoris cause: сборник научных статей, посвященный 70-летию профессора Виктора Владимировича Сергеева / сост. и отв. ред. И. О. Дементьев. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 145–153.
32. Мезин С. А. Россия и Петербург 1734 года в записках д'Агеи де Миона // Петр Великий, российская власть и общество в эпоху перемен: сборник статей к 70-летию со дня рождения Юрия Николаевича Беспятых / отв. ред. Т. В. Базарова, М. Е. Проскурякова. СПб.: Историческая иллюстрация, 2019. С. 334–362 (Сер. «Труды Санкт-Петербургского института истории РАН»).
33. Познахирев В. В. Особенности правового статуса военнослужащих французского экспедиционного корпуса, интернированного в Россию в 1734 г. // Военно-юридический журнал. 2018. № 2. С. 11–15.
34. Сидякин А. Б. Война за польское наследство и курляндский трон для Э. И. Бирона: история одного сговора // Acta Eruditorum. 2013. № 3. С. 72–75.

Поступила в редакцию 10.06.2024; одобрена после рецензирования 28.06.2024;
принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 10.06.2024; approved after reviewing 28.06.2024;
accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025

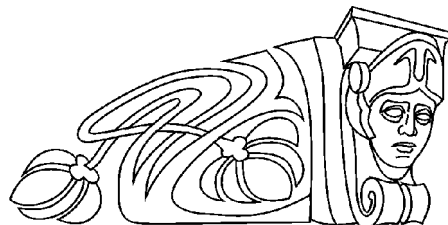

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 12–17
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 12–17
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-12-17>, EDN: EESHRL

Научная статья
УДК [355.48:355.311:355.404.52] 1915/1917|

Контрразведка штаба 12-й армии в Первой мировой войне (1915–1917 годы)

В. О. Зверев

Омская академия МВД России, Россия, 644092, г. Омск, пр. Комарова, д. 7

Зверев Вадим Олегович, доктор исторических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики в деятельности органов внутренних дел, zverevoma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5179-8599>, AuthorID: 695697

Аннотация. Рассматривается малоизвестная история контрразведывательного отделения штаба 12-й армии сквозь призму деятельности двух инструментов противодействия шпионажу – филерского отряда и секретных сотрудников. С опорой на введенные в научный оборот неизвестные архивные документы (переписка контрразведки с жандармскими управлениями, приказы по 12-й армии, сведения на лиц, заподозренных в военном шпионаже, рапорты о задержании шпионов, списки агентов и др.) делается вывод о неудовлетворительных итогах работы армейской контрразведки. Ее наблюдательные агенты (филеры) показали свою профессиональную непригодность. Главным образом это выражалось в отсутствии достаточных юридических и специальных познаний, практического опыта. В редких случаях задержания государственных преступников (германские, реже австрийские, агенты, они же предатели Родины) с участием филеров завершались дознанием или расследованием с последующей судебной перспективой. Вторая категория – секретные сотрудники – также демонстрировали низкий результат своей деятельности. Да и можно ли было надеяться на успех, если ее организация имела слабые основания. Практически весь руководящий состав контрразведки 12-й армии (за исключением ее начальника) был представлен полицейскими, которые не владели организационно-тактическими приемами и методами выявления шпионов. В силу своих должностных обязанностей полицейские чины занимались лишь постановкой их розыска (розыском уже установленных лиц). И поэтому основная масса шпионов задерживалась случайно и, как правило, на передней линии обороны 12-й армии, благодаря бдительности и наблюдательности ее военнослужащих.

Ключевые слова: контрразведка, штаб 12-й армии, шпионаж, агенты, секретные сотрудники, германская разведка, нижние чины, фронт

Для цитирования: Зверев В. О. Контрразведка штаба 12-й армии в Первой мировой войне (1915–1917 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 12–17. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-12-17>, EDN: EESHRL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Counterintelligence of the headquarters of the 12th Army in the First World War (1915–1917)

V. O. Zverev

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 7 Komarova St., Omsk 644092, Russia

Vadim O. Zverev, zverevoma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5179-8599>, AuthorID: 695697

Abstract. The little-known history of the counterintelligence department of the 12th Army headquarters is examined through the prism of the activities of two tools for countering espionage – the spy squad and secret employees. Based on unfamiliar archival documents introduced into scientific circulation (counterintelligence correspondence with gendarmerie departments, orders for the 12th Army, information on persons suspected of military espionage, reports on the detention of spies, lists of agents, etc.), a conclusion is made about unsatisfactory results of the work of army counterintelligence. Observant agents and secret employees showed their professional unsuitability in the fight against enemy agents. There was not enough legal and special knowledge and practical experience. In rare cases, the detention of a state criminal (German/Austrian agent or traitor to the Motherland) ended with an inquiry or investigation, followed by legal proceedings. The skillful leadership principle – the organization of tactics and the strategy for identifying the military-criminal element – is also not visible. The bulk of the spies were detained by chance and, as a rule, on the front line of defense of the Russian army, thanks to the vigilance and observation of its military personnel.
Keywords: counterintelligence, headquarters of the 12th Army, espionage, agents, secret employees, German intelligence, lower ranks, front

For citation: Zverev V. O. Counterintelligence of the headquarters of the 12th Army in the First World War (1915–1917). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 12–17 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-12-17>, EDN: EESHRL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

На сегодняшний день фронтовая история контрразведывательных отделений (далее – КРО) русской императорской армии периода Первой мировой войны незаслуженно забыта. Между тем, десятки военно-окружных, фронтовых, армейских, корпусных, крепостных и иных органов военной контрразведки вносили свою посильную лепту в борьбу с вражескими спецслужбами. Наглядным тому подтверждением являются многочисленные задержания шпионов, нашедшие свое отражение в сотнях единиц хранения (или свыше тысячи документов), собранных в фондах Российского государственного военно-исторического архива.

Используя возможности этого архивохранилища и редких литературных источников по теме статьи, ее автор предпринял попытку воссоздать и проанализировать отдельные эпизоды организации и деятельности КРО штаба 12-й армии. В фокусе пристального внимания оказались вопросы кадрового обеспечения, результаты усилий филерского отряда по выявлению государственных преступников. Приведенные статистические данные о числе задержанных шпионов в районах 1, 2, 5 и 10-й армий Северо-Западного фронта¹ помогли сформировать объективное представление о степени успешности контрразведчиков 12-й армии. Отдельной строкой была выделена работа нижних чинов названных полевых армий по инициативному задержанию подозрительных лиц на линии боевого соприкосновения с германскими частями. Наконец, в статье отмечен и вклад секретных сотрудников в дело противодействия на «невидимом фронте» Первой мировой войны.

Итак, после завершения формирования 9 января 1915 г. в штатном расписании Северо-Западного фронта 12-й армии при разведотделе ее штаба (г. Рига) было создано КРО. Его первоначальный состав и кадровое ядро были представлены начальником отделения подполковником Отдельного корпуса жандармов Б. В. Фоком, переводчиком капитаном В. В. Ленчевским, чиновником для поручений П. П. Богдановым и прикомандированными: белостокским полицеймейстером подполковником П. А. Фуллоном, пружанским уездным исправником подполковником Генерального штаба в отставке Н. Е. Андреяновым, помощником сокольского уездного исправника коллежским асессором В. С. Окромешко, помощником кобринского уездного исправника Н. С. Турлаем, а также двумя приставами – А. Г. Криднером и А. М. Ушеренко [1, л. 24]. Как видно, большинство подчиненных Фока

до войны были заняты на руководящих должностях в правоохранительной сфере и, с высокой долей вероятности, занимались профилактикой, предупреждением и раскрытием административных правонарушений, уголовных и военно-шпионских преступлений. Поэтому вряд ли полицейские чиновники, являясь специалистами по оперативно-розыскной работе, в том числе розыску шпионов или предателей Родины (завербованные агенты иностранных разведок), могли иметь даже общее представление об организации агентурной деятельности по их выявлению.

Также при КРО был укомплектован филерский отряд (штатная численность – 4 старших и 40 младших агентов). В него вошли бывшие маляры, лакеи, учителя, артисты, купцы, сестры милосердия, конторщики, торговцы, приказчики и др. [1, л. 276–277]. С одной стороны, принадлежность к большинству из этих профессий и родов деятельности предполагала наличие у людей как минимум начального образовательного ценза. А значит, нельзя назвать справедливой характеристику, данную, например, В. Б. Жилинским: «Филер – это человек малоразвитый, сплошь и рядом почти безграмотный, с трудом умеющий писать...» [2, с. 10]. Столь тенденциозный вывод явно не соответствовал действительности. И в этом мы убедились, работая в исторических архивах с многочисленными «Сведениями» филеров петербургского и варшавского охранных отделений, омского жандармского управления (1910–1916 гг.). Письменные отчеты наблюдателей отличались не только высокой грамотностью, но и эстетикой почерка, а также логической стройностью предложений и порой наличием в них глубоких смыслов (например, прогнозирование возможных действий объекта слежки). С другой же стороны, от общего числа филерского отряда только десять человек ранее проходили полицейскую или жандармскую службу, но с азами филерского дела никто из них не был знаком. Данный факт указывает на отсутствие строгой избирательности в подборе агентов наружного наблюдения или же на «кадровый голод» (все военнообязанные и годные к службе мужчины подлежали призыву в вооруженные силы). Кроме того, сказанное является косвенным доказательством потенциально низкой результативности работы агентов и, прежде всего, в Риге (в первые месяцы функционирования филерского отряда).

В этом «центре шпионажа» даже названные десять агентов были не в состоянии охватить многочисленные объекты слежения – секретносителей (штабных офицеров и командиров воинских

частей, в том числе фронтовиков, пребывающих на лечении в госпиталях, военнослужащих-отпускников (командировочных)); проституток и их возможные конспиративные связи в притонах разврата или домах терпимости; иностранцев (подданных союзных и нейтральных держав) и подозревавшихся в шпионаже лиц. Ведь круглосуточное и квалифицированное наблюдение за каждым из них порой предполагало усилия даже не одного, а слаженные действия двух и более филеров. Наконец, малочисленность филерского отряда и сосредоточенность его основных сил (40 сотрудников) в одной лишь Риге свидетельствует о пробелах контрразведывательного наблюдения в других местностях Лифляндской губернии.

Однако, для того чтобы дать взвешенную оценку уровню кадрового ресурса КРО 12-й армии и, прежде всего, филерам или агентам наружного наблюдения, изучим данные таблицы «Сводка полученных в районе армий Северо-Западного фронта сведений о лицах, заподозренных в государственной измене и военном шпионстве с 1 января по 1 мая 1915 г.» (далее – Сводка). Согласно им, только в первые четыре месяца 1915 г. на участке фронта 12-й армии было задержано 44 человека, подозревавшихся в шпионаже [3, л. 41–45]. Из них: по указаниям агентов наружного наблюдения КРО – 34 (большая часть уроженцы Ломжинской губернии), при участии секретной агентуры КРО – 5 и воинскими чинами – 5 [3, л. 41–45].

Насколько заметным был вклад филеров в дело контрразведки? Отвечая на этот вопрос, обратим свой взор на аналогичную статистику, но по лицам, заподозренным в государственной измене и военном шпионаже, на примере других армий Северо-Западного фронта. Как явствует из таблицы, агенты наружного на-

блюдения КРО штабов 2-й и особенно 1-й, 5-й и 10-й армий продемонстрировали очень слабый результат. И на этом фоне профессиональный успех филеров 12-й армии, как может показаться на первый взгляд, выглядел весьма убедительно. Ведь многие подозреваемые лица (34 из 44-х) были выявлены именно в процессе слежки. Но при внимательном прочтении Сводки выяснилось, что польза от филеров в задержании реальных шпионов была несущественной. Так, из 34-х подозреваемых основания для взятия под арест и возбуждения дознаний по ст. 23 «Правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении» от 18 июня 1892 г. имелись только в отношении одиннадцати человек. А вот реальное судебное или же уголовно-процессуальное решение было принято лишь по Э. Эллянду (казнен военно-полевым судом), В. Розенбауму (привлечен к уголовной ответственности по признакам ст. 108 /военный шпионаж/ Уголовного уложения 1903 г.) и Х. Вишняк (дознание по ней было прекращено) [3, л. 42, 44]. Применительно же к другим 23-м арестантам дознание, как следует из Сводки, не проводилось.

Таким образом, подытоживая розыскные усилия агентов наружного наблюдения КРО штаба 12-й армии за январь–апрель 1915 г. можно утверждать, что они показали свою низкую квалифицированность. Из 34-х выявленных и задержанных за шпионаж лиц, в действительности военными преступниками оказались всего-то два человека (первый из них был повешен, второй привлечен к следствию). И хотя эта цифра превышала суммарный показатель по итогам контрразведывательной деятельности 1, 2, 5 и 10-й армий Северо-Западного фронта – только одного человека, подозреваемого в шпионаже, выслали по решению окружного суда «из района военных действий» – она была мала. Филеры не могли га-

Лица, задержанные по подозрению в военном шпионаже

Всего задержано	Источник сведений			Задержано на передовых позициях
	Филеры контрразведки	Секретная агентура контрразведки	Другие ²	
В расположении 1-й армии				
40	2	4	2	32
В расположении 2-й армии				
132	14	86	32	0
В расположении 5-й армии				
30	1	9	1	19
В расположении 10-й армии				
79	1	50	4	24
В расположении 12-й армии				
44	34	5	0	5

Сост. по: [3, л. 11–45].

рантировать безопасность 12-й армии, которой, как, впрочем, и другим названным высшим войсковым объединениям, угрожали 25 немецких и 5 австрийских разведшкол с приблизительным числом курсантов-выпускников 300–900 человек (в период с января 1915 по сентябрь 1916 гг.) [4, с. 29, 33]. Остается только догадываться, сколько вражеских агентов обхитрили филеров КРО и смогли все же проникнуть в расположение 12-й армии и ее тылы.

Помимо сказанного, и это читается на страницах Сводки, филеры контрразведки не сумели добыть и предоставить органам дознания и предварительного следствия убедительные, в том числе недостающие улики (вещественные доказательства) противоправной деятельности задержанных подозрительных лиц. Хотя, как отмечено в том же первоисточнике (столбец «Краткое содержание полученных о данном лице сведений»), своими действиями они, безусловно, нарушали уголовно-правовые нормы: «прибыл из мест расположения неприятельских войск», «уличен в сигнализации неприятелю», «путем расспроса нижних чинов добывал сведения о русской армии и передавал их неприятелю» и др.

Поэтому главная причина незавершенности или «половинчатости» (в ходе расследований лишь единицы из задержанных были признаны преступниками, вина же большинства не была доказана) в работе наблюдательного отряда КРО штаба 12-й армии видится в отсутствии у них специальных теоретических познаний, выражаясь современным языком – в области оперативно-розыскной деятельности. Пытаясь противостоять германским агентам, проходившим курс обучения в разведшколах, филеры овладевали азами контрразведывательного мастерства, как мы полагаем, лишь путем проб и ошибок. И в то же время на этом поприще они проявляли высокую работоспособность, хладнокровие, а порой и жертвенность. Филерами, как точно заметили Ч. А. Рууд и С. А. Степанов, «были люди, твердо и мужественно выполняющие свой долг, всецело преданные императору» [5, с. 93].

И тем не менее, справедливости ради отметим, что, наряду с выделенными недостатками, в будничной работе филеров КРО штаба 12-й армии была и сильная сторона. Агенты использовали не только стандартную тактику розыска, заимствованную еще в мирное время у политической полиции (выполнение конкретных заданий или «нарядов»), но и инициативно выявляли потенциальных преступников в местах их наиболее вероятного появления. В этой связи поисковые мероприятия филеров в районах дислокации передовых русских частей и населенных пунктов прифронтовой полосы давали быстрый результат – задержание подозрительных лиц (гражданских или в форме военнослужащих русской армии), а также отдельных городских и сельских жителей, содействовавших

врагу. Так было в первом полугодии 1915 г. в пограничной с Германией Ломжинской губернии Варшавского генерал-губернаторства. Уместным будет и пример задержания контрразведкой штаба 12-й армии совместно с жандармами в ноябре 1915 г. на станции Шлок (Рижско-Орловская железная дорога) крестьян Ф. Я. и Ф. П. Пуценов, «явившихся наблюдать за пребывающими частями войск» [6, л. 86].

Данный документальный факт вряд ли бы привлек наше внимание, если б ни одно редкое обстоятельство. В методике изобличения ложных показаний задержанных был использован прием внутрикамерной разработки или «подсаживания», как он назывался в инструкции по работе с внутренней агентурой [7, с. 3–16]. «Во время содержания под стражей, Пуцены рассказали арестанту Газенгегеру... (курсив наш. – В. З.), что германские военные власти дважды посылали их под вымышленными именами в расположение русских войск, снабжая каждый раз деньгами» [6, л. 87]. Полученные оперативным путем признания и иные доказательства по результатам личного досмотра и опроса легли в основу расследования и последующего обвинительного приговора по закону военного времени. Фриц Павлов Пуцен был осужден на каторжные работы, а Фриц Янов Пуцен выслан в Иркутскую губернию под надзор полиции [6, л. 87].

В мае 1916 г. 10 человек от общего состава КРО 12-й армии были откомандированы в штабы 37-го и 43-го армейских корпусов (старшие агенты, помощник пружанского уездного исправника коллежский секретарь Кречунеско, бывший полицейский надзиратель московской сыскальной полиции В. И. Безгубов и младшие агенты) [1, л. 230]. И, несмотря на то, что главный участок «незримого фронта», которым являлась Рига, практически оголялся, приказ «сделать контрразведку более интенсивной и приблизить ее к боевой линии» был выполнен [1, л. 219]. Столь решительная мера объяснялась тем, что борьбой с германской агентурой в зоне ответственности названных армейских корпусов, по сути, никто не занимался – в штатном расписании полковых и дивизионных штабов должности контрразведчиков не предусматривались.

Прочным, а временами единственным барьером на пути забрасываемых немецких агентов были бдительные военнослужащие передовых частей русской армии, о чем убедительно говорит статистика – на участках 1, 5 и 10-й армии были задержаны десятки человек (см. таблицу). С началом фазы «окопного противостояния» не стали исключением и нижние чины 12-й армии. К примеру, ее сторожевыми охранениями и дозорными постами были арестованы жители оккупированной Курляндской губернии: черноработчий Мартин Гальвин (сентябрь 1915 г.) [8, л. 2], сторож либавского ремесленного училища Яков Петерсон (октябрь 1915 г.) [8, л. 140], Крист

Тилишкис (январь 1916 г.) [8, л. 267], ученик Либавского реального училища Альфред Шмеддинг (февраль 1916 г.) [8, л. 330–331, 351] и др. Кроме названных агентов, признавших себя виновными в измене Родине, судя по встретившимся нам документам под названием «Сведение на лицо, заподозренное в военном шпионстве», с января по сентябрь 1916 г. военнослужащими были задержаны еще шесть человек [8, л. 394; 5, л. 3, 91, 100, 173, 255]. Всех их объединяло отсутствие четких оснований для привлечения к уголовной ответственности: «расспрашивал нижних чинов о передвижении войск», «находился на передовых позициях, куда явился под предлогом продажи газет», «задержан в трехверстной полосе без установочного пропуска, шатающимся без определенных занятий» и т. д. Но так как арестанты не внушали уверенности в своей политической надежности, на основании ст. 23 «Правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении» от 18 июня 1892 г. их высылали за пределы театра военных действий.

Последним и самым результативным инструментом борьбы с военным шпионажем у контрразведчиков армий Северо-Западного фронта, как видно из Сводки, считалась секретная агентура. И это не удивительно, так как в военном и политическом сыске она была «единственным, вполне надежным средством, обеспечивающим осведомленность розыскного органа» [7, с. 2]. Но, по сравнению с аналогичными показателями по выявленным шпионам в 5-й, и уж тем более, 10-й и 2-й армиях, достижения секретных сотрудников КРО штаба 12-й армии были одними из самых слабых (см. таблицу). Подчеркнем, что из пяти выявленных/задержанных лиц, дознания были проведены в отношении четырех (дальнейшая участь этих людей неизвестна). И только один из них ввиду наличия неоспоримых доказательств и благодаря профессионализму дознавателя оказался фигурантом уголовного дела.

Полагаем, что состав секретных сотрудников контрразведки 12-й армии по состоянию на 1 мая 1915 г. был малочисленным, неорганизованным и бесперспективным, так как возглавлявший их руководитель-агентурист – один из перечисленных в начале статьи полицейских – не обладал ни контрразведывательными знаниями, ни соответствующим организаторским опытом их реализации в условиях военного времени. Сам же начальник названного КРО подполковник Б. В. Фок, как жандармский офицер, имевший ясное представление о специфике работы с агентурой, не смог бы уделять возникшей проблеме пристальное внимание по причине своей высокой занятости. И последнее, нужно сказать о том, что спустя два года – летом 1917 г., положение дел в столь важном и деликатном вопросе,

как постановка секретных сотрудников, в лучшую сторону не поменялось. Новый заведующий агентурой разведотделения (КРО было его составной частью) штаба 12-й армии Отдельного корпуса жандармов ротмистр Троицкий называл доставшуюся ему от предшественника агентуру «...совершенно непригодной для такого пункта, как Рига, этого плацдарма германского шпионажа в России» [9, л. 1].

Таким образом, процесс организации борьбы со шпионской угрозой в районе 12-й армии имел недостаточно прочные основания. Ввиду ограниченности кадровых возможностей – малочисленности пригодных к филерской службе специалистов, мизерного и неэффективного состава секретных сотрудников (допускаем, что многих из обеих категорий мобилизовали на фронт), а также отсутствия образованных и опытных руководителей-агентуристов – КРО не сумело добиться сколько-нибудь квалифицированных и убедительных успехов, особенно в 1915 г. Помимо отмеченных причин, косвенным объяснением тому могли служить количественный уровень подготовки агентов во вражеских разведшколах (неисчерпаемым кадровым резервом становились дезертиры русской армии и часть ее военнопленных, завербованных противником), а также отсутствующие либо неглубокие агентурные позиции в них у русской контрразведки.

Наконец, нельзя недооценивать и возможную корреляцию между низкой результативностью деятельности контрразведки и недооценкой ее места и роли командованием 12-й армии ввиду активизации военных действий на Юго-Западном фронте. С началом Горлицкого прорыва (2 мая – 22 июня 1915 г.) и тяжелейшего отступления русских войск проблемы контрразведывательного обеспечения армии могли отодвинуться на второй план. Очевидным также выглядит тот факт, что большинство реальных шпионов, действовавших в расположении 12-й армии, задерживались случайно и не сотрудниками ее КРО, а сторожевыми постами военнослужащих, многие из которых со временем утрачивали свой боевой дух, теряя верность Присяге, Царю и Отечеству.

К лету 1917 г. процесс революционизирования передовых частей русских войск на театре военных действий, а по сути их морально-политического разложения и утраты боеспособности, приобрел катастрофический характер. Под удар была поставлена и безопасность 12-й армии. По сведениям разведчиков штаба армий Северного фронта от 9 августа 1917 г. № 6514-р, немцы «ежедневно приходят в русские окопы, зная, что против их участка находятся латыши /8 латышского полка/. С ними у них весьма успешно происходит “меновая торговля” и “почтовые операции”. За водку, папиросы и газеты латыши снабжают немцев в значительном количестве хлебом и сахаром, приносят с собой часто

письма для отправления своим родным в Курляндию» [10, л. 131]. Данное документальное свидетельство, бесспорно, бросает тень на ратные заслуги 8-го Веймарского стрелкового полка, нижние чины которого проявляли изменнические настроения – нежелание воевать и братание с неприятелем. Однако, памятуя о полиэтническом составе латышских полков (латыши, эстонцы, литовцы, русские и представители других национальностей [11, с. 120]), думаем, что в этих процессах были заняты все военнослужащие названной войсковой части.

В подобной «дружеской» обстановке вражеские агенты без особого труда и опаски за свою жизнь участвовали в дезорганизации переднего рубежа русской обороны и решали шпионские задачи в ее ближайшем и глубоком тылу. Судя по разведывательным донесениям, аккумулированным в Главном управлении Генерального штаба Российской империи по состоянию на 25 сентября 1917 г., германским агентам предлагалось «распространять среди населения и армии мысль о заключении сепаратного мира без аннексий и контрибуций посредством печати и денег, а также поощрять забастовки, мятежи, революцию...» [12, л. 70].

Контрразведка, как единственный специально уполномоченный военный орган противодействия шпионажу, окончательно утрачивала свои и без того маломощные ресурсы. Ощущалась острая нехватка филерских кадров, а некоторые секретные сотрудники, подвергнутые преследованию, покидали службу. Контрразведка теряла поддержку в народе. Борьба со шпионажем практически остановилась.

Революционные события лета – осени 1917 г. в Российской империи, повлекшие окончательный крах органов государственной власти, ослабление и выведение из строя армии и флота, также предопределили и судьбу специальных служб. Для политических институтов советской власти царская контрразведка оставалась источником экзистенциальной угрозы, так как была олицетворением и орудием безопасности старого режима, ввиду чего исполнительный комитет солдатских депутатов арестовал весь личный состав КРО штаба 12-й армии [10, л. 232, 234].

Как сложилась дальнейшая судьба контрразведчиков, нам неизвестно, но очевидным и без-

условным представляется лишь одно – многие из них, несмотря на объективные и субъективные трудности военного времени, честно и самоотверженно выполняли свой профессиональный и офицерский долг.

Примечания

¹ С увеличением масштаба и напряженности военных действий, а также появлением новых стратегических направлений в начале августа 1915 г. Северо-Западный фронт (1, 2, 5, 10, 12-я и др. армии) был разделен на две части – Северный фронт (5-я, 12-я и др. армии) и Западный фронт (1, 2, 10-я и др. армии).

² Анонимные письма, сведения полицейских и жандармских чинов, записки губернатора и начальников жандармских управлений, показания допрашиваемых по делам о шпионаже лиц и др.

Список литературы

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2031 (Штаб Главнокомандующего армиями Северного фронта). Оп. 4. Д. 564.
2. Жилинский В. Б. Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти. М.: Типография Товарищества Рябушинских, 1918. 63 с.
3. РГВИА. Ф. 2019 (Штаб Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта). Оп. 1. Д. 812.
4. Зверев В. О. «В районе Несвижа употребить бомбы на Высочайшем смотре...». Разведшколы армий Тройственного союза на оккупированных территориях Европейской России (1915–1916 гг.) // Военно-исторический журнал. 2022. № 2. С. 28–33.
5. Рууд Ч. А., Степанов С. А. Фонтанка, 16: политический сыск при царях. М.: Мысль, 1993. 432 с.
6. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 862.
7. Тайны политического сыска. Инструкция о работе с секретными сотрудниками / сост. З. И. Перегудова. СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1992. 16 с.
8. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 491.
9. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 806.
10. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 1397.
11. Копылов Н. А. Латышские стрелки в Первой мировой войне 1914–1918 гг.: формирование и социально-этнический состав // Великая война: Сто лет / под ред. М. Ю. Мягкова, К. А. Пахалюка, 2014. С. 109–121.
12. РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 1349.

Поступила в редакцию 01.06.2024; одобрена после рецензирования 16.09.2024; принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 01.06.2024; approved after reviewing 16.09.2024; accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 18–23
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 18–23
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-18-23>, EDN: EXWAJN

Научная статья
УДК [311:355](470+571)|18|+929Милютин

Российские военно-статистические учреждения второй четверти XIX века: результаты их практической деятельности

К. В. Белов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Белов Кирилл Вадимович, соискатель кафедры истории России и археологии, belovkv70@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8859-6350>, AuthorID: 1021001

Аннотация. Статья посвящена образованию и деятельности военно-статистических учреждений в Российской империи первой половины XIX столетия. Перед правящими кругами встала задача создания серьёзной и постоянной организации административной и военной статистики для наилучшего управления российскими вооружёнными силами, являющимися опорой самодержавного режима. Кроме этого, нужно было собрать комплексно военно-статистические сведения о потенциале страны и о военных системах ведущих государств. Необходимо было создать соответствующие военно-статистические органы, которые бы вели учёт и составляли отчётный аналитический материал, как для военного министерства, так и лично главе государства – императору. Данный процесс шел активно во второй четверти XIX в., в царствование Николая I, вплоть до окончания Крымской войны 1853–1856 гг. Особую роль в военно-статистическом изучении Российской империи сыграл будущий министр-реформатор вооружённых сил Д. А. Милютин.

Ключевые слова: военно-статистические учреждения, специальный статистический комитет, Военно-статистический отдел, программа военно-статистического исследования, «Военно-статистическое обозрение Российской империи», Д. А. Милютин, учёт и отчётность вооружённых сил империи, военно-статистические сведения

Для цитирования: Белов К. В. Российские военно-статистические учреждения второй четверти XIX века: результаты их практической деятельности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 18–23. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-18-23>, EDN: EXWAJN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Russian military statistical institutions of the second quarter of the XIX century: The results of their practical activities

K. V. Belov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Kirill V. Belov, belovkv70@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8859-6350>, AuthorID: 1021001

Abstract. The article is devoted to the formation and activity of military statistical institutions in the Russian Empire in the first half of the XIX century. The ruling circles faced the task of establishing a serious and permanent organization of administrative and military statistics for the best management of the Russian armed forces, which were the backbone of the autocratic regime. In addition, it was necessary to collect comprehensive military statistical data on the country's capabilities and on the military systems of leading nations. Respective military statistical bodies had to be established to keep records and compile analytical reporting material, both for the Ministry of War and personally to the head of state, the emperor. This process was underway in the second quarter of the 19th century, during the reign of Nicholas I, until the end of the Crimean War of 1853–1856. A special role in the military statistical study of the Russian Empire was played by the future minister-reformer of the armed forces D. A. Milyutin.

Keywords: military statistical institutions, special Statistical Committee, Military Statistical Department, military statistical research program, "Military Statistical Review of the Russian Empire", D. A. Milyutin, accounting and reporting of the armed forces of the Empire, military statistical information

For citation: Belov K. V. Russian military statistical institutions of the second quarter of the XIX century: The results of their practical activities. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 18–23 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-18-23>, EDN: EXWAJN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

После победы над наполеоновской Францией Российская империя ещё больше укрепила свои политические, экономические отношения с ведущими державами Западной Европы и установилась так называемая система «Священного союза». Медленно (крепостное состояние давало о себе знать), но всё же шло развитие всех сфер жизни общества, его материальной стороны. Самодержавные правящие круги в царствования Александра I и Николая I понимали, что дальнейшего развития производства и торговли, как внутренней, так и внешней, укрепления обороноспособности государства и его величия невозможно без серьёзного учёта и отчётности, без статистических данных, которые могли предоставить соответствующие постоянные учреждения. Поначалу сбор таких данных реализовывался без системности и удовлетворял только узкопрофильные потребности казённых учреждений и всевозможных ведомств. Впоследствии собранный статистический материал забывался до новых потребностей, связанных с решениями последующих проблем. Поэтому основной целью стало стремление создать серьёзную и постоянную организацию административной статистики, которая объединила бы деятельность различных учреждений под единым руководством. И такой орган был создан под названием «Статистическое отделение», который начал свою работу уже после окончания Отечественной войны 1812 г. Одним из учредителей этого гражданского статистического органа был известный в то время учёный-статистик, профессор К. Ф. Герман, с 1835 г. являвшийся действительным членом Петербургской Академии наук [1, с. 151]. Данное отделение под его руководством вначале работало при Министерстве полиции (1810–1819 гг.), возглавляемом одним из фаворитов императора Александра I, которому самодержец особо доверял, генерал-адъютантом А. Д. Балашовым (1810–1812 гг., октябрь – ноябрь 1819 г.) [2, с. 119, 532]. Согласно указу императора Николая I, утвердившего с 1834 г. мнение Государственного совета, Статистическое отделение стало работать при министерстве внутренних дел [3, с. 18]. На местах, в губернских центрах империи с 1837 г. стали действовать Статистические комитеты, в уездных городах – специальные статистические бюро [4, с. 38]. Таким образом, организация общей гражданской статистики в первой половине XIX в. была завершена, и она явилась встроенной в государственную систему управления Российской империи.

В военной сфере для наилучшего управления вооружёнными силами империи (армией и флотом, ополчением, иррегулярными войсками, крепостями, военными портами, коммуникациями и т. д.) и их дальнейшего развития как в мирное, так и в военное время, также необходимо было иметь соответствующие

статистические учреждения. На это влияли многие факторы: рост населения, его положение и обустроенность в социально-экономической, политической, культурно-религиозной сферах, географическое положение страны, состояние промышленности и коммуникаций, внешнеполитические отношения между государствами и т. д. С дальнейшим ростом вооружённых сил в основном делался упор на укрепление сухопутной армии – возникла насущная потребность систематического изучения и обобщения собранного материала о военных потенциалах как у себя, так и у ведущих европейских держав. В помощь для решения данного вопроса профессором кафедры военной статистики Д. А. Милютиним будет подготовлен курс лекций по военной статистике – «Общий сравнительный взгляд на военные системы Англии, Швеции, Пруссии, Австрии и Франции» [5, л. 1–49].

Собираемый материал для учёта и отчётности в практической деятельности войск имел большое значение. Именно учёт и отчётность являлись основанием всех распоряжений по управлению вооружёнными силами империи. Без данной отчётности невозможно было бы верно комплектовать войска, обеспечивать их всем необходимым (продовольствием, фуражом, боеприпасами и оружием и т. д.). Но, несмотря на то, что вопрос о необходимости учёта и отчётности стоял остро, надлежащего порядка пока не было. Контроль над финансовыми, материальными средствами и учёт людей для пополнения воинских контингентов вёлся слабо, и это вело к ещё большему росту злоупотреблений, в частности, со стороны командиров полков. Чтобы привести в порядок учёт войск в департаменте Генерального штаба Военного министерства, сформированного 1 мая 1832 г., в 1833 г. учредили специальный статистический комитет, где были разработаны соответствующие положения с надлежащими формами отчётности, высылаемые в войска и гарнизоны [6, с. 225–240]. Таким образом определялся порядок их составления и сроки отправки в высшие инстанции, в военное министерство и самому императору. Впоследствии соответствующее ведомство смогло отслеживать численность личного состава, производить учёт по штатам мирного и военного времени.

Для удобства и единства управления этим громоздким ведомством Главный штаб ввели обратно в состав Военного министерства согласно «Учреждению военного министерства» от 29 марта 1836 г. [7, с. 57]. Тем самым было ликвидировано деление ведомства на строевую и хозяйственную части. В результате военный министр стал основным докладчиком царю, а начальник Главного штаба был подчинён министру. Военным министром назначили генерала от кавалерии князя (с 1849 г. он – светлейший князь), А. И. Чернышева (1832–1852 гг.), который сумел

провести немалую работу по перевооружению армии империи. С 1842 г. вместо кремневых ружей ввели ружья с ударным затвором, приступили к внедрению стрелкового нарезного оружия – карабинов, совершенствовались калибры и конструкции артиллерийских орудий с последующей их модернизацией, начали вводить горную артиллерию [8].

Перегрузка такими работами, которые были связаны с ежедневной деятельностью войск, затрудняла внимание учётных органов из-за небольшого штата сотрудников (при штабах полков, дивизий, корпусов и т. д.) по сбору количественного материала и их научной обработке. Ещё с основания 8 сентября 1802 г. министерства (оно называлось военно-сухопутным) до 1832 г. существовало статистическое отделение, в обязанности которого входили сбор и обработка материала по личному составу войск и подготовке общих ведомостей для доклада военному ведомству, в канцелярию военного министра [7, с. 47]. Параллельно учёт состава войск производился в одном из пяти отделений Инспекторского департамента военного министерства [7, с. 58]. С 1832 г. статистическим учётом занималось также одно из шести отделений Канцелярии военного министерства [7, с. 87].

После реформирования в 1836 г. центрального управления военно-статистическая деятельность расширилась. Помимо учёта, отчётности и контроля над вооружёнными силами империи, необходимо было собрать и систематизировать военно-статистический материал для описания и изучения всей страны. Этим непосредственно занимался департамент Генерального штаба [9, л. 1]. Впоследствии при нём учредили Военно-статистический отдел, в обязанности которого входили сбор военно-статистических сведений, составление и исправление статистических описаний губерний и отдельных регионов Российской империи [7, с. 92]. Первоначальная программа военно-статистического исследования империи в 1847 г. была дополнена на основании труда по теории военной статистики – «Первые опыты военной статистики», разработанного профессором кафедры военной географии и военной статистики Императорской Военной академии, будущим министром-реформатором, полковником Д. А. Милютиным [10, с. 55–69]. Офицеры Генерального штаба, имея такую программу описания губерний и областей, отправлялись в командировки, где проводили съемки, рекогносцировки и военные обозрения, предполагавшие собирание военно-статистических сведений. В течение 17 лет, с 1837 по 1854 гг. были подготовлены и трижды изданы описания 69 губерний и областей. По инициативе Д. А. Милютина вышло четвёртое издание исследования, называвшееся «Военно-статистическое обозрение Российской империи» [11, с. 225–241]. Данный труд, состоявший из 17 томов

и созданный описательным методом сбора данных, хотя и грешил недостаточностью цифровых показателей, но всё же имел немаловажное значение и для гражданских административных учреждений. «Обозрение» содержало уникальные материалы об истории и развитии регионов, о жителях, их быте и культурно-религиозных традициях, народном хозяйстве, т. е. сведения, которые не имела тогда отечественная статистическая наука [12, с. 194].

Занимаясь учётом многонационального народа империи при помощи гражданских и военно-статистических учреждений, правящие круги хорошо понимали значение численности податного сословия, ибо данная часть российского общества поставляла, согласно «ревизиям» со времён Петра I, рекрутов, и это же сословие являлось основным «налогоплательщиком». При помощи расчётов необходимо было спрогнозировать его численность на несколько лет. Статистическими органами было установлено, что численность населения страны в начале XIX в. составляла около 38 млн человек, из них к податному сословию относилось только 16 млн. К 1851 г. население составляло уже почти 69 млн человек, из которых более 23,5 млн – податная часть (лица мужского пола). За первую половину века побывало в рекрутах около 6,9 млн человек. Приведенные данные свидетельствуют об увеличении населения империи в 1,8 раз за 50 лет, что дало возможность военному министерству и правительству корректировать численность вооружённых сил, особенно в военное время [13, с. 113]. С восшествием на престол нового самодержца Николая I Павловича сведения об общей численности сухопутных вооружённых сил поступали в военное министерство и обобщались уже систематически. Командованию русской императорской армии аналитические выкладки присылаемых сведений о численности народонаселения и войск позволяли регулировать численность рекрутских наборов, а также точнее распределять боеспособные части по основным оперативным и стратегическим направлениям.

Помимо численности населения и сухопутной армии, правительство и военное министерство брали в расчёт сведения о той нагрузке, какую испытывали представители податного сословия при отбывании ими рекрутчины. Необходимо отметить, что наиболее прозорливые представители правящей элиты во главе с императором Николаем I догадывались (система «Священного союза» дала глубокую трещину из-за противоречий между ведущими европейскими державами, вследствие которых он в начале 30-х гг. XIX в. распался), что для формирования армии большой численности и оснащённости, как оплота самодержавия, нужен значительный уровень развития отечественного промышленного производства, а с этим, при господстве тогда крепостнических отношений, были большие проблемы.

Военно-статистические органы получали сведения о рекрутских наборах от губернских приёмных комиссий, данные сведения систематизировались и обобщались. Податные сословия, поставлявшие рекрутов, к середине XIX столетия испытывали значительное напряжение, порой, количество отданных в солдаты в процентном отношении составляло 5%, что значительно увеличивало расходы из казны. Собранный статистический материал имел важное практическое значение, поскольку позволил значительно увеличить рекрутский набор. К концу первой половины XIX в. рекрутские наборы выросли по сравнению с началом столетия в три раза [14, с. 170].

Помимо рекрутов, другим источником пополнения вооружённых сил являлись дети «низших чинов», так называемые военные кантонисты. К концу первой половины столетия, согласно учёту такого контингента, поступило на службу 231,5 тыс. человек [15, с. 172–173]. Такое количество принятых на военную службу несколько облегчало положение податных сословий при выполнении тяжёлой рекрутской повинности. Молодые люди, имевшие соответствующую подготовку, начинали солдатскую службу, но могли также определяться и в унтер-офицерский состав, и на другие должности (кондукторы на флоте, писари, техники, мастеровые, ветеринары и т. д.). Можно сказать, что такой контингент в вооружённых силах империи являлся верной опорой самодержавию.

Военно-статистические учреждения, оперируя собранным материалом, начали создавать основу для проведения всевозможных расчётов реализации мобилизационной и боевой готовности вооружённых сил империи. Понимание и знание численности войск помогло верховному командованию удобнее их распределять по оперативно-стратегическим направлениям, как в мирный период, так и во время проведения боевых действий. Таким образом, задачи сбора о численном составе войск и их научной обработки составили основу работы военно-статистических учреждений.

Необходимо отметить, что темп роста численности армии к середине XIX в. (в 2,5 раза) опережал темп роста населения империи (в 1,8 раз), что говорило о стремлении самодержавия, за неимением обученных резервов, путём увеличения количества рекрутских наборов иметь постоянную массовую армию, особенно в годы походов и войн. Всё это чрезвычайно увеличивало мобилизационное, социально-экономическое напряжение государства и общества.

Военно-статистические учреждения занимались сбором данных не только о численности всей сухопутной армии, но и каждого рода войск в связи с усложнением их комплектования и снабжения. В начале XIX столетия на первом месте стояла пехота – 77,8%, потом кавалерия –

12,4%, далее артиллерия – 8,7% и инженерные войска – 1,1% [16, с. 341–342]. Подобное соотношение родов войск не изменилось и в середине века: пехота – 78,7%, кавалерия – 10,6%, артиллерия – 8,9% и инженерные войска – 1,8% соответственно [17, с. 46]. Не сильно повлиял на это и неудачный ход Крымской войны: пехота – 81,2%, кавалерия – 7,2%, артиллерия – 9,2% и инженерные войска – 1,7%. [17, с. 53]. Статистическое отслеживание численных данных по родам войск давало возможность определять практические шаги по дальнейшему развитию каждого из них с учетом новых тенденций в военном деле.

Параллельно военная статистика занималась и иррегулярными войсками – казачеством и подразделениями, укомплектованными представителями некоторых народов Поволжья, Кавказа и Урала, имевших отличие от кадровой армии в способе комплектования, содержании и использовании. Несмотря на сложность учета этого рода войск, военно-статистические учреждения имели довольно точные данные об иррегулярных формированиях. С 1826 по 1855 гг. их численность с 180 481 человек и 71 388 лошадей увеличилась до 283 820 человек и 239 556 лошадей соответственно. Офицерский же состав увеличился более чем в 2 раза [17, с. 53]. Анализ собранного материала смог дать немаловажные выводы по использованию этого рода войск в защите границ империи и места его в системе русской армии дореформенного периода. Это было особенно важно в связи с ведением многолетней Кавказской войны.

Важно было также иметь статистику финансирования вооружённых сил Российской империи, поскольку по факту значительная доля государственного бюджета шла на удовлетворение нужд обороны страны. В начале XIX в. общий расход государственного бюджета составлял примерно 127,8 млн рублей, из этой суммы на армию империи выделялось свыше 45 млн рублей (35,4%), в 1849 г. военные расходы составили уже более 212 млн рублей [18, с. 12], что очень сильно опустошало государственную казну.

Собранный статистический материал, таким образом, свидетельствовал, что параллельно с увеличением общего количества рекрутов за данный период увеличились тяготы податного сословия – наборы, постой, уплата всевозможных налогов и т. д. Это всё ставило важнейшие для государственной системы вопросы о самих принципах комплектования русской армии на твёрдую и фундаментальную основу.

Только после окончания Крымской войны в военное ведомство стали поступать аналитические отчёты о санитарном положении русской императорской армии. По собранным статистическим данным, немалое число выбраковывания рекрутов происходило по причине физических их недостатков и хронических болезней. Всё

это указывало на недостаточное медицинское обслуживание, особенно крепостной части населения империи. С 1840 по 1850 гг. из числа поступивших (свыше 2 млн человек) 33,5% (это примерно около 681 тыс. рекрутов) оказалось непригодными для несения службы – из-за несоответствия по росту, возрасту, хронических болезней и т. д. [19, с. 208]. Однако правящие круги империи не предпринимали практически никаких мер, чтобы устранить данные проблемы. Высокой являлась смертность среди «низших чинов», солдат, от плохих бытовых условий ведения службы, обращения и требовала всё больше пополнений за счёт рекрутов. Значительное число смертных случаев приходилось на весенний период [18, с. 20.]. К середине XIX в. военно-статистические учреждения более тщательно проверяли и анализировали медицинские сведения, выпускали к опубликованию отчёты о военно-санитарном положении русской армии [20, л. 3]. Военное министерство располагало нелицеприятной информацией, согласно которой смертность в войсках от всевозможных заболеваний и различных бытовых случаев намного превышала боевые потери. Во время проводимых походов и войн с 1826 г. до конца 1850-х гг. Российская империя потеряла из-за плохого санитарного обслуживания, бытовых, несчастных случаев и болезней более 1 млн человек личного состава [21, с. 271–295].

Помимо военно-статистических исследований, в сухопутных войсках в первой половине XIX в. также относительно успешно вёлся учёт и на флоте Российской империи. За данный период ввели в строй 139 линейных кораблей, 100 фрегатов и других кораблей ниже рангом. В целом на верфях для Балтийского, Черноморского флотов, для защиты побережья Белого и Каспийского морей, для охраны Дальневосточных рубежей было построено свыше 400 боевых единиц [22, с. 221–226]. Особенно в хорошем состоянии находился, по собранным и изученным статистическим данным за такой период, Черноморский флот, которым с 1816 по 1833 гг. командовал адмирал А. С. Грейг [2, с. 178]. В правление Николая I прославленного адмирала назначат членом Государственного совета, а начальника Штаба М. П. Лазарева переведут на его место [23, с. 358]. Впоследствии период развития в истории Черноморского флота назовут «лазаревским». В целом же военная статистика фиксировала, что значительная часть боевых кораблей российской флота из-за ненадлежащего ремонта и обеспечения на должном уровне приходила в негодность, средств на постройку отпускалось недостаточно; во время зимней стоянки предметы вооружения и всевозможные судовые принадлежности оставались на кораблях и портились. Крытых эллингов с необходимым оборудованием также было недостаточно. Особенно такое состояние имело место быть при

начальнике Главного морского штаба светлейшем князе А. С. Меншикове. Преданный лично самодержцу, поднаторевший на придворных интригах, маститый царедворец быстро усвоил, что от него требуется, поддерживая только численность флота и давая указания строить по три корабля в год, не заботясь о качестве [24, с. 73]. Паровых кораблей было очень мало, на Балтийском и Черноморском флотах (16 пароходов и пароходно-фрегатов) – в «гомеопатическом» количестве – по сравнению с флотами ведущих в то время держав в лице Великобритании и Франции [25, с. 112–114]. Флот империи, когда-то гремевший своими славными победами в екатерининские времена, редко выходил в море, ограничиваясь высочайшими смотрами с имитацией боевых учений.

Необходимо отметить, что учреждение военно-статистических органов при Военном министерстве и помощь теоретическими трудами со стороны сотрудников кафедры военной статистики Николаевской академии Генерального штаба, особенно Д. А. Милютин, и практической деятельностью силами офицеров Генерального штаба позволили верховному командованию развернуть серьёзные мероприятия, а также поставить учёт и отчётность в вооружённых силах империи на официальную, фундаментальную основу.

Список литературы

1. Янсон Ю. Э. Теория статистики. Изд. 4-е. СПб. : Типо-литография А. Е. Ландау, 1907. 615 с.
2. История Отечества с древнейших времён до наших дней. Энциклопедический словарь / гл. ред. А. П. Горкин. М. : Большая Российская энциклопедия, 1999. 656 с.
3. История российской государственной статистики: 1801–2011 / гл. ред. А. Л. Кевеш. М. : ИИЦ «Статистика России», 2013. 143 с.
4. Богуславский Н. Д. Военно-статистическое обозрение Российской Империи и основы военной статистики. Курс старшего класса Николаевской Академии Генерального Штаба : курс лекций. СПб. : Типо-Литография И. Трофимова, 1906. 214 с.
5. Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 169. Милютин. Карт. 17. Ед. хр. 17.
6. Высочайше утверждённый проект образования Военного Министерства. 1.05.1832 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи. 2-е собрание. 1825–1881 гг. : в 55 т. Т. 7. СПб. : Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1832. № 5318. 1044 с.
7. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 : в 4 т. / отв. сост. Д. И. Раскин. СПб. : Наука, 2004. Т. 4. 314 с.
8. Военный министр А. И. Чернышев / Министерство обороны РФ. URL: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history_department/more.htm?id=11342950@S_D_Employee (дата обращения: 07.02.2024).

9. Российский Государственный Военно-исторический Архив. Ф. 38 Департамент Генерального Штаба. Оп. 3. Ед. хр. 521. Д. 15.
10. Милютин Д. А. Первые опыты военной статистики : в 2 кн. СПб. : Тип. военно-учебных заведений, 1847. Кн. 1. 248 с.
11. Баранович М. С. Главные основания военной статистики и военно-статистические труды Генерального штаба // Военный сборник. 1861. № 1. С. 225–253.
12. Русская военная мысль: конец XIX – начало XX в. / под ред. чл.-корр. АН СССР П. А. Жилина. М. : Наука, 1982. 251 с.
13. Золотарёв А. М. Записки военной статистики России : в 2 т. Изд. 2-е. СПб. : Тип. С. Н. Худекова, 1894. Т. 1. 135 с.
14. Чернышов А. И. Историческое обозрение военно-супутного управления. 1825–1850 гг. СПб. : Воен. типография, 1850. 193 с.
15. Столетие военного министерства. 1802–1902 : в 50 т. Т. 4, ч. 3, кн. 1 / гл. ред. Д. А. Скалон. СПб. : Тип. Поставщиков двора Е. И. В. т-ва М. О. Вольф, 1902. 312 с.
16. Конспекты исторических очерков Столетия военного министерства. 1802–1902. Приложение / гл. ред. Д. А. Скалон. СПб. : Тип. Поставщиков двора Е. И. В. т-ва М. О. Вольф, 1906. 1170 с.
17. Военно-статистический сборник. «Россия» : в 4 вып. / под общ. ред. Н. Н. Обручева. СПб. : Воен. типография, 1871. Вып. 4. 922 с.
18. Корнилов В. А. Рекрутская повинность и внутреннее состояние русской армии в первой половине XIX века // Вестник МПГУ, сер. «Исторические науки». 2008. № 1. С. 8–24.
19. Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. 4, ч. 2, кн. 1. / гл. ред. Д. А. Скалон. СПб. : Тип. Поставщиков двора Е. И. В. т-ва М. О. Вольф, 1902. 291 с.
20. Российский Государственный Военно-исторический Архив. Ф. 545 Военно-медицинский учёный комитет. Оп. 5. Ед. хр. 25. Д. 37.
21. Урлианис Б. Ц. История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооружённых сил Европейских стран в войнах XVII–XX вв. (Историко-статистическое исследование). СПб. : Полигон, 1999. 561 с.
22. Шершов А. П. История военного кораблестроения. С древнейших времён до наших дней. СПб. : Полигон, 1994. 361 с.
23. История Российского флота / отв. сост. С. В. Потрашков. М. : Эксмо, 2006. 672 с.
24. Белов К. В. Развитие системы управления Российским флотом I-й половины XIX века // Новый мир: история глазами молодых : сборник научных трудов / под ред. Л. Н. Черновой. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2009. Вып. 8, ч. 1. С. 61–79.
25. Военно-исторический морской атлас : в 3 т. / отв. ред. адм. Г. И. Левченко. М. : Изд-во Гл. Штаба ВМФ СССР, 1958. Т. 3, ч. 1. 178 с.

Поступила в редакцию 22.05.2024; одобрена после рецензирования 02.06.2024;
принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 22.05.2024; approved after reviewing 02.06.2024;
accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 24–30

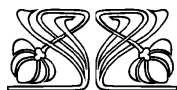
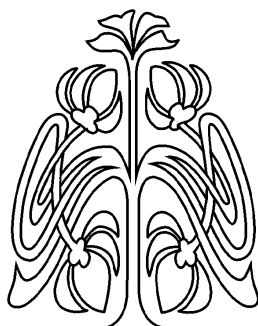
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 24–30

<https://imo.sgu.ru>

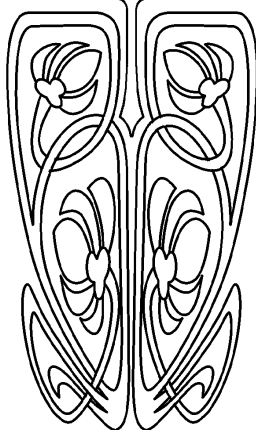
<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-24-30>, EDN: HBEAMO

Научная статья

УДК 94(37)+929 Цицерон

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Этика и политическая прагматика в первой филиппике Цицерона против Марка Антония

Д. А. Беляева

Российский государственный гуманитарный университет, Россия, 125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6

Беляева Дарья Андреевна, аспирант кафедры Всеобщей истории, sharky36@narod.ru, <https://orcid.org/0009-0002-6849-9891>, Author ID: 982141

Аннотация. В статье рассматривается первая филиппика против Марка Антония в качестве источника, который раскрывает как определенные биографические обстоятельства в жизни Цицерона, так и его представления и идеалы, связанные с поведением политика. Анализ первой филиппики как политического действия, подобного тому, которое Цицерон совершил в начале своей карьеры, защищая в суде Секста Росция Америкейского, позволяет рассмотреть его взаимоотношения с Марком Антонием в динамике и определить, каким образом филиппики как реальное политическое действие соотносятся с представлениями о политике, транслировавшимися Цицероном.

Ключевые слова: Рим, Цицерон, Марк Антоний, гражданская война, сенат, политический террор, проскрипции

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках работы по научному проекту Российского государственного гуманитарного университета «Человек, общество и власть в Римской империи в условиях трансформации» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Для цитирования: Беляева Д. А. Этика и политическая прагматика в первой филиппике Цицерона против Марка Антония // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 24–30. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-24-30>, EDN: HBEAMO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Ethics and political pragmatics in the First Philippic of Cicero against Mark Antony

D. A. Beliaeva

Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Square, Moscow 125047, Russia

Daria A. Beliaeva, sharky36@narod.ru, <https://orcid.org/0009-0002-6849-9891>, Author ID: 982141

Abstract. The article analyzes the First Philippic against Mark Antony as a source that reveals both certain biographical circumstances in the life of Cicero, and his ideas and ideals related to the behavior of a politician. An analysis of the First Philippic as a political action, similar to the one that Cicero performed at the beginning of his career in his speech “Pro Roscio Amerino”, allows us to consider his relationship with Mark Antony in dynamics and to find out how the Philippics correlate with Cicero’s ideas about politics accredited.

Keywords: Rome, Cicero, Mark Antony, civil war, senate, political terror, proscriptions

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the research project of the Russian State Humanitarian University "Individual, society and power in the Roman Empire in the context of transformation" (grant competition "Student project research teams of the Russian State University for the Humanities").

For citation: Beliaeva D. A. Ethics and political pragmatics in the First Philippic of Cicero against Mark Antony. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 24–30 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-24-30>, EDN: HBEAMO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Марк Туллий Цицерон – оратор и мыслитель, повлиявший на философию государства и права во всей последующей истории европейской цивилизации. Личность Цицерона до сих пор вызывает неутихающие споры: его верность идеалам республики причудливо сочетается с изменчивостью в выборе политических союзников. Цицерон видел в устройстве Римской республики политическое и этическое совершенство, однако время, в которое ему довелось жить и работать, известно именно жестокостью и политическими катаклизмами. Но как раз в такие времена человеку свойственно искать опору в абстрактных идеалах, которые дают прежде всего надежду на изменения к лучшему. Мифологизация прошлого республики в представлениях Цицерона – это его путь к осмыслению собственной жизни, политической карьеры и условий, в которых ему приходилось развивать свои идеи. Цицерон остался для потомков, с одной стороны, образцом величайшей смелости, верности своим идеалам, с другой – примером политической изменчивости и слабости. В качестве политической фигуры Цицерона часто рассматривают как своего рода «оппортуниста», однако в данной статье проанализированы только начало и конец его карьеры, когда в равной степени проявились свойственные политику смелость и мужество перед лицом опасности, исходившей сначала от сулланцев, а затем от Антония.

Судьба Цицерона неразрывно связана с историческими и человеческими трагедиями его времени. Он сделал первые шаги в своей карьере во время сулланского террора, произнес «Речь в защиту Публия Квинкция» (81 г. до н. э.), которая касается финансового спора между контрагентами. Этот спор, однако, включал в себя и политическое содержание, связанное с внесением в проскрипционные списки поручителя Публия Квинкция. Более известно другое выступление Цицерона – «Речь в защиту Секста Росция Америкского» (80 г. до н. э.), фактически осуждавшая проскрипции на примере дела Секста Росция, чей отец в целях отъема его имущества был посмертно внесен в проскрипционный список. Цицерон начинал свою деятельность в атмосфере политического террора и страха, охватившего все слои общества, о чем сам оратор и говорит в этой речи: «Все те, кто, как видите, находится здесь, полагают, что в этом судебном деле надо дать отпор несправедливости, порожденной неслыханным злодейством, но сами они дать отпор, ввиду неблагоприятных обстоятельств нашего времени,

не решаются. Вот почему они, повинаясь чувству долга, здесь присутствуют, а, избегая опасности, молчат» (Cic. *Pro Rosc.* I.1 – пер. В. О. Горенштейна) [1, с. 230].

Уже в одной из первых своих речей Цицерон говорит, будучи человеком, как он сам признает, незначительным, а значит находящимся в относительной безопасности, о чувстве морального долга, об общественной необходимости защищаться от несправедливости. Р. Сигер, к примеру, полагает, что практически любой представитель нобилитета, включая и самого Суллу, вынужден был согласиться со сказанными Цицероном словами [2, с. 815]. Сила речи Цицерона и ее моральная универсальность действительно оставляет чрезвычайно мало пространства для дискуссии о судьбе Секста Росция и моральных качествах его противников. Х. Хабихт, который несколько раз характеризует Цицерона как слабого политика, особенно по сравнению с Цезарем и Октавианом, отмечает его смелость в деле Секста Росция Америкского. Исследователь в целом считает, что Цицерон мало подходил для политической карьеры, являясь по природе своей больше философом и оратором, «ему всегда недоставало смелости и политического чутья» [3, р. 51]. Именно поэтому речь в защиту Секста Росция так выделяется в политической карьере Цицерона – она как раз является примером открытого протеста, политической воли и даже в какой-то мере демонстрацией политического чутья еще очень молодого адвоката.

Итак, встав на политический путь, Цицерон не побоялся опасностей, которые поджидали его на этом пути. Пройдя долгой и тернистой дорогой, Цицерон, начавший продвигаться по карьерной лестнице в эпоху сулланского террора, погиб во времена террора, организованного уже вторым триумvirатом. Личность Цицерона вызывает воедино две острейшие волны насилия в эпоху трансформации Республики.

Уже в начале своей карьеры Цицерон, будучи человеком умным и предусмотрительным, однако в то же время уверенным в своих идеях и готовым бороться за свои убеждения, говорит о страхе, о достоинстве и при этом высказывает понимание тем, кто тогда вынужден был молчать. Для молодого Цицерона финал его жизни был, конечно, неведом, но именно террор, против которого он так мужественно выступил в начале своей деятельности как адвоката, ощущая некоторую безопасность, данную ему статусом homo

novus и отсутствием у него в то время политической значимости, погубил его в дальнейшем.

Рассвет политической карьеры Цицерона пришелся на период между проскрипциями Суллы и проскрипциями второго триумvirата. Разумеется, важные события произошли благодаря деятельности Цицерона в тот период, и значительный корпус его текстов сформировался именно тогда, однако не стоит забывать, что и начало карьеры Цицерона в его молодые годы, и ее драматический финал связаны как раз с проскрипционным террором.

Кроме того, взлеты в карьере Цицерона и трагические моменты в его жизни как частного лица связаны с невозможностью и нежеланием прекратить политическую деятельность и удалиться от дел. Решение оратора до конца оставаться в политике было продиктовано как чувством патриотизма, так и внутренним тщеславием, которые не противоречили друг другу, а наоборот лишь усиливали мотивацию сильной личности к действию. А. А. Мотус пишет о «фатальном выборе» Цицерона оставаться в русле политической жизни. Исследовательница полагает, что он не мог отойти от политики, так как продолжал считать себя «отцом и спасителем Отечества», его тяготило отсутствие публичной жизни, в чем он признавался другу Аттику, и это желание активно заниматься политикой в итоге привело его к конфликту с Цезарем, а затем и с Антонием [4, с. 5]. Об этом же пишет Х. Хабиht: Цицерона погубила жажда внимания и славы, она не раз заставляла его делать опасные вещи. Следуя за Х. Хабиhtом, приходится признать Цицерона склонным впадать в крайности во всем: и в самоуверенности, и в унынии [3, р. 129].

Немецкая классическая историография настроена к Цицерону весьма негативно. Теодор Моммзен в своей знаменитой «Римской истории» крайне нелестно отзываясь о нем: ученый характеризует его поведение как трусливое и лицемерное. Более того, свою антипатию Т. Моммзен не скрывает даже в отношении тех областей деятельности Цицерона, в которых его традиционно оценивают высоко. Антиковед рассматривает Цицерона как хорошего писателя, однако даже в этом, по его мнению, заслуги Марка Туллия переоценены не только потомками, но и современниками, которых видный исследователь Рима считает куда более даровитыми представителями латинской словесности – Цезарем и Катуллом [5, с. 311]. Впрочем, Э. Роусон связывает антипатию Т. Моммзена к римской олигархии с его отношением к прусскому юнкерству [6, с. 504].

Такая оценка, вероятно, продиктована как монархическими симпатиями Т. Моммзена, так и его спором с предыдущей традицией, превозносившей Цицерона со времен итальянского Возрождения. Следует отметить, что еще до Т. Моммзена негативную оценку образа Цицерона в германском антиковедении высказал В. Друман в двух

последних томах своей шеститомной работы, посвященной политической борьбе в поздней Римской республике [7, S. 230–687]. Ученый подробно рассмотрел дело Секста Росция 80 г. до н. э. и показал, какую важную роль в нем сыграл молодой Марк Туллий [7, S. 249–259]. Антипатия В. Друмана может объясняться его политическими предпочтениями.

Резкость, с которой критикуют Цицерона немецкие историки, была проанализирована Г. Буасье. Он, в частности, подчеркивает монархические предпочтения Т. Моммзена и в целом подмечает настороженное и недоброжелательное отношение германских антиковедов к Марку Туллию. Г. Буасье утверждает, что действия Цицерона были продиктованы реальными политическими обстоятельствами. Интересно, что само принятое в труде французского историка членение жизни Цицерона на «частную» и «общественную» являет собой пример противоречивого восприятия политического имморализма реальной деятельности Цицерона и его личной жизни, в которой есть место верности, дружбе и идеалам. Такое разделение подчеркивает традиционную для образа знаменитого оратора двойственность. Г. Буасье пишет о речи в защиту Секста Росция Америкейского с большим уважением, упоминает, что Цицерон публично выступал, зная, что его слушают сулланцы, составлявшие проскрипционные списки, скопившие свои богатства точно так же, как обвинители Росция, посредством отъема имущества проскрибированных. Требовалось особое мужество, чтобы при этих людях произнести те слова, которые высказал Цицерон. Историк отмечает, что слова Марка Туллия «выражали тайные чувства всех, они облегчали общественную совесть, принужденную молчать и униженную этим молчанием» [8, с. 54].

Именно с этой речью связывает Г. Буасье первую филиппику, утверждая, что Цицерон заканчивает тем же, чем и начал – протестом среди всеобщего молчания, протестом против несправедливости и произвола посреди ужаса и беспомощности, охвативших Рим [8, с. 61]. Французский антиковед считает, что, несмотря на все недостатки Цицерона, именно в самые сложные для государства моменты он оказывается человеком, который, хоть и подвергался риску, но всё же указывал на несправедливость, поглотившую общество. Антоний и Сулла у Г. Буасье – это политики разного калибра, однако оба они поступают фундаментально несправедливо: Сулла – в отношении римских граждан, а Антоний – в отношении самой Республики.

Таким образом, мы видим, как Г. Буасье протягивает невидимую нить между Суллой и Антонием, между атмосферой страха эпохи проскрипций и правлением коррумпированного Антония. Хотя консул на момент произнесения первой филиппики еще не прибегал к проскрипциям, от него уже исходила потенциальная угроза.

Среди немецких классиков наиболее сдержанно и нейтрально оценивает Цицерона Г. Штоль. Он отмечает, что Марк Туллий, хоть его действия и определялись чаще всего благими намерениями, не отличался сильным характером, его сложно назвать великим политиком, но можно рассматривать как человека, который искренне любил Рим и желал ему только блага. Г. Штоль отмечает, что опасность часто внушала Цицерону мужество, однако вскоре он начинал колебаться [9, с. 503]. Таким образом, Г. Штоль подчеркивает именно эту черту характера Цицерона: порывистость, способность к большим поступкам, смелость, пусть и «на короткой дистанции».

Наряду с тщеславными побуждениями, Цицерон, безусловно, руководствовался и благом отечества, которое полагал наивысшей целью для человека. На первый взгляд его мечты о *concordia ordinum* и ужас перед последствиями гражданской войны плохо сочетаются с последующей политической деятельностью, например, с желанием развязать борьбу против Антония, которая означала, несомненно, именно гражданскую войну. Его действия, в том числе и кооперация с Октавианом, косвенно привели к новой волне террора. Юноша, в котором Цицерон видел, хотел видеть или утверждал, что видел, *exemplum veteris sanctitatis* (Cic. *Phil.* III.15), то есть пример древней чистоты, оказывается хитрым и опасным противником. Однако в реальной политике Марк Туллий всегда руководствовался прежде всего насущной необходимостью и часто действовал под влиянием момента.

С. Л. Утченко останавливается на феномене взаимоотношений Цицерона с политическими партнерами и соперниками и приходит к выводу, что так или иначе всем политическим акторам того времени была свойственна некоторая непоследовательность, беспринципность, даже лицемерие. Цицерон не уникален по сравнению с Цезарем и Помпеем, Антонием и Октавианом. Сама римская политика того времени определяла эти качества, необходимые для достижения успеха [10, с. 93]. Часто этические представления Цицерона расходятся с его реальными политическими действиями. Выступление с первой филиппикой и дальнейшее противостояние с Антонием относятся как раз к таким спорным поступкам Марка Туллия. К примеру, А. А. Мотус обвиняет Цицерона в том, что он открыто призывает в своем письме, адресованном Дециму Бруту, к гражданской войне с Антонием [4, с. 10].

Цицерона, часто высказывавшегося об ужасах гражданской войны, можно было бы обвинить в лицемерии, ведь своими действиями он фактически стремился развязать гражданскую войну с Антонием. Однако в этом намерении можно усмотреть и другие коннотации: так, в своем письме к Луцию Мунацию Планку от 5 мая 43 г. до н. э. он пишет следующее: «Итак, отдайся одной заботе, мой Планк: пусть не останется никакой искры

омерзительнейшей войны. Если это будет сделано, то ты и окажешь божественное благодеяние государству и сам достигнешь вечной славы» (Cic. *Epist.* 853.1 – пер. В. О. Горенштейна) [11, с. 404].

Здесь мы видим не только желание склонить к войне Планка, который занимал выжидающую позицию, колеблясь между опциями поддержки Антония или сената. Цицерон, безусловно, пытается избавиться от Антония и склонить чашу весов в пользу сената, но для Марка Туллия гражданская война уже была начата, порядок в государстве уже был нарушен, и он рассчитывал на скорейшее завершение этой войны с выгодой для сената, то есть ужасы гражданской войны, которые описывал оратор, неизбежно свершились бы, и его целью было как можно скорее завершить уже имевшийся конфликт, а не разжечь новый.

Первая филиппика прозвучала в Сенате 2 сентября 44 года до н. э. Она действительно выглядит мягче остальных, произнесенных впоследствии, однако не стоит обманываться ее мягким тоном – требовалось большое мужество, чтобы выступить с этой речью в напряженной атмосфере консульства Антония.

Антоний в тот момент находился еще во всей своей политической силе, и Цицерон вынужден был опасаться сказанных им слов. Развивая отмеченное Г. Буасье сравнение начала и финала карьеры Марка Туллия, необходимо добавить, что оратор, произнося первую филиппику, был уже человеком влиятельным, и высказанное им когда-то в речи в защиту Секста Росция в полной мере теперь относилось и к нему самому: «Дело в том, что если бы кто-нибудь из присутствующих здесь людей, влиятельных и занимающих высокое положение, высказался и произнес хотя бы одно слово о положении государства (а это в настоящем деле неизбежно), то было бы сочтено, что он высказал даже гораздо больше, чем действительно сказал» (Cic. *Pro Rosc.* 2) [1, с. 236].

Эта фраза, призванная и оправдать, и осудить власть имущих, в конце карьеры и жизни Цицерона была актуальна и в отношении его самого. И он, зная, почему ему следует опасаться резких слов в адрес Антония, тем не менее их произносит. В этом коротком абзаце скрыта, в том числе и от самого оратора, его судьба. Произнося первую филиппику против Марка Антония, Цицерон, вероятнее всего, понимал, что последствия критики столь сильного противника станут для него куда более пагубными, чем даже защита Росция в страшную сулланскую эпоху. Это заставило Цицерона опасаться за свою жизнь в дальнейшем. И именно это обуславливает мягкость, с которой он начинает свою речь, периодически напоминая о своем уважении к некоторым действиям оппонента. Марк Туллий высоко оценивает нейтралитет, к которому призвал Антоний после убийства Цезаря. При этом действия Антония

в тот момент, возможно, заслуживают искреннего признания со стороны Цицерона, потому что, во-первых, согласуются с его представлениями о необходимости мира в государстве, а, во-вторых, непосредственно гарантировали Цицерону и, в первую очередь, его единомышленникам безопасность.

Он называет речь Антония блистательной, а также говорит о благородстве его намерений и смелости, поскольку тот предложил заговорщикам для гарантии безопасности в качестве заложника своего сына Антилла: «*Praeclara tum oratio M. Antoni, egregia etiam voluntas; pax denique per eum et per liberos eius cum praestantissimis civibus confirmata est*» (Cic. *Phil.* I. 2) [12, loc. cit.].

Мы видим здесь несколько важных моментов. Прежде всего, Цицерон не стесняется называть заговорщиков *praestantissimi cives*, т. е. «достойнейшими гражданами». Оратор использует наречие *denique* («наконец-то»), из чего можно предположить, что Цицерон демонстрирует, в каком качестве Антоний действительно принес стране долгожданный мир, уравнивая сторонников и противников Цезаря. Складывается впечатление, что Марк Туллий отчасти даже раззадоривал противника им же объявленным нейтралитетом. Безусловно, было бы опрометчиво утверждать, что Цицерон и в самом деле уважал Антония, тем более что он говорил и о своей высокой дипломатической роли в построении *fundamenta pacis* («основы мира»), однако определенные мудрые действия Цицерон за ним всё же признает.

Итак, оратор воздает должное Антонию за некоторые его заслуги, в том числе и за отказ от диктатуры и возвращение Республике ее правовых основ, на которых будет впредь держаться свобода – отмену должности диктатора. Сложно поверить, что Цицерон всерьез воспринимал намерения Антония, но он выставляет напоказ прежние деяния своего противника, стараясь показать контраст между первыми и последующими его поступками, чтобы вызвать чувство негодования у слушателя.

Цицерон говорит о заслугах Антония, более того, он приписывает ему излечение республики от диктатуры и высоко оценивает сделанное им на пути достижения свободы: «Казалось, какой-то луч света засиял перед нами после уничтожения, уже не говорю – царской власти, которую мы претерпели, нет, даже страха перед царской властью; казалось, Марк Антоний дал государству великий залог того, что он хочет свободы для граждан, коль скоро само звание диктатора, не раз в прежние времена бывавшее законным, он, ввиду свежих воспоминаний о диктатуре постоянной, полностью упразднил в государстве» (Cic. *Phil.* I.4) [12, loc. cit.].

Таким образом, Цицерон хвалит Антония за его попытку примириться с сенатом, и хотя он понимает, что хитрость его противника призвана лишь усыпить бдительность сената,

он использует элементы репутации Антония, как примирившего два враждебных лагеря человека, против него самого, как бы скрывая своего политического оппонента его же собственными заслугами. В то же время достижения Антония Марк Туллий объявляет иллюзорными, кажущимися. Главное, что сделал консул, – он избавил римлян от «царского ига» и упразднил должность диктатора, однако возвращение к республиканским порядкам, тем не менее, не является истинным намерением Антония. Цицерон признает его заслуги перед Римом, но в то же время считает, что дальнейшее его поведение обесценивает эти достижения, перемещает их из области реального в область видимого.

Затем Цицерон говорит об ухудшении политического климата в Риме, о том, что, несмотря на объявленное перемирие, убийцы Цезаря (оратор называет их *patriae liberatores* – *освободителями отечества*, что ясно показывает его политические симпатии в этом вопросе) не могут вернуться в Рим. Итак, Цицерон выявляет лицемерие и непоследовательность Антония.

Выступая в Сенате, Цицерон недвусмысленно заявляет об опасности своего предприятия. Произнося ранее речь в защиту Секста Росция, он как бы использовал свою тогдашнюю политическую «незначительность» как некоторую гарантию собственной безопасности и одновременно как риторический прием, который помог бы ему получить поддержку более значимых людей, на которых могла бы произвести впечатление его смелость и которые должны были устыдиться их собственной трусости. Начиная свое противоборство с Антонием, Цицерон прекрасно осознает, что на этот раз у него не получится остаться в относительной безопасности. В начале своей карьеры Марк Туллий сказал, что понимает тех, кто молчит, глядя на несправедливость, молчит из страха за свою жизнь. Однако в своей первой филиппике он как бы отвечает сам себе: если бы с ним что-то произошло, а он понимает, что ему угрожает большая опасность, он, во всяком случае, оставит свой голос республике и останется верным своим идеалам (Cic. *Phil.* I.10) [12, loc. cit.].

Цицерон не остается молчаливым свидетелем творящейся несправедливости, а решает на действие, которое может стоить (и в конце концов будет стоить) ему жизни. Более того, он выступает за приоритет свободно говорить и отстаивать свою точку зрения над безопасностью. Возможность приходить в сенат, говорить, влиять на жизнь Рима кажется ему важнее собственной безопасности (Cic. *Phil.* I.14) [12, loc. cit.].

Переходя к критике политики Антония и, отчасти, Долабеллы, Цицерон просит слушателей, чтобы его негативные высказывания были поняты верно: он осуждает политику своих оппонентов, а не их человеческие качества (и в первой филиппике этого правила действительно придержи-

вается). Просьбой выслушать его и не испытывать к нему враждебности Марк Туллий добивается прежде всего внимания и снисхождения со стороны аудитории. У Цицерона нет причин верить в благородство Антония, в его способность адекватно эту критику воспринять, однако таким образом он рассчитывал повлиять не на мнение оппонента, а на позицию сенаторов – так же, как и в деле Секста Росция, он взывал к чувству справедливости пассивного большинства.

Критику Цицерон чередует с похвалой в отношении человеческих качеств Антония и Долабеллы. Снова следует отметить, что вряд ли выступавший считал, что сумеет сохранить с ними добрые отношения, но, проявляя доброжелательность и объективность, он вызывает живое сочувствие слушателей. Не отступая перед опасностью и в то же время заверяя, что он будет оберегать свою жизнь в случае необходимости, Цицерон демонстрирует мужество и благоразумие. Есть основания полагать, что Марк Туллий стремился не столько успокоить гнев Антония, сколько оценить его непредвзято. М. Гриффин, к примеру, отмечает, что несмотря на то, что Цицерон мог быть резок, чаще он проявлял доброжелательность к оппоненту, и уж тем более считал себя обязанным высказать похвалу тому, кто, по его мнению, ее заслуживал, даже если испытывал к этому человеку антипатию [13, с. 750]. Об этом пишет и Т. А. Бобровникова: Цицерон хвалил красноречие злейшего врага своего наставника, а Гракхов, которые были ему глубоко несимпатичны с политической точки зрения, признавал при этом талантливыми ораторами [14, с. 80].

Цицерон, вероятно, понимал, что доброжелательный тон и похвала не позволят ему избежать опасного обострения отношений с Антонием. Поэтому для Цицерона упоминание о заслугах Антония могло иметь в большей степени этическое, чем политическое значение.

Речь в защиту Секста Росция и первая филиппика весьма отличаются по своему фактическому наполнению, однако обе речи произнесены в атмосфере всеобщего страха и демонстрируют важность верности своим идеалам. Т. Митчелл, анализируя юность Цицерона, пишет о том, что сулланский террор во многом повлиял на его дальнейшие убеждения [15, р. 63].

Страх перед Суллой в Риме прекрасно описан Р. Сигером: у граждан было понимание, что человека можно объявить виновным без суда как такового, а также еще не исчезли из памяти воспоминания об ужасе захвата Рима римлянином [2, с. 193]. Р. Сигер, однако, считает, что Сулла, как и уверяет Цицерон, вероятно, не знал о многих злоупотреблениях [2, с. 229]. В своей речи в защиту Секста Росция Марк Туллий сказал многое, но он не мог высказать все – тем более прямо обвинить Суллу. В начале своей карьеры Цицерон воспользовался отсутствием у него авторитета

среди римлян и, будучи молодым адвокатом, напомнил родовитым гражданам о важности того, чтобы словом и делом поддерживать справедливость и верность государственным идеалам. В конце своей карьеры он говорит уже с позиции политика, который, несмотря на то что ему может угрожать опасность, не может молчать, предавая тем самым идеалы государства, которому служит. Нельзя с уверенностью утверждать, что именно Цицерон испытывал в связи с произнесением первой и последующих филиппик. Бесценной находкой была бы переписка Цицерона с Аттиком, датированная 44 г. до н. э. Именно Аттику как личному другу Цицерон мог доверить намного больше, нежели политическим союзникам. Э. Русон отмечает, что до нас не дошли письма Цицерона к Аттику, написанные после памятных мартовских ид. Эти бесценные документы, по мнению британской исследовательницы, могли быть уничтожены Аттиком из соображений безопасности [16, с. 543]. Письма Цицерона к его близкому другу были в значительной степени искренними и откровенными, приоткрывающими нам слабости, печали и сомнения их автора.

К сожалению, финальная драма его жизни не получила такого интимного, человеческого измерения, и мы не можем узнать о его сомнениях и страхах в то трудное время, когда он решил снова выступить один, нарушив молчание испуганных римлян. Моральная сила этой речи, безусловно, становится больше, когда мы рассматриваем ее в контексте дальнейших событий. П. Грималь пишет о том, что речь, по-видимому, не возымела ожидаемого автором эффекта, хоть с ее содержанием и склонны были согласиться многие. Вместо этого речь осложнила дальнейшую политическую деятельность Цицерона и вызвала открытую вражду Антония [17, с. 401]. В целом П. Грималь высказывает интересную мысль: красноречие Цицерона оставалось таким же ярким, как во времена знаменитых *катилинарий*, однако политическая обстановка изменилась. То, что Цицерон мог убедить сенат в своей правоте, уже не являлось решающим козырем в его рукаве. П. Грималь пишет о том, что множество раз планы Марка Туллия рушились именно так: оратор и интеллектуал убеждал сенат в своей правоте, а затем Антоний или, прежде, Клодий, разрушали задуманное им грубыми, силовыми методами [17, с. 407]. Т. А. Бобровникова характеризует противостояние Антония и Цицерона ярко и поэтично: «тиран, вооруженный до зубов, и оратор, не имеющий ничего, кроме слова» [14, с. 430]. Трагедию Цицерона выразил и Т. Н. Митчелл: по его мнению, Цицерон – прекрасный оратор, который столкнулся с силами слишком серьезными для него [15, р. 219].

В завершении статьи представляется важным выделить обращение Марка Туллия к Антонию, в котором мы отчетливо видим не Цицерона-

интригана, а Цицерона-идеалиста, выражающего свои представления о государстве, основанном на взаимной дружбе сограждан и справедливости: «Итак, сверни с этого пути, прошу тебя, взгляни на своих предков и правь государственным кораблем так, чтобы сограждане радовались тому, что ты рожден на свет, без чего вообще никто не может быть ни счастливым, ни славным, ни неврежденным» (Cic. *Phil.* I. 35) [12, loc. cit.]

Цицерон, во всяком случае, своей попыткой мужественно прервать молчание добивался именно этого. Эти слова можно посчитать некоей суммой идеалистических представлений Цицерона о римской политике. Если предметом разговора будет не формальная организация и некоторое количество политических процедур, а смысловое наполнение политического действия, в конце концов, останется именно то, что можно считать этическим измерением политики Цицерона: глубокая любовь к своей державе, стремление людей к дружбе, взаимодействию, желание оставить потомкам пример, которым они могли бы гордиться. Мы видим перед собой того же Цицерона, который выводил существование государства из естественного стремления людей к общению и взаимопомощи. Марк Туллий не был лишен недостатков, в основном типичных для своего времени. Однако окончание первой филиппики показывает нам Цицерона, для которого основой политики является этика, и именно эта этика побуждает его к политическому действию, без которого, по его мнению, нельзя спасти Республику.

Безусловно, атмосфера сулланской диктатуры и время правления Марка Антония разнятся, в том числе и по степени проявленности террора. Однако два раза Цицерон сумел выступить посреди хаоса и бессилия в качестве морального компаса Республики. Отказавшись смириться с несправедливостью, Цицерон, которому выпало жить на сломе эпох, сумел побороть всеобщий страх и нарушил атмосферу молчания.

Список литературы

1. Марк Туллий Цицерон. Речи : в 3 т. Т. 1 (81–63 гг. до н. э.) / пер. с лат. О. В. Горенштейна. М. : Издательство Академии наук СССР, 1962. 504 с.
2. Сигер Р. Сулла // Последний век Римской республики, 146–43 гг. до н. э. : в 2 полутамах / под ред. Дж.-А. Крука, Э. Линтотта, Э. Роусон ; пер. с англ., предисл., прим. О. В. Любимовой, С. Э. Таривердиевой. М. : Ладомир, 2020. Полутом 1. С. 190–234.
3. Habicht C. Cicero the Politician. Baltimore; London : Johns Hopkins University Press, 1990. 148 p.
4. Мотус А. А. Цицерон и Саллюстий в их отношении к гражданским войнам Древнего Рима (I в. до н. э.) // Античный мир и археология. 1983. № 5. С. 3–14.
5. Моммзен Т. История Рима : в 5 т. Т. 2. От битвы при Пидне до смерти Суллы / пер. с лат. Н. А. Машкин. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 416 с.
6. Роусон Э. Цезарь: гражданская война и диктатура // Последний век Римской республики, 146–43 гг. до н. э. : в 2 полутамах / под ред. Дж.-А. Крука, Э. Линтотта, Э. Роусон ; пер. с англ., предисл., прим. О. В. Любимовой, С. Э. Таривердиевой. М. : Ладомир, 2020. Полутом 1. С. 475–528.
7. Drumann W. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen. 2. Aufl. / Hrsg. von P. Groebe. Bd. 5. Pomponii, Porcii, Tullii. Leipzig : Verlag von Gebrüder Borntraeger, 1919. 708 S.
8. Буасье Г. Цицерон и его друзья / пер. с фр. М. Н. Корсак. М. : Вече, 2021. 400 с.
9. Штоль Г. История Древнего Рима в биографиях / пер. с нем. Я. В. Гуревич. М. : Русич, 2003. 576 с.
10. Утченко С. Л. Цицерон и его время. М. : Мысль, 1986. 352 с.
11. Цицерон Марк Туллий. Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / пер. с лат. В. О. Горенштейна : в 3 т. Т. III. Годы 46–43 до н. э. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1951. 828 с.
12. M. Tulli Ciceronis Orationes. [T. VI]. Pro Milone. Pro Marcello. Pro Ligario. Pro rege Deiotaro. Philippicae I–XIV / recognovit brevique adnotatione critica inatruxit A. C. Clark. Oxonii: E Typographeo Clarendoniano, 1901. Sine paginis.
13. Гриффин М. Интеллектуальные тенденции в эпоху Цицерона // Последний век Римской республики, 146–43 гг. до н. э. : в 2 полутамах / под ред. Дж.-А. Крука, Э. Линтотта, Э. Роусон ; пер. с англ., предисл., прим. О. В. Любимовой, С. Э. Таривердиевой. М. : Ладомир, 2020. Полутом 2. С. 792–838.
14. Бобровникова Т. А. Цицерон: Интеллектуал в дни революции. М. : Молодая гвардия, 2006. 532 с.
15. Mitchell T. N. Cicero: The Ascending Years. London : Yale University Press, 1979. 259 p.
16. Роусон Э. После мартовских ид // Последний век Римской республики, 146–43 гг. до н. э. : в 2 полутамах / под ред. Дж.-А. Крука, Э. Линтотта, Э. Роусон ; пер. с англ., предисл., прим. О. В. Любимовой, С. Э. Таривердиевой. М. : Ладомир, 2020. С. 529–555.
17. Грималь П. Цицерон / пер. с фр. Г. С. Кнабе, Р. Б. Шашина. М. : Молодая гвардия, 1991. 544 с.

Поступила в редакцию 25.05.2024; одобрена после рецензирования 11.06.2024; принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 25.05.2024; approved after reviewing 11.06.2024; accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 31–37
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 31–37
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-31-37>, EDN: IKTMVI

Научная статья
УДК 930(410)|11|:305

Женское и женоподобное: восприятие гендерных норм в англо-нормандском историописании XII века

А. А. Сироткина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Сироткина Анастасия Андреевна, аспирант кафедры Истории средних веков, AnastasiaSir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9136-8446>, AuthorID: 1084058

Аннотация. В статье рассматривается то, как англо-нормандские хронисты первой половины XII в. писали о порицаемом мужском и женском поведении. Предметом изучения стали сочинения самых значимых историков эпохи – Уильяма Мальмсберийского, Иоанна Вустерского, Генриха Хантингдонского и Ордерики Виталия. Автор статьи приходит к выводу, что рассмотренные в статье сюжеты с участием героев, чье поведение не соответствует нормативному маскулинному и фемининному, имели в рамках исторического нарратива целью не только наставление, предостережение и развлечение читателей, но и являлись важным инструментом объяснения переломных событий английского прошлого.

Ключевые слова: Уильям Мальмсберийский, Иоанн Вустерский, Ордерики Виталий, Генрих Хантингдонский, англо-нормандское историописание, гендерное поведение

Для цитирования: Сироткина А. А. Женское и женоподобное: восприятие гендерных норм в англо-нормандском историописании XII века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 31–37. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-31-37>, EDN: IKTMVI

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Feminine and Effeminate: Perception of gender norms in 12th-century Anglo-Norman Historical Writing

A. A. Sirotkina

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Anastasiia A. Sirotkina, AnastasiaSir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9136-8446>, AuthorID: 1084058

Abstract. The article examines how Anglo-Norman chroniclers of the first half of the 12th century wrote about condemned male and female behavior. The subject of study is the works of the most significant historians of the era – William of Malmesbury, John of Worcester, Henry of Huntingdon and Orderic Vitalis. The author of the article comes to the conclusion that vivid stories involving heroes whose behavior does not correspond to the normative masculine and feminine, within the framework of the historical narrative, had the purpose not only to instruct, warn and entertain readers, but also served as an important tool for explaining the turning points of the English past.

Keywords: William of Malmesbury, Orderic Vitalis, John of Worcester, Henry of Huntingdon, Anglo-Norman historical writing, gender behavior

For citation: Sirotkina A. A. Feminine and Effeminate: Perception of gender norms in 12th-century Anglo-Norman Historical Writing. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 31–37 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-31-37>, EDN: IKTMVI

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

XII век – время бурного подъема английского историописания. Сегодняшняя наука не нуждается в дополнительных доказательствах этого факта: совокупность исследований, посвященных трудам отдельных авторов и интеллектуальной среде в целом, закрепила за этим периодом статус самого яркого и плодотворного в истории английского историописания [напр.: 1–4].

В рамках изучения этой традиции предметом интереса являлись и различные гендерные сюжеты, однако исследователи в основном обращали внимание на труды отдельных англо-нормандских авторов [напр.: 5–7]. Предпочтительными в историографии остаются сюжеты древнеанглийского материала [напр.: 8–9], подобный интерес разделяют и отечественные исследователи,

среди которых наиболее существенный вклад вносит И. И. Болдырева [напр.: 10–12].

Настоящая статья призвана частично заполнить существующую лакуну и обратиться к гендерным сюжетам в совокупности текстов англо-нормандских историков. Преимущественно нас интересуют труды о политической истории Англии, датируемые первой половиной XII в. Среди них «Gesta Regum Anglorum» («Деяния королей англов») Уильяма Мальмсберийского [13, 14], «Chronicon ex Chronicis» («Хроника из хроник») Иоанна Вустерского [15, 16], «Historia Anglorum» («История англов») Генриха Хантингдонского [17, 18] и «Historia Ecclesiastica» («Церковная история») Ордерика Виталия [19–24].

В статье рассматривается отношение английских авторов к недостойному (с их точки зрения) мужскому и женскому поведению, а также тому, играло ли оно определённую роль в выстраивании ими исторического нарратива или же служило исключительно развлечению и назиданию читателей (яркие и поучительные истории были общим местом исторических трудов [25, с. 183]).

Начнем с того, что средневековое общество характеризует непринятие перевернутого гендерного поведения: женоподобные мужчины и мужеподобные женщины нарушали нормативные гендерные отношения и встречали порицание со стороны авторов [26, р. 201–209; 27, р. 28].

Составляющими порицаемого изнеженного мужского образа были длинные волосы, неподобающе элегантная одежда, женоподобные поведение и жесты. Так, например, Ордерик Виталий и Уильям Мальмсберийский порицали придворную моду и обычаи времен правления Вильгельма Руфуса. Среди многочисленных грехов и преступлений сына Вильгельма Завоевателя, таких как притеснение и ограбление церкви, несправедливые суды, своеволие баронов, а также неоправданное насилие [13, р. 558–560; 22, р. 146–149; 23, р. 286–288], изнеженность и женоподобное поведение занимали важное место: «В моду вошли длинные распущенные волосы, роскошные одежды, обувь с загнутыми и заостренными носками. Мягкость тела, соперничающая со слабым полом, грациозная походка, изнеженные жесты и свободная демонстрация голых груди – такова была идеальная мода молодых людей. Расслабленные, изнеженные, они не хотели оставаться такими, какими их задумала Природа; они были врагами чужой стыдливости и неразборчивы в отношениях со своей собственной» (Tunc fluxus crinium, tunc luxus uestium, tunc usus calceorum cum arcuatis aculeis inuentus; mollitie corporis certare cum feminis, gressum frangere, gestu soluto et latere nudo incedere adolescentium specimen erat. Enerues, emolliti, quod nati fuerant inuiti manebant, expugnatores alienae pudicitiae, prodigi suae) [13, р. 558–560].

Тема неподобающих одеяний раскрывается и Генрихом Хантингдонским. В числе грехов, за которые Бог покарал англичан в 1066 г. в лице Вильгельма Завоевателя, упоминается крайнее разнообразие украшений и одеяний: «родится столь переменчивое поколение, что непостоянство, скрытое в умах людей и проявляющееся в их делах, приведет к великому разнообразию их украшений и одеяний» (Predixit nihilominus uarium adeo seculum creandum, ut uarietas que in mentibus hominum latebat et in actibus parebat, multimoda uariatione uestium et indumentorum designaretur) [17, р. 174; 18, с. 255].

Отметим, что указания на неподобающие мужам одеяния отличает тексты наших авторов от воспоминаний свидетелей двора Вильгельма Руфуса. Так, хронист Эадмер (ок. 1060–1126) упоминал только длинные волосы [28, р. 48]. Возможно, описания придворной моды Уильямом Мальмсберийским и их дополнения Ордериком Виталием представляют собой добавления [29, р. 20–21] или же фиксирование бытовавших в их время слухов.

Вероятно, англо-нормандские хронисты связывали неподобающую мужам моду с испорченной моралью. Так, Ордерик Виталий пишет: «Это способствовало появлению новой моды в западных регионах, которая радовала легкомысленных (leuibus) мужчин, ищущих новинок... До этого обувь всегда делалась круглой, по размеру стопы и соответствовала потребностям знатных и простых людей, как духовенства, так и мирян. Но теперь миряне гордо подхватывают моду, свойственную их испорченным нравам. То, что благородные мужи когда-то считали постыдным и совершенно отвергали как грязь, люди нашего века считают сладким, как мед, и выставляют напоказ, как будто это особая благодать» (Insolitus inde mos in occiduum orbem processit leuibusque et nouitatum amatoribus uehementer placuit. Nam antea omni tempore rotundi subtolares ad formam pedum agebantur eisque summi et mediocres clerici et laici competenter utebantur. At modo seculares peruersis moribus competens scema superbe arripiunt, et quod olim honorabiles uiri turpissimum iudicauerunt, et omnino quasi stercus refutauerunt, hoc moderni dulce quasi mel estimant, et ueluti speciale decus amplectentes gestant) [22, р. 186]. Таким образом, автор напрямую связывает испорченную мужскую мораль с их пристрастием к элегантным одеяниям.

Указания на неподобающие мужам одеяния и поведение отражают «переживания» авторов (в англоязычной литературе для описания подобных порицаний и чувств, что их вызывают, используется слово «anxiety» [26, р. 8; 30, 31]) по поводу сексуальных предпочтений англо-нормандской знати, в частности речь идет о таком грехе, как содомия.

О гомосексуальных наклонностях баронов при дворах Англии и Нормандии Уильям

Мальмсберийский и Ордерик Виталий пишут напрямую: «Вместе со двором ходили отряды женоподобных людей и шайки распутников. Как справедливо сказал один мудрец: “Двор короля Англии – не обитель величия, а публичный дом для проститутов” (*Sequebantur curiam effeminatorum manus et ganeorum greges: ut non temere a quodam sapiente dictum est: ‘Curia regis Angliae non est maiestatis diuersorium sed exsoletorum prostibulum*) [13, p. 560], «В те времена распутный и развращённый соблазн гулял безнаказанно, содомская похоть марала позором обречённых быть сожжёнными в огне, акты прелюбодеяния открыто оскверняли брачное ложе, а божественный закон полностью игнорировался» (*Inter hac impune procedebat petulans illecebra molles flammisque cremandos turpiter fedabat uenus sodomistica maritalem thorum publice polluebant adulteria, et erga diuinae legis obseruantiam multiplex aderat negligentia*) [22, p. 146].

Содомию упоминает и Генрих Хантингдонский, для него она – причина крушения Белого корабля в 1120 г. Кораблекрушение в этом случае является справедливо настигшим преступников возмездием: «В год Милости 1120-й, когда все в Галлии покорились и умиротворились, король Генрих радостно вернулся в Англию. Но во время переезда через море два сына короля, Вильгельм и Ричард, а также дочь короля и его племянница, равно как и множество королевских баронов, стольников, камерариев, чашников и Ричард, граф Честера, погибли при кораблекрушении. Все они, или почти все, как говорят, были повинны в содомии, и они были пойманы и схвачены. Зрите сияющее возмездие Божие! Они погибли, и почти никто из них не был погребен. Так смерть внезапно похитила тех, кто заслуживал ее, хотя море было очень спокойным и не было ветра» (*Anno MCXX gratie, omnibus domitis et pacificatis in Gallia, cum gaudio rediit Henricus in Angliam. Sed in ipso maris transitu, duo filii regis – Willielmus et Ricardus – et filia regis, et neptis, nec-non multi proceres, dapiferi, camerarii, pincerne regis, et Ricardus consul Cestrie, naufragati sunt. Qui omnes, uel fere omnes, sodomitica labe dicebantur, et erant irretiti. Ecce coruscabilis Dei uindicta! Deperierunt etenim et omnes fere sepultura caruerunt. Inprouise igitur mors absorbuit emeritos, cum mare tranquillissimum uentis careret*) [17, p. 242–243; 18, с. 341–342]. В итоге, в трактовке хрониста гибель наследника престола, ставшая причиной последовавших за ней междоусобицы и гражданской войны, – результат содомии, одного из преступлений против христианской нравственности.

Что касается содомии при дворе Вильгельма Руфуса, о ней Генрих Хантингдонский не пишет напрямую, лишь отмечая, что «они [короли и приближенные] свершали свои непотребства не скрытно, но бесстыдно при свете дня» (*Nec*

luxurie scelus tacendum exercebant occulte, sed ex impudentia coram sole) [17, p. 233; 18, с. 330].

В приведенных эпизодах демонстрация неприемлемого для авторов поведения, с одной стороны, используется как инструмент критики порицаемого представителями церкви правителя. Эффеминация мужчин, содомия, стоят в ряду с такими грехами как алчность, несдерживаемая похоть и убийство. С другой стороны, мужчины, чье поведение не соответствует должному, являются одновременно причиной и следствием упадка нравов, что навлекает Божий гнев и ведет страну к катастрофе. Ярко это также прослеживается в труде Уильяма Мальмсберийского.

Для Уильяма поражение англосаксов под натиском датчан и безнравственность короля, в том числе нарушение им нормативного гендерного поведения, неразрывно связаны. Так, хронист одну из причин успеха датских набегов начала XI в. видит в слабости короля Этельреда Нерешительного, о котором говорится, что он был «опозорен изнеженностью» (*mollitie infamis*) [13, p. 268]. Слабость монарха как мужчины и правителя сообщается нам в нескольких эпизодах: во время крещения, будучи младенцем, он прервал таинство, опорожнив кишечник; был причастен к братоубийству; из-за собственной жадности устроил хаос в стране, пойдя с войском на Рочестер; наконец, он был неудачливым полководцем, а также похотливым, поскольку «бесчестил королевское достоинство возлежанием с наложницами» [13, p. 270–276].

Пример Этельреда показывает нам другую сторону нарушения нормативного гендерного поведения – изнеженным он называется Уильямом не из-за склонности к элегантной одежде, женоподобным манерам или гомосексуализму, а из-за того, что не соответствовал представлениям о мужчине-короле-правителе. В приведенном случае нарушение правителем норм приводит страну к упадку как напрямую (он допускает ряд стратегических ошибок и неспособен сплотить армию), так и опосредованно, как результат божественной кары за его испорченный нрав. В правление Этельреда вокруг него появилось много предателей, среди знати не было единства, страну охватили раздор и голод [13, p. 268–274]. Все это облегчило датчанам захват страны.

Очернённый Уильямом образ и репутация Этельреда прочно закрепились в английской историографической традиции [32, p. 22]. Этельред не был успешным правителем, ему не удавалось предотвратить поражения, наносимые одной армией викингов за другой, и вместо достойного военного ответа он заплатил огромную дань, которая не стала гарантией мира [33, p. 138–151]. Описывая этот печальный период английской истории, Уильям подвергнул резкой критике Этельреда, обвинив его в целом ряде пороков, включая, среди прочего, его изнеженность.

Рассмотрение приведенных эпизодов позволило выявить словарь, употребляемый авторами для обозначения испорченной мужественности. Такие слова, как *effeminatus* и *delicatus* (изнеженный, женоподобный), *mollitia* (мягкость/изнеженность) *muliebriarius* (женственный), *catamite* (содомит) использовались для описания женоподобных и испорченных мужчин. Приведенные термины – часть классической традиции, порицающей гомосексуальные мужские связи [30, р. 49–54; 34, р. 136–176]. Важно и встречаемое у Уильяма Мальмсберийского редкое слово *exoletus* (*exoletus*), в классической латыни означающее мужчину-проститута [34, р. 90–93]. Использование Уильямом этого термина может говорить о том, что средневековый хронист был не только знаком со спецификой употребления слов, характеризующих различные сексуальные практики, но и то, что он с точностью выбрал *exoletus* для описания двора Вильгельма Руфуса, подвергнув его таким образом особо резкой критике.

Отдельное место в трудах англо-нормандских авторов занимают образы героинь, выходящих за рамки допустимого женского поведения. В частности, речь идет о женщинах, которые стремятся к неполюженной им власти. Один из ярких примеров этого – история мачехи короля Эдуарда Мученика Эльфриты.

Согласно труду Уильяма Мальмсберийского, король Эдуард отдал сводному брату, будущему правителю Этельреду Нерешительному, и мачехе Эльфрите все привилегии, однако последняя, возжелав для себя и своего сына еще больше власти, приказала убить пасынка, в результате чего была наказана: «Однако женщина с ненавистью мачехи и коварством змеи (*nouercali odio uipereum dolum*), забываясь о том, чтобы ее сын также пользовался королевским титулом, замышляла против жизни своего пасынка заговор, который она осуществила следующим образом. Он возвращался, уставший от охоты, изнеможенный от жажды после своих трудов; его спутники следовали за гонимыми туда, куда их завел случай; и, узнав, что они остановились в соседней деревне, молодой человек прищипнул свою лошадь и поспешил туда, не боясь ничего в силу своей невинности и, несомненно, судя других людей по себе. По его приезду мачеха женскими ласками отвлекла его внимание и, поцеловав, предложила ему испить из кубка. Когда он жадно опустошил его, она приказала одному из своих слуг пронзить [Эдуарда] кинжалом» (*Interea rex Eduardus fratrem periculum et nouercam pietate congrua colere, solum nomen regis habere, illis cetera permittere, paternae religionis uestigia rimari, bonis consiliis aurem et animum accommodare; at mulier, nouercali odio uipereum dolum ruminans ut nec nomen regis filio deesset, insidias priuigno struere, quas hoc modo consummauit. Lassus uenatione reuertebatur*

propter laborem siti anhelus; comites, quo quemque casus tulerat, canes consecabantur; auditoque quod illi in contigua uilla habitarent, equo concito illuc contendit iuuenculus solus, nichil propter innocentiam metuens, aliorum quippe animos ex suo ponderans. Tunc illa muliebri blanditia aduentantem allitiens, sibi fecit intendere, et post libata basia porrectum poculum auide haurientem per satellitem sica transfodit) [13, р. 264–266].

В этом рассказе Эльфриты, с одной стороны, воплощает архетип злой мачехи – традиционный образ ужасной женщины, который уходит своими корнями в женоненавистническую традицию античных и библейских текстов [35, р. 2]. С другой стороны, она, возможно, олицетворяет страх перед женским стремлением добиться власти любой ценой, ниспровергнув естественный порядок вещей. Эльфрита желает несправедливой, чрезмерной и неподобающей ей власти, что делает её особенно порочной в глазах автора и читателей.

Эльфриты порицается не только за несправедливое стремление к власти. Она в истории Уильяма – не только злая мачеха, но и плохая, порочная (*ignominiosa*) мать, что является нарушением традиционных представлений о достойных моделях женского поведения. Она опасна, агрессивна и представляет угрозу собственному сыну. Уильям рассказывает историю, как Эльфрита избила своего невинного (*innocentem*) сына свечами (*candelis*), после чего он всю оставшуюся жизнь боялся их света [13, р. 268]. Уильям называет ее убийцей (*interfectorix*), предопределившей неудачное правление ее сына. «Путь его жизни был жестоким в начале, жалким в середине и позорным в конце» (*Eius uitae cursus seuus in principio, miser in medio, turpis in exitu asseritur*) [13, р. 268], в том числе из-за деяний его матери.

Эта история важна и в другом отношении. Деяния Эльфриты привели к тому, что «вся страна долгое время после этого ревела в варварском подчинении» (*tota patria seruitutem infremuisset barbaricam*) [13, р. 266]. Так хронист напрямую связывает один из поворотных моментов английского прошлого с деяниями женщины, вышедшей за рамки представлений о приемлемом женском поведении.

В итоге, положение страны, которая подверглась датскому завоеванию, усугубили и Эльфриты, которая вышла за рамки приемлемого женского поведения, и ее изнеженный сын, недостойный правитель Этельред. Таким образом, эта история показывает, как нарушение гендерных норм и мужчинами, и женщинами является средством объяснения и выстраивания нарратива в трудах англо-нормандских историков. Приведенный эпизод не только поучителен, он – один из ключевых моментов английского прошлого в труде Уильяма Мальмсберийского.

Есть и другие примеры, характеризующие стремящихся к неполюженной им власти жен-

щин, в особенности мачех. Яркая и поучительная история представлена у Ордерики Виталия. Он рассказывает о второй жене французского короля Филиппа I Бертраде, которая хотела хитростью погубить претендента на престол, пасынка Людовика и обеспечить власть своим сыновьям. Во время его визита в Англию ко двору короля Генриха она отправила письмо, якобы написанное Филиппом, содержащее приказ арестовать Людовика. Мудрый монарх (*Sapiens sceptriger*) не поверил абсурдному и неподобающему поручению (*absurdum et inconueniens preceptum*), порождённому женской необузданностью (*per femineam procacitatem*). В итоге преступное предательство (*nefaria proditio*) мачехи раскрылось, после чего жестокая изменница (*adultera crudelis*), необузданная мачеха (*prosaх poverca*) решает прибегнуть к помощи колдунов и яда. Однако пасынок выжил и выздоровел, после чего заступился за мачеху – отравительницу, колдунью (*venefica*). Поскольку ее злодеяние было раскрыто (*pro detecto scelere contremuit*), она перед ним содрогнулась и, после всего, стала ему служить, чтобы добиться прощения [24, р. 52–54].

Эта история, как минимум по яркой уничижительной лексике, показывает негативное отношение к мачехе, которая стремится всеми возможными способами – хитростью, уловками, ядом, колдунами – завладеть для своих сыновей неположенной им властью.

В итоге в образе мачехи-вдовы видится женщина, с одной стороны, склонная к преступлениям (колдовству, наветам), нарушающая представления о приемлемом женском поведении, с другой – стремившаяся к власти для себя и своих детей, что нарушало порядок престолонаследия и могло привести к хаосу и войнам.

В образах коварных мачех прослеживается критика женщины во власти в целом, однако повега – не только синоним женщины, нарушающей представления о приемлемом женском поведении, это еще и важный инструмент объяснения и конструирования прошлого. Деяния Эльфриты в этом случае – самый яркий пример.

Других женщин, которые стремятся к неположенной им власти, ждет жестокая кара и гибель, как это, например, произошло с сестрой мерсийского наследника Кенельма. Она возжелала власти и престола, предназначавшихся брату, приказала слуге его убить, но и сама была жестоко наказана: «Тогда глазные яблоки той ведьмы (*ueneficae*) были вырваны божественной силой из полых глазниц и запятнали кровью стих: “Это дело клеветников на меня пред Господом и злословящих на душу мою”. Следы крови сохраняются и сегодня, свидетельствуя о жестокости (*immanitatem*) женщины и мести Бога» (*Tum uero ui diuina lumina ueneficae cauis orbibus euulsa cruore uersum polluerunt «Nec opus eorum qui detrahunt michi apud Dominum, et qui*

loquuntur mala aduersus animam meam». *Cruoris signa extant hodie, immanitatem mulierculae et Deilutionem spirantia*) [13, р. 392].

Иоанн Вустерский не передает таких кровавых подробностей, ограничиваясь сообщением о том, что Кенельм погиб из-за козней сестры, чья совесть была вооружена неистовым желанием править (*conscientiam dira cupido regnandi armarat*) [15, р. 238–240].

Так же и у Ордерики женщины, которые преследовали свои собственные цели в контексте, не одобряемом автором, встречаются позорный конец. Мабель, ненавистница обители Сент-Эвруль, поплатилась жизнью за то, что несправедливо лишила Гуго Бунеля земель: в итоге она погибает от его рук в собственной ванной [21, р. 134–136]. С. Джонс выдвигает гипотезу, согласно которой эта история, отсылающая к эпической традиции, в том числе сюжетно повторяющей убийство Агамемнона, является вымышленной [36, р. 17]. Соглашаясь с ее мыслью, можно предположить, что этот сюжет был специально введен Ордерики для того, чтобы очернить образ Мабели, а также привести читателям яркий пример наказания, которое ждет женщину за ее несправедливые деяния.

Другой интересный эпизод – Обри, жена графа Байе Ральфа, была убита мужем за попытку изгнать его из замка. Этот замок, мощный и отлично укрепленный (*ingens et munitissima*), она построила сама, но архитектора, чтобы он не воздвиг другого такого же неприступного сооружения, она казнила [22, р. 290]. Череду зла, начатую женщиной, Ордерики сопровождает следующим рассуждением: «Так что колесо фортуны вращается каждый день, и состояние мира подвержено многим изменениям. Глупец воистину слеп, если, постоянно видя такие вещи, не наказывается, а уповает на то, что рушится в одно мгновение. Человек посылает своего ближнего на смерть и, доведя его до гибели, следует по тому же пути, заслуженно, увы, теряя силу помогать себе или другим» (*En uolubilis fortuna cotidie rotatur: et mundi status uariabiliter agitur. Insipiens nimis excecatur qui talia uidet assidue nec castigatur, sed confidit in eo qui cito precipitatur. Mortalis mortalem in mortem impellit, parique cursu sequitur illum quem in exitium premisit, meritoque sibi uel aliis suffragari posse proh dolor amittit*) [22, р. 290].

В итоге женщина, стремившаяся к несправедливой и чрезмерной власти, жестока (*crudelis femina*), она действует с коварством змеи (*odio uipereum*), ее деяния – преступное предательство (*nefaria proditio*), направленное женской необузданностью (*per femineam procacitatem*).

Подводя итог, отметим, что ненормативное гендерное поведение было не только фактором ослабляющим и порочным, оно служило также средством объяснения катастроф и событий прошлого. Сюжеты с участием женоподобных

мужчин и стремящихся к неполюженной власти женщин сопровождалась порицаниями авторов, которые не только характеризовали таких героев уничижительной лексикой, но и связывали их поведение с трагедиями, случившимися с Англией в XI в.

Завоевание датчан в трактовке Уильяма – наказание, постигшее народ в лице его распутного испорченного короля и его матери, которая воплощает собой «неправильное» женское; крушение Белого корабля с последующей гражданской войной – наказание за содомию, Нормандское завоевание – наказание в том числе за неподобающую мужскую моду. В итоге женподобное и недопустимое женское поведение ведут к катастрофам и являются одной из ключевых причин кризисных событий. Так, нарушение христианской нравственности вписано в исторические труды не только с целью развлекать и назидать – эти сюжеты – неотъемлемая и важная часть построения исторического нарратива и объяснения процесса.

Список литературы

1. Гладков А. К. *Nugae curialium*: критика нравов придворных в английской политической мысли XII века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 9–14. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2012-12-3-9-14>
2. Мереминский С. Г. Формирование традиции: английское историописание второй половины XI – первой половины XII веков. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 496 с.
3. Campbell J. Some Twelfth-Century Views of the Anglo-Saxon Past // *Peritia*. 1984. Vol. 3. P. 131–150.
4. Gransden A. *Historical Writing in England* : c. 550 to c. 1307 : in 2 vols. London : Routledge, 2013. Vol. 1. 1336 p. (First ed. – 1974).
5. Chibnall M. Women in Orderic Vitalis // *Haskins Society Journal*. 1990. Vol. 2. P. 105–121.
6. Fenton K. Gender, Nation and Conquest in the Works of William of Malmesbury. Martlesham : Boydell & Brewer Ltd, 2008. 163 p.
7. Tolhurst F. Geoffrey of Monmouth and the Translation of Female Kingship. New York : Palgrave Macmillan, 2013. 347 p.
8. Stafford P. The Portrayal of Royal Women in England, Mid-Tenth to Mid-Twelfth Centuries // *Medieval Queenship* / ed. by J. C. Parsons. New York : St. Martin's Press, 1993. P. 143–168.
9. Stafford P. Queen Emma and Queen Edith: Queenship and Women's Power in Eleventh-Century England. Hoboken : Wiley-Blackwell, 2001. 384 p.
10. Болдырева И. И. Проблемы образа и статуса Эдиты Уэссекской в Житии Эдуарда Исповедника // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 9 (162). С. 196–201.
11. Болдырева И. И. Женщина как правонарушительница в англосаксонском обществе X–XI веков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 445–450. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-445-450>
12. Болдырева И. И. Положение жены правителя в Англии второй половины X века: королева Эльфтрида // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 198–206. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-198-206>
13. William of Malmesbury. *Gesta Regum Anglorum* : in 2 vols. / ed. by R. A. B. Mynors, compl. by R. M. Thomson and M. Winterbottom. Oxford : Oxford University Press, 1998. Vol. 1. 912 p.
14. William of Malmesbury. *Gesta Regum Anglorum* : in 2 vols. / ed. by R. A. B. Mynors, completed by R. M. Thomson and M. Winterbottom. Oxford : Oxford University Press, 1999. Vol. 2. 544 p.
15. The Chronicle of John of Worcester : in 3 vols. / ed. by R. R. Darlington, P. McGurk. Oxford : Clarendon Press, 1995. Vol. 2. 804 p.
16. The Chronicle of John of Worcester : in 3 vols. / ed. by R. R. Darlington, P. McGurk. Oxford : Clarendon Press, 1998. Vol. 3. 408 p.
17. Henrici Archidiaconi Huntendunensis *Historia Anglorum* / ed. by A. Thomas. London : Longman & Co, 1879. 476 p.
18. Генрих Хантингдонский. История Англиков / пер. с лат., вступ. статья, прим., библи. и указ. С. Г. Мереминского. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. 608 с.
19. Orderic Vitalis. *Historia Ecclesiastica* : in 6 vols. / ed. by M. Chibnall. Oxford : Clarendon Press, 1968. Vol. 1. 402 p.
20. Orderic Vitalis. *Historia Ecclesiastica* : in 6 vols. / ed. by M. Chibnall. Oxford : Clarendon Press, 1969. Vol. 2. 456 p.
21. Orderic Vitalis. *Historia Ecclesiastica* : in 6 vols. / ed. by M. Chibnall. Oxford : Clarendon Press, 1972. Vol. 3. 452 p.
22. Orderic Vitalis. *Historia Ecclesiastica* : in 6 vols. / ed. by M. Chibnall. Oxford : Clarendon Press, 1973. Vol. 4. 393 p.
23. Orderic Vitalis. *Historia Ecclesiastica* : in 6 vols. / ed. by M. Chibnall. Oxford : Clarendon Press, 1975. Vol. 5. 413 p.
24. Orderic Vitalis. *Historia Ecclesiastica* : in 6 vols. / ed. by M. Chibnall. Oxford : Clarendon Press, 1978. Vol. 6. 611 p.
25. Состояние переходности и смыслы истории / под ред. М. С. Бобковой, С. Г. Мереминского, М. П. Айзенштадт. М. : Евразия, 2019. 400 с.
26. Cadden J. The Meanings of Sex Difference in the Middle Ages: Medicine, Science, and Culture. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 328 p.
27. Thibodeaux J. The Manly Priest: Clerical Celibacy, Masculinity, and Reform in England and Normandy, 1066–1300. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2015. 240 p.

28. Eadmeri Historia Novorum in Anglia: et Opuscula Duo de Vita Sancti Anselmi et Quibusdam Miraculis Ejus. London : Longman and Co, 1884. 460 p.
29. Licence T. Sex at the Court of William Rufus // Haskins Society Journal. 2021. № 33. P. 13–33.
30. Fone B. Homophobia: A History. New York : Metropolitan Books, 2001. 496 p.
31. Goodich M. The Unmentionable Vice: Homosexuality in the Later Medieval Period. Santa Barbara : Ross-Erickson Publishers, 1979. 192 p.
32. Niles J. The Idea of Anglo-Saxon England 1066–1901: Remembering, Forgetting, Deciphering, Renewing the Past. Hoboken : John Wiley & Sons, 2015. 425 p.
33. Leyser H. A Short History of the Anglo-Saxons. London : I. B. Tauris, 2016. 256 p.
34. Williams G. Roman Homosexuality. Oxford : Oxford University Press, 2010. 471 p.
35. Clausen S. Stepmothers as Villains: The Dark Side of Medieval Motherhood. URL: https://www.academia.edu/522310/Stepmothers_as_Villains_the_dark_side_of_Medieval_Motherhood (дата обращения: 10.04.2024).
36. Johns S. Noblewomen, Aristocracy and Power in the Twelfth-Century Anglo-Norman Realm. Manchester : Manchester University Press, 2003. 288 p.

Поступила в редакцию 22.07.2024; одобрена после рецензирования 04.09.2024;
принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

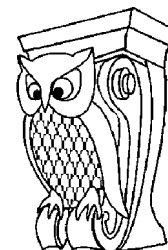
The article was submitted 22.07.2024; approved after reviewing 04.09.2024;
accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 38–43
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 38–43
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-38-43>, EDN: MCLVLG

Научная статья
УДК 94(44)|15|+929Маргарита Ангулемская

Брачные союзы как инструмент политики в эпоху Позднего Средневековья (на примере судьбы Маргариты Ангулемской)

Е. В. Гаврилова

Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, Россия, 196105, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, д. 149

Гаврилова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных наук, Gavrilova@kti.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3135-2861>, Author ID: 613094

Аннотация. Статья посвящена брачной политике французского королевского дома в первой четверти XVI в. Автор выявляет причины заключения династических браков, мотивы выбора брачной стратегии. В центре внимания статьи – судьба сестры французского короля Франциска I Маргариты Ангулемской, которая играла заметную роль не только в истории Франции, но и оказала влияние на политическую ситуацию в Европе, создавая перспективы брачных комбинаций, определявших политику ведущих европейских государств этой эпохи.

Ключевые слова: брачный союз, брачный договор, Маргарита Ангулемская, Франциск I, герцог Карл Алансонский, Карл Габсбург, Генрих Наваррский, герцог де Бурбон

Для цитирования: Гаврилова Е. В. Брачные союзы как инструмент политики в эпоху Позднего Средневековья (на примере судьбы Маргариты Ангулемской) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 38–43. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-38-43>, EDN: MCLVLG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Marriage Alliances as a political tool in the Late Middle Ages (using the example of the fate of Marguerite of Angouleme)

E. V. Gavrilova

St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 149 Moskovsky Prospekt, St. Petersburg 196105, Russia

Elena V. Gavrilova, Gavrilova@kti.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3135-2861>, Author ID: 613094

Abstract. The article is devoted to the problem of the marriage policy of the French royal house in the first quarter of the 16th century. The author identifies the political and dynastic reasons for the conclusion of princely marriages, the motives for choosing a marriage strategy. The article focuses on the sister of the French king, Marguerite of Angouleme, who played a prominent role not only in the history of France, but also influenced the political situation in Europe, creating prospects for brilliant marriage combinations that determine the policies of the leading European states of this era.

Keywords: marriage alliances, marriage contract, Marguerite of Angouleme, Francis I, Duke Charles of Alencon, Charles of Habsburg, Henry of Navarre, Duke de Bourbon

For citation: Gavrilova E. V. Marriage Alliances as a political tool in the Late Middle Ages (using the example of the fate of Marguerite of Angouleme). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 38–43 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-38-43>, EDN: MCLVLG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Для средневековой знати семья нередко служила инструментом политики, и особую роль она играла в королевских домах: заключая брак, можно было укрепить уже существующий союз между государствами, создать новый или же

прочнее привязать к себе недостаточно надежно-го союзника.

Со времен Средневековья до наших дней династический союз всегда был и остаётся одним из наиболее эффективных средств политического действия. Но, пожалуй, никогда династическо-

му браку не уделялось столько внимания, как на стыке Средневековья и Нового времени. И в этом отношении XVI в. особенно показателен: формирование крупнейших абсолютистских держав в Европе и начало создания колониальных империй – все это приводило к тому, что заключение брачных союзов находилось исключительно в сфере политики, направленной на укрепление могущества того или иного государства.

С этой точки зрения супружеские союзы Маргариты Ангулемской, королевы Наваррской, герцогини Алансонской и Беррийской, сестры Франциска I, короля Франции, представляют собой пример тщательно продуманной политической игры в брачном вопросе. Во-первых, Маргарита оставалась свободной для брака достаточно долгое время, что создавало широкие возможности для выбора. Затем, выйдя замуж за герцога Алансонского в 1509 г., она овдовела в 1525 г., и вновь стала объектом хитроумных уловок дипломатов, прежде чем была выдана замуж за короля Наварры Генриха д'Альбре. Во-вторых, эта семейная жизнь Маргариты относительно хорошо документирована. Она была принцессой очень высокого ранга, и ее судьба, безусловно, интересовала европейские дворы, что отразилось в дипломатической переписке, тщательно фиксирующей слухи о ее возможном замужестве. Однако этот тип источников необходимо использовать с осторожностью, поскольку послы могли использовать слухи в своих дипломатических играх с целью запутать дипломатию противника. Но и полностью игнорировать свидетельства этих источников тоже кажется ошибочным [1]. Неслучайно все биографы Маргариты в своих работах обращаются к такого рода источникам, что обогащает наши знания о королеве Наваррской.

Проблема брачных союзов французского королевского дома интересующего нас периода неоднократно поднималась в биографических работах, посвященных Маргарите Наваррской [2]. Большое количество документов о браках Маргариты было, в частности, собрано французским исследователем Пьером Журда [3].

Целью данной статьи является попытка определить особенности брачной стратегии в отношении Маргариты, последовательно изучив историю ее первого брака, вдовства и свадьбы с Генрихом д'Альбре, и, в конечном счёте, ответить на вопрос: почему браки Маргариты так волновали её современников.

В раннем детстве персону Маргариты не вызвала особого интереса при европейских дворах, поскольку нет никаких сведений о касающихся ее брачных планах до лета 1498 г., когда ей исполнилось 6 лет. С одной стороны, это объясняется тем, что юный возраст невесты вполне мог не устраивать потенциальных женихов. Известно, что аристократические помолвки

в возрасте до 6 лет хотя и не были очень широко распространены, но в то же время не являлись особой редкостью. Например, Клод Французской и Карлу Габсбургу при обручении было всего по году.

С другой стороны, вполне очевидно, что дочь Карла Ангулемского не была настолько востребованной невестой на европейском брачном рынке, чтобы вызвать интерес со стороны крупных европейских домов, во всяком случае, послы виднейших держав не упоминают о ней в своих донесениях. Конечно, она была принцессой королевской крови, но представители небогатого Ангулемского дома находились слишком далеко от короля, чтобы брак с Маргаритой действительно можно было рассматривать как союз с французским королевским домом.

Приход к власти в 1498 г. Людовика XII полностью перевернул эту ситуацию. Теперь наследники Ангулемского дома приближались к престолу, и это выразилось в том, что король усилил свой контроль над Маргаритой и Франциском. Юная принцесса неожиданно становилась одной из самых привлекательных невест, и ей было обещано грандиозное европейское бракосочетание, отвечающее интересам королевской дипломатии. Ее положение на рынке невест было особенно высоко, поскольку у Людовика XII до 1510 г. была только одна дочь, Клод, родившаяся в 1499 г., но очень быстро сошедшая с брачной дистанции, поскольку еще в 1501 г. была обещана Карлу Габсбургу. Таким образом, в течение 10 лет Маргарита была единственной французской принцессой, доступной на брачном рынке, и стала объектом самых высоких притязаний. Но Людовик XII уже решил «зарезервировать» свою молодую кузину за Англией, предложив ее в 1500 г. принцу Уэльскому [4, р. 260], а затем, после смерти последнего в 1502 г., его младшему брату Генриху [5, р. 511].

Безусловно, этот проект устраивал французский двор. В долгосрочной перспективе брак с будущим английским правителем позволял создать при дворе Тюдоров франкофильскую партию. Еще жива была память о выгодах, которые французская дипломатия могла извлечь из брака Маргариты Анжуйской с Генрихом VI в 1445 г. [6]. Но англичане каждый раз отклоняли французские предложения. Проект был возобновлен в декабре 1503 г., но без дальнейшего успеха [7, р. 590]. Разумеется, в глазах дипломатов Маргарита была всего лишь двоюродной сестрой короля, обреченной все больше отдаляться от престола, и маловероятно было на тот момент, что она могла серьезно усилить политические перспективы для будущего короля Англии. В своей работе Ж. Ж. Шампльон-Фижак приводит ответ, который якобы дал оруженосец Генриха VII Людовику XII: «Sire, combien que l'offre dudit mariage est honnorable et que ledit conte [François d'Angoulême] peut

par aventure suscéder à ladite couronne après vous, semble au roy vostre bon frere et cousin, mon souverain seigneur, et à son conseil, que le mariage n'est pas propice ne convenable, pource que vous et la royne, vostre compaignie, estes encoires assez jeunes et que pourrez encoires avoyn plusieurs enfans, tant en filz que en fille». («Сир, насколько благородным является предложение руки и сердца и насколько упомянутый граф [Франсуа д'Ангулем], желающий получить указанную корону после вас, кажется королю, вашему доброму брату и кузену, моему суверенному лорду, и его совету, что этот брак не только не благоприятный, но и не подходящий, потому что, по его мнению, вы и королева, еще довольно молоды, и у вас еще могут быть дети, как сыновья, так и дочери») [5, р. 520].

Тем не менее в июле 1505 г. Генрих VII поменял свое решение и попросил выдать Маргариту за принца Уэльского. Но теперь, как это ни парадоксально, именно французы отвергли английские предложения [8, р. 108]. Старый король Англии был настолько настойчив в создании этого союза, что даже предложил себя в женихи Маргариты, но в итоге ничего не добился [9, р. 23–26]. А осенью 1505 г. французская сторона окончательно отказалась от этого плана. Этот удивительный поворот французской политики можно легко объяснить, поместив в династический контекст. Серьезная болезнь, поразившая Людовика XII весной 1505 г., не оставляла надежд на появление долгожданного наследника ни у короля, ни при дворах Европы. В этой связи коренным образом изменяется положение Ангулемских герцогов [10, р. 365]. Возникла необходимость в переориентации французской брачной стратегии. Австрийская помолвка принцессы Клод (дочери Людовика XII) была расторгнута в пользу Франсуа Ангулемского [11, с. 68–72].

Болезнь Людовика XII также повлияла на положение принцессы Маргариты, которая теперь становилась сестрой наследника короны и открывала перед своим будущим супругом большие перспективы. Но наследник был еще ребенком со всеми вытекающими отсюда жизненными опасностями, среди которых главной была возможная ранняя смерть без потомства. И эта угроза повышала значимость руки Маргариты в глазах европейских дворов. Она могла претендовать на наследство Орлеанского дома, в котором допускалось наследование по женской линии.

Исследователи полагают, что в начале XVI в. исключение женщин из права наследования французского престола еще не приобрело непреходящую прочность. Практически во всех европейских странах строгие принципы наследственной линейности даже имели тенденцию ослабевать. Права правящих домов нигде не подвергались сомнению, но вот порядок престолонаследия вполне мог быть оспорен. Монархическая

власть, оставаясь ограниченной строгим династическим принципом, становилась все более харизматичной, и любой принц крови выглядел как потенциальный король. Примером тому служат Война роз в Англии, воцарения Карла де Виана в Наварре или Бельтранехи в Кастилии.

Таким образом, политическая фигура Маргариты обретала вес, особенно в случае гипотетической смерти Франциска, лишённого каких-либо близких родственников мужского пола. Полностью отстранить Маргариту, в жилах которой текла королевская кровь, от власти было невозможно. Дипломаты осознавали эту ситуацию и не могли исключить династические случайности, поэтому становилось понятно, что английский альянс был Ангулемскому дому больше не выгоден.

Об этом же еще в июле 1505 г. венецианский посол сообщал Совету десяти: французы, «ожидая короны Франции в Ангулеме, не отдали свою сестру Англии, чтобы не дать этому королю возможности претендовать в будущем» (*aspettandosi a d'Angoulême la corona di Francia, nondarrebbono la sorella in Inghiltera, per non dare occasione di ragioni a quel re per etempi futuri*) [8, р. 108] на французскую корону.

Судьба принцессы была решена, когда Людовик XII, исключив всех иностранных претендентов на руку Маргариты, 2 декабря 1509 г. передал ее Карлу д'Алансону, французскому принцу. Все биографы Маргариты отмечают, что в основе этого союза лежало стремление урегулировать многолетний судебный процесс между Ангулемским и Алансонским домом из-за прав на наследство Арманьяков. И действительно, брачный договор предусматривал отказ Франциска д'Ангулемского от этих прав в пользу его нового зятя. Конечно, Людовик XII, опекун Маргариты, должен был стремиться уладить разногласия между младшими ветвями королевского дома, но решать этот вопрос ценой брака принцессы такого уровня кажется удивительным.

Есть, на наш взгляд, основания предполагать, что Алансонский брак стал следствием новой брачной стратегии, в рамках которой также отказались от австрийской помолвки в пользу Франциска. Карл д'Алансон оказался ближайшим наследником Франциска д'Ангулема по мужской линии и в соответствии с «салическим законом» мог надеяться на французский трон, который при других обстоятельствах был для него недостижим. Бракосочетание с принцессой Маргаритой приближало алансонцев к трону, поскольку Карл становился зятем будущего короля, а его собственный сын, который по отцовской линии имел бы только 14-ю степень родства с Франциском, по материнской линии стал бы его племянником.

Таким образом, Маргарита была важным связующим звеном между братом и мужем. И с воцарением Франциска она стала определяющим

фактором преемственности французского государства, особенно с учетом того, что у ее брата еще не было детей. Маргарита, по сути, играла для своего мужа ту же роль, что и Клод Французская для Франциска.

Кроме того, новый король осыпал Алансонский дом благодеяниями. Карл получил титул первого светского пэра и «второго лица королевства». Франциск передал ему управление Нормандией и отказался в его пользу от королевских прав на наследство Арманьяков.

Маргарита, как принцесса крови и жена наследника престола, играла значительную роль при дворе. Однако со временем ее положение начинает меняться. Рождение у короля троих сыновей отодвигает Карла Алансонского от престола и снижает влияние Маргариты при французском дворе.

Ситуация меняется после смерти королевы Клод и катастрофы при Павии 24 февраля 1525 г., приведшей к пленению короля. Регентом Франции становится Луиза Савойская – мать короля, и герцогиня Алансонская вновь начинает играть заметную роль в политике королевства. Кроме того, Маргарита становится вдовой, потеряв мужа, скончавшегося 11 апреля 1525 г. в Лионе. Король Франциск I, вступая в переговоры с Карлом V, имел возможность политического маневра для заключения союза в лице своей сестры, вновь свободной для заключения брачного союза.

Усилия французской дипломатии были направлены на то, чтобы внести разногласия между победителями и разорвать союз Карла V и коннетабля де Бурбона, который скрепляла помолвка Элеоноры, сестры императора, обещанная мятежному герцогу.

Вступив в мирные переговоры с Габсбургами, Франциск просил руки испанской принцессы, тем самым ставя их в сложное положение. По дипломатическим обычаям той эпохи заключение мирного договора могло сопровождаться брачным союзом. Но, поскольку у испанцев не было другой принцессы, кроме Элеоноры, выбрать предстояло между Франциском и герцогом де Бурбоном. Карл V, чтобы не ставить под угрозу отношения с коннетаблем, предложил Франциску заключить союз между дофином и Марией Португальской, дочерью Элеоноры от первого брака [5, р. 153].

В этой ситуации смерть герцога Алансонского позволила Франциску предложить Бурбону руку Маргариты. После официального объявления эта новость быстро облетела европейские дворы.

Дипломатические игры Франции имели несомненный успех, даже в случае провала этого проекта союз между Карлом и Бурбоном подвергался серьезному испытанию, породив атмосферу недоверия. Таким образом, Франциск трансформировал свое военное поражение в дипломатический успех и отправлялся в испанский

плен, обладая серьезными дипломатическими активами: финансовые трудности Испании, неустойчивая позиция Бурбона, колебания англичан – все это могло сыграть в его пользу.

Среди биографов Маргариты высказывается мнение, что она была настроена резко против этого союза, полагая для себя неприемлемым становиться супругой предателя Франции. Но было бы наивно полагать, что личные предпочтения Маргариты могли повлиять на брачную стратегию государства. В основе династического брака почти никогда не лежали чувства. В лучшем случае заботились о том, чтобы будущий супруг не испытывал непреодолимого отвращения к своей супруге, поскольку это могло нанести серьезный ущерб династическим интересам. Безусловно, Маргарита отдавала себе отчет в том, что династический брак – это дело политическое, тем более что коннетабль де Бурбон, принц крови, знаменитый полководец и богатый феодал, не мог считаться плохой партией.

Другое дело – отношение к этому союзу королевы-матери Луизы Савойской. Именно ее действия спровоцировали измену коннетабля, поскольку она объявила о своих претензиях на наследство жены герцога Бурбон-Боже, которое было решено в ее пользу. Вражда между королевой и герцогом привела к тому, что регентша попыталась сорвать этот проект, предложив партию Рене Французской, младшей дочери Людовика XII, которой герцог вполне мог бы довольствоваться, а Маргариту – Карлу V. Но королеве Луизе не удалось реализовать этот план, и она была вынуждена согласиться на брак Маргариты с герцогом Бурбоном [5, р. 525].

Переговоры продолжались в течение лета, и испанцы, похоже, смирились с тем, что согласились на предложенный французами двойной брак. Во всяком случае, такие слухи ходили по европейским столицам. Например, венецианский посол объяснял задержку отъезда Маргариты ожиданием испанских гарантий относительно ее брака с коннетаблем. Несомненно, она получила их, если судить по письму Карла V своему послу в Риме от 13 августа. В нем император объявил, что мир вот-вот будет подписан и что остается только ждать приезда в Толедо Маргариты и коннетабля [4, р. 287].

Но больше вопрос об этом брачном проекте не поднимался. Дело в том, что Франциск заболел в испанском плену, и ситуация резко изменилась. В случае смерти короля ему наследует дофин, которому на тот момент исполнилось 7 лет. Следовательно, государством в течение долгих лет будет управлять регент. Луиза Савойская была уже в возрасте и испытывала проблемы со здоровьем. А это означало, что Маргарите, вероятно, пришлось бы взять на себя эти обязанности. И тогда герцог Бурбонский, ставший первым принцем крови после смерти герцога Алансонского, возымел бы серьезное влияние

на управление страной. А в случае женитьбы на Маргарите у него появилась бы возможность поставить монархию под свою опеку. Таким образом, как и в 1505 г., серьезные династические императивы сделали брак Маргариты политически неприемлемым.

Осенью 1525 г. ситуация вновь кардинально изменилась. Выздоровление короля, а затем угроза его отречения вынудили испанцев согласиться на Мадридский договор. Король Франции взял в жены испанскую принцессу, вернулся домой и положил конец всем угрозам жизнеспособности Ангулемской династии. Маргарита отошла от государственных дел, и ее руку вновь можно было безопасно использовать в дипломатических целях.

В январе 1527 г. Маргарита вышла замуж за Генриха д'Альбре, короля Наваррского. Заключение этого союза позволило Франциску I продолжить политику осторожного, но последовательного нарушения Мадридского договора, в котором был пункт, обязывающий короля Франции не оказывать прямой или косвенной помощи дому д'Альбре против императора. Заключение брака между Маргаритой и Генрихом Наваррским, враждовавшим с Испанией, оккупировавшей с 1512 г. почти все его небольшое королевство, было враждебным актом по отношению к Карлу Габсбургу [12].

Не имея достаточных средств для борьбы с Испанией за свое королевство, Генрих Наваррский, тем не менее, осознавал себя в праве и принимал активное участие в антииспанских кампаниях. В битве при Павии он даже попал в плен, но ему удалось бежать.

Заключение брака между Генрихом и Маргаритой создавало основания для военного союза. Франциск рассчитывал использовать войска Наварры для того, чтобы в приграничных сражениях в Пиренеях оттягивать силы испанцев на итальянском театре военных действий. В более долгосрочной перспективе король мог разыграть наваррскую карту в обмен на испанские уступки в Бургундии и Милане. Таким образом, французская дипломатия рассчитывала извлечь серьезные выгоды из брака Маргариты.

Однако этот брак не принес ожидаемого эффекта. Мало кто в Европе верил в то, что Франциск разрешит Наваррский вопрос. Кроме того, Наваррский брак не повлиял по большому счету и на Итальянскую кампанию Бурбонов, и во время переговоров в Толедо в сентябре 1527 г. французские полномочные не смогли отстоять интересы Маргариты и Генриха Наваррского, что впоследствии приведет к сближению последнего с Карлом V.

Меньше всех от этого брака выиграла Маргарита. Выйдя замуж за Альбре, она стала королевой, не имеющей суверенного государства. К тому же она была достаточно знакома

с французской политикой, чтобы не питать особых иллюзий относительно поддержки, которую ее брат мог бы оказать Наварре. Она старалась повлиять на Франциска в этом вопросе, но безуспешно, что в итоге привело к охлаждению отношений между нею, братом и матерью. Кроме того, выйдя замуж за иностранного государя, она утратила реальное политическое влияние во Франции. Если еще недавно вдова герцога д'Алансона вела переговоры в Толедо на самом высоком уровне, то теперь королева Наваррская фигурировала во французских делегациях только в протокольных мероприятиях [13, р. 123–139].

Насколько этот союз удовлетворял Генриха Наваррского? С одной стороны, Маргарита была хороша собой, блестяще образована, принесла ему богатое приданое (45 000 ливров и Арманьякские права, унаследованные ею от мужа и значительно укрепившие владения Альбре). С другой стороны, ей было почти 35 лет. За 15 лет брака с герцогом Алансонским она не смогла произвести на свет наследника. Может быть, в этом была причина, по которой испанский двор не согласился на ее брак с Карлом, ведь в то время ни у императора, ни у его брата Фердинанда наследников не было.

Таким образом, Генриху д'Альбре дорого обходился его престижный союз, поскольку у него не было брата, он рисковал будущим своей династии. Эта перспектива не могла не быть предусмотрена Франциском I, когда он отдавал свою сестру представителю одной из последних крупных феодальных семей королевства. И как оказалось, надежды оправдались – у Маргариты и Генриха выжила единственная дочь, которая была призвана ко двору и воспитывалась вдали от родителей. Браком Жанны д'Альбре с Антуаном де Бурбоном французская монархия еще более связала Наварру с Францией.

Таким образом, важность браков Маргариты была в значительной степени недооценена, хотя в конечном итоге они и не раскрыли всей полноты своих потенциальных возможностей. Сестра Франциска была слишком близка к трону, чтобы брачная политика в отношении нее не определялась государственными интересами. Напомним, что после свадьбы Екатерины Французской и Генриха V в 1420 г. старшие дочери короля Франции были «зарезервированы» за принцами крови, и только младшие дочери по-прежнему могли использоваться в дипломатической игре.

В этом смысле показательны колебания французского двора в поисках жениха для Маргариты. До 1505 г. она была достаточно удалена от трона, чтобы ее можно было рассматривать в интересах французской внешней политики. Разрыв австрийской помолвки принцессы Клод Французской значительно приблизил Маргариту к власти, и теперь ее брак с иностранным

принцем стал политически невозможен, что привело к тому, что ее пришлось оставить принцу крови. Наличие многочисленных наследников у Франциска и Клод позволило вновь свободно распоряжаться рукой Маргариты, когда она овдовела, но болезнь короля и перспектива регентства привели к тому, что ее Бурбонский брак распался. Потребовалось исцеление и освобождение из плена Франциска, чтобы Маргарита, теперь уже окончательно отдалившаяся от французского престола, снова стала объектом для матримониальных планов уже Наваррского союза. В этом смысле второй брак Маргариты стал подтверждением того, что он утратил свое значение.

Высокая политическая значимость Маргариты при французском дворе в первые десятилетия XVI в. объясняется династическими особенностями королевского дома. Впоследствии, после появления достаточного количества наследников у короля, ее влияние сошло на нет. Но кроме этого изменилась и сама политическая ситуация. Уходили в прошлое мятежи крупных вассалов и принцев крови. В Европе сложились централизованные государства, основанные на абсолютной власти монарха.

Список литературы

1. *Marrou H.-I.* De la connaissance historique. Paris : éditions du Seuil, 1954. 300 p.
2. *Jourda P.* Une princesse de la Renaissance, Marguerite d'Angoulême, reine de Navarre 1492–1549. Paris : Slatkine Reprints, 1973. 290 p.
3. *Jourda P.* Marguerite d'Angoulême, duchesse d'Alençon, reine de Navarre : en 2 volumes. Paris : Champion, 1930. Vol. 1. 375 p.
4. *Gayangos P., Bergenroth G. A.* Calendar of letters, despatches and state papers relating to the negotiations between England and Spain : in 2 vols. London : Longmans, 1862. Vol. 2. 562 p.
5. *Champollion-Figeac J. J.* Lettres de rois, reines et autres personnages des cours de France et d'Angleterre : en 2 tomes. Paris : Imprimerie Royale, 1847. T. 2. 614 p.
6. *Bagley J. J.* Margaret of Anjou. London : H. Jenkins, 1948. 256 p.
7. *Sanuto M.* I Diarii di Marino Sanuto : in 55 volumi. Venise : M. Visentini, 1883. Vol. 5. 650 p.
8. *Desjardins A.* Négociations diplomatiques de la France avec la Toscane : en 6 tomes. Paris : Imprimerie impériale, 1861. T. 2. 1117 p.
9. *Brewer J. S., Gairdner S.* Letters and papers foreign and domestic of the reign of Henry VIII : in 14 vols. London : H. M. Stationery Office, 1882. Vol. 2. 794 p.
10. *Lecoq A. M.* François I-er imaginaire, symbolique et politique à l'aube de la Renaissance française. Paris : Macula, 1987. 565 p.
11. *Лемонье А.* Итальянские войны (1492–1518). СПб. : Евразия, 2020. 288 с.
12. *Boissonnade P.* Histoire de la réunion de la Navarre à la Castille: essai sur les relations des princes de Foix-Albret avec la France et l'Espagne (1479–1521). Paris : Picard, 1893. 685 p.
13. *Ripart L.* Marguerite à Nice (juin 1538) // Actes du colloques Marguerite de Navarre. Nice : Faculté des lettres, arts et sciences humaines, Université de Nice 1993. P. 123–139.

Поступила в редакцию 23.07.2024; одобрена после рецензирования 15.09.2024; принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 23.07.2024; approved after reviewing 15.09.2024; accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025

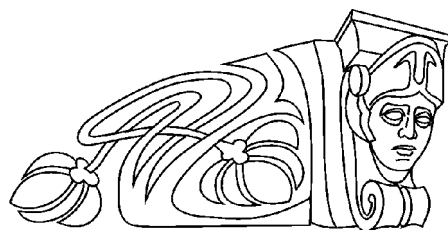

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 44–53
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 44–53
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-44-53>, EDN: QMMKWG

Научная статья
УДК [94+355](410)|1603/1714|

Англия «Великого века» и проблемы военного строительства (1603–1714)

Д. О. Гордиенко

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

Гордиенко Дмитрий Олегович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения, stuartssergant@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3607-2095>, Author ID: 301156

Аннотация. В статье рассматривается развитие идеи и института постоянной армии в Великобритании эпохи Стюартов. На примере английской милитаризации показан процесс складывания военно-фискального государства на Британских островах. Основным политическим событием, приведшим к созданию регулярной армии, стала гражданская война. Флот был порожден противостоянием с Соединенными Провинциями и Францией. Формулируется вывод, согласно которому процесс милитаризации Англии XVII в. был важной частью государственной политики – как Короны, так и ее оппонентов.

Ключевые слова: раннее Новое время, государство Нового времени, милитаризация, регулярное государство, военно-фискальное государство, регулярная армия, британский флот

Для цитирования: Гордиенко Д. О. Англия «Великого века» и проблемы военного строительства (1603–1714) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 44–53. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-44-53>, EDN: QMMKWG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

England of the “Great century” and the problems of military construction (1603–1714)

D. O. Gordienko

Samara National Research University, 34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russia

Dmitry O. Gordienko, stuartssergant@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3607-2095>, Author ID: 301156

Abstract. The article shows the development of the idea and institution of standing army in Great Britain of the Stuart age. On the example of English militarization the process of formation of the military-fiscal state in the British Isles is shown. The main political event that led to the creation of a regular army was the Civil War. The navy was spawned by the confrontation with the United Provinces and France. It is concluded that the process of militarization of seventeenth-century England was an important part of state policy, both of the Crown and of its opponents.

Keywords: Early Modern times, modern state, militarization, regular state, fiscal-military state, regular army, British Navy

For citation: Gordienko D. O. England of the “Great century” and the problems of military construction (1603–1714). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 44–53 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-44-53>, EDN: QMMKWG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Данная работа представляет собой попытку реконструкции процесса создания в Англии XVII – начала XVIII в. (Трех королевств Великого века) регулярных вооруженных сил. Если в 1603 г. Корона не располагала постоянной армией и сильным флотом, то к 1714 г. страна обладала достаточно сильной сухопутной армией и претендовала на статус одной из ведущих морских держав.

Собственно, профессиональный интерес к военной истории Великобритании этого периода начинается в первой половине XIX столетия –

времени активного переосмысления истории Британских островов в контексте начала великодержавного и имперского строительства. Одним из первых специалистов, активнейшим образом работавших в данном направлении, стал старший офицер штаба полка Королевской конной гвардии (имеется в виду конкретный полк, а не вся бригада придворной кавалерии) Р. Кэннон, подготовивший обширный ряд полковых историй британской армии, ставших эталонными в свое жанре (например: [1]). В конце XIX в. была опубликована обстоятельная работа пол-

ковника К. Уолтона, старшего штабного офицера британской армии, явившаяся важной вехой изучения военной истории XVII в. на Британских островах [2]. Обобщая труды своих предшественников, сводя воедино путь, проделанный вооруженными силами Великобритании со времен Средневековья и до развития армии империи накануне реформ лорда Кардуэлла, в 1899 г. начал публикацию истории британской армии Д. У. Фортеस्कю. Аристократ, майор ополчения, пожалованный рыцарским титулом за многолетний вклад в увековечивание славной английской военной истории, президент Королевского исторического общества, Фортеस्कю в условиях Великой войны 1914–1918 гг. (накануне и после) написал классическую работу, оду и панегирик армии-создательницы Великой Британии, считающуюся до сего дня классической. Британские вооруженные силы у Фортеस्कю – это армия джентльменов, клуб рыцарей без страха и упрека [3, р. 159–592].

Проблемы строительства армии Нового образца Кромвеля – вооруженных сил, бывших инструментом захвата власти в Британии Нового времени диктатурой военных, – впервые на серьезном уровне были описаны крупным специалистом по английской истории Великого века, современником Фортеस्कю и его предшественником на посту президента Исторического общества, сэром Ч. Х. Фиртом [4]. В дальнейшем эта тема станет предметом исследования американского историка М. Кишлански – крупнейшего исследователя этой проблемы во второй половине XX – начале XXI в. [5].

Основным современным специалистом, избравшим предметом своих научных изысканий военную историю эпохи Реставрации, справедливо считается Д. Чайлдс. В трилогии, разбирающей становление и развитие института королевской регулярной армии, Чайлдс показывает на новом качественном уровне пути развития вооруженных сил и проблемы, с которыми пришлось столкнуться Короне в процессе военного строительства, в том числе те, которые не могли быть подняты авторами «героического направления» (Фортеस्कю и Уолтоном) – коррупцию и другие негативные стороны армейской социальной истории [6–8].

В современной исторической науке «долгий» XVII век пользуется определенным вниманием, существуют как обобщающие, так и более специализированные исследования (например: [9]). Особо стоит отметить работы А. Смит, посвященные роли военных в формировании и функционировании правящих режимов в Великобритании [10, р. 1–217] и Д. Блэка, признанного специалиста по военной истории XVII–XX вв. [11–12].

В отечественной исторической традиции военная история века двух английских революций

не является популярным направлением, в отличие, например, от парламентской или интеллектуальной истории. Среди специалистов по данной проблеме необходимо отметить К. Н. Станкова [13–14] и Д. О. Гордиенко [15]. Вопросы использования армии в качестве «умиротворителя» мятежных окраин рассматривались в работах С. Г. Малкина [16, 17, с. 420–546]. Военно-морская история этой героической эпохи – времени начала спора за наследство пиренейских колониальных империй между Голландией, Англией и Францией – стала темой целого ряда научно-публицистических работ тандема Махов – Созаев [18].

Европа Великого века – война и «долгое XVII столетие»

Главной трудностью роста государственной власти в течение «долгого XVII века» (времени барокко и жесточайших войн, сотрясавших Европу, едва пришедшую в себя после раскола Реформации), роста, заключавшегося в централизации и приобретении монархической властью (там, где она уже существовала) абсолютного характера, была необходимость повышения налогов и создания сильной армии, формирования в условиях «войны всех против всех» развитого и постоянно функционирующего аппарата насилия – важнейшего инструмента в руках суверена при решении вопросов как внешней, так и внутренней политики.

Ко времени воцарения династии Стюартов на престоле объединенных личной унией Трех королевств в начале XVII в. ни Лондон, ни Эдинбург, ни Дублин не располагали сухопутной армией [19, р. 3–4]; сколь-нибудь боеспособным был только английский королевский флот. На пороге Великого века Стюарты столкнулись с возрастающим давлением внутренних и внешних угроз, но без эффективного (силового) инструмента реагирования на них. В начале Нового времени европейские государства вынуждены были изыскивать возможности для своего усиления; победители вошли в XVII–XVIII вв. в «клуб великих держав», проигравшие рисковали лишиться своей государственности.

Основным инструментом нарождавшегося европейского регулярного государства была постоянная армия, активно использовавшаяся для подкрепления авторитета государства во внешних делах. XVII – начало XVIII в., время так называемого «Великого века», было эпохой как минимум двух колоссальных конфликтов – Тридцатилетней войны и войны за Испанское наследство, с примыкающими к ним войнами-спутниками на востоке Европы [20, с. 55–171]. Внутри государства армия гасила очаги сопротивления – от Фронды Людовику XIV и герильи подданных Филиппа IV Испанского до восстаний в России при Алексее Михайловиче. Этот период

стал временем активного создания регулярных армий большинством государств Европы.

Для всех подданных Стюартов вопросы милитаризации государства в «долгом XVII в.» после начала правления Карла I (с его более агрессивной по сравнению с Яковом I внешней политикой) встали с особой остротой – Корона (и Парламент) вынуждена была сражаться со своими политическими оппонентами в Англии, замирать кельтские окраины, удерживать власть, мериться силами с иностранными державами. Страна, пережившая при Стюартах две революции, каждая из которых вызвала тяжёлые гражданские войны, оказалась втянута в серьёзное противостояние со своим вчерашним союзником и постоянным в XVII в. конкурентом – Соединёнными Провинциями. Три войны прошли для Туманного Альбиона с переменным успехом, но Англия потеснила голландцев на море; постоянная угроза со стороны голландцев побудила Британию обзавестись сильным военным флотом (манифестом к строительству которого был Навигационный акт Кромвеля). Угрозы, в первую очередь внутренние, оставались важным фактором развития уже Великобритании и после 1714 г.: первые Георги столкнулись с сильнейшими шотландскими восстаниями под знаменем якобитского движения 1715 и 1745 гг. – и оба раза (как и ранее, в начале правления Вильгельма III) сопутствующим фактором была поддержка мятежников Францией, сильнейшей военной державой второй половины XVII – середины XVIII в.

Каким образом Англия, превращавшаяся из Трёх королевств в Великобританию, бывшая в начале славного (для историографии имперских времен) пути колониального строительства, создавала свои вооружённые силы – боеспособную и с определённого времени многочисленную, по европейским меркам, регулярную армию и мощный военный флот, – прошла путь милитаризации, и был ли он вынужденным ответом на общеевропейские тренды и британские реалии?

Британская милитаризация Великого века: создание института. «Наследие Золотого века»: аппарат насилия в начале XVII столетия

Было бы большой наивностью полагать, что процесс создания британских регулярных вооружённых сил начался в условиях отставания Англии от континента. Большинство европейских держав к началу XVII в. если и располагали регулярной армией и флотом, то в крайне ограниченном количестве. Только голландцы и испанцы обладали крупными вооружёнными силами.

На конец эпохи Тюдоров Лондон имел флот и два отряда гвардии (в начале правления Карла I по штатам было 265 человек в обоих подразделениях) [21, р. 27]. Несколько гарнизонов кон-

тролировали ключевые крепости, исполняя полицейские функции. Волнения на периферии подавляли верные государю лорды. Если конфликт затягивался (ирландский сценарий, как правило), то Корона нанимала добровольцев, формируя войска, задействованные только на время кампании. Большая часть флота в военное время – мобилизованные «купцы». К концу «Золотого века» королевские девственницы Англия ещё не была великой морской державой – было бы большой ошибкой полагать флот Елизаветы (как и Якова I и раннего Карла I) тождественным флоту первых двух Георгов или, тем более, флоту образца 1805 г.

Декларируя верность политике миролюбия, Англия отстаивала свои интересы как при Елизавете, так и при Якове I, отправкой английских контингентов на континент для поддержки союзников. Уже до 1625 г. отсутствие регулярной армии, пускай и небольшой, сковывало руки Стюартам. Риски, вызванные отсутствием полноценных сухопутных сил, стали очевидными на заре царствования Карла I, когда началась война с Францией [22]. Полный провал «замечательной» десантной экспедиции к острову Ре выявил острую потребность в создании постоянной армии, о чём начинали говорить ещё во второй половине XVI в. [23, р. 34]. В это же время ставшая уже традиционной экспедиция к Кадису показала необходимость скорейшего реформирования королевского флота.

Вызванный поражениями в испанской и французской войне кризис власти, вершиной айсберга которого было обслуживание долгов Короны [24, р. 245–246, 252–262], в 1628–1629 гг. был с большим трудом погашен. Начались «одиннадцать лет тирании» – персональное правление Карла I (1629–1640).

1630-е: «одиннадцать лет тирании» и проблемы военного строительства

В 1630-х гг. администрации Карла I удалось совершить рывок в вопросах строительства вооружённых сил. Впервые в истории Англии Нового времени Корона смогла построить сильную постоянную армию и развернуть широкомасштабное строительство военного флота. Однако ключевым вопросом во взаимоотношениях власти и политически активной части нарождавшейся британской нации были сложности в финансировании этих весьма дорогостоящих институтов. И если ведущие континентальные державы при решении подобных вопросов располагали уже существующими контингентами регулярной армии и могли купировать (с огромным трудом) риски от недовольства своих подданных, то Карл I оказался слабее своих политических оппонентов.

Первым в истории Британской короны проектом по созданию постоянных вооружённых

сил стал корпус, который развернул наместник Ирландии виконт Уэнтворт. Подобные идеи активно высказывались ещё в XVI в. Назначенный в 1565 г. наместником Ирландии сэр Г. Сидни предлагал набрать постоянную армию для контроля над Ирландией; офицерские кадры он предлагал найти среди английских дворян, служивших в голландской или французской армиях [25, р. 16]. Эти войска (численностью, как планировалось, до 10 тыс., в реальности удалось собрать немногим больше 6 тыс.) должны были стать опорой Короны в условиях активной в первой трети XVII в. протестантской колонизации Изумрудного острова. Основная часть чинов корпуса была реформистского вероисповедания. Однако для оппозиции эти войска стали удобным поводом обвинить Корону в напрасной трате больших денег (хотя Уэнтворт оплачивал армию из средств, добытых в Ирландии) и намерении при помощи «преторианцев» задушить свободы в Англии. Армию, защищавшую интересы протестантов, окрестили «папистской» (протоколы допросов опального Страффорда [26]).

В 1630-е гг. Карл I сумел впервые после Генриха VIII провести программу по увеличению численности флота. Англия в условиях ухудшающихся отношений с Голландией начала готовится к конфликту, осуществленному только администрацией Оливера Кромвеля – Первой англо-голландской войне.

Корона достаточно уверенно решила поставленные перед ней задачи – армия (на периферии) и флот были созданы в кратчайшие сроки. Однако «денежный вопрос» поляризовал общество, оттолкнул от королевской власти значительную часть нации. Карл I вопреки воле многих своих подданных начал курс на милитаризацию – Англия готовилась вступить в борьбу за свои колониальные и коммерческие интересы.

«Скотт в поход собрался»:

Корона и кельтская периферия, 1637–1641 гг.

«Слабым звеном» режима Карла I, который в итоге оказался втянут в гражданскую войну, стали кельтские территории [27, р. 27]. Неспособность Лондона выстроить свою политику по отношению к Шотландии и Ирландии привела к военным конфликтам, которые Корона не смогла решить ни политическими, ни военными мерами.

В Шотландии Карл I столкнулся с сопротивлением территории, которая по своему военному потенциалу оказалась сильнее Англии – шотландцы опирались на уже оформившуюся традицию наёмничества и тысячи ветеранов европейских конфликтов влились во вполне феодальное ополчение Ковенанта. В ходе Епископских войн шотландцы оказались успешнее, чем английское войско, набранное по традиционной системе, –

милиция и феодальные по своей сути отряды лордов.

В условиях отзыва из Ирландии наместника Уэнтворта, ослабления «ирландской армии» и катастрофы режима Карла I на «шотландском фронте» ирландское восстание 1641 г. стало ответной реакцией на проводимую Короной политику. На фоне назревающего конфликта в самой Англии Корона не располагала возможностью для скорейшего наведения порядка. Изумрудный остров стал ещё одним «слабым звеном» монархии Стюартов [28]. Кризис в Шотландии и Ирландии фактически уничтожил нарождающуюся Великую Британию.

Если проигранные на заре царствования Карла I войны показали, что Короне для отстаивания своих внешнеполитических интересов нужны регулярная армия и флот, то катастрофические последствия кризиса кельтской окраины рубежа 1630–1640-х гг. наглядно продемонстрировали, что развитый аппарат насилия есть один из важнейших институтов, удерживающий государство от политической смуты.

Двадцать лет Великого мятежа –

обретение регулярной армии, 1642–1660 гг.

Конфликт, разгоревшийся в 1642 г. (его начало традиционно относят к августу, когда в ответ на мятеж «круглоголовые» король поднял свой штандарт в Ноттингеме), разворачивался в условиях отсутствия постоянной армии у противоборствующих сторон. Сложно ответить на вопрос, пришли бы обе стороны к созданию регулярной армии, продлись Первая гражданская война дольше, но неоспоримо, что победившая сила – парламентарии, «круглоголовые» – первыми дошли до организации регулярной армии (армии нового образца). Именно благодаря военному гению лорда-протектора Оливера Кромвеля (а также всем тем представителям английской аристократии и дворянства, возглавивших войска парламентариев – лорда Фэрфакса, например), его реформам, армия Новой Модели сумела стать заметным примером военного строительства своего времени [5, р. 160–163]. Более того, победившая сторона сумела довести количество войск до огромной, по английским меркам раннего Нового времени, численности в 80 тысяч человек.

Полученный инструмент новая власть (парламент образца 1642 г., военная хунта, стоявшая за ранним Кромвелем и режим лорда-протектора) активно применила на практике, решив целый ряд внутренних и внешних вопросов. Армия добила режим Карла I, замирила Ирландию и Шотландию и отразила попытку возвращения престола Карлу II (вместе с эффективно работающими специальными службами Кромвеля) [29]. Опираясь на армию, генералы – наследники Кромвеля, практически ввергли страну в новую

смуту, и армия под командованием Джорджа Монка зимой 1659–1660 г. спасла Британские острова от гражданской войны.

При Кромвеле Англия впервые за долгое время активно и успешно вмешивалась в большую европейскую политику: были разгромлены голландцы, разбиты испанцы – флот провёл десантную операцию на Карибах, начал активно защищать интересы англичан у берегов Северной Африки; сухопутная армия, приданная французским союзникам, захватила в 1658 г. Дюнкерк.

«Армия Его Величества»: вооруженные силы эпохи Реставрации, 1660–1688 гг.

Хотя первой регулярной армией Англии (*de facto*) стала армия нового образца, современная королевская армия, строившаяся в XVIII – первой половине XX в. Британскую империю, выигравшая в составе союзных сил обе мировых войны, (*de jure*) ведёт свою историю с правления Карла II, считает себя детищем четверти века эпохи Реставрации [2, р. 1–14]. Молодой король начал собирать вооружённые силы в эмиграции с 1656 г. [30, р. 10], планируя использовать их для возвращения трона [31].

После Великого мятежа для Короны вопрос обладания постоянной армией стал главным в плане выживания. Для оппозиции сильная армия (отсылка ко временам диктатуры Кромвеля) стала ярко выраженным признаком тирании. Налогоплательщики не хотели оплачивать содержание вооружённых сил [32, р. 50]. В правление Карла II Короне пришлось пойти на компромисс и сохранить институт регулярной армии (под предлогом угрозы внутренних смут [33, р. 24–38] и для ведения колониальной войны в Танжере), однако численность войск была крайне мала. Корона содержала в Лондоне гвардию, ставшую со временем достаточно многочисленной даже по европейским меркам, идущую следом после блестящей гвардии Людовика XIV, а большая часть армейских частей (чуть менее от половины численности всей армии) несла службу в Танжере. При Карле II до начала 1680-х гг. Корона провела две войны с голландцами. Постоянная армия стала основой для формирующихся частей военного времени (на случай вторжения голландских войск была проведена впечатляющая мобилизация войск, увеличившая армию в несколько раз), которая должна была удерживать Шотландию от кризиса каролинского режима [34, р. 44–45]. Национальные вооружённые силы черпали свои кадры из милиции (территориального ополчения) [35, р. 34]. В условиях изменения внешнеполитического курса и внутривластного кризиса начала 1680-х гг. Карл II стал увеличивать численность армии, унаследованной Яковом II. Последний разбил «мятежников 1685 г.», продолжил увеличение численности армии [7, р. 1–22], но не сумел найти общего языка ни со своими

подданными в целом, ни с большей частью военных – результатом стала трагедия короля осенью 1688 г. [13, с. 94–103]. Армия, вымуштрованная и неплохая по своим боевым качествам, не стала сражаться за суверена, которому не доверяла [36, р. 188–209].

Королевский флот, институционально в меньшей степени отделяемый от флота эпохи Протектората и Второй Республики, пережил в правление сыновей Карла I свой подлинный расцвет. В условиях двух войн с голландцами (а к концу периода и возможной подготовки к противостоянию с флотом Людовика XIV) даже противники усиления королевского аппарата насилия понимали, что отказ от сильного флота приведёт к краху коммерческого роста и колониального строительства. Несмотря на определённые трудности 1670-х гг., к 1688 г. английский флот подошёл в хорошей форме и был важной частью формирующегося анти-французского союза.

«Вильгельм и вильгемиты»: армия, флот и политика Короны в 1689–1714 гг.

Славная революция и восшествие на престол Вильгельма III (внука Карла I) и его жены Марии II (старшей дочери Якова II) положили начало так называемой Второй Столетней войне (1689–1815 гг.) – англо-французскому соперничеству [37–38]. Первый раунд этой бескомпромиссной схватки – две тяжёлых войны (Девятилетняя и за испанское наследство) – четверть века беспрецедентного напряжения сил монархии Стюартов принесли свои результаты и окончательно сделали Три королевства великой европейской державой. Несмотря на колебания численности армии (в мирное и военное время), сухопутные силы британцев становятся частью своеобразного «клуба великих держав» – обладательниц мощных сухопутных армий, – миф о сильном флоте и слабой армии к Великобритания эпохи Разума и Революционных войн не применим, хотя королевские войска и не занимали первого места в этом списке (уступая Франции, младшим Габсбургам или России, а затем и Пруссии) – Лондон ставил перед своей сухопутной армией другие задачи.

Армия Вильгельма III – английские войска короля-голландца – стала важным фактором внутренней политики этого государя. Славная и Бескровная революция вылилась в тяжёлую войну на кельтской периферии и была выиграна силой постоянной армии, которая затем, при Вильгельме и Анне I, обеспечивала верность Шотландии и Ирландии Стюартам. Образование Великобритании – уния 1707 г. была во многом подкреплена наличием у королевы Анны сильной армии (далеко не все части которой находились на континенте «на фронтах» Войны за испанское наследство).

Королевский флот также переживает в этот период тяжелое и славное время – активное противостояние с французами, закончившееся разгромом линейного флота Людовика XIV и окончательным закреплением за Англией статуса решающей морской силы.

Милитаризация и милитаристы по-британски: аппарат насилия в действии. «Великанчик Великого века»: особенности применения британской армии на практике

С подачи Д. Линна за французской армией XVII в. закрепилось название «гиганта Великого века» [39]. Армия Стюартов великаном не была, но играла заметную роль в европейской большой политике, и с определённого времени не заметить её стало невозможно.

Одной из насущных проблем, мучавших Англию в первой трети XVII в. была неспособность оперативно собрать войско под знамена короля. Если при решении внутренних проблем ещё можно было ожидать оперативности ополчения, то в случае с заморской экспедицией англичане не могли реагировать своевременно.

Вооружённые силы ранних Стюартов строились на основе ополчения. Такое войско могло проявить себя во внутреннем конфликте, но использовать его вне королевства было сложно. В начале режима Реставрации милиция была основой вооружённых сил, примерно 100 тыс. бойцов территориального ополчения, из которых только Лондон представляет 40 тыс. «Иногда они не намного уступают другим солдатам, благодаря постоянной муштре, свирепости нации и свободе, которую они всегда должны защищать, когда случается, что им приходится браться за оружие против внешнего врага» – восторженно отзывался итальянец граф Мегалотти [40, р. 92].

Кромвель и Карл II отправляли во Фландрию и Португалию слабые экспедиционные силы (до 6 тыс.) – Лондон ограничивался тем, что обозначал союзникам своё присутствие. Только при Вильгельме III, рост численности армии сопровождается наращиванием экспедиционного корпуса; после 1701 г. «за морем» задействованы уже несколько армий. При Карле II возникла необходимость отправки войск в колонии – Танжер (1662–1684 гг.) и нереализованная экспедиция во время Войны короля Филипа (1675–1676 гг.) в Северную Америку. С началом XVIII в. операции за океаном стали нормой для Лондона, более того, с определённого времени колониальный театр становится основным.

Применение армии во внутриполитических конфликтах

В вопросах строительства абсолютной монархии возможность опираться на регулярную

армию была преимуществом, позволявшим суверену увереннее выстраивать свои отношения с подданными.

В 1630-е гг., в период самостоятельного (без парламента) правления Карла I Мученика, Корона, правильно определив вектор вооружённых сил – мощный флот и ограниченная сухопутная армия, – не смогла воспользоваться ставшим впоследствии классическим для Британии tandemом (армия плюс ополчение) для решения внутренних проблем – ирландская армия не пережила своего создателя Уэнтворта, а ополчение в начавшихся Епископских войнах показало своё бессилие.

Гражданская смута 1640-х гг. наглядно продемонстрировала, что только та сторона, которая опирается на боеспособную армию, способна захватить и удержать власть. Кромвель устроил кельтам и роялистам «блицкриг» в Ирландии, затем показал себя талантливым полководцем в Шотландии, разгромив сильную армию Ковенанта и молодого Карла II. Армия решала судьбу страны после смерти Кромвеля – сначала республиканцы подавили восстание Д. Бьюта, затем Д. Монк захватил Лондон [41, р. 68–84], обеспечив Реставрацию монархии (только из чувства справедливости и любви к Родине, как полагал капеллан Монка [42, р. 160–258]).

Реставрация стала эпохой активного применения вооружённых сил внутри страны. Мятеж сектантов в январе 1661 г. в Лондоне оправдал сохранение королевской гвардии (Карл II в несколько раз увеличил её численность) в условиях роспуска регулярных частей парламентской и роялистской армий [33, р. 24–38]. В 1679 г. армия подавила восстание в Шотландии. В 1683 г. Карл II опирался на армию и милицию в условиях Ржаного заговора [43, р. 104]. В 1685 г. Яков II «шттыками» отстоял свою корону – нация протестантов приняла короля-католика [44, р. 66–100]. Вильгельм III разгромил кельтских сепаратистов и якобитов [15]. Английская армия Великого века была инструментом внутреннего употребления – именно дома вооружённые силы, поддерживая порядок и стабильность, оправдывали своё существование (и подкрепляли тезисы сторонников «королевской тирании»).

Применение военной силы на внешних театрах

В начале правления Карла I отсутствие у Англии постоянной армии было слабой стороной режима. Несмотря на отправку на континент английских контингентов при Якове I и «пробу сил» Карла I в войне с Францией, в относительно крупном столкновении за пределами Трёх королевств Англия приняла участие только в 1650-х гг. при Кромвеле в союзе с Францией против Испании, послав контингент в 6 тысяч человек. Англичане доблестно сражались с испанцами (в том числе против роялистов, которыми командовал герцог

Йоркский) во Фландрии и в награду получили порт Дюнкерк.

В 1661 г. Карл II отправил экспедиционный корпус, оплаченный Людовиком XIV, в Португалию – отстаивать интересы родины своей жены Екатерины (и расплачиваться за союз с Лиссабоном, а также полученные от него африканские и индийские владения) [45]; на следующий год во вновь приобретённый Танжер отправился другой английский корпус. Если в Португалии война шла до 1668 г., то танжерская эпопея растянулась до 1684 г. Во время третьей войны с голландцами Карл вновь отправил экспедиционный корпус численностью 6 тыс. военных во Фландрию, и снова главную работу на поле боя сделали французы.

Кардинальный поворот английской внешней политики, начавшийся в конце 1670-х гг., ускорился после вступления на престол Вильгельма III и его жены в 1689 г.: начался период Коалиционных войн с Францией. Помимо Фландрии, англичане появились на более удаленных театрах, в первую очередь в Испании. Британцы взяли на себя борьбу с Людовиком XIV на море. Эти конфликты требовали увеличения численности вооружённых сил на суше и на море и более разумного их раскассирования в мирное время. Непосредственные итоги боевого применения британской армии были скромными – стояла задача поддержать союзников по коалиции. Тяжелые и кровопролитные кампании конца XVII – начала XVIII в. не дали Лондону существенных территориальных приобретений (за исключением Гибралтара). Стало ясно, в первую очередь в самой Англии, что современные и регулярные вооруженные силы нужны для сдерживания врагов – конкурентов растущей мировой торговой империи Великобритании. Армия Англии и «других владений короля» на протяжении XVIII в. становится все более многочисленной. Например, в 1694–1697 гг. Вильгельм держал только во Фландрии 29 тыс. английских войск и 27 тыс. иностранных контингентов, получавших жалование из английской казны [8, р. 268].

Финансирование вооружённых сил

У противников сильной армии (флот меньше волновал общественность) было две ключевых аргумента: во-первых, постоянная армия есть инструмент королевской тирании, во-вторых, содержание «регуляров» ложится колоссальным бременем на казну и карманы налогоплательщиков.

Катастрофическая внешняя политика начала царствования Карла I подорвала государственные финансы – долг более миллиона фунтов стерлингов вынудил короля заложить драгоценности Короны. Финансирование армии Уэнтворта шло из ирландских налогов, но широкомасштабное

строительство флота середины 1630-х гг. привело Корону к необходимости собирать деньги в обход распущенного парламента. «Корабельные» и «датские» деньги, вызвавшие острое недовольство налогоплательщиков, стали одной из причин революции – Корона распространила сбор этих налогов на территории, ранее исторически не входившие в зону их взывания. Проигранные войны шотландцам вовсе подорвали финансовое положение короля, вынудив его обратиться к парламенту.

Начавшаяся гражданская война легла на плечи населения Англии еще большим бременем, нежели до августа 1642 г. (официальное начало гражданской войны) – диктатура 80 тыс. армии и необходимость содержать сильный флот против голландцев привели Три королевства к сильному финансовому кризису. Не случайно, что одним из положений Бредской декларации Карла I было обещание расплатиться с армией Д. Монка.

В царствование Карла II, в период тяжелой колониальной войны в Танжере и частых мобилизаций голландских войн, продолжалось недофинансирование флота, а на армию выделялись и вовсе незначительные средства [46, р. 142–151]: парламент считал это частью борьбы за «экономность» [8, р. 47–56]. Трон устоял только благодаря опасениям налогоплательщиков, что смута будет большим бедствием, чем «тирания» [47, р. 173]. Только Яков II сумеет получить от парламента щедрые субсидии на вооруженные силы – общество боялось вооруженной смуты и оплачивало содержание королевской армии [48].

К ещё большим расходам на содержание вооружённых сил привело начавшееся после 1689 г. противостояние с Францией (Война Аугсбургской лиги, например, обошлась Вильгельму III в 49,2 миллиона фунтов ст.) [49, р. 65] и гражданская война на периферии. И хотя эти действия, увенчавшиеся успехом, Корона смогла объяснить «государственным интересом», к 1713 г. Англия ощущала финансовое бремя четвертьвекового противостояния – Войны Аугсбургской лиги и Войны за испанское наследство.

Армия и флот как часть государства Нового времени по-английски

Возрождение мощи Англии, потерянной в конце Средних веков, когда Плантагенеты проиграли Столетнюю войну, лежало не только в плоскости экономического развития (в чем Туманный Альбион при Тюдорах и ранних Стюартах преуспевал), но и в заметном усилении государства. Со времени позднего Эдуарда IV начался процесс, который при Тюдорах выльется в строительство английского абсолютизма.

В рамках европейских трендов сильное государство нуждалось в инструментах, подкреп-

ляющих волю государя. Особенности географического положения страны позволяли Тюдорам и ранним Стюартам в случае внутренних конфликтов полагаться на ополчение и свиты лордов. Флот, как часть аппарата насилия, появился уже в XV в. Трудности финансирования, стремление суверенов проводить гибкую внутреннюю политику привело к тому, что в XVI в. Корона и не пошла на создание постоянной армии – Лондон действовал в духе континентальных практик. В условиях растущей милитаризации эпохи Раннего модерна Короне удалось усилить флот и создать сухопутную армию как составные части регулярных вооружённых сил. Начав XVII в. без армии и со слабым флотом, к концу столетия Три королевства подошли с сильным флотом и достаточно развитой сухопутной армией. Как и на континенте, цена, заплаченная за обретение «обеих рук potentанта» (выражаясь языком Петра Великого) была огромной, но оправданной – без вооружённых сил нового образца Великобритании не могла считаться великой державой [50].

Британская идентичность: уникальность английского аппарата насилия – сравнивая с континентом

Несмотря на попытки военного строительства, начиная с Карла I, именно флот был приоритетным для Англии «Великого века». Здесь не только осознавали важность развития флота, но имелись и уникальные возможности поддерживать его в приличном состоянии. В отличие от Франции позднего Людовика XIV, который в ходе последней из своих войн лишился линейного флота (и Франция провела Войну за испанское наследство только силами корсаров), англичане флот сохранили, и он стал фактором политического могущества Великобритании. В остальном Англия мало чем отличалась от развитых морских держав – Соединённых Провинций, Франции и Испании. Королевский флот, рожденный в муках строительства абсолютизма 1630-х гг., стоивший Короне репутации (подорванной непопулярной налоговой политикой), стал к концу правления Стюартов символом политической и военной мощи Трёх Королевств Великобритании.

Аномалией для Англии «долгого XVII века» была многочисленная сухопутная армия Новой модели Кромвеля – после реставрации монархии и до Вильгельма III регулярная армия была относительно малочисленной. До воцарения Вильгельма III англичане не использовали иностранных наёмников, в отличие от континентальных стран. Соединённые Провинции и Франция [51, р. 122–134] обладали сильными иностранными контингентами. После 1689 г. Корона всё чаще стала прибегать к услугам европейских «диких гусей», и XVIII в. стал столетием иностранных наёмников на британской службе.

Англичане создали развитый аппарат насилия, который по своей сути отвечал вызову времени. По отношению к армии и флоту Корона и политически активная часть нации в конце концов сумели найти необходимые точки пересечения интересов и достичь необходимого компромисса. Корона предпринимала тяжёлые, непопулярные действия – вопреки желаниям большинства населения шла по пути оправданной государственными интересами милитаризации.

Заключение: вопреки общественному мнению

Династия Стюартов оставила после себя сложное и многогранное наследие. Спровоцировав за полвека две революции и несколько гражданских войн, Стюарты пытались решить целый ряд проблем, доставшихся им по наследству от Тюдоров. Общественность требовала от короля активных действий по продолжению колониальной и внешнеполитической борьбы, начатой при Тюдорах, но выступала против роста финансирования армии и флота, что было необходимым условием успеха этой борьбы. Резкие, непоследовательные и половинчатые действия правительства Карла I вызывали недовольство населения и давали повод к открытым выступлениям против суверена. Судьба Карла I продемонстрировала его потомкам значимость выражения «последний довод короля» в том смысле, что королю порой приходится для решения проблем если не сидеть на штыках, то опираться на них.

История Стюартов показала, что монархия не может балансировать между различными политическими силами, не обладая инструментом, который заставит прислушаться к её голосу (и не только монархия). 1603–1714 гг. – это период эскалации «узаконенного» насилия в Европе, переживавшей острую религиозную борьбу и экономическое и политическое соперничество. Заслугой Стюартов, их окружения и оппозиции (все они работали на усиление английской государственности) стало решение острых и давно назревших вопросов по созданию механизмов финансирования постоянных вооружённых сил. Благодаря (или вопреки) воле Стюартов в XVII в. Англия преобразовалась. При потомках Марии I Шотландской Великобритания сумела не просто стать развитой и влиятельной региональной державой, но заявила о себе как о силе, способной принять участие в борьбе против гегемонии величайшего из королевств Запада – Франции Людовика XIV. Благодаря действиям Короны к концу XVII в. была создана регулярная армия, способная выйти в случае необходимости на высокие численные показатели – впервые в английской истории Нового времени. Великий век означен собой гонку морских вооружений; к 1670-м гг., не сумев решительно разгромить

голландцев, королевский флот обошёл их по количеству и качеству боевых кораблей. Англия и её королевский флот – наследие Стюартов, перешедшее в руки Ганноверской династии – стали одним из важных игроков в решении проблем внешней политики и стабильности экономического процветания – например, в замирении на Балтике в ходе Великой Северной войны 1700–1721 гг.

Развитие вооружённых сил Трёх королевств не могло не оставить в стороне общественное мнение, особенно во времена, когда спали оковы цензуры времён Протектората или Якова II. На рубеже XVII–XVIII вв. развернулась активная «битва памфлетов», авторы которых доказывали свою точку зрения по поводу целесообразности постоянной армии и флота. Звучали голоса и противников (например, дискуссия вокруг памфлета Джона Тренчарда началась в правление Вильгельма III и продолжилась после воцарения новой династии в 1714 г.), и сторонников сильной армии и мощного флота как «основных союзников Англии», способных защитить страну от иноземной угрозы и обеспечить защиту национальных интересов за рубежом [15].

В рассматриваемое время в результате процесса создания регулярной армии и флота Великобритании получила важнейший инструмент современного государства – регулярную армию, позволившую, в свою очередь, форматировать систему управления (в том числе сбор налогов и поддержку органов власти) при помощи «аппарата насилия». Тем более что Корона явно полагала, что уровень налогового бремени на островах значительно ниже, чем на континенте, и подданные, имевшие средства, не хотят без принуждения со стороны властей тратить деньги на свой вклад в общественное дело.

Военно-фискальное государство – это режим, в рамках которого власть принуждает подданных к уплате постоянных (часто более высоких по сравнению с предыдущим историческим периодом времени) налогов и собранные средства идут на содержание все более дорогих по стоимости армии и флота, необходимых для поддержания порядка внутри страны и защиты внешнеполитических целей во вне. Этот инструмент, на приобретение которого Корона при Стюартах потратила колоссальные усилия, к концу правления династии был создан [52, р. 10–41].

Вооружённые силы островной монархии стали претендовать на исключительное значение в истории института постоянных армий.

Список литературы

1. Cannon R. Historical record of The Life Guards. London : William Clowes and Sons, 1837. 300 p.
2. Walton C. History of the British standing army. A. D. 1660 to 1700. London : Harrison and sons, 1894. 887 p.
3. Fortescue J. W. A history of the British army : in 13 vols. London : Macmillan and Co, 1910. Vol. I. 690 p.
4. Firth C. H. Cromwell's army: A history of the English soldier during the civil wars, the Commonwealth and the Protectorate. London : Methuen & Co LTD ; New York : Barnes & Noble INC, 1962. 432 p.
5. Kishlansky M. The rise of the New Model Army. Cambridge : Cambridge University Press, 1983. 377 p.
6. Childs J. The Army of Charles II. London ; New York : Routledge, 2007. 304 p.
7. Childs J. The Army, James II, and the Glorious Revolution. Manchester : Manchester University Press, 1980. 226 p.
8. Childs J. The British army of William, 1689–1702. Manchester : Manchester University Press, 1987. 280 p.
9. Wanklyn M. Reconstructing the New Model Army : in 2 vols. Warwick : Helion and Company, 2015. Vol. 1. 183 p.
10. Smith H. Armies and Political Change in Britain, 1660–1750. Oxford : Oxford University Press, 2021. 346 p.
11. Black J. Britain as a Military Power, 1688–1815. London, Philadelphia : UCL Press, 1999. 332 p.
12. Black J. Beyond the Military Revolution: War in the Seventeenth Century World. London : Palgrave Macmillan, 2011. 234 p.
13. Станков К. Н. Король Яков II и становление движения якобитов. 1685–1701. СПб. : Алетейя, 2014. 416 с.
14. Станков К. Н. Битва на реке Бойн 1690 г. (по материалам английских, шотландских и ирландских источников) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 38–44. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-38-44>
15. Гордиенко Д. О. Идея постоянной армии и памфлетная война в Англии конца XVII – начала XVIII в. // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, № 3. С. 761–771.
16. Малкин С. Г. «Мятежный край его величества»: британское военное присутствие в горной Шотландии в 1715–1745 гг. СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. 256 с.
17. Малкин С. Г. Лаборатория империи: мятеж и колониальное знание в Великобритании в век Просвещения. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 656 с.
18. Махов С. П., Созаев Э. Б. Схватка двух львов. Англо-голландские войны XVII века. М. : Вече, 2011. 384 с.
19. Barnett C. D. Britain and Her Army 1509–1970. A Military, Political and Survey. London : Allen Lane, 1970. 530 p.
20. Малов А. В. Основные проблемы строительства вооружённых сил России. 1613–1689 гг. М. : Квадрига, 2022. 324 с.
21. Aylmer G. E. The King's Servants: The Civil Service of Charles I, 1625–1642. New York ; London : Columbia University Press ; Routledge and Kegan Paul LTD, 1961. 521 p.
22. Spring L. The First British Army 1624–1628: The Army of the Duke of Buckingham. Solihull : Helion&Company Limited, 2016. 299 p.

23. Young M. B. Charles I. New York : Macmillan Education, 1997. 223 p.
24. Harris T. Rebellion: Britain's first Stuart kings, 1567–1642. Oxford : Oxford University Press, 2015. 588 p.
25. Manning R. B. An Apprenticeship in Arms: The Origins of the British Army 1585–1702. Oxford : Oxford University Press, 2006. 467 p.
26. Rushworth J. Historical Collections of Private Passages of State / ed. by J. Rushworth : in 8 vols. London : D. Browne, 1721. Vol. VIII. 786 p.
27. Russell C. The Causes of the English Civil War. Oxford : Clarendon Press, 1991. 236 p.
28. Curry J., Harris W. Historical Memoirs of the Irish Rebellion, in the Year 1641. London : printed for J. Williams, 1765. 279 p.
29. Whitehead J. Cavalier and Roundhead Spies: Intelligence in the Civil War and Commonwealth. Barnsley : Pen&Sword History, 2009. 243 p.
30. Mansel P. Pillars of Monarchy: An Outline of the Political and Social History of Royal Guards 1400–1984. London : Quartet books, 1984. 207 p.
31. Barratt J. «Better Begging than Fighting»: The Royalist Army in Exile in the War against Cromwell 1656–1660. Solihull : Helion&Company Limited, 2016. 135 p.
32. Harris T. Restoration: Charles II and his Kingdoms, 1660–1685. London : Penguin Books, 2006. 506 p.
33. Whitehead J. Rebellion in the Reign of Charles II. Barnsley : Pen&Sword History, 2017. 277 p.
34. Aylmer G. E. The Crown's Servants: Government and Civil Service under Charles II, 1660–1685. Oxford : Oxford University Press, 2002. 303 p.
35. Harris T. Politics under the Later Stuarts: Party Conflict in a Divided Society, 1660–1715. London ; New York : Longman, 1993. 274 p.
36. Miller J. James II. New Haven ; London : Yale University Press, 2000. 280 p.
37. Crouzet F. The Second Hundred Years War: Some Reflections // French History. 1996. Vol. 10, № 4. P. 432–450.
38. Scott H. M. The Second «Hundred Years War», 1689–1815 // The Historical Journal. 1992. Vol. 35, iss. 2. P. 443–469.
39. Lynn J. A. Giant of the Grand Siècle: The French army, 1610–1715. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. 651 p.
40. Magalotti L. Lorenzo Magalotti at the Court of Charles II: His Relazione d'Inghilterra of 1668. Waterloo, Ontario, Canada : Wilfrid Laurier University Press, 1980. 161 p.
41. Hutton R. The Restoration: A Political and Religious History of England and Wales, 1658–1667. Oxford ; New York : Oxford University Press, 1987. 379 p.
42. Skinner T. The life of General Monk Duke of Albemarle. London : Printed for J. Gravesin, 1724. 392 p.
43. Tapsell G. The Personal Rule of Charles II, 1681–1685. Woodbridge : The Boydell Press, 2007. 235 p.
44. Harris T. Revolution: The Great Crisis of the British Monarchy, 1685–1720. London : Penguin Books, 2007. 506 p.
45. Riley J. The Last Ironsides: The English Expedition to Portugal, 1662–1668. Solihull : Helion&Company, 2017. 223 p.
46. Seaward P. The Cavalier Parliament and the reconstruction of the Old Regime, 1661–1667. Cambridge : Cambridge University Press, 1989. 359 p.
47. Hutton R. Charles the Second. King of England, Scotland, and Ireland. Oxford : Clarendon Press, 1989. 554 p.
48. Ashley M. James II. London : J. M. Dent & Sons LTD, 1977. 342 p.
49. Jones J. R. Country and Court. England, 1658–1714. Cambridge : Cambridge University Press, 1978. 388 p.
50. Davies J. D. Kings of the Sea: Charles II, James II and the Royal Navy. Barnsley : Seaforth Publishing, 2017. 288 p.
51. Chartrand R. The Armies and Wars of the Sun King 1643–1715 : in 4 vols. Vol. II. The Infantry of Louis XIV. Warwick : Helion & Company, 2020. 283 p.
52. Glete J. War and the State in Early Modern Europe: Spain, the Dutch Republic and Sweden as Fiscal-Military States, 1500–1660. London ; New York : Routledge, 2002. 277 p.

Поступила в редакцию 11.06.2024; одобрена после рецензирования 15.09.2024;
принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 11.06.2024; approved after reviewing 15.09.2024;
accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 54–60
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 54–60
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-54-60>, EDN: QUSBEQ

Научная статья
УДК 930.1+930.2+929Фесслер

Историософия И. А. Фесслера

Д. В. Горбачев

Саратовский филиал Приволжского государственного университета путей сообщения, Россия, 410004, г. Саратов, Интернациональный проезд, д. 1А

Горбачев Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Инженерные, гуманитарные, естественнонаучные и общепрофессиональные дисциплины», dmitr87@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0006-2726-3427>, AuthorID: 717711

Аннотация. В статье анализируются основные аспекты историко-философской концепции И. А. Фесслера. Рассматриваются его воззрения на положение исторической науки относительно других видов познания и форм духовной культуры, проблематику исторического факта и истины, понятие достоверности и правдоподобности, природу познания, движущие силы исторического процесса, профессию историка, отношения между автором и читателем. Исследуется религиозный характер историософии Фесслера и ее связь с интеллектуальным фоном европейской мысли конца XVIII – начала XIX в.

Ключевые слова: философия истории, исторический факт, религиозная философия, Фесслер, Гегель, масонство, идея, форма, материя, историческая истина

Для цитирования: Горбачев Д. В. Историософия И. А. Фесслера // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 54–60. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-54-60>, EDN: QUSBEQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Historiosophy of I. A. Fessler

D. V. Gorbachev

Saratov Transport College – Volga State Transport University Branch, 1A Internatsionalny Proezd, Saratov 410004, Russia

Dmitry V. Gorbachev, dmitr87@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0006-2726-3427>, AuthorID: 717711

Abstract. The article analyzes the main aspects of the historical and philosophical concept of I. A. Fessler. His views on the position of historical science in relation to other types of knowledge and forms of spiritual culture, the problematic of historical fact and truth, the concept of reliability and plausibility, the nature of knowledge, the driving forces of the historical process, the profession of a historian, the relationship between the author and the reader are considered. The religious character of Fessler's historiosophy and its connection with the intellectual background of European thought of the late 18th and early 19th centuries is explored.

Keywords: philosophy of history, historical fact, religious philosophy, Fessler, Hegel, Freemasonry, idea, form, matter, historical truth

For citation: Gorbachev D. V. Historiosophy of I. A. Fessler. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 54–60 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-54-60>, EDN: QUSBEQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Игнатий Аврелий Фесслер (Ignatius (Ignaz, Ignacz) Aurelius (Aurel) Fessler (Feßler), 1756–1839 гг.) за свою долгую и плодотворную жизнь оставил немалый след в литературе, философии, лингвистике, масонстве, общественной и церковной жизни Габсбургских земель, Пруссии и России [1–8]. И если его деятельность в качестве администратора и реформатора немецких колоний в Поволжье [9; 10, с. 293–306, 315–316, 329–332, 349–351; 11, с. 126–133; 12–14; 15, S. 232–234, 278, 287–288; 16, S. 72–78; 17; 18, S. 203; 19, р. 172–177], а также «вольного каменщика» [20, с. 256–261; 21, с. 301–328; 22,

с. 381–403; 23, с. 108–111; 24, с. 173–176; 25, с. 70–81, 170–171, 256–257; 26, 27; 28, р. 12–57; 29–31] привлекала внимание исследователей неоднократно, то мало изученной остается его ипостась ученого-историка, в которой Фесслер проявил себя на позднем этапе своей биографии – в первой трети XIX в., особенно во время своего пребывания на Саратовской земле (1811–1834 гг.). – в ту самую пору исторической науки, когда она переживала процесс конституирования, оформления как собственно науки со своим исследовательским инструментарием, своим формализованным языком – все больше

отдаляясь от «изящной словесности», в качестве разновидности которой историческое повествование рассматривалось с древних времен, и вместе с тем все острее испытывая потребность в создании методологических концепций и широкообъемлющих теорий исторического процесса, привносящих логику в поток наблюдаемых историком явлений, придающих смысл его работе и не дающих ему скатиться до роли механического каталогизатора разрозненных фактов.

В связи с этим кажется не случайным, что Фесслер пришел в историческую науку из исторической беллетристики, еще в XVIII в. успев стать популярным в немецкоязычной среде автором целого ряда романов на основе реальных событий, наибольшую известность среди которых снискал «Марк Аврелий» (1790–1792 гг.).

Сами собой напрашиваются параллели с другим классиком восточноевропейской историографии – Н. М. Карамзиным, который к своему капитальному историческому труду пришел через художественную прозу о «старине глубокой» («Наталя, боярская дочь», «Марфа-посадница»). Отличие заключается в том, что Фесслер до того, как стать ученым-историком, являлся не только писателем, но и философом, и не имел нужды «открывать» образованным немцам их собственную историю. Вместо этого он взялся открывать им историю их непростых соседей – венгров, среди которых сам провел детство и юность [2].

Наиболее известным историческим трудом Фесслера стала многотомная «История венгров и их соседей» (1815–1825 гг.), актуальная и переиздаваемая до последних десятилетий XIX в. и на протяжении полутора столетий сохранявшая статус самого подробного немецкоязычного труда по истории Венгрии. Для данной статьи наибольшее значение имеет первый том этого издания [32]. «Подбирался» Игнатий Аврелий к своему тагмн опус долго – с предварительными ступенями в виде еще вполне художественного романа (сам автор называл его «историко-психологической картиной») «Матъяш Корвин» (1794 г.) и более позднего труда на стыке науки и публицистики «Три великих короля венгров» (1808 г.), двигаясь таким образом от беллетризованных или полупонаучных биографий отдельных правителей к собственно научной истории страны.

Если «История венгров» стала главным примером практического применения Фесслером его исследовательских принципов, то наиболее полно его теоретические воззрения на исторический процесс и работу ученого-историка были сформулированы в соответствующем разделе концептуального философского труда «Результаты своих размышлений и опытов» (1826 г.) [33, S. 183–226], который в целом являлся суммой воззрений мыслителя на личность, общество

и мироздание, встраивая историческую философию Фесслера в его философию бытия как такового.

В основу своей методологической концепции Фесслер положил проблему исторического факта как базового элемента исследования. Мыслитель выделяет две разновидности: «имевшие место быть факты» и «факты имевшего место быть рассказа», к которым он относит информацию, за точность которой он не мог поручиться, но которая тем не менее передавалась между людьми и воспринималась как истина – как сказали бы сейчас: «артефакты духовной культуры». Отделяя факты второй категории от первой, Фесслер, однако, отказывается считать их «неполноценными» или «не фактами», «небылицами» (Unfactum) [32, S. XV]. В его представлении именно такие «нематериальные» факты полнее всего раскрывают «внутреннюю жизнь народа, отличительные черты его духа, его труды и творения в духовной сфере», а также добавляют к критическому и прагматическому содержанию истории еще и содержание «эпического», в котором, по мнению мыслителя, та непременно нуждается [32, S. XVI], поскольку ее предназначение – быть «эпосом духа, господствующего над миром, иллюстрацией деяний бесконечного в конечном» [33, S. 187].

Интерес Фесслера к артефактам такого рода столь велик, что, декларируя сперва, что он рассказывает лишь о тех событиях и происшествиях, реальность которых подтверждена или может быть подтверждена [32, S. XIV], автор «Истории венгров» уже через несколько страниц советует коллегам «разумно отбирая» использовать и те «факты имевшего место быть рассказа», проверить которые не представляется возможным, если их содержание «не противоречит хронологии, характеру эпохи и людей» [32, S. XV–XVI]. И, по всей видимости, для Фесслера самого в таких утверждениях тоже не было противоречия, поскольку эти события из рассказа, с его точки зрения, в любом случае произошли – пусть и только в сознании его автора, который верит в них как в настоящие. В определенной степени Фесслер с таким подходом к источникам и фактам на сотню лет предвосхитил рождение историографического течения, которое ныне известно как изучение исторической памяти [34].

Таким образом, когда речь заходит о фактологической стороне исторического исследования, Фесслер не делает большой разницы между правдивостью и правдоподобием, будучи готов принять второе наравне с первой. Этот подход был ему свойственен при исследовании истории масонства на рубеже XVIII – XIX вв. [3, с. 224], ему он следовал и позднее, во многом оставаясь в душе историческим беллетристом.

Не случайно, отмежевываясь от романистики в теории, мыслитель тем не менее упорно,

раз за разом называет свой идеал исследователя «историческим художником» [33, S. 188–191, 193–194], а идеал исследования – «произведением исторического искусства» [33, S. 184–185, 187, 190]. Противопоставляя творчество и сочинение копированию и исполнению, он требует от коллег по исторической науке быть именно творцами, не ограничивающимися собиранием и описанием фактов, а «переживающими» содержание описываемых событий, с тем, чтобы «ухватить их дух» [33, S. 189].

Восприятие истории у Фесслера и на позднем этапе оставалось во многом эмоциональным, а одной из функций ее изучения ему виделось достижение самим историком «удовлетворения и душевной радости», которые нельзя получить посредством одного лишь чистого знания, сколь бы точен ни был его источник и как важно ни было описанное в нем событие [33, S. 184–185].

Уподобляя исторический процесс водному потоку, мыслитель хотел обозревать не только его «исток, изгибы и протоки», т. е. непосредственные причины и детали событий, но и «незримую силу», приводящую этот поток в движение [33, S. 185].

Средство постичь природу этой силы Фесслер видел в религиозной философии, которой ко времени создания «Истории венгров» занимался уже несколько десятилетий. Религия, философия и история виделись ему как взаимоподдерживающие части некоего триединства, находящиеся в «гармоничном согласии» друг с другом и как бы «ведущие» человека в своего рода «тихую гавань», где он, очевидно, сможет обрести упомянутую выше душевную радость от созерцания того, как в бренном мире проявляется величие высших сил [33, S. 183, 185].

Вслед за обширной европейской философской традицией, тянувшейся как минимум с Платона, Фесслер представлял материальный мир как отражение трансцендентного мира Идей, которые ему виделись как некие общие принципы, составляющие основу бытия. Будучи совершенны, они вечны и неизменны, и более того – изначально содержатся в природе разума как явления (следует отметить, что Фесслер с симпатией относился к философии Декарта и его последователя Николя Мальбранша (Nicolas Malebranche, 1638–1715 гг.) [33, S. 223]), а также в разуме всякого отдельного индивида в любую историческую эпоху. Разница в отношении к Идее со стороны «дикаря» и философа, по Фесслеру, состоит в способе ее восприятия и реализации в материальном мире – если в деяниях первого Идея проявляется неосознанно, то у второго – через духовную деятельность и осознание. Эта способность к рефлексии и дает, с точки зрения Игнатия Аврелия, мыслящему человеку возможность «ухватить» Идею и дать ей определение, понять и придать ей выразимую форму.

Таким образом, хоть сами Идеи по сути внеисторичны и не могут быть новыми, они могут в зависимости от обстоятельств принимать новые воплощения [32, S. XVIII–XIX]. И причина существования этих разнообразных воплощений видится Фесслеру именно в присущем человеческому духу несовершенстве и противоречивости, ограниченности людского восприятия Идеи, в то время как сама она остается одной и той же всегда [33, S. 188].

Особенностью Фесслеровой интерпретации почти такой же древней, как сама европейская философия концепции Идеи, «эйдоса», оживляющего пассивную материю, является его попытка обрисовать схему этого «оживления» применительно к историческому процессу в виде трех параллельно существующих и взаимосвязанных «пластов» действительности, которые мыслитель связывал с тремя аспектами реализации Идеи: становление, проявление, дух [33, S. 186].

«Становление» представляет собой материальный, внешний мир, в котором непосредственно происходят конкретные внешние события. Работая на этом самом нижнем уровне историк собирает отдельные факты, свидетельства и подтверждает или опровергает их, отвечая тем самым на вопрос: «Что произошло?» [33, S. 187–189]. Однако само по себе подтверждение или опровержение конкретного исторического свидетельства, по Фесслеру, еще не представляет собой историческую истину, подобно тому, как механическое нагромождение фактов и заметок еще не образует исторического труда [33, S. 183]. На этом начальном этапе историк, в представлении Игнатия Аврелия, развивает в читателе лишь память и эрудицию [33, S. 190]. Для того, чтобы стать историком-художником, ему предстоит перейти на более «высокие» и «тонкие» уровни.

«Проявление» Фесслеру представлялось как область, в которой располагаются внутренние причины исторических событий и явлений, сферы причинно-следственных связей и исторических закономерностей. Проявление, по Фесслеру, представляет собой форму [33, S. 189], которую под воздействием Идей принимает материальный мир, сам по себе аморфный, – что снова приводит нас к параллелям с античной философией. Исследуя эту форму, историк отвечает на вопрос: «Как произошло?» [33, S. 189]. На этом этапе целью ученого становится уже не накопление знаний о событиях, а обогащение разума читателя мыслями, пониманием произошедшего [33, S. 190].

Следует отметить, что причинно-следственные связи в истории Фесслер искал преимущественно в сфере психологической, стремясь «проникнуть» в образ мышления деятелей прошлого, понять их побудительные мотивы, цели, желания, убеждения. При этом мыслитель подчеркивает, что восприятие внутреннего мира

другого человека у историка всегда субъективно: исследователь по сути «опосредует» мотивы и воззрения изучаемого лица через свои собственные. Не обладая реальным духовным опытом чужой личности, историк-психолог изучает его «косвенно», реконструируя через свой собственный. Но и реальные взгляды и мотивы, реальное мировосприятие исторического деятеля субъективны тоже [33, S. 189–190]. Таким образом, суть исторических событий на этом этапе работы видится ученому как бы через двойную линзу, дважды искаженной, что для Фесслера является закономерным и неизбежным следствием ранее отмеченного несовершенства человеческой природы в деле восприятия, понимания и воплощения надприродных Идей.

В результате, по Фесслеру, постижение истины на среднем уровне познания реальности оказывается так же недостижимо как и на низшем. Даже проникнув, как ему кажется, в суть деяний человеческих и узрев их движущие пружины, историк может оперировать за своим двойным стеклом лишь такими понятиями, как «предположение» и «вероятность» [33, S. 187]. Очевидно, с этим связано и ранее упомянутое повышенное внимание Фесслера к правдоподобности исторического изложения, ценимой им почти что на одном уровне с подтвержденностью – такое отношение происходит из убежденности мыслителя в субъективности исторической картины, нарисованной человеческим разумом как таковой.

Уровень «духа» венчает всю выстроенную Фесслером конструкцию, и именно в его достижении и состоит, по мысли философа, конечный пункт работы историка. Здесь он находит ответ на вопрос: «Почему произошло?» [33, S. 189]. Здесь он наблюдает жизнь «правлящего миром духа» и только тут постигает истину, которая, будучи частью мира Идей, неподвластна чувственному опыту. Дух, по Фесслеру, стоит выше сомнения, проверки, спора, подтверждения и опровержения, которые являются лишь инструментами ограниченного и несовершенного человеческого разума и в идеальном мире оказываются бесполезны [33, S. 187–188].

Фактически, конечной стадией работы историка-художника оказывается озарение, которое у Фесслера носит несомненно религиозный характер, поскольку именно «историю религиозного духа» он считал центральным пунктом истории всякого народа и государства [32, S. XVII]. Постигание духа у Игнатия Аврелия по сути представляет собой попытку выйти за пределы собственно человеческой истории в сторону истории идеальной, божественной. Первопричины, движущие развитием общества, философ-художник предпочитал искать за его пределами.

Если же попытаться выделить в рассуждениях Фесслера наиболее важную, ключевую Идею,

которую он рассматривает как первооснову исторического процесса, то это будет та, которую он сам определил как «вечное божественное правосудие» – универсальный принцип справедливости, который, в представлении Фесслера, карает несправедливость, содеянную людьми, всегда побеждает человеческую хитрость – мелочную и суетную – и являет собой высшую суть всякого исторического события [33, S. 184]. Таким образом, в историко-философских построениях Фесслера ясно просматриваются ожидаемые от религиозного мыслителя провиденциалистские мотивы и тема божественного воздаяния за грехи, однако следует при этом учитывать, что и сама трансцендентная субстанция – «божественный свет» или «господствующий над миром дух», – приводящая в движение и направляющая поток исторических событий, также представляется мыслителю как часть мира Идей. Божественные силы для Фесслера – это, по сути, и есть Идеи – та самая бесконечная первооснова бытия, которая отражается в конечном материальном мире [33, S. 184, 283–284].

На высшем уровне познания исследователь, по мысли Фесслера, обращается уже не к разуму, а к нраву читателя. Однако, при всех очень явных дидактических мотивах в своих трудах, Игнатий Аврелий предупреждает, что процесс «воспитания» читателя не должен превращаться в одностороннее нравоучение. Историк-художник «опосредует» становление и проявление через дух и полученную картину, раскрывающую суть вещей, «передает» читателю, но у того уже есть собственная картина мира, собственное восприятие, поскольку «бесконечны точки зрения на божественное управление миром, неизмеримы и неистощимы деяния духа в каждом отдельном событии» [33, S. 190–191]. Поэтому ученый, по Фесслеру, должен всегда помнить, что Идеи, как было сказано выше, содержатся в «душевом складе» любого человека, и читатель обладает тем же их набором, что и автор. Неодинакова у этих двоих лишь степень раскрытия этих Идей, осознания их [32, S. XIX]. Таким образом, целью историка-философа становится не фиксация и передача знаний, а «поднятие» читателя до своего уровня проникновения в суть вещей путем ознакомления его со своим опытом *созерцания реальности*, которое и позволяет индивидууму раскрыть заранее заложенную в нем мудрость бытия.

Таким образом, постижение исторической истины представляется в системе взглядов Фесслера как своего рода «сотворчество» ученого и читателя, что перекликается с Сократовским методом «майевтики», направленным на «извлечение» истины из разума слушателя при посредстве «учителя мудрости», популяризованным Платоном и переосмысленным Игнатием Аврелием в духе христианской философии.

Напрашиваются также и параллели с философией истории Гегеля, представлявшего дух в качестве активной субстанции, приводящей историю в движение через свое воплощение в материальный мир [35, с. 121] и подразделявшего историю на «первоначальную», «рефлексивную» и «философскую» [35, с. 57]. Однако, в отличие от своего более известного коллеги, применявшего данное трехчленное деление для классификации различных исторических трудов по категориям, Фесслер представлял становление, проявление и дух как три последовательные «ступени», которые идеальный историк-философ должен одну за другой проходить при составлении одного труда. Не свойственна Фесслеру также и Гегелевская телеология – представление о наличии у исторического процесса некоей конечной цели (в случае Гегеля – полного раскрытия «мирового духа», осознания им своей свободы [35, с. 57]). У Фесслера Идеи раскрываются в материальном мире всегда, вновь и вновь, но нет никаких указаний на то, что это должно когда-то привести к некоему логическому завершению.

Следует также отметить, что Фесслер вряд ли был непосредственно знаком с историко-философскими идеями Гегеля, поскольку в период написания «Истории венгров» и «Результатов» те были обнародованы лишь в виде лекций для аудитории Берлинского университета, а опубликованы были лишь посмертно в 1837 г. [35, с. 52]. В данном случае скорее можно говорить о непреднамеренной конвергенции, сближении идей двух философов, творивших независимо друг от друга, но в общих исторических обстоятельствах (оба наблюдали эпоху Наполеоновских войн на территории Германии, а войну Четвертой антифранцузской коалиции пережили на непосредственном опыте, хотя и сделали из этого совершенно разные выводы [5]), и имевших сходный «интеллектуальный багаж» из трудов своих предшественников на ниве философии.

Обращает на себя внимание также то, что предложенная Фесслером схема с поэтапным постижением трех уровней исторического знания весьма напоминает три первых степени посвящения в масонстве – еще одним многолетним увлечении Игнатия Аврелия [2, 3] – ученик, подмастерье, мастер. Подобно тому, как вольный каменщик, *граду*с за *граду*сом (синоним понятия «степень посвящения» в масонстве, от лат. «gradus» – «шаг») продвигаясь по орденской иерархии, открывает для себя все более высокий уровень «сакрального знания» о микрокосме тайного общества с тем, чтобы впоследствии передать его новым «братьям», так и Фесслеров историк-художник, историк-мыслитель ступень за ступенью постигает знание о макрокосме человеческого общества, чтобы потом поделиться им с читателем, и с каждым шагом знание это

становится все ближе к божественному духу, все сакральней.

Конечно, в отличие от масона, действующего в узком кругу посвященных, исследователь обращается к гораздо более широкой публике, не стесняясь передавать знание «профанам», но при этом Фесслер подчеркивает, что историку-художнику так же мало стоит беспокоиться о степени подготовленности аудитории, как живописцу – об остроте зрения у зрителей [33, S. 193], поскольку их цель не в том, чтобы «сделать незнающих знающими или невидящих видящими», а в том, чтобы «выразить во внешний мир то, что они восприняли в свой внутренний мир из бесконечности в качестве Идей» [33, S. 194]. А публика, состоящая из людей «одухотворенных, понимающих искусство, религиозных» и способная «понять и постичь» их творчество, непременно найдется [33, S. 193–194]. Эти «одухотворенные люди», конечно, не образуют тайного общества, но в трактовке Игнатия Аврелия выглядят как своего рода «братство посвященных», хоть и неформальное.

В конечном счете, И. А. Фесслер явился ярким представителем переходного периода в развитии европейской исторической мысли. Решительно ратуя за самостоятельность исторической науки от литературы, он сохранял сформированное годами писательской деятельности эмоционально-образное восприятие истории, пытаясь сочетать его с принципами строгой научности. Привнеся в исследования весь свой интеллектуальный опыт философа, он создал собственную методологическую и историко-философскую концепцию на основе преломления идей античной и христианской мысли, картезианского рационализма, немецкого Просвещения и масонства через призму собственного опыта участия в бурной и нестабильной общественной жизни Европы эпохи «просвещенного абсолютизма», революции, Наполеоновских войн и Реставрации.

Стремясь теоретически обосновать миссию ученого-историка, Фесслер конструирует его «идеальный», как ему самому кажется, образ как нечто среднее между артистом-творцом, философом и проповедником. Ремесло историка, по мысли Игнатия Аврелия, состоит в движении от статуса историка-хрониста через работу историка-психолога к положению историка-художника или историка-философа, что для Фесслера по сути одно и то же. Конечной целью этого процесса является постижение человеком истины, приносящей душевную благодать и являющуюся в исторической философии Фесслера по сути надчеловеческой и надисторической, божественной и неподверженной времени.

Историческая философия И. А. Фесслера – неразрывный сплав романтической историографии с немецкой идеалистической философией,

в полной мере *историософская* концепция, в которой познание общества представляется дорожкой к познанию основ бытия.

Список литературы

1. Горбачев Д. В. И. А. Фесслер – немецкий мыслитель и общественный деятель // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 217–224.
2. Горбачев Д. В. И. А. Фесслер в Саратове: администратор, историк и масон в зеркале документов // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории : альманах / под ред. А. Барани, А. А. Левитской, Ф. Саваи. Ставрополь : Капошвар ; М. : Издательство СКФУ, 2014. Вып. I. С. 59–68.
3. Горбачев Д. В. Фихте и Фесслер // История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А. В. Гладышев. Саратов, 2016. Вып. 13–14. С. 213–229.
4. Горбачев Д. В. Оккупация Пруссии 1806–1808 гг. в восприятии И. А. Фесслера // Наука и образование: достижения и перспективы : материалы III Международной научно-практической конференции (Самара; Саратов, Филиал СамГУПС в г. Саратове, 30 мая 2020 г.) / отв. ред. Л. И. Чирикова. Саратов : Амирит, 2020. С. 94–100.
5. Попов Н. А. Игнатий-Аврелий Фесслер. – 1756–1833 гг. – Биографический очерк // Вестник Европы. 1879. № 12. С. 586–643.
6. Архимандрит Августин (Никитин Д. Е.). Игнатий Фесслер (1756–1839) – филолог, философ, богослов // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии / отв. ред. Д. Ю. Лушников. СПб. : Издательство Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии, 2018. № 1 (2). С. 178–194.
7. Barton P. F. Ignatius Aurelius Fessler. Wien ; Köln ; Graz : Hermann Böhlhaus Nachf., 1969. 634 S.
8. Barton P. F. Romantiker, Religionstheoretiker, Romanschreiber. Ein Beitrag zur Kultur- und Geisgeschichte Deutschlands 1802–1809. Fessler in Brandenburg. Wien ; Köln ; Graz : Verlag Hermann Böhlhaus Nachf., 1983. 318 S.
9. Спасский Н. А. О народном образовании в немецких поселениях в Поволжье // Русский вестник. 1897. № 8. С. 43–64.
10. Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М. : Готика, 1997. 496 с.
11. Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь в российской истории (XVI–XX вв.). М. : Лютеранское культурное наследие, 2003. 543 с.
12. Горбачев Д. В. И. А. Фесслер в Поволжье: о чем «забыл» автор мемуаров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2010. Т. 10, вып. 2. С. 88–92.
13. Горбачев Д. В. Значение организационно-правовых документов лютеранской общины Саратова начала XIX века в местном самоуправлении // От земских учреждений к местному самоуправлению в России: традиции, опыт, перспективы (к 150-летию Земской реформы) : сб. науч. трудов / под ред. В. Л. Чепляева. Саратов : Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина, 2014. С. 24–25.
14. Горбачев Д. В. Положение органов самоуправления евангелическо-лютеранской общины Саратова в конце XVIII – начале XIX века в отражении документов // Местное самоуправление в системе публичной власти : сб. науч. трудов / под ред. В. Л. Чепляева. Саратов : Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина, 2015. С. 72–73.
15. Beratz G. Die deutschen Kolonien an der unteren Wolga in ihrer Entstehung und ersten Entwicklung, 1764–1914. Saratow : Druck von H. Schellhorn u. Co., 1915. 324 S.
16. Bonwetsch G. Geschichte der deutschen Kolonien an der Wolga. Stuttgart : Verlag von J Engelhorn's Nachf., 1919. 132 S.
17. Schmal P. Beiträge zur Geschichte der Volksbildung in der Wolgakolonien // Wolgadeutsches Schulblatt. 1929. № 7/8. S. 768–776.
18. Schmidt D. Studien über die Geschichte der Volgadeutschen. Pokrowsk ; Moskau ; Charkow : Zentral-Völker-Verlag der Union der Soz. Räte-Rep. Abteilung in Pokrowsk, ASRR der Volgadeutschen, 1930. 384 S.
19. Bourret J.-F. Les Allemands de la Volga. Histoire culturelle d'une minorité. 1763–1941. Lyon : Presses Universitaires de Lyon, 1986. 529 p.
20. Корф М. Жизнь графа Сперанского : в 2 т. СПб. : Издательство Императорской публичной библиотеки, 1861. Т. 1. 283 с.
21. Пытин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. Изд. 2-е. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1885. 543 с.
22. Пытин А. Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг. : Издательство «Огни», 1916. VII, 575 с.
23. Масонство в его прошлом и настоящем : в 2 т. / под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. М. : Задруга, К. Ф. Некрасов, 1914. Т. 1. XII, 255 с.
24. Масонство в его прошлом и настоящем : в 2 т. / под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. М. : Задруга, К. Ф. Некрасов, 1915. Т. 2. 265 с.
25. Серков А. И. История русского масонства XIX века. СПб. : Издательство им. Н. И. Новикова, 2000. 390 с.
26. Лушин А. Н., Серков А. И. Тайна саратовского масона // Четыре века : сборник статей, посвященный 400-летию Саратова / отв. ред. Е. К. Максимов. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1991. С. 128–140.
27. Малов Н. М. Новые материалы по истории масонства в Саратовском крае // Саратовский краеведческий сборник: Научные труды и публикации / под ред. В. Н. Данилова. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2002. С. 190–215.
28. Léon X. Fichte et son temps : en 2 tomes. T. 2. Fichte à Berlin (1799–1813). Paris : Librairie Armand Colin, 1924. 533 p.
29. Radrizziani I. Introduction. L'épopée berlinoise: ascension et chute d'un réformateur obstiné // Fichte J. G. La philosophie de la maçonnerie et autres texts. Paris : Vrin, 1995. P. 21–38.

30. *Maurice F.* Freimaurerei um 1800. Ignaz Aurelius Fessler und die Reform der Grossloge Royal York in Berlin. Tübingen : Niemeyer, 1997. 441 S.
31. *Walker F. A.* 'Renegade' Monks and Cultural Conflict in Early Nineteenth-Century Russia: The Cases of I. A. Fessler and J. B. Schad // *Religion, State and Society*. 2000. Vol. 28, № 4. P. 347–358.
32. *Fessler I. A.* Die Geschichten der Ungern und ihrer Landsassen : in 10 Th. Th. 1. Leipzig : Gleditsch, 1815. 726 S.
33. *Fessler I. A.* Resultate seines Denkens und Erfahrens als Anhang zu seinen Rückblicken auf seine 70-jährige Pilgerschaft. Breslau : Korn, 1826. 384 S.
34. *Гладышев А. В.* Историческая память: становление и современное состояние изучения // *История и историческая память : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А. В. Гладышев.* Саратов, 2022. Вып. 24. С. 200–204.
35. *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 2000. 480 с.

Поступила в редакцию 04.06.2024; одобрена после рецензирования 20.06.2024;
принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 04.06.2024; approved after reviewing 20.06.2024;
accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 61–67

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 61–67

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-61-67>, EDN: SEZFSO

Научная статья

УДК [325.3(410)+94(735.5)]|1754/1763|

Рост протестных настроений в Виргинии после завершения Франко-индейской войны 1754–1763 годов

Е. П. Макаров

Самарский государственный технический университет, Россия, 443100, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244

Макаров Егор Павлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, egor.makarov.esq@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-1105-0260>, AuthorID: 741202

Аннотация. В статье на материалах официальных государственных документов, а также американской и британской прессы и политической публицистики анализируется процесс постепенной смены настроений виргинского общества в середине XVIII в. Показано, что процесс формирования политического самосознания виргинского населения в значительной степени был вызван изменениями в характере взаимоотношений между колонией и метрополией после окончания Франко-индейской войны 1754–1763 гг. Особое внимание уделяется мотивам представителей правящих элит Виргинии, которые имели практически полный контроль над внутриколонийной политикой. В споре с метрополией они преследовали не только свои личные цели, но и стремились заботиться о благе всего локального сообщества провинции. Формулируется вывод, согласно которому последовательные попытки Великобритании ввести на территории колоний новую систему содержания регулярной армии и новое налоговое законодательство привели к кризису во взаимоотношениях, в ходе которого произошло осознание виргинцами собственных фундаментальных прав на свободное и самостоятельное принятие решений в экономических и политических вопросах.

Ключевые слова: Великобритания, Виргиния, XVIII век, колониальная политика, Акт о гербовом сборе 1765 года, общественное мнение, протестные настроения

Для цитирования: Макаров Е. П. Рост протестных настроений в Виргинии после завершения Франко-индейской войны 1754–1763 годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 61–67. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-61-67>, EDN: SEZFSO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The rise of protest sentiment in Virginia after the end of the French and Indian War of 1754–1763

E. P. Makarov

Samara State Technical University, 244 Molodogvardeyskaya St., Samara 443100, Russia

Egor P. Makarov, egor.makarov.esq@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1105-0260>, AuthorID: 741202

Abstract. The article, using materials from official government documents, as well as the American and British press and political journalism, analyzes the process of gradual change in the mood of Virginian society in the mid-18th century. It is shown that the process of formation of the political identity of the Virginian population was largely caused by changes in the nature of the relationship between the colony and the metropolis after the end of the French and Indian War of 1754–1763. Particular attention is paid to the motives of representatives of the ruling elites of Virginia, who had almost complete control over intra-colonial politics. In the dispute with the metropolis, they pursued not only their own personal goals, but also sought to take care of the welfare of the entire local community of the province. The conclusion is formulated that the successive attempts of Great Britain to introduce a new system of maintaining a regular army and new tax legislation into the colonies led to a crisis in relations, during which the virginians realized their own fundamental rights to free and independent decision-making in economic and political matters.

Keywords: Great Britain, Virginia, XVIII century, colonial policy, Stamp Act of 1765, public opinion, protest sentiments

For citation: Makarov E. P. The rise of protest sentiment in Virginia after the end of the French and Indian War of 1754–1763. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 61–67 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-61-67>, EDN: SEZFSO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

После заключения Парижского мирного договора 1763 г. Франция перестала рассматриваться в качестве опасного конкурента Великобритании в процессе освоения североамериканского пространства. С установлением относительной военно-политической стабильности колониальные администрации получили чёткие и однозначные сигналы о намерении метрополии разобраться в местных финансово-экономических вопросах. С одной стороны, удержание завоёванных территорий требовало новых значительных расходов, с другой – метрополии было необходимо в кратчайшие сроки возместить собственные затраты на Франко-индейскую войну 1754–1763 гг. [1, р. 8–23]. Британская армия находилась на американском континенте, и центральное правительство не было уверено в целесообразности её роспуска или возврата в Европу. По мнению правительства, приграничные форты были готовы для размещения солдат, а их обеспечение провизией и амуницией, а в некоторых случаях и жалование, должны были компенсироваться за счёт местных бюджетов [2, р. 12–15].

Министры правительства Джона Стюарта, 3-го графа Бьюта, предполагали, что в послевоенных условиях главной угрозой британским провинциям Северной Америки становились местные индейские племена. Потенциальная вероятность конфликта с ними требовала поддержания в боеготовности приграничных гарнизонов, что также стоило немалых финансовых средств. Эти опасения оказались не напрасными, ведь уже в 1763 г. началось восстание Понтиака, поставившее под удар территории сразу нескольких провинций, в том числе и Виргинии. По подсчётам чиновников метрополии, расходы на содержание почти 10-тысячного контингента в Америке должны были ежегодно составлять более 200 тыс. ф. ст., и Виргинии как одной из наиболее богатых колоний предлагалось взять на себя часть этих затрат [3, р. 175–190].

Виргиния вышла из Франко-индейской войны с уже возросшими расходами на поддержание безопасности колониальной границы. Местная администрация должна была распределить эти суммы между округами западного приграничья и, кроме того, изыскать средства на послевоенное восстановление тех же территорий от повсеместного разорения. В этом вопросе виргинцы сразу получили от метрополии чёткий сигнал о том, что решение внутренних финансовых проблем провинции полностью ложилось на местный бюджет, и государственной помощи из метрополии ждать не следовало. Несмотря на это обстоятельство, в кругах правящей элиты Виргинии началось обсуждение вопроса о возможных источниках для выплаты жалования офицерам и перспектив их постоянного закрепления в округах западного приграничья. Предполагавшееся решение данной проблемы было найдено в возвращении к довоенным схемам движения фи-

нансовых потоков 1750-х гг., когда средства брались от продажи и перепродажи земли. Была достигнута предварительная договорённость о безвозмездном выделении сельскохозяйственных участков для военных, задействованных в защите округов Хэмпшир, Фредерик, Огаста, Албемарл, Бедфорд, Галифакс [4].

Дальнейшие переговоры между правящими кругами Виргинии и высшими чиновниками метрополии осложнились сменой кабинета министров. На место ушедшего в отставку Джона Стюарта пришёл Джордж Гренвилл, который предпочёл не только не обострять противоречия, но более того – стал рассматривать возможность покрытия большей части военных расходов в колониях из государственного бюджета. Споры о том, где взять недостающую часть финансирования, осложнялись тем, что в послевоенной Виргинии ощущался недостаток европейских денег, а бывшие в широком ходу местные платёжные векселя часто не принимались военными в качестве жалования. Несмотря на то, что довоенная система бюджетных отношений между Виргинией и метрополией в вопросах финансирования армии всю первую половину XVIII в. основывалась на принципе добровольного вклада в общее дело обороны, переговоры с правительством Дж. Гренвилла быстро приобрели характер грубого диктата. Продвигая новую схему финансирования британских военных в Америке, Дж. Гренвилл рассчитывал на то, что именно метрополия будет распоряжаться всей совокупностью финансов, включая ту меньшую их часть, которую давали американские провинции. Таким образом, метрополия прямо вторгалась в вопросы внутреннего движения финансовых потоков в Виргинии, которые никогда ранее не были детально подотчётны центральной власти [5, р. 561–576].

Администрация Дж. Гренвилла анализировала общественные настроения на всём колониальном пространстве Северной Америки и в целом не выявила серьёзного недовольства грядущей реформой. Но виргинские правящие элиты восприняли предложения Дж. Гренвилла как ясное требование о прямом изъятии части провинциальных финансов в общий бюджет метрополии. Исторически такая схема взаимодействия никогда не практиковалась, и виргинское сообщество весьма болезненно восприняло не предполагавшиеся расходы на оборону, а безусловное вмешательство метрополии в народное хозяйство провинции. Устройство виргинской экономики было достаточно сложным, а её устойчивость на протяжении первой половины XVIII в. основывалась преимущественно на двух инвестиционных потоках. Внешний приток финансов обеспечивался трансатлантической сырьевой торговлей, а внутренний генерировался благодаря спекулятивной продаже и перепродаже

земельных наделов на территории западного приграничья [6, с. 59–65].

Франко-индейская война 1754–1763 гг. нанесла серьёзный удар по обоим обозначенным источникам инвестиций, и виргинская экономика сохранила устойчивое развитие лишь благодаря концентрации накопленного за полвека капитала. Однако объём имевшихся в наличии ресурсов был известен лишь приблизительно, поскольку подавляющая часть материальных ресурсов колонии была рассредоточена по предприятиям местных богатейших семейств. Таким образом, в Виргинии единого провинциального бюджета в европейском понимании на практике никогда не существовало, а решения о любых крупных затратах колонии принимались не столько вице-губернатором, сколько волей коллектива реальных держателей финансовых средств. При этом в сознании виргинцев существовали заметные отличия в восприятии обязательств, которые люди брали на себя в период активных боевых действий и в послевоенный период. С наступлением мира в отношениях с французами виргинские правящие элиты в лице семенных кланов Ли, Бёрруэлл, Рэндольф, Картер и др., значительно пересмотрели собственные расходы и перенаправили часть имевшихся в их распоряжении ресурсов на восстановление хозяйства пострадавших округов. Силы вспомогательных войск местного ополчения были переориентированы на землеустроительные работы, и всем казалось, что уже в 1764–1765 гг. удастся в полной мере восстановить темпы колониального продвижения на западе. Учитывая, что единственный опасный соперник в процессе освоения долины Огайо в лице французов был устранён, многие современники считали Франко-индейскую войну удачной инвестицией народа Виргинии [7, р. 175–196].

Роспуск местного вспомогательного ополчения и прекращение закупок для британской армии привели к высвобождению материальных ресурсов, имевших для метрополии конкретное денежное выражение. Поскольку военные затраты Виргинии и других колоний на обеспечение регулярных войск с 1763 г. вновь перешли на метрополию, Дж. Гренвилл имел чёткое понимание того, какими суммами каждой колонии ежегодно обходилось содержание солдат. Если обсуждения послевоенного финансирования британского военного присутствия в регионе с администрацией Д. Стюарта проходили достаточно конструктивно, то их продолжение с правительством Дж. Гренвилла быстро зашло в тупик. И Виргиния, и другие колонии в итоге признавали, что требование метрополии о финансировании военного присутствия может быть удовлетворено, однако происходить это должно на условиях самой провинции. Главным из условий, обозначенных всеми колониями, должно было стать

сокращение численности готовившихся к расквартированию регулярных войск [8, р. 164–193].

Параллельно с этим непростым переговорным процессом администрация Дж. Гренвилла начала масштабную и планировавшуюся ещё в начале 1750-х гг. ревизию всей колониальной налоговой системы. Данная проверка и приведение североамериканской системы налогов и сборов в порядок были отложены на период Франко-индейской войны, и возвращение к этому вопросу в 1764 г. было воспринято виргинскими правящими элитами ещё более негативно, чем споры о расходах на оборону [9, р. 235–264].

Британское правительство не приняло во внимание главные причины роста виргинской экономики в 1720–1740-е гг., заключавшиеся в целенаправленном обходе требований явно устаревшего имперского торгового законодательства. Решив упорядочить старые и ввести новые налоги для колоний именно в 1764 г., правительство Дж. Гренвилла выбрало самый неподходящий момент, и виргинское общество восприняло его инициативу как попытку изъять ресурсы, сбережённые местными производителями для послевоенного восстановления собственных пострадавших территорий. Попытки начать государственное регулирование торговли табаком и сахаром сразу встретили ожесточённое сопротивление местного сообщества, и новоприбывшим чиновникам ясно дали понять, что соблюдать требования метрополии никто не намерен. В подобных условиях чиновники чаще всего шли на сделку с местными производителями и торговцами, а в метрополию отсылались ревизионные отчеты, не содержавшие достоверной информации [10, р. 393–395].

Послевоенное восстановление виргинской экономики напрямую зависело от способности местных правящих элит реинвестировать собственные капиталы, и возвращение к довоенным схемам обхода требований британского законодательства представлялось им жизненной необходимостью. В этот процесс оказались вовлечены не только сельскохозяйственные и добывающие, но также и потребительские товарные производства Виргинии. И крупные виргинские собственники, и большое количество прямо зависевших от них работников не желали нести убытки из-за нововведений и воспринимали возникшую ситуацию как неумелую попытку метрополии решить собственные проблемы за счёт американских поселенцев. Помимо того, что практики контрабанды и подкупа таможенных работников стали применяться ещё чаще, чем в предвоенное время, в виргинском обществе быстро росла волна недовольства, прямо отражённая в общественном мнении [11, р. 543–559].

На протяжении периода активного обсуждения нового законодательства, распространявшаяся в Виргинии политическая публицистика

и пресса изобиловала сюжетами о несправедливости и недальновидности королевских министров [12]. Встречались упоминания о том, что король и парламент не имеют реального представления о происходивших в Северной Америке событиях [13]. Постепенно акцент общественного недовольства сместился на правовой анализ налоговой политики, которую всё чаще называли противоречившей древней английской конституции [14, р. 90–114].

С 1764 г. в виргинском обществе начинает обсуждаться явное противоречие между правами и привилегиями, которыми виргинцы, как подданные короля, могли пользоваться по английскому правовому обычаю, и новым законодательством, которое вводилось для них без представления защиты их интересов в парламенте. К этому времени сообщество виргинских правоведов было серьёзной силой, с которой чиновникам метрополии явно приходилось считаться. Местные юристы развили опыт 1730-х гг., когда их борьба за более справедливое налогообложение производства и торговли сахаром увенчалась успехом именно благодаря многочисленным отсылкам на несоответствие проводимой политики основополагающим конституционным принципам [15, р. 63–83].

В подобных условиях налоговая реформа Дж. Гренвилла не только не была свёрнута, а напротив, признавалась властью как наиболее продуманная. В правительстве учли опыт недовольства виргинцев 1730-х гг. и, исходя из требований времени, существенно переработали изначальный проект реформ начала 1750-х гг., исполнению которого помешало начало Франко-индейской войны. В новом, доработанном проекте был учтён и передовой европейский опыт, при котором наибольшую собирательную эффективность показывали сборы, которые в наименьшей степени влияли на отдельно взятого гражданина. По сравнению с ситуацией в других колониях, общество Виргинии было более консолидированным, поскольку население каждого из округов имело чёткую ориентацию на местных крупнейших земельных собственников. Таким образом, экономическое могущество богатейших семейств Виргинии имело и политическое выражение, заключавшееся в их возможности за короткий срок мобилизовать потенциал всех местных жителей. Когда правительство Дж. Гренвилла заявляло о безусловном праве метрополии вводить новые налоги в колониях, виргинцы признавали верховенство парламента, но настаивали на согласовании с ними формы и деталей предполагавшегося налогообложения. По мнению правящих элит Виргинии, новые требования метрополии означали наличие у центральной власти желания в ещё большей степени контролировать местные производства и товарооборот, но по правовому обычаю это было

вовсе невозможно без парламентского представителя, который являлся бы защитником местного населения от потенциального произвола [16, р. 172–174].

Виргинцы понимали логику Дж. Гренвилла, не скрывавшего своего намерения изыскать в Северной Америке суммы, необходимые для частичного покрытия государственного долга. Однако для них существовала большая разница между внешним налоговым контролем по парламентской санкции и внутренними налогами, которые устанавливались лишь с достижением консенсуса Дома Бёрджесов, губернаторского совета и самого вице-губернатора Виргинии. Богатейшие семейства колонии не желали изменять отлаженную за первую половину XVIII в. систему движения колониальных финансов. Они видели в реформаторских устремлениях Дж. Гренвилла большую угрозу и своему личному благосостоянию, и что ещё более важно – уровню жизни огромного количества зависимых от них людей, прямо задействованных в процессе послевоенного восстановления виргинской экономики [17, р. 453–468].

Получивший в этот период широкую известность лозунг о невозможности налогообложения без представительства в парламенте не был новым, и уже с 1730-х гг. упоминался в виргинских спорах с властями метрополии. Поскольку виргинцы так же, как и население других североамериканских колоний, были представлены лишь в законодательных собраниях собственных провинций, их совершенно не удовлетворили доводы секретаря казначейства Т. Уэйтли, который активно продвигал идею условного представительства. Соображения Т. Уэйтли базировались на обязанности парламентариев защищать интересы всех подданных короля, в том числе и находившихся на территории Северной Америки. В период обострения споров колонии и метрополии вокруг нового налогового законодательства виргинские общественные деятели подключались к межколониальной полемике на эту тему. Высокую оценку виргинцев получили идеи массачусетских политиков С. Адамса и Д. Отиса, а также мэрилендского юриста и публициста Д. Делани. Виргинский Дом Бёрджесов быстро наладил связь с законодательными собраниями Нью-Йорка, Нью-Джерси, Род-Айленда, Массачусетса и Коннектикута в надежде общими усилиями остановить грядущую налоговую реформу [18].

Даже при отсутствии реальных политико-правовых механизмов сотрудничества между всеми американскими провинциями им всё же удалось выработать единую линию противодействия непопулярной реформе. В начале 1765 г. на встрече премьер-министра Дж. Гренвилла с колониальными агентами прямо обсуждалась возможность компромисса, при котором американские провинции были готовы принять

реформу, но только в случае придания ей конституционного характера. Когда правящие элиты Виргинии осознали тщетность переговоров с администрацией Дж. Гренвилла, началась подготовка к прямому бойкотированию реформы. В период 1764–1765 гг. даже вице-губернатор Ф. Фокье признавал, что спор с богатейшими семьями колонии был ошибкой британского правительства [19, р. 257–272].

Гербовое законодательство было принято 22 марта 1765 г. большинством голосов в Палате общин и единогласно в Палате лордов, и уже с 1 ноября того же года изменения должны были вступить в силу в Виргинии, а также во всех остальных американских провинциях. Для виргинского народного хозяйства новая налоговая нагрузка была наиболее болезненной в сфере земельной торговли. На обширной территории недавно образованных округов западного приграничья ежедневно заключалось огромное количество земельных сделок, при этом один и тот же надел мог за короткий период уменьшаться или увеличиваться в размерах и перепродаваться множество раз. В областях внутренней Виргинии земельных сделок было относительно меньше, чем в западном приграничье, однако там новые нормы затрагивали юридическое сопровождение торговых сделок с местной продукцией. В целом налоговая нагрузка должна была возрасти во много раз, и местное сообщество решило не дожидаться предполагавшихся с 1 ноября 1765 г. изменений [20].

Виргинские правоведа обозначили несколько связанных с налоговыми нововведениями проблем, которые казались практически неразрешимыми. Во-первых, гербовые знаки требовалось приобретать за британскую валюту, а она на территории колонии была в большом дефиците. Во-вторых, гербовый сбор распространялся и на документацию судов церковной юрисдикции, которых в колонии официально не было. Само обсуждение их возможного введения, как и дискуссия относительно возможного присутствия в колонии англиканского епископа, были для Виргинии крайне болезненными и спорными вопросами. Ещё больше напряжённых споров в виргинском обществе вызвало наказание, предполагавшееся за нарушение требований гербового законодательства. Подобные дела должны были рассматривать военно-морские судебные комиссии, напрямую подконтрольные Адмиралтейскому суду. С этой инстанцией у виргинских торговцев и производителей всю первую половину XVIII в. складывался негативный опыт взаимодействия, связанный с постоянным нарушением предписаний Навигационных актов. Поскольку ранее присутствовавшие в Северной Америке судебные комиссии Адмиралтейского суда занимались рассмотрением нарушений в открытом море, то после 1 ноября 1765 г. ситуация

должна была измениться. Виргинские правоведа заключили, что в новых условиях судебные комиссии Адмиралтейского суда должны были распространить своё влияние на континент, что нарушило бы сложную систему договорённостей между королевскими таможенными чиновниками и местными торгово-финансовыми элитами [21, с. 95–102].

Правящие круги Виргинии с марта по май 1765 г. вырабатывали свой ответ на предполагавшиеся нововведения, и в итоге Дом Бёрджесов принял документ, ставший известным как «виргинские постановления». В нём за умеренными формулировками и ссылками на унаследованные от первых поселенцев права и привилегии фактически содержался отказ от подчинения требованиям гербового законодательства. Другие провинции также попытались бороться с нововведениями, для чего использовали и потенциал собственных законодательных собраний, и мощь колониальной прессы. Повсеместно стали звучать лозунги о том, что любые попытки установления налогообложения без представительства американское колониальное сообщество будет рассматривать как тиранию метрополии [22, р. 203–221].

Учитывая, что переговоры о возвращении к учёту взаимных интересов велись между Виргинией и чиновниками метрополии всё лето 1765 г., ситуация нарастания протестов не приобрела критического масштаба. Правящие элиты колонии были готовы к компромиссному решению относительно выплаты жалования расквартированных в западном приграничье регулярных войск, однако категорически отказывались подчиняться новым требованиям гербового законодательства, поскольку его исполнение наносило бы ещё не вполне оправившемуся после войны хозяйству Виргинии непоправимый вред.

Правительство Дж. Гренвилла ушло в отставку в июле 1765 г., и ему на смену пришла новая администрация во главе с Ч. Уотсоном-Уэнтуртом, 2-м маркизом Рокингом, который сразу попытался оценить масштабы недовольства в колониях. Отложив введение нового налогового законодательства, он негласно пообещал жителям американских провинций свернуть данную непопулярную реформу. Уже 14 января 1766 г. Ч. Уотсон-Уэнтурт сообщил парламенту о невозможности исполнения первоначального плана реформы, 21 февраля была принята резолюция об отмене гербового законодательства, и данный процесс завершился 18 марта после одобрения королём [23].

Параллельно с усилиями Ч. Уотсона-Уэнтурта с осени 1765 г. в Северной Америке началась организация колониальных корреспондентских комитетов, координировавших борьбу за отмену гербового законодательства. Помимо Виргинии, в данные комитеты вошли Нью-Йорк, Коннектикут, Род-Айленд, Мэ-

риленд, Нью-Хэмпшир, а также другие провинции. На так называемом конгрессе гербового законодательства виргинские делегаты не присутствовали по двум причинам. Во-первых, в среде богатейших семейств колонии не было полного единства относительно способов борьбы с предполагавшимися нововведениями, и многие авторитетные представители правящей элиты склонялись к продолжению переговоров с правительством. Во-вторых, на фоне сомнений крупнейших землевладельцев вице-губернатор Ф. Фокье предпочёл временно распустить местное законодательное собрание, чтобы не обострять отношения с метрополией и получить дополнительный козырь в переговорном процессе [24, р. 52–57].

Добившись отмены гербового законодательства, виргинские правящие элиты постепенно пришли к выводу о том, что могут говорить с чиновниками метрополии с позиций силы. Полностью контролируя производство и торговлю в огромном регионе и в то же время оказывая значительное влияние на сопредельные провинции, виргинские богатейшие семейства к середине 1760-х гг. осознавали, что их экономическое могущество обеспечивало им ещё и политическую власть. Удачный опыт противодействия имперскому сахарному и гербовому законодательству в значительной степени закалил виргинское общество и внёс весомый вклад в формирование американской политической нации. В первой половине XVIII в. Виргинские крупнейшие землевладельцы сумели не только накопить огромные ресурсы, но, что более важно, сберегли их в период Франко-индейской войны, а затем отстаивали право самостоятельно распоряжаться ими в послевоенное время [25, с. 61–67].

Середина 1760-х гг. стала временем очень серьёзных испытаний на прочность местной системы отношений, и в спорах с метрополией виргинские элиты показали способность переговорами или насилием добиваться необходимого результата. Однозначно доминируя над колониальным вице-губернатором, виргинские правящие элиты не останавливались перед демонстрацией своей реальной власти, но всегда соблюдали умеренность в этом вопросе, показывая метрополии, что правительство сможет получить от Виргинии гораздо больше выгод при обоюдном учёте интересов, нежели от грубого принуждения.

Практически все 1760-е гг. большинство представителей виргинских правящих элит не ставили под сомнение собственную лояльность королю и подчёркивали, что являются главными гарантами успешного хозяйственного развития целого региона, куда помимо самой Виргинии входило пространство сопредельных провинций. Они настаивали на необходимости подтверждения собственных прав и привилегий

и видели себя в роли самобытной американской аристократии, способной стать для монарха такой же опорой, какой для него были высшие сословия Великобритании. В сравнении с другими американскими колониями, в Виргинии именно богатейшие семейства были создателями местной политической нации и сохраняли контроль над ней вплоть до начала американской войны за независимость.

Сменявшие друг друга британские правительства по различным причинам не сумели воспользоваться столь сильным потенциальным союзником и, усугубляя конфликт с виргинскими правящими элитами, сами создали одного из своих самых грозных и высокоорганизованных противников. Данный противник сочетал экономическое могущество и политическую власть и впоследствии стал одним из системообразующих столпов войны за независимость, положившей конец британскому владычеству в Северной Америке.

Список литературы

1. *Boogher W. F.* Gleanings of Virginia history. An historical and genealogical collection. Washington, D. C. : W. F. Boogher, 1903. 465 p.
2. *Titus J.* The Old Dominion at war: Society, politics, and warfare in late colonial Virginia. Columbia, S. C. : University of South Carolina Press, 1991. 256 p.
3. *Parkman F.* The Conspiracy of Pontiac and the Indian War after the conquest of Canada : in 2 vols. New York : Little, Brown, and Company, 1885. Vol. I. 367 p.
4. *James A. P.* The Ohio Company: It's inner History. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 1959. 402 p. <https://doi.org/10.2307/jj.13027293>
5. *Lawson P.* George Grenville and America: The Years of Opposition 1765–1770 // *William and Mary Quarterly*. 1980. Vol. 37, № 4. P. 561–576. <https://doi.org/10.2307/1919399>
6. *Макаров Е. П.* Территориальные приобретения виргинских колониальных элит и вооружённые конфликты с коренным населением долины Огайо в середине 1770-х гг. // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки*. 2021. Т. 3, № 4 (12). С. 59–65. <https://doi.org/10.37313/2658-4816-2021-3-4-59-65>
7. *Lamb M.* Questions of Taxation Research Framed as Accounting Research: A Suggested Approach // *Accounting Historians Journal*. 2003. Vol. 30, № 2. P. 175–196. <https://doi.org/10.2308/0148-4184.30.2.175>
8. *Bullion J. L.* This great and necessary measure: George Grenville and genesis of the Stamp Act 1763–1765. Columbia : University of Missouri Press, 1982. 360 p.
9. *Hughes E.* The English Stamp Duties 1664–1764 // *English Historical Review*. 1941. Vol. 56, № 222. P. 235–264. <https://doi.org/10.1093/ehr/LVI.CCXXII.234>
10. *Langford P.* Review British Politics and the Stamp Act Crisis: The First Phase of the American Revolution, 1763–1767 // *English Historical Review*. 1976. Vol. 91, № 359. P. 393–395.

11. *Ritcheson C. R.* The Preparation of the Stamp Act // *William and Mary Quarterly*. 1953. Vol. 10, № 4. P. 543–559. <https://doi.org/10.2307/1923594>
12. *Moore M.* The justice and policy of taxing the American colonies. Wilmington, North-Carolina : Printed by Andrew Steuart. 1765. 16 p.
13. *Dulany D.* Considerations on the Propriety of Imposing Taxes in the British Colonies. Annapolis, Maryland : 1765. 57 p.
14. *Henderson H. J.* Taxation and Political Culture: Massachusetts and Virginia, 1760–1800 // *William and Mary Quarterly*. 1990. Vol. 47, № 1. P. 90–114. <https://doi.org/10.2307/2938042>
15. *Schlesinger A. M.* The Colonial Newspapers and the Stamp Act // *New England Quarterly*. 1935. Vol. 8, № 1. P. 63–83. <https://doi.org/10.2307/359430>
16. *Hecht J. J.* Review: British Politics and the Stamp Act Crisis: The First Phase of the American Revolution, 1763–1767 // *New England Quarterly*. 1976. Vol. 49, № 1. P. 172–174. <https://doi.org/10.2307/364585>
17. *Dickerson O. M.* British control of American newspapers on the eve of the revolution // *New England Quarterly*. 1951. Vol. 24, № 4. P. 453–468. <https://doi.org/10.2307/361338>
18. *Otis J.* The rights of the British colonies asserted and proved. Boston, New-England : London reprinted, for J. Almon, 1764. 120 p.
19. *Newcomb B. H.* Effects of the Stamp Act on Colonial Pennsylvania Politics // *William and Mary Quarterly*. 1966. Vol. 23, № 2. P. 257–272. <https://doi.org/10.2307/1922510>
20. Text of the Stamp act, reprinted from an edition published “By Authority”, at London, in 1765. New York : A. Lovell & Company, 1895. 34 p.
21. Макаров Е. П. Закон о гербовом сборе 1765 года в восприятии политической нации североамериканских колоний Великобритании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1 (846). С. 95–102. https://doi.org/10.52070/2500-347X_2022_1_846_95
22. *Spindel D. J.* The Stamp Act Crisis in the British West Indies // *American Studies*. 1977. Vol. 11, № 2. P. 203–221. <https://doi.org/10.1017/S0021875800003571>
23. The grievances of the American colonies candidly examined. Printed by Authority, at Providence, in Rhode-Island. London : Printed for J. Almon, 1765. 52 p.
24. *Weaver E. P.* Nova Scotia and New England during the Revolution // *American Historical Review*. 1904. Vol. 10, № 1. P. 52–57. <https://doi.org/10.2307/1833814>
25. Макаров Е. П. Историческое значение Закона о па-токе 1733 г. в политико-экономической жизни Виргинии XVIII в. // История государства и права. 2021. № 5. С. 61–67. <https://doi.org/10.18572/1812-3805-2021-5-61-67>

Поступила в редакцию 22.07.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024;
принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 22.07.2024; approved after reviewing 03.09.2024;
accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 68–74
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 68–74
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-68-74>, EDN: SFBNYP

Научная статья
УДК [94(44):355.441.1(430.113)]|1806|+929Наполеон

Французская оккупация Гамбурга в 1806 г.: континентальная блокада и контрабанда

А. А. Гунько

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов,
ул. Астраханская, д. 83

Гунько Андрей Анатольевич, аспирант кафедры всеобщей истории, violla0217@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-9777-7013>, Author ID: 1178659

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения между Францией и Гамбургом в начале XIX в., опыт первой оккупации Э. Мортье вольного города-государства, а также методы обхода гамбургскими жителями режима континентальной блокады Наполеона Бонапарта. Сделан вывод о закономерном расцвете контрабандного промысла среди бедных слоев населения Гамбурга на фоне разорительной политики наполеоновского Парижа по отношению к вольному городу-государству. Несмотря на диктуемые Наполеоном торговые ограничения и необходимость содержания расквартированных солдат Великой армии, реакция жителей на такие меры была негативной, хотя открытых волнений и не вызвала.

Ключевые слова: Гамбург, Наполеон, континентальная блокада, Великобритания, оккупация, контрабанда

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00113: «Человек на войне: антропология военной истории Наполеоновской эпохи» – П.

Для цитирования: Гунько А. А. Французская оккупация Гамбурга в 1806 г.: континентальная блокада и контрабанда // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 68–74. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-68-74>, EDN: SFBNYP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The French occupation of Hamburg in 1806: The Continental blockade and smuggling

A. A. Gunko

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Andrew A. Gunko, violla0217@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-9777-7013>, AuthorID: 1178659

Abstract. The article examines the relationship between France and Hamburg in the early 19th century, the experience of E. Mortier's first occupation of the free city-state, as well as methods of circumventing the continental blockade regime of Napoleon Bonaparte by Hamburg residents. The conclusion is made about the natural flourishing of smuggling among the poor of Hamburg against the background of the ruinous policy of Napoleonic Paris in relation to the free city-state. Despite the trade restrictions dictated by Napoleon and the need to maintain the quartered soldiers of the Grand Army, the reaction of residents to such measures was negative, although it did not cause open unrest.

Keywords: Hamburg, Napoleon, Continental System, Great Britain, occupation, smuggling

Acknowledgments: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 20-18-00113: "Man at War: The Anthropology of Military History of the Napoleonic Era" – P.

For citation: Gunko A. A. The French occupation of Hamburg in 1806: The Continental blockade and smuggling. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 68–74 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-68-74>, EDN: SFBNYP

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Ганзейские города давно служили перевалочной базой для колониальных товаров из владений Франции и Англии в Германию. Последние годы XVIII в. были весьма благоприятны для экономики Гамбурга: Франция и Англия, торговые связи между которыми были прерваны, обогащали город как необходимого посредника.

Немаловажным фактором благополучия ганзейских городов-государств являлось объявление ими о своем нейтралитете, действовавшее в период с 1792 по 1806 гг. [1, С. 56; 2, р. 646–647; 3, С. 31–32, 47–48].

Но если до Французской революции половину импорта у них составляли французские

товары, то после нее на первый план в объеме поставляемых товаров вышла Англия (особенно после того, как Амстердам был оккупирован французами в 1795 г.). Через Бремен в Северную Германию шла кукуруза, через Гамбург – преимущественно сахар и кофе [4, р. 95–96]. После упадка Марселя и Амстердама как портовых городов Гамбург – наряду с Бордо во Франции и Ливорно в Италии – стал на несколько лет ключевым портовым городом для связи с Великобританией (вплоть до событий 1806–1807 гг.) [5, р. 65], и это способствовало процветанию города. Пошлины в Гамбурге на импорт и экспорт выросли в три раза в период с 1793 по 1799 гг., а число бедных людей, получающих социальную помощь, сократилось наполовину [5, р. 66]. Гамбургский британский посол в марте 1807 г. сообщал министру иностранных дел Дж. Каннингу, что ганзейские города благодаря широчайшим своим торговым связям со всем континентом сбывали ежегодно в среднем за последние 12 лет (до блокады) английских товаров на 10 млн фунтов стерлингов, несмотря ни на какие препятствия [6, с. 260–261].

Противостояние Англии и Франции вылилось в континентальную блокаду: Наполеон попытался экономически удушить своих соперников, перекрыв им рынки сбыта их товаров в Европе. Естественно, для этого необходимо было взять под контроль торговлю в ганзейских городах.

Западные и отечественные исследователи с разных сторон изучали континентальную блокаду, в первую очередь с точки зрения геополитического противостояния между Лондоном и Парижем, ограничиваясь анализом общих причин и последствий подписания Наполеоном Бонапартом Берлинского декрета 21 ноября 1806 г. Так, исследования К. Ааслештад затрагивают военно-антропологический аспект наполеоновских войн [1, 2, 7, 8]; монографии Х. да Луза [3], Э. Хекшера [4] и Е. В. Тарле [6], А. Т. Мэхена [9], равно как статьи С. Марзагалли [5], А. А. Подмазо [10], Н. Н. Трошина [11], анализируют экономические аспекты континентальной блокады; попытку Российской империи примирить Великобританию и наполеоновскую Францию с помощью дипломатии раскрывает в своей статье Н. А. Макаров [12]. Отдельно следует отметить работу Г. А. Сосуновой [13], в которой исследователь предпринимает попытку проследить корреляцию между активными запретительными мерами Наполеона Бонапарта (в рамках экономической изоляции Британских островов от континентальной Европы) и введением таможенно-юридических и таможенно-экономических терминов в языке таможенных служащих Первой империи. Не можем не упомянуть работу К. Мёнкеберга [14], в которой освящается период французской оккупации Гамбурга в рамках позитивистской традиции.

В данном исследовании мы попытаемся проследить историю взаимоотношений между Францией и Гамбургом в начале XIX в., рассмотреть опыт первой оккупации (сосуществования жителей Гамбурга и расквартированной наполеоновской армии) Э. Мортье Вольного города-государства, а также методы обхода гамбургскими жителями режима континентальной блокады Наполеона Бонапарта. Методологически при освещении оккупационного режима мы будем опираться на работу А. В. Гладышева [15, с. 10–21], а также на классические методы, принятые в исторической науке (описательно-повествовательный и хронологический методы).

Если в плане коммерческой деятельности для гамбуржцев все развивалось до поры до времени достаточно хорошо, то с политической точки зрения ситуация разворачивалась иначе: уже на рубеже столетий у Гамбурга начались серьезные проблемы. С 1795 г., после временной оккупации Бремена ганноверскими и британскими войсками, стало ясно, что войны, приносившее одно время торговые выгоды, стали угрожать их суверенитету [7, р. 121]. На протяжении второй половины 1790-х гг. Гамбург и Бремен продолжали обслуживать интересы по обе стороны Ла-Манша, активно производя различные торговые операции или кредитование [7, р. 121]. Но с 20 марта по 23 мая 1801 г. Гамбург был оккупирован датчанами с целью «защиты устья Эльбы» от англичан.

С 1803 г. и вплоть до конца Первой Империи Наполеон всеми способами пытался испортить жизнь соседу по Ла-Маншу, ведя торговую войну. После разрыва Амьенского договора в 1803 г. Франция ужесточила торговое законодательство против Великобритании. В нашем распоряжении есть письмо Э. Мортье, находившемся в то время с официальным визитом в Бремене, от 3 июня 1803 г. (Le 14 Praireal au 11), обращенное к городскому Сенату, в котором маршал практически в ультимативном тоне предлагает правительству Бремена в обмен на «дружеские отношения с Французской Республикой» исполнить «пожелания» французов: ввести немедленное эмбарго всех английских товаров из всех английских владений, а также всех английских офицеров и матросов незамедлительно доставить в распоряжение французской армии [16]. Заключает своё короткое обращение к Сенату Бремена Э. Мортье так: «Я добьюсь того, чтобы вы конфисковали в интересах Французской Республики все англоязычные газеты, и [изгнали] английских солдат, которые находятся в вашем городе» [16, л. 182, 182 об.].

Благоприятным для Наполеона поводом к объявлению континентальной блокады послужил королевский декрет Георга III от 16 мая 1806 г., которым Англия объявляла о блокаде всех портов Европы от Эльбы до Бреста. Этого

королевского указа добился министр иностранных дел Ч. Дж. Фокс. Блокада, однако, строго соблюдалась только между устьем Сены (порты Гавр и Онфлёр) и портом Остенде. В порты между этими двумя пунктами не допускалось ни под каким предлогом ни одно нейтральное судно. С другой стороны, нейтральные суда могли входить в порты и выходить из них свободно, если они «не грузились в каком-либо порту, принадлежащем врагам Его Величества, или не следовали прямо в какой-либо из принадлежащих врагам Его Величества портов» [9, с. 596–598]. При этом редакция указа избегала вопроса о происхождении грузов, затрагивая только транзит товара.

Разрабатывая планы подрыва британской торговли, Наполеон, естественно, вспомнил о тесных отношениях между Гамбургом и Англией. Он полагал, что в Гамбурге проживает большое количество англичан, и рассматривал этот город как союзника врага. Поэтому следовало ожидать, что он уделит Гамбургу особое внимание [17, р. 282–283].

Во внешней политике Гамбург наравне с остальными городами-государствами Северной Европы старался придерживаться нейтралитета. Когда Священная Римская империя пришла в упадок, городские элиты Гамбурга, Бремена и Любека активнее начали поддерживать местный ганзейский регионализм. В сентябре 1806 г. городские представители собрались в Любеке и основали Ганзейскую федерацию. Тем не менее члены делегации настаивали на том, что их объединение следует рассматривать исключительно как возрождение многовековых связей между тремя городами, основанных на их общей истории и интересах, а не как новое политическое образование. Но на французов это заявление не произвело никакого впечатления.

6 ноября 1806 г. наполеоновские войска окружили Любек, штурмовали городские ворота и разгромили прусские войска под командованием Г. Блюхера на улицах города. Немецкие газеты уверяли, что французские солдаты грабили город, сжигали дома и преследовали горожан [18; 19, р. 53]. Это был «поворотный момент, который принёс войну в ганзейские города, гавани, склады, магазины и жилые дома» [2, р. 645].

За Любеком наступила очередь Гамбурга. 19 ноября 1806 г. маршал Эдуард Мортье с авангардом восьмого армейского корпуса в 7000 человек направляется в Гамбург, чтобы овладеть этим городом от имени «императора французов и короля Италии» [2, р. 649; 18]. По сообщениям газеты *Allgemeine Zeitung*, которая активно освещала события тех дней в Гамбурге, «это был первый полк итальянской линейной пехоты, несколько французских пехотинцев и голландских драгунов. Непосредственно в сам город с музыкой торжественно вошли 1600 человек; остальные рассредоточились в пригородах и деревнях вокруг Гамбурга» [18]. Встречал Мортье

французский посланник в Гамбурге Луи Антуан де Буррьенн. По сообщениям газеты *Allgemeine Zeitung*, «повсюду было очень много людей, но нигде беспорядков не было» [20]. Поход 6 ноября 1806 г. маршалов Сульта, Бернадота и Мюрата на Любек, где им противостоял генерал Блюхер, и захват маршалом Мортье Гамбурга 19 ноября 1806 г. означали оккупацию Французской империей вольных городов-государств [2, р. 649–650].

Официальным началом континентальной блокады Великобритании с французской стороны принято считать подписание Наполеоном I Берлинского декрета 21 ноября 1806 г. (Миланский декрет от 17 декабря 1807 г. и ряд указов 1810 г. дополнили и ужесточили экономические запреты). Е. В. Тарле видел ключевую особенность Берлинского декрета о блокаде в стремлении императора подтвердить свои протекционистские взгляды, направленные на охрану интересов французской промышленности, параллельно пытаясь задавить английскую экономику, «стараясь осудить её на полное удушение, на государственное банкротство, голод и капитуляцию, лишив англичан всех европейских рынков сбыта товаров» [19, р. 49; 21, с. 143]. Для достижения своих протекционистских целей Наполеону необходимо было закрыть эту ганзейскую форточку торговой вольности.

По прямому указанию Э. Мортье Сенат Гамбурга 21 ноября 1806 г. издал приказ, согласно которому все британские товары должны быть конфискованы; все банкиры и торговцы, имеющие денежные средства или товары, полученные от английских производителей, независимо от того, являются ли они собственностью англичан или нет, должны заявить об этом в письменной форме в течение 24 часов [20].

После размещения армии Э. Мортье в пределах Гамбурга была сформирована стража города, укомплектованная из французских солдат и гамбургских ополченцев в пропорции три к одному (при этом охрана ратуши и местного банка была доверена местным рекрутам). Английский посланник отбыл из Гамбурга вместе с консульством. От церковных приходов города назначалась постоянная комиссия для упорядочения текущих дел [20].

Обстановка внутри города варьировалась от пассивно нейтральной до апатичной. Отражение этой реакции мы находим в мемуарах, оставленных Марианной Прелль. В них она зафиксировала следующее: «Так как люди в Гамбурге ещё не привыкли к такого рода вещам, то, очевидно, организация расквартирования войск затянулась. Французские офицеры, появившиеся в городе, испытали раздражение медлительностью городских властей, которые были заняты обсуждением мест для размещения солдат и их лошадей. Однако вскоре выяснилось, что

офицеры были на самом деле голодны и хотели пить, поэтому был быстро накрыт большой стол близ старого здания биржи, на котором было много вина из “винного погребка под ратушей” и “императорского двора”, жаркое, булочки с маслом и т. д., и вскоре удовлетворение офицеров было в значительной степени восстановлено. Сложнее обстояли дела с солдатами. Поскольку от усталости они едва могли идти дальше (большинство из них находилось за каменными воротами), было решено временно расквартировать их в Сент-Георг (квартал в Гамбурге. – А. Г.), а конницу разместить в городе» [22, S. 15].

21 ноября 1806 г. Сенат Гамбурга после консультации с Ж.-Б. де Базанкуром (Bazancourt) разработал регламент об обеспечении провиантом расквартированных войск: так, на завтрак каждому солдату полагался стакан французского коньяка или бренди (Branntewein) и хлеб; на обед – суп, полфунта мяса, полтора фунта хлеба, овощи, кусок свинины или прочего мяса и одна бутылка пива. Здесь уместно дать небольшой комментарий. Разумеется, алкоголь в армии (особенно среди солдат) в чистом виде употреблялся в исключительных случаях. Бытовой практикой употребления крепкого алкоголя в те времена являлась дезинфекция питьевой воды, что позволяло минимизировать риск возникновения эпидемий в армии. При этом оговаривалось, что «если солдаты будут недовольны этим [рационом], то каждый местный гражданин должен подать жалобу на это в вышестоящий штаб» [22, S. 18–19; 23]. Одновременно Сенат настаивал на скорейшем разрешении поступавших жалоб. Таким образом французское оккупационное правительство пыталось обезопасить себя и свести к минимуму конфликты между солдатами Великой Армии и местным населением.

Жалобы были как со стороны горожан, так и со стороны расквартированных солдат, и причина их, по сообщениям М. Прелль, была в трудностях коммуникации: «Жалобы поступали как от граждан, так и от солдат и, в частности, гамбургский гражданский капитан Брюггеманн, как говорят, внес большой вклад в разрешение этих споров. Намного лучше обстояли дела с кавалерией, расквартированной в городе: в её состав входили голландцы, которые, поскольку голландский язык во многом похож на нижне-немецкий, могли легко общаться с людьми» [22, S. 17]. Обеспечивать питание солдат было необходимо не только в местах их расквартирования, но и в местах несения ими караульной службы: горожане должны подготовить для них нечто вроде сухих пайков [23].

В тот же день отдельно была разработана смета содержания расквартированной армии: по данным М. Прелль, только за 19 месяцев (с 18 ноября 1806 по 30 июня 1808 гг.) «дорогие гости» обошлись казне города более чем

в 7 372 000 франков [22, S. 20–22]. Основные статьями расходов были так называемые «столовые деньги» (Tafelgelder) – 737 032 ф., содержание лазарета (777 048 ф.), суточные расходы (688 591 ф.), корм для лошадей (836 184 ф.), одежда для офицеров (881 019 ф.) и так называемые «большая контрибуция» и «малая контрибуция» (847 777 и 554 362 ф. соответственно). Отдельно отметим жалование дуаньеров (таможенников) – 24 556 ф. [22, S. 21]. Для примерного соотношения сумм, в той же смете на мясо выделено 28 694 ф., вино – 4 246 ф., хлеб – 53 999 ф. Таким образом Гамбург стремительно превращался в «кошелек» Наполеона, с помощью которого можно было не только решать геополитические вопросы, но и возложить бремя содержания расквартированных войск на плечи бюргеров и купцов подконтрольного города.

Наконец, 27 ноября 1806 г. Сенат Гамбурга опубликовал Берлинский декрет, третья статья которого предписывала арестовать всех англичан как военнопленных: «Каждый человек, являющийся английским подданным, в каком бы состоянии он ни находился, который будет обнаружен нашими войсками или войсками наших союзников в оккупированных нами странах, должен быть взят в плен». Сенату также было приказано завершить инвентаризацию и декларирование английских товаров для последующего их изъятия [17, р. 283].

Наступили непростые для Гамбурга времена. Формально город оставался (до конца 1810 г.) самостоятельным («freie und Hansestadt»), но фактически он уже оказался под управлением Наполеона [6, с. 259–260]. Официальный запрет любых торговых отношений с англичанами и реквизиция уже находившихся в городе английских товаров стали серьезным ударом для экономики Гамбурга, однако всё это не остановило стремление горожан продолжить торговое сотрудничество с бывшим партнёром в лице Лондона. Увеличение городских расходов вкупе с ограничением рынков сбыта создало благоприятную почву для расцвета контрабанды английских товаров с нейтральных территорий, а для многих потерявших работу контрабанда стала просто способом выживания.

Великобритания, оказавшись в очень непростом положении, все же нашла способ продолжить торговый обмен с континентальной Европой – использовать нейтральные датские территории. Торговые сношения Гамбурга с датской Альтоной (Альтона – современный пригород Гамбурга. С 1640 по 1864 гг., был территорией Данией, обладавшей статусом автономии со своими таможенными привилегиями; город развивался как конкурент Гамбурга в заморской торговле – А. Г.) были, по выражению французского министра внутренних дел, «неисчерпаемым источником контрабанды» [2, р. 650].

Из Альтоны английские товары путешествовали к разным укромным уголкам побережья; подвозилась контрабанда на маленьких судах из Гельгоlanda, Тённинга и Глюкштадта. Так, к осени 1808 г. через Гельголанд в Европу из Америки шли «на миллионы фунтов табака, специй, хлопка, сахара, индиго, керамические изделия» [2, р. 650]. Всего же за шесть месяцев после принятия Берлинского декрета в Гамбург из Лондона прибыло 1475 кораблей общим тоннажем около 590 000 т [2, р. 650]. Контрабанда колониальных товаров, которая шла с острова Гельгоlanda, направлялась преимущественно к Гамбургу (по сравнению с Любеком или Бременом). Этому способствовала специфика местности: так, ворота города Гамбург, которые являлись таможенной границей, находились всего в 15 минутах ходьбы от Альтоны [6, с. 263; 14, S. 46–47]. Горожане – мужчины, женщины, дети – перебирались в Альтону, чтобы на обратном пути пронести на себе через ворота своего города контрабандные товары, такие, например, как кофе, сахар, специи или материю. Внутри города их ждали торговцы, которые охотно это покупали [14, S. 47].

В своем сочинении М. Прелль воскрешает в памяти следующий пример: «Каждая горничная, проходившая через ворота Альтоны, сначала должна была на посту охраны пройти осмотр своей корзины, однако многие находили огромное удовольствие обманывая французов. Так вот я помню, что наша кухарка однажды с торжеством пришла домой и сказала, что купила в Альтоне $\frac{1}{4}$ фунта хлопковой ткани (Baumwolle) и пронесла их на себе: французы обыскали всю её корзину, но не нашли «ни ниточки из хлопка». На что наша мать ответила: «Значит, за $\frac{1}{4}$ фунта хлопка ты рисковала тем, что тебя могли поставить под стражу на восемь дней на хлеб и воду?»» [22, S. 34–35].

Шведский экономист Э. Хекшер, рассуждая о контрабандном трафике запрещенных колониальных товаров, высказался следующим образом: спекулянтам, занимавшимся этим видом бизнеса, в то время пришла в голову идея поручить разного рода людям из низших слоев общества, главным образом женщинам, мальчикам и девочкам из черни («low-class people»), задачу проноса в небольших количествах запрещенных товаров через таможенную охрану, расположенную у городских ворот. По мнению исследователя, эта практика оказалась успешной и вскоре была продолжена в больших масштабах. За деревянными сараями у городских ворот Альтоны можно было увидеть одновременно отвратительную и смешную картину «загрузки» этой армии контрабандистов. Там женщины задирали платья, чтобы насыпать в чулки или других части одежды кофейные зерна; мальчики на виду у всех засыпали перец в карманы своих брюк; некоторые утверждали, что видели, как женщины прятали

сахарную пудру в пакетиках под своими прическами. И с этим грузом они отправились в путь в Гамбург, где сдавали за плату свои товары на определенные склады, расположенные недалеко от городских ворот. Таким способом было ввезено огромное количество товаров; и соглашения с этими мелкими торговцами, основанные исключительно на доброй воле, по-видимому, редко нарушались с обеих сторон [4, р. 189].

Об объемах такой контрабанды мнения разнятся, однако неоспорим тот факт, это был расцвет этой деятельности. В то время, когда портовая активность сильно сократилась, обман позволил выжить большей части населения: один фунт кофе, пронесенный из Альтоны в Гамбург, оценивался в дневной заработок [2, р. 651]. Причиной бурного увлечения местным населением контрабандой К. Ааслештад видела «в развале местной промышленности, нестабильности рыночных цен и стремительной инфляции» [2, р. 651]. Однако основная прибыль шла купцам, которые организовывали эти обмены. К. Ааслештад полагала, что контрабандой «ежедневно занималось до 10% населения Гамбурга преимущественно «низшего класса» («low-class people») и из всего этого потока не более 5% контрабанды было конфисковано» [2, р. 652]. Французский посланник в Гамбурге Л. А. Ф. де Буррьенн, весьма критически оценивавший континентальную блокаду, в своих мемуарах уверял читателей, что «более 6000 человек низшего сословия примерно двадцать раз в день ходили туда и обратно из Альтоны в Гамбург» [24, р. 172].

Имели место и более масштабные акции по доставке контрабанды. Буррьенн описал две уловки. Первая заключалась в том, что под прикрытием ремонта главной улицы Гамбурга, ведущей к воротам Альтоны, провозили тростниковый сахар. За воротами, слева от дороги был участок земли, где вырыли ямы с целью добычи для стройки песка. Контрабандисты ночью прятались в этом карьере тростниковый сахар, а наутро рабочие его перевозили в Гамбург маленькими тележками, насыпая поверх сахара слой песка толщиной около дюйма. Этот трюк, по словам французского дипломата, продолжался довольно долго, при том, что «никакого прогресса в ремонте улицы достигнуто не было. <...> Сотрудники таможни в конце концов поняли, что работа не продвигается, и в одно прекрасное утро тележки с сахаром были остановлены и изъятые. Тогда было придумано другое средство» [24, р. 172]. Приведенные Л. А. Буррьенном сведения некоторые источники и исследователи называют либо «полуанекдотической историей» [4, р. 188–189], либо подвергают сомнению её достоверность вообще [22, S. 35–36].

Вторая «уловка» реализовывалась контрабандистами во время похорон на кладбище близ дороги, ведущей в пригород Гамбурга – Гамбургерберг (Hamburgerberg). Сотрудники таможни,

пораженные частой смертью достойных жителей маленького пригорода, однажды настояли на досмотре одной из процессий, и при вскрытии катафалка оказалось, что тот наполнен сахаром, кофе, ванилью, индиго и т. д. От этого способа контрабандистам пришлось отказаться, однако вскоре ими были придуманы другие [2, р. 651; 24, р. 172].

Французское имперское правительство испытывало недостаток в таможенных кадрах; таможенные границы Гамбурга, по данным К. Мёнкеберга, охраняли 400–500 человек [14, S. 47], способных уследить за соблюдением законов, а имеющиеся, как полагала М. Прелль, и во все ввиду плохого жалования закрывали глаза на действия контрабандистов [22, S. 36]. Но французские власти все же боролись с контрабандой. Уже 2 декабря 1806 г. Наполеон написал письмо Э. Мортье, приказав «воспрепятствовать всякому сообщению между Гамбургом и Альтоной, конфисковать на Эльбе все суда с поташом, углем и всеми другими прибывающими из Англии товарами, а также перехватывать все письма из Англии» [4, р. 163]. Однако тут же возникла трудность с поиском добросовестных (а точнее, неподкупных) исполнителей этих мер. Военно-морской министр Д. Декрес получил специальное напоминание о необходимости «...заинтересовать самих солдат в эффективности блокады: <...> они должны пользоваться преимуществами конфискации товаров, которые попытаются проникнуть в город» [4, р. 163–164]. Возможно, это была попытка материально заинтересовать таможенников в результатах их деятельности. Только с 11 по 31 марта 1811 г. (уже после юридического включения Гамбурга в состав наполеоновской Империи) французские власти конфисковали 162 т кофе, 26,9 т сахара и 12,7 т перца [2, р. 655]. Несмотря на ужесточение законодательства после включения Гамбурга в состав наполеоновской Франции, теневой рынок британских колониальных товаров продолжал действовать и в 1811 г., пусть и с большим риском для контрабандистов отправиться прямоком на гильотину.

Французское правительство справедливо видело в Гамбурге ключевой порт для сбыта английских товаров в Европе. Без полного контроля над городом никакая блокада была бы нереальна. Ввод 19 ноября 1806 г. в Гамбург войск под командованием маршала Э. Мортье и последовавший спустя два дня Берлинский декрет – меры взаимосвязанные: французское присутствие в городе служило инструментом эффективности блокады. Это сильно ограничило купеческий город в торговых связях с его давним торговым партнером – Великобританией и её колониями. Развитие контрабандной торговли, несмотря на ее достаточно большой объем, не могло компенсировать потери от участия

в континентальной блокаде. К тому же на городские власти было возложено бремя содержания расквартированных французских войск. Естественно, реакция жителей на такие меры была негативной, хотя открытых волнений и не вызвала.

Список литературы

1. Aaslestad K. B. Krieg, Demobilisierung und Erinnerungskultur in den republikanischen Stadtstaaten Hamburg, Bremen und Lübeck 1813–1830 // Echternkamp J. Kriegsenden, Nachkriegsordnungen, Folgekonflikte: Wege aus dem Krieg im 19. und 20. Jahrhundert. Freiburg ; Bremen : Rombach Verlag, 2012. S. 53–74.
2. Aaslestad K. B. Paying for War: Experiences of Napoleonic Rule in the Hanseatic Cities // Central European History. 2006. Vol. 39, iss. 4. P. 641–675.
3. Luz H. S. da. «Franzosenzeit» in Norddeutschland (1803–1814). Napoleons Hanseatische Departements. Bremen : Edition Temmen, 2003. 352 S.
4. Heckscher E. The Continental System: An Economic Interpretation. Oxford : Clarendon Press, 1922. 420 p.
5. Marzagalli S. Port Cities in the French Wars: The Responses of Merchants in Bordeaux, Hamburg and Livorno to Napoleon's Continental Blockade, 1806–1813 // The Northern Mariner/Le Marin du nord. 1996. Vol. 6, № 4. P. 65–73.
6. Тарле Е. В. Континентальная блокада. I. Исследования по истории промышленности и внешней торговли Франции в эпоху Наполеона I // Тарле Е. В. Собрание сочинений : в 12 т. М. : Издательство Академии Наук СССР, 1958. Т. 3. 652 с.
7. Aaslestad K. B. War without Battles: Civilians Experiences of Economic Warfare during the Napoleonic Era in Hamburg // Forrest A., Hagemann K., Rendall J. Soldiers, Citizens and Civilians: Experiences and Perceptions of the Revolutionary and Napoleonic Wars, 1790–1820. London : Palgrave Macmillan, 2009. P. 118–136.
8. Aaslestad K. B., Hagemann K. 1806 and Its Aftermath: Revisiting the Period of the Napoleonic Wars in German Central European Historiography // Central European History. 2006. Vol. 39, iss. 4. P. 547–579.
9. Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на французскую революцию и империю. 1793–1812. СПб. : Terra Fantastica, 2002. 603 с.
10. Подмазо А. А. Континентальная блокада как экономическая причина войны 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Часть II : сборник материалов к 200-летию Отечественной войны 1812 года / ред.-сост. В. М. Безотосный, А. А. Смирнов. М. : Труды ГИМ, 2003. Вып. 137. С. 249–266.
11. Трошин Н. Н. Континентальная блокада и Россия (к вопросу об экономических причинах Отечественной войны 1812 года) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : материалы XVI Международной научной конференции, 6–7 сентября 2010 г. / под ред. А. В. Горбунова.

- Можайск : Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, 2011. С. 278–297.
12. Макаров Н. А. Перед вступлением в Континентальную блокаду: попытка России заключить всеобщий мир между Францией и Англией // История и историческая память / отв. ред. А. В. Гладышев. Саратов, 2022. Вып. 25. С. 47–57.
13. Сосунова Г. А. Профессиональная таможенная лексика во французском языке в период наполеоновской континентальной блокады // Вестник МГПУ. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование. 2013. Вып. 2 (12). С. 43–50.
14. Mönckeberg C. Hamburg, unter dem Drucke der Franzosen: 1806–1814: historische Denkwürdigkeiten / hrsg. G. E. Nolte. Hamburg : o/V., 1864. 350 S.
15. Гладышев А. В. Оккупация как предмет военно-антропологических исследований // Французский ежегодник 2018. Т. 51 : Межкультурные контакты в период иностранной оккупации / гл. ред. А. В. Чудинов. 2018. С. 10–21.
16. Republique Francoise Au Quartier General à Nienburg Le 14 Praireal au 11 Edouard Mortier Lieutenant General Commandanten Chef Au Senat de Brême // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 45. Оп. 1. Д. 746.
17. Lingelbach W. E. The Merchant Adventurers at Hamburg // The American Historical Review. 1904. Vol. 9, № 2. P. 265–287.
18. Allgemeine Zeitung 20 November 1806 // Bayerischen Staatsbibliothek. URL: <https://digipress.digitale-sammlungen.de/calendar/1806/11/20/newspaper/bsbmult00000002> (дата обращения: 03.09.2023).
19. Burg M. van der. Napoleonic Governance in the Netherlands and Northwest Germany: Conquest, Incorporation, and Integration. Cham : Switzerland, 2021. 165 p.
20. Allgemeine Zeitung 30 November 1806 // Bayerischen Staatsbibliothek. URL: <https://digipress.digitale-sammlungen.de/calendar/1806/11/30/newspaper/bsbmult00000002> (дата обращения: 03.09.2023).
21. Тарле Е. В. Наполеон. М. : Юрайт, 2024. 359 с.
22. Prell M. Erinnerungen aus der Franzosenzeit in Hamburg von 1806–1814: für jung und alt erzählt. Dritte Auflage. Hamburg : Herold, 1898. 212 S.
23. Allgemeine Zeitung 01 Dezember 1806 // Bayerischen Staatsbibliothek. URL: <https://digipress.digitale-sammlungen.de/calendar/1806/12/1/newspaper/bsbmult00000002> (дата обращения: 25.10.2023).
24. Bourrienne L. A. F. de. Memoirs of Napoleon Bonaparte : in 4 vols. New York : Crowell, 1910. Vol. 3. 397 p.

Поступила в редакцию 01.09.2024; одобрена после рецензирования 15.09.2024;
принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 01.09.2024; approved after reviewing 15.09.2024;
accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 75–80

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 75–80

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-75-80>, EDN: TEKIYE

Научная статья

УДК 327(410+100)|1920/1930|

Итальянская экспансия и реакция Великобритании в Средиземном море (1920–1930)

И. И. Шендрик

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шендрик Иван Иванович, аспирант, ассистент кафедры всеобщей истории, ivanshendrick@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7549-3589>, AuthorID: 472830

Аннотация. В статье рассматривается политика Великобритании в Средиземноморском регионе в годы, предшествующие Второй итало-эфиопской войне. Автор обращается к анализу британских экономических интересов в Средиземноморье и деятельности правительства в межвоенный период. Показано, что сравнительно мягкая позиция Великобритании по отношению к итальянской экспансии была продиктована экономическими и политическими обстоятельствами. Автор приходит к выводу о том, что Британская империя вобрала в себя колоссальное количество территорий, одновременно контролировать которые в условиях недостаточного финансирования было невозможно. Исходя из экономических обстоятельств, политическая элита Великобритании принесла интересы в Средиземноморском регионе в жертву укреплению позиций восточнее Суэцкого канала.

Ключевые слова: межвоенный период, британская внешняя политика, Итало-эфиопская война, Средиземное море, Абиссинский кризис

Для цитирования: Шендрик И. И. Итальянская экспансия и реакция Великобритании в Средиземном море (1920–1930) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 75–80. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-75-80>, EDN: TEKIYE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Italian expansion and British reaction in the Mediterranean (1920–1930)

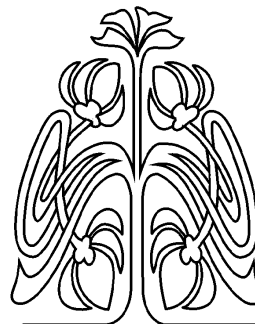
I. I. Shendrik

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

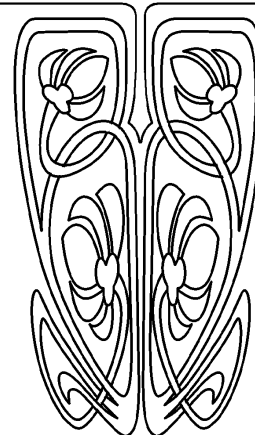
Ivan I. Shendrik, ivanshendrick@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7549-3589>, Author ID: 472830

Abstract. The article examines the policy of Great Britain in the Mediterranean region in the years preceding the Second Italo-Ethiopian War. The author turns to the analysis of British economic interests in the Mediterranean and the activities of the government in the interwar period. It is shown that the relatively soft position of Great Britain in relation to Italian expansion was dictated by economic and political circumstances. The author concludes that the British Empire absorbed a huge number of territories, at the same time it was impossible to control them in conditions of insufficient funding. Based on economic circumstances, the British political elite sacrificed interests in the Mediterranean region to strengthen its position east of the Suez Canal.

© Шендрик И. И., 2025

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Keywords: interwar period, British foreign policy, Italo-Ethiopian War, Mediterranean Sea, Abyssinian crisis

For citation: Shendrik I. I. Italian expansion and British reaction in the Mediterranean (1920–1930). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 75–80 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-75-80>, EDN: TEKIVE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Для Великобритании проблема обеспечения безопасности своих обширных морских коммуникаций оставалась нерешённой вплоть до того момента, пока фашистская Италия, сначала скрыто, а затем и в открытой форме не заявила о своих притязаниях на территорию Восточного Средиземноморья [1, р. 152–153]. Британская политика, направленная на разрешение Средиземноморского кризиса, имела далеко идущие политические последствия и оказала непосредственное влияние на складывание политических блоков накануне Второй мировой войны.

Для большинства англичан Средиземноморье в 1920-е – начале 1930-х гг. было таким же, каким оно было до и во время Первой мировой войны. Гегемония Великобритании была обеспечена ее контролем над обоими основными выходами к морю: Гибралтаром на западе и Суэцем на востоке, через ее стратегическую военноморскую базу на Мальте в центральном Средиземноморье и круглогодичным присутствием значительной части английского флота в ее водах. Более того, по условиям Лозаннского мирного договора исключительный контроль Турции над проливами был прекращен, и Адмиралтейство могло действовать в Черном море. На Ближнем Востоке Британия приобрела стратегическую глубину и резерв для обороны канала благодаря своему мандатному правлению в Палестине, и ее региональные интересы, казалось, хорошо охранялись мобильностью средиземноморского флота и сетью взаимоукрепляющих военных гарнизонов и авиабаз в Ираке, Палестине, Иордании и Египте. Британия доминировала на восточном побережье Красного моря благодаря своему политическому влиянию в Аравии и контролю над ключевой базой в Адене. Никакая другая великая держава со средиземноморскими устремлениями не могла сравниться с такой властью над командными высотами региона и его системой коммуникаций: Англия была средиземноморской державой, по преимуществу защищавшей статус-кво [2, р. 9].

1920-е и начало 1930-х гг. было тяжёлым временем для британских вооружённых сил: сокращение штатов в мирное время, бережливость кабинета министров и казначейства, перспективы разоружения – все это напрямую влияло на политику Великобритании в Средиземноморском регионе. Кроме того, военно-морской флот был намерен потратить все доступные средства, выделенные на имперскую оборону на свою базу в Сингапуре, стратегическом узле безопасности британских владений на Дальнем

Востоке. В этих обстоятельствах оборона Средиземноморья получила очень низкий приоритет, и серьезные недостатки были оставлены без внимания. Мальта, Гибралтар, Средиземноморский флот, Египет и все другие региональные интересы Великобритании были лишены средств противовоздушной обороны. Большинство военных кораблей, находившихся на вооружении флота, были устаревшими, не модернизированными и едва ли пригодными для несения военной службы. Вооруженные силы и военно-воздушные силы, находившиеся на Ближнем Востоке, были оснащены скорее для выполнения имперских полицейских функций, чем для стратегической обороны. Однако это не было чем-то исключительным: общемировые интересы и обязательства Великобритании намного превосходили ее военные возможности по их защите.

Летом 1935 г., когда было необходимо принимать решительные действия для предотвращения итальянской агрессии в Эфиопии, заместитель командующего Средиземноморским флотом вице-адмирал Чарльз Форбс признался британскому послу в Каире, что у его кораблей достаточно боеприпасов, чтобы стрелять в течение пятнадцати минут. Полковник Х. Р. Паунолл, военный помощник министра уголовного розыска, заявил: «Боеприпасов для зенитных орудий хватит только на одну неделю! Факт в том, что нас действительно застали со спущенными штанами. Недостатки в снабжении очень велики...» [3, р. 66].

Морис Хэнки, секретарь Кабинета министров и Комитета имперской обороны ещё в 1934 г. обвинял правительство в том, что оно не выделяло достаточного количества средств на вооружённые силы: «Они могут устраивать Недели военно-морского флота и воздушные демонстрации, но не могут выдержать крупную войну. У нас есть лишь видимость имперской обороны. Вся структура несостоятельна» [2, р. 10].

Еще одно измерение, угрожающее безопасности Средиземноморья проистекает из его уникальной географии и меняющегося технологического облика ведения войны. Узкие места Средиземноморского маршрута сделали судоходство в этих водах особенно уязвимым для действий подводных лодок, легких надводных судов и авиации. Энтузиасты современной воздушной и военно-морской техники даже в 1920-х гг. утверждали, что средиземноморская гегемония была устаревшим идеалом, относящимся к эпохе

морской мощи. В 1925 г. капитан Б. Х. Лиддел Гарт размышлял о том, что позже стало известно, как «Cape School strategy»: «Когда к доказанной угрозе подводной силы добавляется потенциальный эффект авианалета против судоходства в узких морях, британскому народу пора осознать тот факт, что в случае такой войны использовать Средиземноморье было бы невозможно, и от этой важной артерии пришлось бы отказаться. Таким образом, Суэцкий канал как стратегический актив потерял значительную часть своей ценности перед лицом современного развития военно-морского флота и авиации – ибо в такой войне мы должны быть вынуждены перекрыть средиземноморский маршрут и направить наши имперские коммуникации вокруг мыса Доброй Надежды» [4, р. 61].

Это была радикальная и крайне пессимистичная точка зрения – слишком пессимистичная, как показали последующие события, – и среди официальных стратегов только специалисты по планированию Министерства авиации разделяли ее вывод. В 1931 г. штаб ВВС обратил внимание начальников служб на «масштабы угрозы нашим морским коммуникациям в Средиземном море, которая подразумевает развитием военно-воздушных сил Франции и Италии» [2, р. 11]. Судоходству пришлось бы эвакуироваться из Средиземного моря, а Мальта и Гибралтар были бы сомнительно полезны в случае войны с любой из этих держав. Еще в 1923 г. службы согласились с тем, что торговое судоходство не должно использовать средиземноморский маршрут в военное время, но в Адмиралтействе к мрачному прогнозу штаба ВВС отнеслись скептически. Офицеры военно-морского флота в межвоенный период – среди них особенно выделялся Э. Чатфилд – все еще рассматривали воздушную мощь как неизвестный, недоказанный фактор и в целом занимали уверенное, даже высокомерное отношение к угрозе с воздуха [2, р. 11].

По словам Лиддела Гарта, подобное самозащитное было скорее актом веры, чем обоснованным суждением: «линкор уже давно был для адмирала тем же, чем собор для епископа» [5, р. 326]. Нерешенные военно-воздушные дебаты оказали свое влияние на решения в британской Средиземноморской политике.

Из-за отсутствия возможности наблюдать боевые действия с применением авиации, начальники штабов и их помощники по совместному планированию смогли сообщить правительству только то, что они расценивают воздушную угрозу морским коммуникациям и сооружениям как проблематичную. Отсутствие консенсуса между службами явилось одной из причин, по которой в межвоенные годы было сделано так мало для улучшения обороны главной средиземноморской военно-морской базы Великобритании на острове Мальта [2, р. 11].

В 1933 г. адмирал Уильям Фишер, командующий Средиземноморским флотом, поднял вопрос об усилении обороны баз, находящихся под его командованием, и особенно противовоздушной обороны Мальты. Он считал, что в случае войны флот будет использовать Мальту часто, если не постоянно. Военно-морской штаб согласился, но счел безнадежным просить денег на такую цель в то время. Поэтому все, что Фишер получил, это разочаровывающий ответ, что существуют «еще более серьезные оборонные обязательства в других местах». Под этой формулировкой, Адмиралтейство имело в виду главным образом Сингапур. Осенью 1933 г. Фишер вернулся к этому обвинению в личном письме, в котором говорил Чатфилду: «Я действительно считаю, что мы идем на неоправданный риск в отношении Мальты», и утверждал, что оборона этой ключевой позиции может быть приведена в порядок в течение двух – трех лет ценой всего лишь 150 000 фунтов стерлингов [6, р. 248].

Поскольку боевая служба в наибольшей степени зависела от безопасности в Средиземном море, Королевский флот занимал двойственную позицию к обороне этой имперской артерии. С одной стороны, Средиземное море было ценным полигоном для маневров и учений флота, отличным стратегическим центром для продвижения как на восток, так и на запад, а также жизненно важным кратчайшим путем в Индию и на Дальний Восток. Действуя в соответствии с тем, что на практике равнялось стандарту единой силы, военно-морской флот по-прежнему отвечал за защиту морской торговли и защиту британских интересов в двух полушариях. Основой имперской обороны в этих условиях была мобильность основного флота, его способность выходить из центральных вод в случае чрезвычайной ситуации и прибывать туда в боевом состоянии.

Оборона Сингапура и обширной восточной части Британской империи в значительной степени зависела от этой мобильности, поскольку правительство постановило, что обеспечение постоянного боевого флота на Дальнем Востоке выходит за рамки его возможностей. Средиземноморский маршрут Суэц – Красное море был, безусловно, самым коротким, скоростным и дешевым путем в Сингапур; соответственно, это был жизненно важный интерес британской военно-морской стратегии.

С другой стороны, сменявшие друг друга британские правительства и стратеги долгое время рассматривали Средиземноморье скорее как средство, нежели как цель [7, р. 1]. В межвоенной британской стратегии, по крайней мере до абиссинского кризиса, его основная роль заключалась в качестве тренировочного полигона для обороны Дальнего Востока.

В стратегической области проблемам, связанным с усилением Восточного флота и про-

хождением конвоев с военным подкреплением в Сингапур, уделялось большое внимание в 1920-х гг. Снова и снова военно-морской штаб готовил подробные планы на случай подобных непредвиденных обстоятельств. В качестве основного маршрута прохода Средиземное море, естественно, фигурирует в этих планах; и оно также сыграло роль в серии учений флота, проводившихся в его пределах с 1925 г. и далее, целью которых было изучение некоторых проблем обороны Дальнего Востока. Но вероятность реальной войны в Средиземном море никогда не принималась всерьез в период с 1919 по 1935 г.

В доабиссинский период Средиземноморье фигурировало в имперской оборонной политике как подчиненная система коммуникаций, роль которой заключалась в укреплении британской безопасности в районах, удаленных от сдерживающего влияния основного флота.

В основе этого набора стратегических приоритетов лежала экономическая и политическая логика. Как источник торговли, рынков, инвестиций и сырья Британская империя к востоку от Суэца имела гораздо большее значение, чем неразвитое и относительно бесперспективное Средиземноморье. Конечно, английский бизнес вкладывал значительные средства, например, в испанскую горнодобывающую промышленность, греческий государственный долг, египетский хлопок, компанию Суэцкого канала и ближневосточную нефть, но ни одно из этих предприятий, за исключением последнего, не имело такого фактического или потенциального значения, как капитал, вложенный в Индию, Бирму, Малайю, Ост-Индию и страну, которую Невилл Чемберлен однажды назвал самым перспективным рынком мира – Китай [2, р. 13].

Нефтяные скважины Ирана и Ирака и нефтяные терминалы в Хайфе и Триполи, конечно, представляли большую коммерческую и стратегическую ценность, но в межвоенные годы даже нефть представляла собой скорее потенциальное, чем реализованное богатство. В 1937 г. около 20% всего импорта нефти Британия получила из ближневосточных источников, но более 50% – из Венесуэлы, голландской Вест-Индии и США [8, р. 9–13]. Англия импортировала около 11% своих продуктов питания и сырья из стран Средиземноморья, но в основном это были товары не первой необходимости и замены. Все Средиземноморье покупало у Британии меньше, чем одна Индия, и даже этот рынок должен был сократиться в 1930-х гг., когда Германия взяла на себя экономическую жизнь Балкан. Отдельно стоит упомянуть о резком сокращении доходов от добычи нефти в 1932 г. Изменения были вызваны отходом Великобритании от золотого стандарта и падением продаж нефти, которое стало следствием мирового экономического кризиса [7, р. 107]. До 15% всего британского импорта, включая джут, олово, каучук, чай, масло и рис,

проходило через Суэцкий маршрут, но в крайнем случае их можно было перенаправить на Капский и Панамский пути [8, р. 249, 253].

Приоритеты британской стратегии также отражали обязательства правительства перед дальневосточными доминионами, Австралией и Новой Зеландией. На Имперской конференции 1923 г., состоявшейся после подписания Вашингтонских договоров и отмены англо-японского союза, Адмиралтейство представило доминионам свой план развития Сингапура в качестве ремонтной и топливной базы, ключевого элемента стратегии быстрого усиления Дальнего Востока. Конференция приняла к сведению заинтересованность восточных доминионов в создании базы в Сингапуре и необходимость обеспечения безопасного прохода по пути на Восток через Средиземное и Красное моря [2, р. 14].

С приходом консервативной администрации Стэнли Болдуина в 1924 г. реализация сингапурского проекта была возобновлена после недолгого блокирования кабинетом Рамсея Макдональда. С этого момента развитие и оборона Сингапура стали доминирующей темой военно-морской политики в межвоенный период, а также важнейшим звеном дипломатии внутри Содружества. И когда спустя десять лет канцлер казначейства Невилл Чемберлен попытался отложить строительство базы, чтобы сэкономить ресурсы для внутренней обороны, его проект был решительно отвергнут.

Незадолго до начала Средиземноморского кризиса Морис Хэнки совершил поездку по Доминионам, пытаясь выяснить у их правительств, продолжают ли они оказывать финансовую помощь для покрытия растущих расходов на имперскую оборону. Как Хэнки предупредил своих начальников перед отъездом, эта политика предполагала ужесточение обязательств Великобритании перед платящими доминионами, особенно перед австралийцами, поскольку любое ослабление решимости в вопросе о базе в Сингапуре подрывало бы сотрудничество Содружества в области военно-морской стратегии.

Сложившуюся ситуацию дополняло чувство бессилия, возникшее после дальневосточного кризиса 1931–1932 гг. – такая позиция объясняла довоенную решимость британцев удерживать ситуацию на Дальнем Востоке, даже если это требовало пойти на уступки, например, в Средиземном море. Это был ключ к системе приоритетов, которая характеризовала британскую стратегию с 1935 по 1939 г.

Упомянутые факторы не дают полного объяснения причин пренебрежения Великобритании собственной безопасностью, учитывая экономические, политические и стратегические интересы и обязательства Великобритании к востоку от Суэца. Такая ситуация наталкивает на вывод о том, что британское правительство, не встречая сопротивления в Средиземном море на протяжении

десятилетий, приняло стратегию самоуспокоения. Новая Турецкая республика была очевидным кандидатом на ревизионизм, но ее власть над Дарданеллами была ослаблена, и в любом случае она была озабочена внутренним развитием. Греция и Испания были слабыми и дружественными, поэтому только Франция и фашистская Италия могли считаться потенциальными соперниками средиземноморского статус-кво [2, р. 14]. Однако в 1933 г. даже эти две державы вместе с Америкой были исключены из числа стран, в отношении которых новый подкомитет по оборонным требованиям должен был разработать планы обороны и подготовительные мероприятия.

Учитывая беспокойство правительства в Европе и на Дальнем Востоке, решение игнорировать гипотезу войны в Средиземноморье было вполне понятным. Но оно также было сопряжено с риском, поскольку политические и дипломатические отношения средиземноморских держав были далеко не стабильными.

В первую очередь, британцы предприняли сознательную и последовательную попытку сформировать хорошие рабочие отношения с Италией. Это была политика, включавшая в себя значительную часть молчаливого согласия с империалистической программой Дуче. Политику средиземноморского умиротворения можно проследить до инцидента на Корфу в 1923 г., когда державы начали практику наказания жертвы агрессии: Бомбардировка Корфу Муссолини была молчаливо одобрена, поскольку другие великие державы предприняли шаги, направленные против Греции [9, р. 75–76].

Дипломатическая поддержка Муссолини Локкарнских соглашений 1925 г. восхитила Чемберлена: Остин, как и его сводный брат Невилл, считал, что ключ к европейскому миру лежит в установлении прочного, рабочего соглашения между четырьмя великими державами – Англией, Францией, Германией и Италией, и дипломатические идеи Муссолини указывали в том же консервативном направлении. В этой концепции была заложена идея сфер влияния и ограниченного попустительства ревизионизму – хотя и за счет малых держав. Так, Остин Чемберлен уступил Италии Джарабуб на египетско-ливийской границе, принял все претензии Муссолини на Албанию и заключил в 1927 г. важное соглашение, по которому две державы согласились соблюдать имперский статус-кво в регионе Красного моря.

Именно Остин Чемберлен, министр иностранных дел в консервативной администрации Болдуина в 1924–1929 гг., руководил настоящим расцветом англо-итальянского сотрудничества. Чемберлен разделял со многими английскими консерваторами определенную любовь к итальянским каникулам и дополняющую их идеологическую симпатию к стилю правления Муссолини: «Я уверен, что он патриот и искренний

человек; я доверяю его слову, когда оно дается, и я думаю, что мы могли бы легко зайти далеко, прежде чем найдем итальянца, с которым британскому правительству было бы так же легко работать» [10, р. 295–296]. Король Великобритании Георг V говорил об Италии, как о стране, находящейся «под мудрым управлением сильного лидера» [11, р. 77].

Важно отметить то, что ревизионистская внешняя политика Муссолини тщательно избегала прямого вызова средиземноморскому господству Англии. Большинство его грандиозных требований было направлено против Французской империи и против союзников Франции в Восточной Европе, особенно Югославии. Требования Италии об уступках в Северной Африке, ее поддержка сепаратизма в Югославии, ее дипломатическая политика на Адриатике и Балканах, а также ее настойчивое требование полного военно-морского паритета с Францией были штрихами франко-итальянского соперничества, представлявшего наибольшую опасность для стабильности Средиземноморья в период до абиссинского кризиса. Спор о военно-морских вооружениях – результат неуступчивости Италии и стремления Франции к безопасности наряду с британской осторожностью и американской изоляцией стал причиной краха системы контроля над военно-морскими вооружениями, созданной в Вашингтоне. Французы восприняли итальянский вызов очень серьезно и к началу 1930-х гг. изменили свои военные планы и стратегические диспозиции с учетом возможности войны в Средиземноморье [2, р. 16].

Весной 1935 г. британское правительство стремилось предотвратить принятие Францией и Италией решительных мер, направленных против Германии. Для этого необходимо было успокоить французов и итальянцев и создать впечатление солидарности, но политическое руководство Великобритании не воспринимало выработанные на Стрезской конференции меры по сохранению Версальской системы как средство антигерманской политики или как постоянную черту европейской дипломатии [12, р. 108]. Возможно, именно это неуверенное отношение лежало в основе британского молчания по абиссинскому вопросу: если единственной ценностью Стрезы было создание немедленно впечатления солидарности и если реальным мотивом Британии было сдерживание Франции и Италии, то более мудрым и безопасным курсом могло показаться игнорирование областей возможных трений в интересах видимого согласия. В любом случае, шанс был упущен, и с тех пор средиземноморского кризиса, вероятно, было не избежать. Своим молчанием и видимым безразличием к замыслам Муссолини в отношении Эфиопии британцы лишь подтолкнули Муссолини к принятию более жесткой, более нестигаемой линии [13, р. 221–224]. Вскоре после Стрезы

итальянская политика по вопросу агрессии против Эфиопии достигла точки невозврата. С тех пор Муссолини двигался к вторжению так быстро, как только мог, полагая, что ничто в Европе не сможет встать на его пути [14, р. 31–32].

Объяснить позицию Великобритании в годы, предшествующие итало-эфиопской войне можно следующим образом: Ситуация на Ближнем Востоке также осложнялась созданием в 1932 г. королевства Саудовская Аравия. Лидер новоиспечённого государства Ибн Сауд открыто заявлял о своих притязаниях на территории стран-сателлитов Великобритании [15, р. 58]. В условиях прямой конфронтации с Италией для Саудовской Аравии открывалась возможность захвата побережья Персидского залива – главного нефтедобывающего региона на Ближнем Востоке.

Британская империя вобрала в себя колоссальное количество территорий, одновременно контролировать которые было невозможно. Необходимо было сделать выбор между стратегическими регионами. Средиземноморский рынок значительно уступал по своему объёму дальневосточному. Среди товаров, поступающих в Метрополию доминирующие позиции занимала иракская нефть. Однако, маршрут её поставок можно было изменить с увеличением стоимости логистики. Импорт, в котором Великобритании было бы отказано в случае войны – это импорт из стран Средиземноморья. Но большинство товаров из данного региона не являлись критически важными и могли быть заменены в случае такого исхода. В условиях слабого финансирования британских вооружённых сил на Мальте, в угоду усилению влияния на Дальнем Востоке, возможность прямого военного столкновения Великобритании и Италии в 1930-е гг. была крайне маловероятной.

Подводя итог, можно сказать, что экономические потери от войны в Средиземном море были бы хоть и не смертельными, но крайне болезненными для империи. Исходя из этой логики британское правительство шло на уступки, в частности, Италии с её растущими интересами,

тем самым подрывая стабильность в Средиземноморье и ставя себя в зависимое от региональных лидеров положение.

Список литературы

1. *Rochat G.* Il Colonialismo Italiano. Torino : Loescher Editore Torino, 1973. 224 p.
2. *Pratt L. R.* East of Malta, west of Suez: Britain's Mediterranean crisis, 1936–1939. Cambridge : Cambridge University Press, 1975. 215 p.
3. *Marder A. J.* From the Dardanelles to Oran: Studies of the Royal Navy in war and peace, 1915–1940. London : Oxford University Press, 1974. 301 p.
4. *Liddell Hart B. H.* Paris, or the future of war. New York : E. P. Dutton, 1925. 86 p.
5. *Liddell Hart B. H.* Memoirs : in 2 vols. New York : Putnam, 1965. Vol. 1. 434 p.
6. *Roskill S.* Naval Policy Between the Wars: The Period of Reluctant Rearmament, 1930–1939 : in 2 vols. New York : Walker, 1969. Vol. 2. 544 p.
7. *Monroe E.* Britain's moment in the Middle East, 1914–1956. Baltimore : Johns Hopkins Press, 1963. 254 p.
8. *Monroe E.* The Mediterranean in politics. London : Oxford University Press, 1938. 259 p.
9. *Clayton A.* The British empire as a superpower, 1919–1939. Athens : University of Georgia Press, 1986. 545 p.
10. *Petrie C.* The Life and Letters of the Right Hon. Sir Austen Chamberlain, K. G., P. C., M. P. : in 2 vols. London : Cassell, Limited, 1940. Vol. 2. 432 p.
11. *Dugan J.* Days of emperor and clown : The Italo-Ethiopian War, 1935–1936. New York : Doubleday, 1973. 430 p.
12. *Lamb R.* Mussolini and the British. London : J. Murray, 1997. 392 p.
13. *Carr E.* International relations since the peace treaties. London : Macmillan and Company, 1937. 284 p.
14. *Mallett R.* The Italian Navy and Fascist Expansionism, 1935–1940. London : Routledge, 1999. 272 p.
15. *Rendel G. W.* The sword and the olive: Recollections of diplomacy and the Foreign Service, 1913–1954. London : J. Murray, 1957. 348 p.

Поступила в редакцию 31.03.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

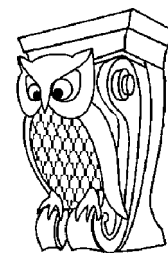
The article was submitted 31.03.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 81–86
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 81–86
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-81-86>, EDN: TFFJSZ

Научная статья
УДК 327(479.24:560)|19|

Исторические и правовые аспекты становления азербайджано-турецких (османских) отношений в начале XX века

А. С. Насибова

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского Н. Г., зд. 104, стр. 3

Насибова Айтен Сохраб кзы, кандидат исторических наук, доцент кафедры международного права, ayten-nasibova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3411-5717>, AuthorID: 974166

Аннотация. В представленной статье автор анализирует исторические и правовые истоки становления двусторонних отношений Азербайджана и Турции. Рассматриваются политические события начала двадцатого столетия, в результате которых образовалась Азербайджанская Демократическая Республика (АДР), а также политический дискурс в азербайджанском обществе в вопросе развития азербайджано-османских отношений. Итогом развития такого политического диалога стало сближение и заключение ряда соглашений между АДР и Османской империей. По сегодняшний день историческая память является одним из самых главных факторов в развитии конструктивных современных отношений Азербайджана и Турции.

Ключевые слова: Османская империя, Азербайджанская Демократическая Республика, тюркизм, Первая мировая война, Российская империя, Кавказская исламская армия

Для цитирования: Насибова А. С. Исторические и правовые аспекты становления азербайджано-турецких (османских) отношений в начале XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 81–86. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-81-86>, EDN: TFFJSZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Historical and legal aspects of the formation of Azerbaijan-Turkish (ottoman) relations at the beginning of the XX century

A. S. Nasibova

Saratov State Law Academy, building 104, 3 Chernyshevsky N. G. St., Saratov 410056, Russia

Ayten S. Nasibova, ayten-nasibova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3411-5717>, AuthorID: 974166

Abstract. In this article the author analyzes the historical and legal origins of the formation of bilateral relations between Azerbaijan and Turkey. The political events of the early twentieth century are considered, as a result of which the Azerbaijan Democratic Republic (ADR) was formed, as well as the political discourse in Azerbaijani society on the development of Azerbaijani-Ottoman relations. The result of the development of such political dialogue was the rapprochement and conclusion of a number of agreements between the ADR and the Ottoman Empire. To this day historical memory is one of the most important factors in the development of constructive modern relations between Azerbaijan and Turkey.

Keywords: Ottoman Empire, Azerbaijan Democratic Republic, Turkism, First World War, Russian Empire, Caucasian Islamic Army

For citation: Nasibova A. S. Historical and legal aspects of the formation of Azerbaijan-Turkish (ottoman) relations at the beginning of the XX century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 81–86 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-81-86>, EDN: TFFJSZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Роспуск Советского Союза и распад bipolarной системы международных отношений привели к существенным переменам в мире. Одним из заметных проявлений этих перемен стало появление на постсоветском пространстве новых независимых государств, что существенным образом изменило расстановку сил на значительной части Евразии по периметру российских границ.

В этом отношении особого внимания заслуживает регион Южного Кавказа. За последние три десятилетия он не просто претерпел перемены, но и приобрел ранее отсутствовавший у него самостоятельный геополитический статус. При этом значимость региона обусловлена как важнейшим стратегическим положением на стыке России, Центральной Азии и Черноморского региона, так и наличием в нем запасов углеводо-

родов. В силу этого Южный Кавказ стал центром сосредоточения интересов влиятельных мировых и сопредельных региональных держав. Все это заметным образом повлияло на позиции новых южнокавказских государств, переживавших непростой период становления своей государственности и определения внешнеполитических приоритетов.

В числе таких государств оказался и Азербайджан, чье самостоятельное развитие в рубежные десятилетия XX–XXI вв. оказалось теснейшим образом связано с соседней Турцией. Можно отметить, что как в конце двадцатого столетия, так и сейчас качество азербайджано-турецких отношений соответствующим образом воздействует на политическую и экономическую картину региона. В связи с чем необходимость всестороннего, в том числе исторического анализа азербайджано-турецких отношений, диктуется и важностью их понимания для России, соседствующей с Азербайджаном и традиционно играющей ключевую роль в делах Южного Кавказа.

Исторические корни межгосударственных отношений Азербайджана и Турции берут свое начало в XX в., когда политические события в России и Первая мировая война в корне изменили ход мировой истории и геополитическую карту мира. Итогом этих событий стал распад Российской империи, на территории которой провозгласили независимость новые государственные образования, в том числе 28 мая 1918 г. Азербайджанская Демократическая Республика (АДР).

Провозглашение АДР было результатом ослабления российской центральной власти, тяжелой экономической ситуации на Кавказе, роста национального самосознания азербайджанского народа и итогом деятельности подпольно функционировавших еще во время царской России общественных организаций. Образование новой республики, в целом, можно связать с трансформацией всей международной системы в начале XX в.

После вступления Османской империи в Первую мировую войну 2 ноября 1914 г. в составе Центральных держав азербайджанская общественность встала перед дилеммой: вступить в ряды защитников Российской империи, исполняя долг перед страной, или поддержать Османскую империю, с которой азербайджанская интеллигенция связывала многие надежды [1, с. 435].

Усиление проосманских настроений в азербайджанском обществе дестабилизировало и без того непростую политическую ситуацию на Кавказе. Это придало импульс становлению национального самосознания азербайджанцев и туркизации политических кругов.

Ещё в начале Первой мировой войны по инициативе старшего советника по кавказским делам

«Единение и прогресс» Омара Наджина была выдвинута идея создания азербайджанского государства на принципах тюркизма. В феврале 1915 г. политический деятель Аслан Хан Хойский тайно пересёк линию фронта и попросил у военного министра Османской империи Энвер-паши поддержку в случае образования самостоятельного государства [2, с. 34]. Идея образования независимого государства в короткие сроки охватила все политические слои населения. В обращении к народу в газете «Açıq göz» в 1915 г. политический деятель Азербайджана, один из основоположников азербайджанской государственности М. Э. Расулзаде, писал: «По языку мы – турки, наша национальность – тюркская» [2, с. 35].

Первый этап азербайджано-османских отношений (октябрь 1917 г. – июнь 1918 г.) характеризуется отсутствием прямых межгосударственных отношений. Политические контакты с Османской империей выстраивались по линии общекавказской внешней политики. В указанный период можно все нагляднее проследить переориентацию на османский вектор во внешнеполитических взглядах азербайджанских партий и общественных объединений [3, с. 19].

Второй этап в азербайджано-османских отношениях (июнь 1918 – октябрь 1918 г.) приходится на период провозглашения независимости азербайджанским правительством. В отличие от первого, он характеризуется независимой внешней политикой АДР, развитием азербайджано-османских отношений на межгосударственном уровне и подписанием ряда двусторонних соглашений военно-политического и социально-экономического характера.

28 мая 1918 г. в ходе второго заседания Мусульманского Национального Совета в Тифлисе была провозглашена независимость Азербайджанской Демократической Республики (АДР) на территориях Бакинской, Гянджинской, Закатальской, Нахичеванской и Карабахской губернии со столицей в г. Гянджа [3, с. 101]. В этот же день была принята Декларация о государственной независимости Азербайджанской Демократической Республики [4, с. 10] и постановление о составе первого Временного правительства [5, с. 11].

Относительно провозглашения независимости в азербайджанском обществе сформировались два крупных течения. Первое относилось себя к приверженцам партии «Мусават» и боролось за сохранение суверенитета АДР. Представители второго направления, так называемые илхагисты, выступали за присоединение Азербайджана к Османской империи [6, с. 179].

Один из представителей либеральных илхагистов Ахмед бек Агаоглу объяснял свою позицию сложившейся геополитической ситуацией на Южном Кавказе, где сталкивались

интересы держав. По его мнению, азербайджанская общественность и правительство в силу своей неопытности не смогли бы справиться с поставленными задачами и сохранить суверенитет. Поэтому вхождение в состав Османской империи создало бы условия для политического и экономического развития страны [7, s. 332].

Примечательно, что за помощью к туркам обратились представители многих азербайджанских политических течений. В отличие от илхагистов, многие видели такой союз посредством заключения ряда двусторонних договоров о дружбе и взаимопомощи между Османской империей и Азербайджанской Демократической Республикой. К примеру, еще до образования АДР, в январе 1918 г., на заседании мусульманских сеймовых фракций было принято решение отправить представителей народно-освободительного движения Наги-бека Шейхзаманлы и Омар Фаика Неманзаде в Османскую империю в качестве представителей от мусульманских народов Кавказа. Основная цель визита состояла в донесении информации о тяжелой политической ситуации в регионе, в результате чего Османская империя должна была оказать военную помощь [8, s. 156].

Представляются интересными воспоминания самого Шейхзаманлы относительно визита в Стамбул. Как он пишет, еще до прибытия в Стамбул О. Ф. Неманзаде отправил телеграмму Энвер-паше, где описывал сложившуюся политическую обстановку на Кавказе следующим образом: «На Кавказе царит анархия... Англичане, пользуясь помощью армянских партий, препятствуют проникновению османской армии на Кавказ для наведения порядка». В конце письма автор отмечает, что для османского правительства как никогда лучше сформировалась благоприятная политическая атмосфера для помощи азербайджанскому народу в провозглашении независимости [8, s. 157].

Из телеграммы видно, что представители азербайджанских партий просили помощь в целях провозглашения независимости, а не хотели присоединиться к Османской империи. Это подтверждает Н. Шейхзаманлы в своих воспоминаниях. Он пишет, что перед тем, как отправиться в путь, представитель партии «Мусават» Насиб-бек Усуббеков сказал ему: «Пусть они протянут нам братскую руку помощи, поддержат нас и помогут провозгласить независимость. Если они захотят присоединить нас к себе, то пусть лучше не приходят» [9, s. 53].

После прибытия в Стамбул Н. Шейхзаманлы провел ряд важных переговоров с представителями османской власти. По итогу всех этих встреч, как вспоминает сам Шейхзаманлы, было достигнуто следующее: «Энвер-паша мне доложил, что будет создана комиссия для решения азербайджанского вопроса и будет незамедлительно начата процедура создания Кавказской Исламской Армии» [9, s. 71]. В результате

чего в феврале 1918 г. Верховным командованием Османской империи было принято решение о создании азербайджано-османского военного формирования – Кавказской исламской армии (КИА). Командующим был назначен генерал-лейтенант Нури-Паша Киллигиль.

4 июня 1918 г. в ходе батумских мирных переговоров был заключен Договор дружбы между императорским Оттоманским правительством и Азербайджанской Республикой [10, с. 16].

Договор состоял из 11 статей, в соответствии с ним стороны установили государственные границы, порядок железнодорожных перевозок и обязались восстановить почтовую и телеграфную связь. В статье № 1 декларировались дружеские отношения и постоянный мир между сторонами. Вторая статья подробно определяла пограничную линию между Османской империей и Азербайджанской Демократической Республикой.

Согласно приграничным договоренностям, Азербайджанская Республика имела некоторые территориальные потери. В частности, часть Шаруро-Даралагезского и Нахичеванского (за исключением Ордубада) уезда переходили Османской империи [11, s. 83]. Ключевой для азербайджанской стороны стала статья № 4: «Императорское оттоманское правительство обязуется оказывать помощь вооруженной силой правительству Азербайджанской Республики, если таковая потребуется для обеспечения порядка и безопасности в стране».

Военную помощь османов азербайджанское правительство рассматривало как единственный шанс сохранить независимость и установить политический порядок внутри страны. М. Э. Расулзаде относительно помощи османов писал следующее: «Ссылаясь на четвертую статью указанного договора, мы обратились к турецкому правительству с просьбой о военной помощи. На эту просьбу о помощи, которую азербайджанский народ ожидал с большим нетерпением, турецкая делегация немедленно ответила положительно» [12, s. 39]. Председатель Совета министров АДР Ф. Х. Хойский писал, что от других стран ждать помощь было бессмысленно, «поэтому мы обратились к Турции – нашим кровным единоверцам» [13, s. 44].

К основному договору прилагалось два дополнительных протокола. В первом (Особые льготы, принимаемые к торговле приграничных местностей) устанавливалось беспопышное передвижение ряда товаров по линии 10 километровой зоны по обе стороны границы. Также для жителей приграничных регионов разрешалось свободное перемещение между странами при наличии переходных свидетельств, выдаваемых местной властью [14, с. 18–19].

Второй протокол с точки зрения развития азербайджано-османских военно-политических

отношений имел особую значимость [15, с. 19–21]. Он регламентировал порядок передвижения османских войск по железнодорожным и иным путям Азербайджана, обязанности азербайджанского правительства по обеспечению безопасности по маршруту передвижения военных составов и регламентировал обязательства Азербайджана по предоставлению в распоряжение османского правительства всех сооружений, находящихся в Бакинском порту и Каспийском море.

Довольно-таки интересной кажется статья 4 протокола: «Императорское Оттоманское правительство может распространить на войска своих союзников права, принадлежащие ему по ст. 2 и 3». Здесь имелось в виду вышеперечисленное право использования железных дорог и любых морских судов и сооружений, находящихся на территории Азербайджана. Таким образом, договор от 4 июня 1918 г. вовлек Азербайджанскую Демократическую Республику в систему международных отношений и стал первым международным документом для правительства АДР не только с Османской империей, но и в перспективе с союзниками Порты.

14 июля 1918 г. в городе Гянджа стороны заключили Договор о передаче в распоряжение Турции железных дорог Азербайджана [16, с. 31]. Здесь уточнялся срок передачи железных дорог сроком на пять лет и была прописана финансовая составляющая порядка эксплуатации железных дорог. В пункте 4 говорилось, что «75% годового дохода по вычету расходов, вносятся азербайджанскому правительству». Все расходы, связанные с эксплуатацией и обслуживанием железных дорог, согласно пункту 3 договора несла Османская империя.

4 июля 1918 г. в Батуми между Турцией, Азербайджанской Республикой и Грузинской Республикой было заключено «Постановление о керосинопроводе, существующем между Баку и Батумом». Согласно документу, была учреждена комиссия из представителей трёх стран, основной задачей которой был контроль за функционированием нефтепровода в пределах своей страны [17, с. 22].

Историк, специалист по истории Азербайджана Тадеуш Свиетоховский относительно азербайджано-османских договоров написал следующее: «Каждое из трех государств заключило 4 июня с Турцией сепаратный договор о мире и дружбе. В отличие от Армении, потерявшей 4 тыс. кв. км территории, или Грузии, вынужденно покинувшей два района, в азербайджано-османском договоре слово “дружба” имеет определенную реальную основу» [18, р. 69].

За три дня до официального провозглашения независимости Азербайджана, 25 мая 1918 г., в Гянджу вошло одно из самых боеспособных османских военных подразделений – 5-я пехотная Кавказская дивизия под командованием

Мюрсела-паши. Вскоре дивизия составила ядро Кавказской исламской армии, в состав которой должны были войти азербайджанские военные части. 26 мая Нури-паша обосновал в Гяндже военный штаб, где шло формирование численного состава Исламской армии. В общей сложности к июлю 1918 г. насчитывалось около 12 тыс. штыков и сабель, в том числе 5 тыс. в составе Особого азербайджанского корпуса [19, с. 106]. Позже один из основателей Азербайджанской Демократической Республики Мамед Эмин Расулзаде в своем труде «Азербайджанская Республика» опишет прибытие Нури-паши с офицерским командованием как «спустившихся с неба ангелов хранителей» [12, с. 39].

Итогом прихода Кавказской исламской армии стал переход контроля над Баку в руки правительства АДР. В результате чего 17 сентября азербайджанское правительство переехало из Гянджи в освобождённый Баку. Это стало для азербайджанского правительства решающим фактором в установлении своей власти на территории всего Азербайджана, а также в вопросе международного признания республики. Значительно увеличились шансы национальной консолидации вокруг правительства Азербайджанской Демократической Республики, а начатая социально-экономическая реформа правительства значительно улучшила политическую обстановку в стране.

Между тем осенью 1918 г. военно-политическая обстановка в мире претерпела кардинальные изменения. В результате поражения турецкой армии в Месопотамии 30 октября 1918 г. Османская империя подписала Мудросское перемирие с Великобританией. Это соглашение означало полную капитуляцию Османской империи перед Антантой с существенной потерей территории и фактическим разделом страны.

Ряд статей касался политики Османской империи в Закавказье, в частности в Азербайджане. Согласно пунктам XI и XV договора турки должны были: 1) эвакуировать часть войск из Закавказья, а часть вывести, если того потребуют союзники. Османским частям давалась одна неделя, чтобы покинуть Баку, и один месяц, чтобы вывести войска из Азербайджана; 2) передать контроль над Закавказской железной дорогой союзным властям; 3) не возражать против перехода власти в Баку союзным войскам [20, р. 85–87].

Министр иностранных дел, чрезвычайный посланник и полномочный министр Азербайджанской Демократической Республики в Стамбуле А. А. Топчибашев 4 ноября 1918 г. отправил министру иностранных дел Османской империи Неби-бею ноту протеста против статей договора. Он просил дать разъяснение относительно содержания пунктов 11 и 15 договора, которые «представляют нарушение существующих прав и обычаев» [21, с. 94].

Заключительный третий этап азербайджано-османских отношений (ноябрь 1918 – апрель 1920 г.) характеризуется ухудшением двусторонних отношений, отсутствием официальных контактов между сторонами, проведением самостоятельной внешней политики Азербайджана в вопросе международного признания страны и пассивной политикой Османской империи в этом вопросе.

3 ноября 1918 г. Алимардан-бек Топчибаев провел встречу с морским министром Османской империи Рауф-беем. В ходе встречи он выразил недовольство условиями Мудросского перемирия. В ответ на что Рауф-бей отрицал обвинения, утверждая, что османское правительство до последнего пыталось не принимать эти условия, но было вынуждено сделать это в силу ряда обстоятельств. «Если бы мы не приняли предложенные нам условия, мы должны были протестоваться с мыслью о дальнейшем существовании турецкого государства. И если бы вы, азербайджанцы, вздумали нам оказать помощь, то были бы уничтожены», – утверждал османский министр [22, с. 33–36].

25 ноября военный министр Турции маршал Абдулла-паша, ссылаясь на военно-политическое положение в стране, отказал Азербайджану в помощи, говоря следующее: «Теперь вы остались сами по себе, мы вам помочь не можем, вы сами должны о себе позаботиться». Выражая сожаление относительно позиции министра, Топчибаев подчеркнул, что в сложившихся военно-политических обстоятельствах Азербайджан не мог просить о военной помощи, а лишь нуждался в поддержке османского правительства в вопросе международного признания [22, с. 70–74].

Вся дальнейшая внешняя политика азербайджанского правительства была направлена на международное признание республики. Западная ориентация во внешней политике страны должна была решить вопросы, которые не успела урегулировать Османская империя. В этом плане Парижская мирная конференция (18 января 1919–21 января 1920 г.) должна была сыграть ключевую роль.

5 января 1919 г. правительство Азербайджанской Республики утвердило делегацию, которая должна была представлять интересы страны на конференции [23, с. 131–132]. В результате её успешной дипломатической деятельности 11 января 1920 г. Верховный совет союзников постановил: «Союзнические и объединенные государства совместно признают правительство Азербайджана и Грузии де-факто» [24, р. 959].

Политическое признание Азербайджанской Республики было воспринято в Османской империи с большим энтузиазмом. 20 января 1919 г. на заседании парламента османского правительства обсуждался вопрос о признании Азербайджана странами Антанты. 2 февраля представитель азербайджанского правительства в Стамбу-

ле Я. Везиров получил поздравительную открытку от османского правительства [25, s. 235].

31 января одна из самых влиятельных газет Анкары «Vakit» («Время») оценила признание АДР как «самый большой успех тюркского мира». Стамбульская газета «İkdam» («Упорство») призывала устроить празднование в честь признания Азербайджанской Республики. Инициативу поддержала газета «İzmir Doğru» («Путь к Измиру»), опубликовавшая 2 февраля статью с заголовком «Признание братского Азербайджана подняло у нас национальный дух» [26, s. 20].

Анализ азербайджанской и турецкой историографии показывает, что в период с марта по апрель 1920 г. между османским и азербайджанским правительствами фактически отсутствовали какие-либо официальные контакты. В этот период азербайджанское правительство пыталось получить военную помощь от Антанты для борьбы с нарастающей угрозой большевиков, политика которых в апреле привела к кризису политической власти в Азербайджане, а именно к переходу власти в Баку 28 апреля 1920 г. в руки большевиков, что ознаменовало прекращение существования Азербайджанской Демократической Республики.

При выстраивании современных азербайджано-турецких отношений историческая память о событиях 1918 г. сыграла ключевую роль. После окончания холодной войны в конце двадцатого столетия и провозглашения независимости современной Азербайджанской Республики главной государственной идеологией стал пантюркизм, который расставил определенные приоритеты во внешней политике Азербайджана в сторону Турецкой Республики. Хотя на сегодняшний день азербайджанская внешняя политика является многовекторной, тем не менее, устойчивый турецкий вектор в политике Азербайджана держится не только на национальных интересах обеих стран, но и на культурной, языковой и исторической идентичности государств.

Список литературы

1. Turan R. Kuzey Azerbaycan'da modern ulusal kimliğin gelişim sürecine genel bir bakış // Türkiye araştırmaları enstitüsü dergisi. 2018. TAED-61. S. 429–451.
2. Гасанлы Дж. П. Русская революция и Азербайджан: трудный путь к независимости. 1917–1920 : монография. М. : Флинта, 2011. 672 с.
3. Qasimov R. Y. Azərbaycan xalq cümhuriyyəti-Osmanlı münasibətləri (Osmanlı mənbələri əsasında). Monoqrafiya. Bakı : Mütərcim, 2018. 276 s.
4. Постановление о провозглашении государственной независимости Азербайджана // Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Законодательные акты (сборник документов) / подгот. к печати А. А. Пашаев, В. Т. Агаев, Ф. А. Асланова, М. Д. Эльдарова. Баку : Издательство «Азербайджан», 1998. С. 7–8.

5. Постановление о составе первого Временного правительства // Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Законодательные акты (сборник документов). Баку : Издательство «Азербайджан», 1998. С. 9.
6. Qasımlı M. Məsəlman Şərqinin ilk Cümhuriyyəti // Diplomatiya Aləmi. Azərbaycan Respublikası Xarici İşlər Nazirliyinin jurnalı. 2018. № 48. S. 176–187.
7. Балаев А. Отношение Ахмед бека Агаоглу к идее независимости Азербайджана // Tarixin fəlsəfəsi : retrospektiv və perspektiv. Məqalələr toplusu. 2018. S. 325–338.
8. Tuğaç H. Bir neslin dramı. İstanbul: Çağdaş yayınları, 1966. 240 s.
9. Şeyxzamanlı N. Azərbaycan istiqlal mücadiləsi xatirələri. Bakı : Azərbaycan, 1993. 158 s.
10. Договор дружбы между императорским Османским правительством и Азербайджанской Республикой. 4 июня 1918 г. // Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Внешняя политика (документы и материалы). Баку : Издательство «Азербайджан», 1998. С. 14–17.
11. Qafarov V. Batun konfransı və Azərbaycan // Tarix və onun problemləri. 2009. № 1–2. S. 81–89.
12. Rəsulzadə M. Ə. Azərbaycan Cümhuriyyəti. Bakı : Elm, 1990. 116 s.
13. Zeynalov İ. Azərbaycan Xalq Cümhuriyyətinin yaranması və fəaliyyətində Fətəli Xan Xoyskinin yeri və rolu // Azərbaycan Cümhuriyyəti-100: Məsəlman Şərqində ilk parlamentli respublika. Məqalələr toplusu. 2018. S. 40–48.
14. Особые льготы, принимаемые к торговле приграничных местностей. 4 июня 1918 г. // Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Внешняя политика (документы и материалы). Баку : Издательство «Азербайджан», 1998. С. 18–19.
15. Дополнительный договор к договору о дружбе между Турцией и Азербайджанской империей. 4 июня 1918 г. // Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Внешняя политика (документы и материалы). Баку : Издательство «Азербайджан», 1998. С. 19–21.
16. Договор между правительством Азербайджанской Республики и Главным управлением военными железными дорогами и портами Турции о передаче в распоряжение последнего железных дорог Азербайджана. 14 июля 1918 г. // Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Внешняя политика (документы и материалы). Баку : Издательство «Азербайджан», 1998. С. 31.
17. Постановление о керосинопроводе, существующем между Баку и Батумом. 4 июня 1918 г. // Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Внешняя политика (документы и материалы). Баку : Издательство «Азербайджан», 1998. С. 22.
18. Swietochowski T. Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition. N. Y., 1995. 290 p.
19. Süleymanov M. Qafqaz İslam Ordusu və Azərbaycan. Bakı : Hərbi nəşriyyat, 1999. 440 s.
20. Mudros Agreement: Armistice with Turkey (October 30, 1918). London ; New York ; Toronto : Oxford University Press, 1943. P. 85–87.
21. Письмо чрезвычайного посланника и полномочного министра Азербайджанской Республики А. А. Топчибаева министру иностранных дел Турции Наби-бею с протестом против статей договора о перемии между Турцией и Главными Союзными и Объединившимися Державами, касающихся оккупации Баку и азербайджанских ж. д. // Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Внешняя политика (документы и материалы). Баку : Издательство «Азербайджан», 1998. С. 93–95.
22. Дипломатические беседы А. А. Топчибаева в Стамбуле (записи чрезвычайного посланника и полномочного министра Азербайджанской Республики). 1918–1919 гг. Баку : Эргюн, 1994. 160 с.
23. Инструкция азербайджанской делегации на Парижской мирной конференции. 5 января 1919 г. // Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Внешняя политика (документы и материалы). Баку : Издательство «Азербайджан», 1998. С. 131–132.
24. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States: 1919 – The Paris Peace Conference. Vols. I–XIII. Vol. IX. 1054 p.
25. Həsənlı C. Azərbaycan Cümhuriyyəti. Türkiyə yardımından Rusya işğalına qədər (1918–1920). Ankara : Kök Yayınları, 1998. 387 s.
26. Aşar A. Türkiyənin istiqlal müharibəsində Azərbaycan türkləri. Türkiyə arxiv sənədləri və mətbuatında (1919–1922). Bakı : AzAtaM, 2007. 47 s.

Поступила в редакцию 05.05.2024; одобрена после рецензирования 06.06.2024; принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 05.05.2024; approved after reviewing 06.06.2024; accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025

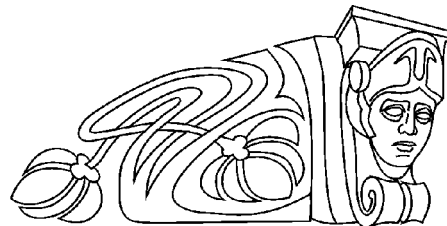

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 87–94
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 87–94
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-87-94>, EDN: TFXCAU

Научная статья
УДК [327(470+571:44)+94(6-17)]20]

Франко-российское соперничество в Северной Африке в 2010-е годы

В. Г. Дорохов[✉], Е. А. Жаронкина

Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6

Дорохов Валерий Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, dorokhov905@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8229-8482>, AuthorID: 314163

Жаронкина Елена Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений, zharonkina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7223-7937>, AuthorID: 563497

Аннотация. Статья посвящена соперничеству Франции и России в Северной Африке в 2010-х гг., когда распространение «арабской весны» в этом регионе исказило существовавший политический ландшафт. Рассматривается политика Франции на североафриканском направлении, а также интересы и задачи России в регионе. Отмечается изменение политико-экономических связей государств Северной Африки с мировыми акторами в условиях увеличения частоты кризисов в мировой энергетической сфере и постепенного ухудшения политической ситуации между ЕС и Россией.

Ключевые слова: Россия, Франция, Африка, североафриканский регион, ЕС, экономическое соперничество, политическое соперничество

Для цитирования: Дорохов В. Г., Жаронкина Е. А. Франко-российское соперничество в Северной Африке в 2010-е годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 87–94. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-87-94>, EDN: TFXCAU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Franco-Russian rivalry in North Africa in the 2010s

V. G. Dorokhov[✉], E. A. Zharonkina

Kemerovo State University, 6 Krasnaya St., Kemerovo 650000, Russia

Valeriy G. Dorokhov, dorokhov905@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8229-8482>, AuthorID: 314163

Elena A. Zharonkina, zharonkina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7223-7937>, AuthorID: 563497

Abstract. The article is devoted to the rivalry between France and Russia in North Africa in the 2010s, when the spread of the Arab Spring in the region distorted the existing political landscape. France's policy in North Africa, as well as Russia's interests and objectives in the region are considered. The author notes the changing political and economic ties between the North African states and global actors in the context of the increasing frequency of crises in the global energy sphere and the gradual deterioration of the political situation between the EU and Russia.

Keywords: Russia, France, Africa, North African region, EU, economic rivalry, political rivalry

For citation: Dorokhov V. G., Zharonkina E. A. Franco-Russian rivalry in North Africa in the 2010s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 87–94 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-87-94>, EDN: TFXCAU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Начало XXI века ознаменовалось значительным расширением глобализационных процессов по всему земному шару. Североафриканский регион в этом отношении всегда находился на особом положении в силу своей близости к странам, которые можно считать основными бенефициарами глобализации, будь то период первой глобализации в эпоху античного мира, или активизация средиземноморской торговли в XIV–XV вв. и тем более в XX в., Северная

Африка всегда находилась на пересечении культурных и экономических путей, долгое время являясь скорее объектом международных отношений, нежели субъектом. И если до середины XX в. ключевыми игроками в ней были конкретные государства, то вторая половина XX в. ознаменовалась проникновением на африканский континент транснациональных корпораций (ТНК). Несмотря на политические потрясения, произошедшие в период после «арабской весны»,

в регионе продолжали осуществлять свою работу такие ТНК как Exxon Mobil, Total, Halliburton и многие другие. Несмотря на то, что деятельность ТНК носила наднациональный характер, они являлись прямым порождением национальных государств и, следовательно, в той или иной мере служили проводником их внешней политики. Современная Северная Африка представляет интерес не только в силу своих богатых природных ресурсов, но и по причине стратегического расположения, являясь хозяйственно-культурным мостом между Европой и Африкой, Западной Азией и Америкой [1, с. 28]. Страны Северной Африки имеют большой потенциал с точки зрения достижения целей устойчивого развития, поскольку их схожесть обусловлена похожим историческим опытом и модернизационными усилиями по преодолению промышленной отсталости своих стран в рамках реализации национальных стратегий при учете особенностей глобализации в мире [2, с. 58]. Так ВВП стран, входящих в североафриканский регион в период с 1970 по 2016 гг. увеличился более чем в 5 раз, с 91 млрд долл. до 489 млрд долл. [3, с. 38]. Ключевыми политическими игроками из национальных государств в этом регионе можно считать Францию, США, Китай и Россию. Однако если посмотреть на это список через призму экономического влияния, то ситуация будет уже несколько иной.

В начале XXI в. наиболее глубокие корни в Северной Африке имела Французская Республика, поскольку долгое время большая часть этих территорий была под их прямым или косвенным управлением. Поэтому, когда в СМИ появлялись новости о взаимодействии ЕС с государствами Северной Африки то, как правило, речь шла о Франции или Италии, как государствах, наиболее близко расположенных к Северной Африке, обладающих большим экономическим и политическим весом в ЕС и имеющих особые интересы в этом регионе. Поскольку формирование многополярного мира стало все более отчетливо проявляться к 2010-м гг., то государства, ставшие бенефициарами этого мира (например, страны БРИКС), обострили борьбу за богатые минеральные ресурсы не только северной части Африки, но и в целом за весь континент. Несмотря на то, что представления об отсталости африканских стран все меньше соответствуют действительности, вызовы и риски (как традиционные, так и новейшие) сохранили свою актуальность до настоящего времени [4, с. 9].

Активная внешняя политика французского государства по отношению к странам Северной Африки была обусловлена тем фактом, что сам по себе африканский континент обладал большой притягательной силой для ведущих мировых держав в плане привлечения их к помощи по экономическому освоению африканских

территорий. Особенностью рассматриваемого региона можно считать то, что в нем длительное время наблюдалось значительное число острых противоречий, связанных с преодолением внутренних политических и экономических проблем, а также не всегда позитивным внешним влиянием. В частности, агрессивное поведение НАТО в 2011 г. в Ливии принесло в страну хаос и разруху, что до сих пор осложняет восстановление государственности. Столь активная позиция НАТО (и особенно Франции как члена НАТО) в североафриканском регионе была обусловлена тем, что, с одной стороны, этот регион является своеобразным «оборонительным» валом от остальной части Африки, с другой стороны, более глубокое вмешательство в дела суверенных государств в этом регионе позволяет влиять на Ближний Восток и южные рубежи России [5, с. 12].

Государства Северной Африки, получившие свою самостоятельность только во второй половине XX в. с разной степенью активности контактировали с Италией, Францией, Великобританией, США и СССР. Бывшие колониальные метрополии Великобритания и Франция, а позже и ЕС в целом, до сих пор являются крупнейшими торгово-экономическими партнерами североафриканских государств. В 2017 г. суммарный объем экспорта стран ЕС в целом в Африку достигал 149 млрд евро, причем львиная доля экспорта приходилась именно на Северную Африку [6, с. 18]. Доля же Франции, по разным оценкам, составляла в среднем 1/3 от этого объема экспорта.

Активизация внешнеполитической деятельности Франции в североафриканском регионе пришлось на период президентства Н. Саркози, стремившегося усилить позиции страны в условиях регулярного давления со стороны новых претендентов на разработку африканских углеводородных и минеральных ресурсов: Китая и России, что заставило Францию искать общие точки соприкосновения как с США, так и другими странами Запада в борьбе против новых активных игроков. В докладе «Africa Attractiveness Report» консалтинговой компании «Ernst&Yuong» за 2019 г., отмечалось, что наибольшее количество технологических проектов в целом на африканском континенте финансировалось со стороны США (463), на втором месте была Франция (329) и на третьем Великобритания (286) [7, с. 16]. В традиционном докладе ЮНКТАД о мировых инвестициях, выпущенном в 2019 г., отмечено, что по объемам инвестиций и в 2013 г., и в 2017 г. Франция занимала первое место (64 млрд долларов). Второе и третье место разделили Нидерланды (20 млрд долл. в 2013 г. и 63 млрд долл. в 2017 г.) и США (61 млрд долл. в 2013 г. и 50 млрд долл. в 2017 г.) [8]. Согласно же статическим данным, доля экспорта ЕС в Северную Африку выросла с 54 млрд евро

в 2009 г., до 76 млрд евро в 2019 г., показав рост на 30% [9].

Для противодействия политике США, России и Китая в 2007 г. в Лиссабоне был проведен саммит Евросоюз-Африка, где Франция играла ведущую скрипку по продвижению своих национальных интересов. Некоторое время спустя, было объявлено о создании Средиземноморского Союза (2008), который должен был установить более тесное взаимодействие между всеми странами Средиземноморья, но в большей степени Францией и североафриканским регионом, где она традиционно имела более сильные позиции по сравнению с Италией или Испанией [10, с. 268]. С информационной точки зрения, это мероприятие прошло вполне успешно, однако в остальном оно показало слабые результаты. В попытках усиления влияния ЕС, и в особенности Франции, в 2010 г. прошел еще один (уже третий по счету) саммит ЕС-Африка, проведенный в Триполи (Ливия). И в этом случае итоги саммита были не столь внушительными, как того хотелось бы французам. Через некоторое время разразившаяся в Ливии гражданская война создала иные условия как для Франции, так и для других внешнеполитических игроков в этом регионе.

В своем стремлении нарастить влияние в Африке, и в особенности в североафриканском регионе, ЕС в течение 2010-х гг. провел еще два саммита ЕС-Африка. Однако они только усилили имеющиеся противоречия, ведь каждый саммит стремился обозначить очередную проблему как новую возможность помощи странам Африки со стороны членов ЕС, показывая степень углубления афро-европейского взаимодействия и одновременно степень разногласий в области демократии и прав человека, изменения климата, миграции и занятости населения [11, с. 97]. На саммите ЕС-Африка, прошедшем в 2017 г. в Абиджане (Кот-д'Ивуар), были обозначены основные направления сотрудничества: 1) инвестиции в людей – образование, науку и т. д., 2) укрепление устойчивости, мира, безопасности и управления, 3) миграция и мобильность, 4) мобилизация инвестиций для проведения структурных преобразований [12, с. 42]. Столь объемная программа действия со стороны ЕС и Франции сопровождалась широкими информационными жестами, направленными на создание положительного общественного мнения в ЕС и Африканском союзе. В сентябре 2018 г. Ж.-К. Юнкер, выступая в Европарламенте, с пафосом заявлял о том, что Африке нет необходимости в благотворительности, но «она нуждается в истинном и справедливом партнерстве» [13], вероятно подразумевая, что справедливыми партнерами могут быть только страны, входящие в ЕС. Россия же мягко уходила в своей дипломатической работе с североафриканскими

странами от подобного морализаторства, считая его не слишком действенным инструментом влияния как на политическое руководство, так и на широкую общественность североафриканских государств. И, наконец, в апреле 2020 г. прошло знаковое онлайн-мероприятие, на котором очередной президент Франции Э. Макрон в качестве центральной темы постарался обозначить «...инициативы, посвященные здравоохранению и экономическому реагированию на COVID-19 на всем континенте» [14, с. 5]. Фактически Франции в 2010-х гг. пришлось работать в догоняющем режиме, используя для напоминания о себе самые неожиданные ранее форматы взаимодействия с североафриканским регионом и в целом с Африкой.

В отличие от Франции и других европейских государств, СССР свои внешние контакты с североафриканским регионом сосредоточил в первую очередь в политической плоскости, в то время как капиталистические страны ориентировались на экономическую составляющую. В 1990-х гг., после распада СССР, Россия вынуждена была резко снизить свою внешнеполитическую активность, так как ресурсов на поддержание контактов на новой коммерческой основе не хватало. Несмотря на установившуюся в начале XXI в. в Российской Федерации политическую стабильность, она все также не могла позволить себе проводить активную внешнюю политику, имеющую не только пропагандистский, но и экономический результат. «Возвращение» России в Африку было затруднено по нескольким причинам: 1) скрытое противодействие со стороны «западных партнеров» (ЕС, и в особенности, Франции, а также США); 2) вступление в 2000-е гг. в геополитическую игру за африканский континент (и в особенности за углеводороды) ряда азиатских государств, стремившихся расширить свое влияние; 3) проблемы противодействия терроризму на мировом уровне, так как ряд террористических организаций действовал очень активно и враждебно на части территории Африки, как правило это были государства южнее североафриканского региона, куда мигрировали террористы с Северной Африки.

Соответственно, Россия заходила на африканский рынок осторожно и неторопливо, по мере укрепления российской экономики в 2000-х гг. и наращивания экономической мощи национальных корпораций (Лукойл, Газпром, Северсталь, Норильский никель и др.). Именно российские корпорации стали тем тайным оружием, которое было использовано российским политическим руководством по проникновению на этот богатый рынок. Вполне логично, что стало нарастать ее соперничество и с другими государствами. В североафриканском регионе Россия более всего столкнулась именно с интересами Франции. Из 5 североафриканских государств (Марокко,

Алжир, Тунис, Ливия, Египет) только в Тунисе нет достаточных энергоресурсов, в то время как все остальные страны обладают богатыми нефтяными и газовыми месторождениями. В борьбе за энергоресурсы нет постоянных союзников или противников, есть только устойчивые экономические интересы и временные альянсы, позволяющие добиваться удовлетворения своих интересов. В таком ключе можно охарактеризовать взаимоотношения между Россией и Францией в 2010-е гг. Постепенное превращение РФ в энергетическую сверхдержаву поставило Францию перед необходимостью считаться с позицией России, которая стала более активно отстаивать свои интересы в разных частях земного шара, и в том числе в североафриканском регионе. Как у Франции, так и у России в этом регионе была долгая история политических и экономических взаимоотношений, причем только у России не было колониального шлейфа, что повышало ее шансы в развернувшейся борьбе за повышение своего статуса в отношениях с североафриканскими государствами.

В чем же заключалось преимущество России в проникновении в рассматриваемый регион? Можно предположить, что существовавшие до этого достаточно неплохие взаимоотношения с Марокко, Египтом, Тунисом, Алжиром и тем более с Ливией, были той базой, от которой стала отталкиваться новая Россия при активизации своей политики в этом регионе. В постсоветский период, когда идеологическая составляющая взаимоотношений между африканскими государствами и Россией исчезла, на первый план вышли исключительно экономические условия развития взаимоотношений, с учетом изменений в геополитике со стороны ведущих мировых акторов. Не стоит забывать тот факт, что за период 1960–1990-х гг. в СССР/РФ было подготовлено большое количество иностранных специалистов из Африки в самых различных областях, которые возвращались в свои страны и занимали потом те или иные руководящие посты, сохраняя определенные положительные воспоминания об обучении в СССР/РФ. На 2019 г. российские компании присутствовали во всех странах североафриканского региона: Марокко – «Транснефть»; Алжир – «Газпром», «Стройтрансгаз», «Транснефть»; Ливия – «Татнефть»; Египет – «Лукойл», «Роснефть», «Зарубежнефть». Однако необходимо понимать, что несмотря на рост товарооборота между странами североафриканского региона и РФ, он все еще не был слишком разнообразным. В основном это были нефтепродукты, зерно, химические удобрения и целлюлозно-бумажная продукция. Из 5 государств Северной Африки только Алжир в 2016 и 2017 гг. вошел в категорию «Главный торговый партнер России».

Укрепление позиций России как в североафриканском регионе, так и в других частях

Африки активизировало всех ее крупных геополитических и экономических соперников (США, Франция, Китай и Великобритания) и фактически стимулировало в течение 2010-х гг. активнее проводить свою внешнеполитическую линию на африканском континенте и в местах наиболее богатых нефтью и газом, несмотря на пресловутую «зеленую повестку» со стороны ЕС, стремящегося приостановить индустриальное развитие африканских государств и более плотно привязать их к своей экономической повестке. Однако возможности России по освоению минеральных ресурсов Северной Африки (впрочем, как и других частей африканского континента) сдерживались и продолжают сдерживаться отсутствием прочного институционального фундамента многостороннего сотрудничества. Например, регулярно возникавшие проблемы по сертификации сельскохозяйственной продукции – и в России, и в Африке [15, с. 5]. Конечно у России к 2020 г. сформировались очень хорошие перспективы по усилению своего присутствия в таких сферах, как энергетика (в том числе атомная), телекоммуникационные системы, разработка цифровых программ и многое другое, но следует учитывать, что успешное проникновение в данные области было бы возможно только через улучшение знания о специфике североафриканского рынка и выработке именно таких тактических и стратегических политических решений, которые лучшим образом решали бы как политические, так и экономические проблемы между Россией и этим регионом.

На период после 2008 г., когда начинается глобальный мировой кризис, старая экономическая структура мира с доминированием традиционных центров – США, Западная Европа и Япония, в условиях нарастания финансового и экономического дисбаланса 2010-х начала ослабевать, чем смогли воспользоваться новые экономические игроки: Китай, Индия, Россия, Южная Корея, Бразилия и др.

Африка (и в особенности ее северная часть) в условиях обострения соперничества старых и новых экономических центров была лакомым куском, за который стоило побороться. На этом континенте разведаны запасы многих полезных ископаемых, добывать которые выгодно экономически (марганец, золото, уран, никель, медь и др.). В этом плане стоит согласиться с мнением исследователей И. О. Абрамовой и Л. Л. Фитуни, которые отмечали, что Африка стала сама оказывать «...значимое влияние на мировую конъюнктуру в рамках глобального соперничества между основными центрами экономической силы по ряду перспективных направлений (энергоресурсы, сырье для инновационных производств, цветные, редкие и редкоземельные металлы...)» [16, с. 57]. Темпы роста ВВП в североафриканском регионе в период 2010–2019 гг. можно охарактеризовать как вполне устойчивые: Марокко – 3,4%, Алжир –

2,7%, Тунис – 1,9%, Египет – 3,9% и только Ливия выбивалась из этого ряда, показывая снижение в среднем 8,9% ежегодно [17].

Основная проблема североафриканского региона в том, что несмотря на обилие природных ресурсов, и в особенности углеводородных энергоносителей, внутренний рынок как в североафриканской, так и в остальной части Африки не имеет своих собственных емких потребителей, что автоматически привлекало внимание всех индустриальных и постиндустриальных мировых держав. Согласно данным статистики, в 2007 г. было добыто 497,3 млн тонн нефти, которые пришлось всего на 4 африканские страны: Нигерия, Ангола, Ливия и Алжир [18, с. 99]. Большая часть разведанных к 2010-м гг. нефтяных энергозапасов приходилась на Ливию, Алжир, Судан и Нигерию, кроме того, эти страны обладали еще и большими запасами природного газа, расположенного в районах морских экономических зон Нигерии, Египта, Ливии и Алжира.

Российскому проникновению в североафриканский регион помогли обострившиеся к концу 2010-х гг. противоречия между Францией и США, которые в предшествующий период способствовали целой серии «цветных» африканских революций в центральной части материка (Бурунди, Руанде, Заире, Чаде, Того и Кот-д'Ивуар). По данным шведского агентства оборонных исследований, США на 2019 г. принадлежали 33 военные базы, в то время как Франции только 16, Россия не имела ни одной [19, с. 8], и это скорее можно считать преимуществом в указанный период времени, нежели недостатком, поскольку содержание заграничной военной базы очень затратно экономически, а возможные политические преимущества не всегда очевидны в среднесрочной и особенно в долгосрочной перспективах.

Поскольку ЕС зависел в сфере энергетики от поставок из трех стран (Норвегии, России и Алжира), то вполне оправданным выглядело стремление Франции по недопущению России в североафриканский регион. Инструментами этого стали двухсторонние саммиты Франция-Африка, на которых обсуждались вопросы военного, культурного и финансового сотрудничества. Например, на саммите в 2010 г. было заявлено о выделении Африканскому Союзу 300 млн евро на укрепление системы коллективной безопасности [20, с. 35], а через возрождение деятельности Союза Арабского Магриба (июль 2012 г.) возобновились отношения между Марокко и Алжиром [21, с. 121]. Наибольшее влияние Франция стремилась оказывать на Алжир, который был одним из крупнейших игроков на международном энергетическом рынке. По состоянию на 2010 г. Алжир занимал 8-е место в мире по величине запасов природного газа (109 трлн куб. м) [22, с. 36].

Определенным провалом в российской внешней политике на североафриканском направлении можно считать события 2011 г., когда она не смогла остановить разразившуюся в 2011 г. гражданскую войну в Ливии. Военные действия в итоге привели к торможению многих проектов, в реализации которых принимала участие российская сторона. Это в свою очередь усилило позиции Франции в Алжире, находившегося в более плотной зависимости от ЕС, нежели от России. Фактически «арабская весна» стала наиболее «горячей» фазой по переделу сырьевого рынка северной Африки, так как наиболее активным участником этого процесса стал ЕС. События в нефтеносной Ливии только подтверждают это предположение. Вполне логично, что реакция России на эти события была негативной, поскольку это сдерживало реализацию проектов «Татнефти» и «Газпрома» на неопределенный срок и осложняло политическое присутствие России в этом регионе (заморозка строительства железной дороги Сирт-Бенгази, разработка месторождений и др.). Российская сторона хоть и без энтузиазма осудила действия западной коалиции, но не решилась вмешиваться в происходившие в Ливии события. Российско-французские отношения находились в этот момент на определенном подъеме (проведение года Россия-Франция в 2010 г., заключение контракта на поставку вертолетоносцев, введение долгосрочных виз для россиян и многое другое) и развернувшаяся интервенция коллективного Запада в Ливию сорвала заключение многомиллиардных контрактов на поставку российской военной техники. Начавшаяся в 2013 г. французская операция «Сервал» не добавила положительных моментов в двухсторонние взаимоотношения, тем более что французы использовали вторжение в Мали как инструмент «жесткой силы» для укрепления своих внешнеполитических позиций в Северной Африке [23, с. 3]. Впрочем, разыгрывание национальной карты в африканских условиях сослужило дурную службу французской стороне. Две последующие военные операции в Мали («Бархан» в 2014 г. и «Такуба» в 2020 г.) не смогли достичь цели по полному умиротворению и приход в это государство частной военной компании (ЧВК) «Вагнер» только усилил взаимные подозрения между французской и российской стороной по дальнейшей внешнеполитической повестке в этом регионе. Слабость французских операций заключалась в том, что все они на всем протяжении носили военный характер, не переходя на следующие фазы разрешения конфликтов, когда уже требовалось решение социально-экономических задач. Французы неизменно вовлекались в межобщинные разногласия и теряли такое ценное качество как беспристрастность [24, с. 20]. Гуманитарные мотивы вмешательства

со стороны внешних игроков во внутривосточную жизнь Северной Африки по факту смешивались с собственными политическими целями интервентов. Фактически начиная еще с периода «холодной войны» практика показала, что любые виды иностранного вторжения, независимо от их благовидных гуманитарных предлогов, приводили к обратному пропорциональным результатам, усугубляя имеющиеся проблемы и создавая новые [25, с. 17].

Однако для Франции стабильность Северной Африки имеет большее значение, нежели для России, в силу ее более близкого расположения к этому региону. Поэтому французская политика в этом регионе являлась в некотором смысле predetermined как по своему назначению, так и по своему географическому направлению. Вторжение Франции в Ливию и Мали позволило получить исламистам более наглядного и конкретного врага в ее лице, на которого можно было направить свои силы. «Движение за единство и джихад в Западной Африке» начиная с 2015 г. активно угрожало Франции проведением террористических актов на ее территории, объясняя это тем, что она напала на ислам и последователи «Движения...» должны отомстить врагам Аллаха.

У России были более гибкие возможности по своему проникновению в североафриканский регион, поскольку она не была связана многимиотягчающими историческими обстоятельствами и потому могла вести более тонкую внешнеполитическую игру в этом регионе и примыкающих к нему странах. С одной стороны, Россия выражала свое недовольство действиями французских, затеявших несколько крупномасштабных военных операций, связанных больше с решением экономических проблем, нежели политических. С другой стороны, российские власти выражали готовность поддержать французский военный контингент, который мог хотя бы на какое-то время снизить хаос, воцарившийся в период «арабской весны» в Северной Африке. Своих войск в этом регионе у России не было, соответственно отстаивать свои экономические позиции она могла только дипломатическим путем.

Так как на государственном уровне РФ не стала оказывать Франции реальную поддержку в борьбе с исламистами, ограничившись только словесной риторикой, был использован косвенный путь борьбы с ними – частные военные кампании (ЧВК), как, например, «Вагнер». Россия смогла не только сохранить свое присутствие, но и даже усилить его, расширяя зону деятельности ЧВК. Основная проблема, которая мешает анализу деятельности ЧВК – отсутствие комментариев на российском государственном уровне, хотя западные страны уверены, что таким образом Москва стремилась закрепить за собой новые африканские регионы по мере ослабления возможностей западной коалиции и прежде всего

военно-политических сил Франции удерживать за собой влияние в проблемных местах.

Пытаясь перехватить африканскую информационную повестку от французов, Россия в октябре 2019 г. провела в г. Сочи первый саммит Россия-Африка, в рамках которого озвучила свой главный тезис «Россия возвращается в Африку» [26, с. 22]. Широкое представительство со стороны африканских государств обеспечило весомость проводимого мероприятия, поскольку на нем, помимо чисто политических контактов, налаживались также и деловые, с участием руководителей ведущих компаний с обеих сторон. В качестве центральной была заявлена задача выстраивания российско-африканских отношений более системно, комплексно и стратегически на долгую перспективу. Конечно, такое состояние дел не могло понравиться Франции и ЕС, попытавшимся перехватить инициативу от российской стороны. Однако начавшаяся эпидемия COVID-19 существенно затормозила их возможности, и в итоге очередной (6-й по счету) саммит прошел только в феврале 2022 г. Момент в перехватывании стратегической инициативы у российской стороны был упущен.

Как следует из вышеизложенного, соперничество Франции и России в 2010-х гг. в Северной Африке было связано с попытками перераспределения доступа к богатым полезным ископаемым этого региона, и главным образом к углеводородам. Если учитывать технические особенности российских компаний, что зашли в Северную Африку в 2000–2010-е гг., то они были готовы участвовать если не в разработке ресурсов, то хотя бы в их транспортировке, выступая в качестве важного посредника между ЕС и североафриканскими странами. Дополнительный бонус для России заключался в участии в глобальной игре между США, ЕС и Китаем. При этом если для Франции североафриканские ресурсы жизненно необходимы, то для России они являются скорее инструментом давления на «мягкое подбрюшье» ЕС в лице Франции. Российская позиция по отношению к ливийским событиям оказалась достаточно сдержанной, так как и сам театр действий располагался слишком далеко от России и имеющихся военно-политических и экономических рычагов было явно недостаточно для корректировки ситуации в нужную для себя сторону. Франция же, изначально заняв жесткую позицию по Ливии вместе с другими членами НАТО, вызвала эффект расползания «революционных идей», боевиков и оружия из Ливии. В свою очередь это потребовало введения ограниченного военного контингента на территорию ряда африканских государств, располагавшихся южнее Ливии. Конечно, для России стабильность была более выгодна, нежели неуправляемый хаос, однако возникновение реальной возможности ослабить позиции одного из ведущих игроков в Африке на определенном

этапе могло перевесить стремление к замораживанию конфликта и вывести на первый план частные экономические интересы, по крайней мере в регионе Северной Африки. Военно-техническое сотрудничество хорошо вписывается в эту логику выстраивания взаимоотношений РФ как с североафриканским регионом, так и с остальной частью Африки, подкрепляя его интенсификацией в сфере экономики, гуманитарного и информационного взаимодействия, создавая положительный фон в СМИ для усиления своего влияния не только на элиты, но и более широкую общественность тех африканских стран, с которыми РФ активизировала свою работу в 2010-х гг. Использование же ЧВК придавало больше веса российской стороне при выстраивании военно-политических связей с африканской стороной, давая потенциально более широкие инструменты для снижения влияния Франции и ЕС как на североафриканских, так и иных африканских территориях.

Список литературы

1. Сенькович В. В. Инвестиционная деятельность как направление соперничества ведущих держав за энергосырьевые ресурсы Северной Африки // Финансовый бизнес. Январь – февраль 2013. № 1 (162). С. 27–32.
2. Морозенская Е. В. Цели устойчивого развития (2016–2030): шанс для Африки // Азия и Африка сегодня. 2018. № 11. С. 58–61. <https://doi.org/10.31857/S032150750001791-2>
3. Волков С. Н., Ткаченко А. А. Северная Африка: экономическое развитие и процессы модернизации // Азия и Африка сегодня. 2018. № 12. С. 37–41. <https://doi.org/10.31857/S032150750002570-9>
4. Боришполец К. П. Стратегические интересы России в Африке // Международная аналитика. 2019. № 1–2 (27–28). С. 7–15. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2019-0-1-2-7-15>
5. Фитуни Л. Л. Подразделения и союзники ИГИЛ в Африке: среднесрочный прогноз дальнейшей активности // Азия и Африка сегодня. 2018. № 12. С. 11–17. <https://doi.org/10.31857/S032150750002566-4>
6. Денисова Т. С., Костелянец С. В. Евросоюз, Китай и Африка: сотрудничество в области содействия международному развитию (проблемы и перспективы) // Азия и Африка сегодня. 2020. № 1. С. 17–24. <https://doi.org/10.31857/S032150750008160-8>
7. Африка – Россия+: достижения, проблемы, перспективы: совместный доклад Российского совета по международным делам (РСМД) и СОЮЗА «Африканская деловая инициатива» (АДИ) Доклад № 53/2020 / А. В. Кортунов, Н. Г. Цайзер, Е. В. Харитонов, Г. А. Кочофа, Д. П. Ежов, Л. Е. Чкония; Российский совет по международным делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2020. 60 с. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-Africa-Report53-Ru.pdf> (дата обращения: 25.05.2024).
8. UNCTAD, World Investment Report 2019. Special Economic Zones. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_en.pdf (дата обращения: 13.04.2024).
9. Eurostat Statistics Explained, Africa-EU – international trade in goods statistics. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Africa-EU_-_international_trade_in_goods_statistics&oldid=479253 (дата обращения: 03.05.2024).
10. Погосян А. С. Африка: большие интересы, большие риски // Энергетическая политика. 2020. № 10 (152). С. 52–61. https://doi.org/10.46920/2409-5516_2020_10152_52
11. Лебедева Э. Е. Африка южнее Сахары в перипетиях мировой политики // Азия и Африка в современной мировой политике / отв. ред. Д. Б. Малышева, А. А. Рогожин. М. : ИМЭМО РАН, 2012. С. 96–111.
12. Биссон Л. С. Новая стратегия ЕС для Африки: в поисках подлинного партнерства // Современная Европа. 2020. № 3. С. 39–50. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320203950>
13. State of the Union 2018: Towards a new «Africa – Europe Alliance» to Deepen Economic Relations and Boost Investment and Jobs. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_5702 (дата обращения: 20.05.2024).
14. Абрамова И. О. Россия и Китай в Африке: конкуренты или партнеры? // Азия и Африка сегодня. 2020. № 9. С. 4–9. <https://doi.org/10.31857/S032150750010853-0>
15. Абрамова И. О. Россия-Африка: вызовы и возможности в новых глобальных реалиях // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 3–7.
16. Абрамова И. О., Фитуни Л. Л. Африканский регион в контексте фундаментальных трендов и формирующихся угроз в мировой экономике и политике // Вестник российского гуманитарного научного фонда. 2015. № 4 (81). С. 55–69.
17. Африка: перспективы развития и рекомендации для политики России: доклад по итогам ситуационного анализа. М. : Международные отношения, 2021. 142 с. URL: https://globalaffairs.ru/wp-content/uploads/2021/11/doklad_afrika_perspektivy-razvitiya.pdf (дата обращения: 18.04.2024).
18. Андреев А. М., Кельчевская Н. Р. Борьба за минерально-сырьевые ресурсы Африки: история и современное состояние // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 3 (18). С. 96–101. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-3-18-96-101>
19. Аллес П. Союз Средиземноморья: государственная и региональная политика // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. Т. 26, № 2. С. 266–273. [https://doi.org/10.17150/1993-3541.2016.26\(2\).266-273](https://doi.org/10.17150/1993-3541.2016.26(2).266-273)
20. Халитова А. Р. Военные аспекты политики Франции в Африке при Н. Саркози и Ф. Олланде (2007–2017 гг.) // Конфликтология/nota bene. 2019. № 3. С. 33–44. <https://doi.org/10.7256/2454-0617.2019.3.31313>

21. Володина М. А. Международно-политические процессы в Северной Африке // Азия и Африка в современной мировой политике / отв. ред. Д. Б. Малышева, А. А. Рогожин. М. : ИМЭМО РАН, 2012. С. 112–122.
22. Бен Аммар Дж., Грифа М. Проблема безопасности Алжира в свете ливийского кризиса // Азия и Африка сегодня. 2018. № 8. С. 35–37. <https://doi.org/10.31857/S032150750000504-6>
23. Мезенцев С. В. Внутренние и международно-политические аспекты кризиса в Мали и французская операция «Сервал» // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2014. № 1. С. 3–27.
24. Сидоров А. С. Внешние операции Франции в Сахеле: пределы адаптации // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2019. № 53 (69). С. 18–23.
25. Евдокимов И. Д., Дябин А. Ю. К итогам саммита Россия – Африка: взгляд из Бенина // Международная жизнь. 2019. № 12. С. 22–27.
26. Корендясов Е. Н. «Сочинский консенсус» // Азия и Африка сегодня. 2020. № 2. С. 4–11. <https://doi.org/10.31857/S032150750008466-4>

Поступила в редакцию 10.06.2024; одобрена после рецензирования 12.06.2024;
принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 10.06.2024; approved after reviewing 12.06.2024;
accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 95–109

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 95–109

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-95-109>, EDN: XFPMOX

Научная статья

УДК 94(470.44-25)|17|+929Елизаров

Начальные люди Саратова – Григорий Федорович Елизаров: неизвестные страницы биографии

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России и археологии, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, AuthorID: 512797

Аннотация. В статье впервые представлена биография саратовского воеводы Григория Федоровича Елизарова, а также приводятся краткие сведения о его предках, муромских дворянах. Свою службу при дворе царя Ивана Грозного Г. Ф. Елизаров начал в конце 1570-х гг. При царях Федоре Ивановиче и Борисе Годунове он долгое время служил выборным дворянином по Мурому и в этом чине получил назначение в Саратов. Став при Лжедмитрии I московским дворянином, Г. Ф. Елизаров в 1606 г. возглавил оппозицию царю Василию Шуйскому в Муромском уезде. В дальнейшем он продолжил службу в качестве воеводы в далеком сибирском Кетском остроге. Особое внимание в статье уделяется саратовскому периоду жизни Г. Ф. Елизарова, приводятся имена иностранных послов и гостей, посетивших город во время этого воеводства.

Ключевые слова: Кетский острог, Муром, воевода, Смутное время, боярские списки, родовые росписи, Грузия, персидское посольство, Сибирь

Для цитирования: Рабинович Я. Н. Начальные люди Саратова – Григорий Федорович Елизаров: неизвестные страницы биографии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 95–109. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-95-109>, EDN: XFPMOX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

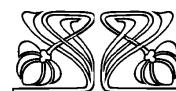
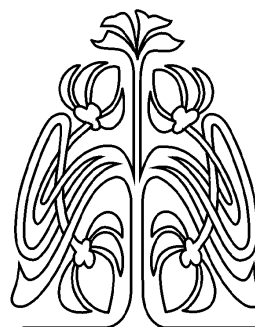
The initial people of Saratov – Grigory Fedorovich Elizarov: Unknown pages of biography

Ya. N. Rabinovich

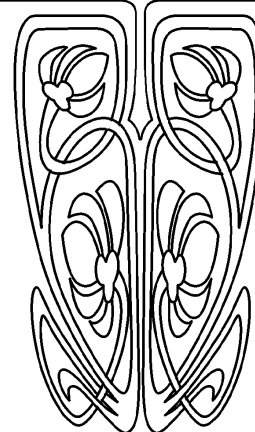
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yakov N. Rabinovich, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, AuthorID: 512797

Abstract. The article presents for the first time the biography of Saratov voivode Grigory Fedorovich Elizarov, as well as brief information about his ancestors, the Murom nobles. G. F. Elizarov began his service at the court of Tsar Ivan the Terrible in the late 1570s. Under tsars Fyodor Ivanovich and Boris Godunov, he served for a long time as an elected nobleman in Murom, and in this rank was appointed to Saratov. Having become a Moscow nobleman under False Dmitry I, G. F. Elizarov in

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

1606 led the opposition to Tsar Vasily Shuisky in the Murom district. Later, he continued his service as a voivode in the distant Siberian Ket prison. Special attention is paid in the article to the Saratov period of G. F. Elizarov's life, the names of foreign ambassadors and guests who visited the city during this voivodeship are given.

Keywords: Ket prison, Murom, voivode, Time of Troubles, boyar lists, pedigree paintings, Georgia, Persian Embassy, Siberia

For citation: Rabinovich Ya. N. The initial people of Saratov – Grigory Fedorovich Elizarov: Unknown pages of biography. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 95–109 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-95-109>, EDN: XFPMOX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Биографии военных и административных деятелей второго – третьего эшелона XVI–XVII вв. не так часто попадают в сферу интересов исследователей. Однако такие биографии зачастую позволяют лучше и детальнее понять происходившие тогда события в стране. Тем более, что данная статья о воеводе Г. Ф. Елизарове касается и ранней истории г. Саратова, в том числе событий осени 1601 г., о которых исследователи ничего не сообщали.

Григорий Федорович Елизаров хорошо известен саратовцам с начала XX в. благодаря трудам А. А. Гераклитова [1], В. И. Оппоковой [2], Т. М. Акимовой [3] и ряда других краеведов. Довольно интересный психологический портрет этого воеводы составил В. Н. Семенов [4]. Однако все исследователи обращались только к одному сюжету из жизни этого воеводы, связанному с незапланированной зимовкой в Саратове с конца октября 1600 г. до середины апреля 1601 г. русского и персидского посольств. Все авторы использовали и продолжают использовать только труд А. А. Гераклитова, который, в свою очередь, привел лишь небольшой отрывок из множества опубликованных документов, связанных с отправлением в Персию посольства князя Александра Федоровича Жирового-Засеки-на [5].

Саратовские краеведы XIX в., включая А. Ф. Леопольдова, А. И. Шахматова, Ф. Ф. Чекалина и составителей Саратовской летописи Ф. В. Духовникова и Н. Ф. Хованского, не знали о службе Г. Ф. Елизарова на Саратове. Им не был известен источник, опубликованный еще в 1845 г. (!) Д. Валуевым, в котором говорилось, что в 1602 г. «на Саратове Григорей Елизаров» [6, с. 148]. Д. Валуев назвал этот источник «Разрядной книгой 1559–1602», хотя там сведения есть вплоть до начала похода царских войск против Лжедмитрия I в 1604 г., и отмечены боевые действия на Кавказе войска И. М. Бутурлина в том же году.

Прошло около 60 лет с момента публикации Д. Валуева, и А. П. Барсуков в 1902 г. указал имя Григория Елизарова в своем списке воевод Саратова (так же, как и в разрядной записи, без отчества) [7, с. 202]. 1 февраля 1913 г. в Саратове на очередном заседании СУАК выступил молодой ученый (только что закончивший Петербургский университет) П. Г. Любимов. В своем докладе перед членами СУАК он открыл для

многих саратовцев неизвестные факты из истории первоначального Саратова [8, с. 24–26]. Несмотря на довольно критическое отношение ряда членов СУАК к некоторым положениям доклада П. Г. Любимова, все же они (особенно А. А. Гераклитов) сумели оценить важные источники, на которые ссылался докладчик. В них подробно говорилось о зимовке в Саратове русского и персидского посольств в 1600–1601 гг. и приводятся сведения о действиях воеводы Саратова Г. Ф. Елизарова в этот трудный для молодого города-крепости период, в двух местах указано отчество воеводы – Федорович («А корму, государь, нам на твои государевы кречаты в Саратове Григорей Федорович Елизаров дает против твоего государева указу не сполна... От царя и в. кн. Бориса Федоровича в. Р. на Саратов Григорью Федоровичу Елизарову...») [5, с. 116, 124]. В дальнейшем уже А. А. Гераклитов с подсказки П. Г. Любимова подробно остановился на данной зимовке, в итоге теперь все считают первооткрывателем в этом вопросе именно Гераклитова. По сравнению с А. П. Барсуковым А. А. Гераклитов уточнил годы пребывания Г. Ф. Елизарова на Саратове (1600–1602, а не только 1602) и указал отчество воеводы – все это, благодаря источникам о зимовке персидского и русского посольств в Саратове. Но никаких других сведений из биографии этого воеводы Гераклитов ни в списке воевод, ни в своей книге по истории Саратовской края не приводил, ограничившись одной туманной фразой: «Очевидно, известный деятель смутного времени» [9, с. 64].

А. А. Гераклитов, на основании известного труда С. Ф. Платонова, в котором много внимания уделено дяку Григорию Елизарову (без отчества), сыгравшему важную роль во многих событиях начального периода Смутного времени, решил, что воевода Саратова и этот дяк – одно и то же лицо. На самом деле, как выяснилось из источников, это были разные люди.

Биография Г. Ф. Елизарова до назначения воеводой в Саратов, а также после «Саратовской службы» до настоящего времени ещё не стала предметом исследования, а те отрывочные сведения, приведенные А. А. Гераклитовым, не могут удовлетворить читателей из-за их неполноты и неточности. Если о начале жизненного пути Г. Ф. Елизарова сведений удалось собрать очень мало, то о дальнейшей его биографии источников

І. САРАТОВСКІЕ ВОЕВОДЫ.

1. Елизаровъ Григорій Федоровичъ. 1600—1602 г.

Барс. стр. 202. Памятники дипломат. и торгов. сношеній Московской Руси съ Персіей. т. II. л. v. Очевидно, извѣстный дѣятель смутнаго времени.

2. Сабуровъ Замятня Ивановичъ—1-й воевода и Аничковъ Владимиръ Владимировичъ—2-ой воевода. 1608 г.

сохранилось достаточно, к тому же опубликованных еще до революции 1917 г.

Что касается «известного деятеля» Смутного времени дьяка Григория Елизарова, то о его происхождении ничего не известно. Он был дьяком Новгородской чети в 1606–1610 гг., а также дьяком Галицкой чети в 1607/08 г. [10, с. 170]. Король Сигизмунд III в конце 1610 г., узнав об его участии в заговоре против поляков и последующем аресте, назначил вместо него дьяком Кирилла Скоробовицкого. С. Ф. Платонов называл Григория Елизарова старым дьяком, который «убежал от притеснения Гонсевского в чернцы в Троицу, а затем на Соловки» [11, с. 447].

Сохранилось много источников за период с августа 1606 г. до лета 1610 г., в которых упоминается дьяк Г. Елизаров. Он подписывал ряд жалованных грамот царя Василия Шуйского монастырям, северным городам, подконтрольным Новгородской чети и др. В период Семибоярщины, как сторонник Василия Шуйского, он был смещен, и, как говорится в житие св. Дионисия, сначала оказался в Троице, а затем – на Соловках. Именно ему писал грамоту по указанию Дионисия Алексей Тихонов: «Да грамоту к Геннадию Елизарову, чернецу, который служил в Москве как дьяк Григорий Елизаров в Казанском дворце, который бежал от Живоначальной Троицы на Соловки от бедствий и нужды от литвы и казаков после разорения Москвы» [12, с. 429]. Дальнейших сведений о нем не обнаружено.

В то время, когда дьяк Григорий Елизаров находился в Москве, а потом в Троице и на Соловках, его тезка, бывший воевода Саратова, служил далеко в Сибири. Это совершенно разные люди, хотя даже в именном указателе в книге А. Л. Станиславского их объединяют – Григория Федоровича Елизарова указывают сначала муромским дворянином, а затем думным дьяком [13, с. 463].

Если о происхождении дьяка Г. Елизарова и его предках ничего выяснить так и не удалось, то родословная нашего героя хорошо известна, хотя и вызывает ряд вопросов. 3 октября 1686 г. внук Г. Ф. Елизарова Иван Михайлович подал родословную роспись. Судя по ней, родоначальником Елизаровых был внук Константина Ивановича Добрынского Елизар Васильевич, служивший во время похода Ивана III на Новго-

род в 1471 г. воеводой у князя Андрея Меньшого. Один из сыновей этого Елизара – Владимир Гусев, которого многие исследователи ранее считали составителем Судебника 1497 г., был казнен в 1498 г. Другие сыновья Елизара, Василий и Михаил, служили боярами у князя Юрия Ивановича Дмитровского. Родственниками Елизаровых-Гусевых были Василий Образец и его сын Иван Хабар Симский, а также Сорокоумовы-Глебовы и Белеутовы-Зайцевы. Вот как родословная сообщает о потомках Василия и Михаила Елизарьевых:

«У Константина Ивановича у Добрынского дети... Василей Гусь... А у Василья у Гуся сын один Елизар.

А у Елизара были 4 сына: Юрья – в Литве скончался, да Володимер – казнил его князь великий Иван, да Василей да Михайло – служили оба у князя Юрья Ивановича, были в боярех.

У Василья Елизаревича сын Андрей. А у Андрея сын Дмитрей.

А у Михаила Елизарова один сын Семен. А у Семена Михайловича один сын Андрей. А у Андрея Семеновича дети: Дмитрей да Григорей – бездетен.

А у Дмитрея сын Матвей. А у Матвея Дмитриевича дети: Федор да Леонтей – бездетен. А у Федора Матвеевича дети: Григорей да Василей – бездетен. А у Григорья Федоровича сын Михайло. А у Михаила Григорьевича сын Иван Елизаров Гусев» [14, с. 174].

Из данного текста можно предположить два варианта родословной Г. Ф. Елизарова. Первый вариант: Елизар – Василий – Андрей – Дмитрий – Матвей – Федор – Григорий. Второй вариант еще более длинный: Елизар – Михаил – Семен – Андрей – Дмитрий – Матвей – Федор – Григорий. Этот второй вариант принял за основу известный генеалог Л. М. Савелов [15, с. 180]. В любом случае, судя по этой родословной, Дмитрий Андреевич был прадедом, а его сын Матвей – дедом воеводы Саратова.

Федор и Леонтий Матвеевичи Елизаровы известны не только по этой родословной, но также по Тысячной книге как дети боярские 3-й статьи по Мурому, а Федор Матвеевич в дальнейшем в Дворовой тетради – как дворовый сын боярский по Мурому [16, с. 71, 157]. По мнению Л. М. Савелова Ф. М. Елизаров умер в 1583 г. [15, с. 180].

Эта родословная вызывает ряд вопросов. Слишком много поколений за неполные 100 лет, ведь и Василий, и Михаил Елизаровы-Гусевы, судя по казни их старшего брата Владимира в 1498 г., жили в конце XV – начале XVI в. Кроме того, родословная неполная. В ней ничего не говорится о старшем брате Григория Федоровича, Семене (упомянут в Разрядах в 1576 г.) и его сыне Иване. В родословной указан единственный сын Г. Ф. Елизарова Михаил, сын которого Иван подал эту родословную, но не сказано, что кроме Михаила у Г. Ф. Елизарова был еще один сын Осип. Во многих источниках они постоянно упоминаются вместе (Михайло да Осип Григорьевы Елизаровы-Гусевы). В Тысячной книге и Дворовой тетради указаны еще много Елизаровых, служивших, как и Ф. М. Елизаров, по Мурому. Среди них – еще один Федор Елизаров по прозвищу Слепой, сыновья которого Василий, Иванец и Митька записаны как дети боярские 3-й статьи по Мурому, а затем – дворовые дети боярские. Кроме того, здесь же отмечены служившие по Мурому некие Васюк, Гридя и Семейка Андреевы Елизаровы [16, с. 157].

Существовал в те годы другой род Елизаровых, ведущий свое начало от некоего царевича Егула (в крещении Василия), якобы служившего Василию Темному, и его сына Елизара. В публикации Тысячной книги и Дворовой тетради (в приложении) представители этого рода, носящие экзотические имена Авраслан и Валтасар Михайловы, указаны как дворовые дети боярские по Звенигороду в 1591–1592 гг., а еще один – Семен Михайлов – по Дмитрову [16, с. 228]. Представители этого рода Елизаровых-Егудовых, в отличие от Елизаровых-Гусевых, в XVII в. были довольно многочисленными и достигли более высоких чинов, были не только стряпчими, дворянами, стольниками, но и думными дворянами, а один стал сначала думным дьяком, а потом окольничим (Федор Кузьмич Елизаров) [17, с. 288–289].

М. Р. Белоусов в своем справочнике включил в этот род Елизаровых-Егудовых Осипа Григорьевича Елизарова и его сына Никиту, что не соответствует родословным [18, с. 110].

Прежде, чем будем выяснять основные этапы биографии Г. Ф. Елизарова, стоит сделать одно пояснение. В документах среди начальных людей городов упоминаются воеводы, головы, письменные головы и др. Обычно, если речь идет о представителях Государева двора (к примеру, московских дворянах или стольниках), то перед фамилией указывается слово «воевода». Если же в качестве начального человека назначаются выборные дворяне, служившие по какому-либо городу, то здесь пишется «голова». Г. Ф. Елизаров, когда находился в Саратове, то был еще выборным дворянином по Мурому, поэтому против его фамилии везде пишется «голова». В дальнейшем,

будучи уже московским дворянином, получив назначение в сибирский Кетский острог, он везде указан воеводой.

Г. Ф. Елизаров родился, видимо, в начале 1550-х гг. Из Вкладной книги Троице-Сергиева монастыря известно имя его матери (Офимья). Многие Елизаровы давали щедрое пожертвование в этот монастырь. 13 марта 1557 г. отец Г. Ф. Елизарова Федор Матвеевич дал 50 рублей, а 20 июля 1574 г. Офимья, жена Федора Матвеевича, также дала 50 рублей. Елизаровы вкладывали в монастырь не только деньги, но и свои земельные владения. В 1577/78 г. Федор Матвеевич с сыном Григорием дал вклад «по себе и своих родителях вотчину свою в Муромском уезде деревню Старое Демидово и к ней пустошь со всеми угодьями» [19, с. 49]. Здесь указан только один сын – Григорий. Через много лет, в марте 1631 г., эту вотчину по духовной грамоте Г. Ф. Елизарова выдали его детям, Михаилу и Осипу, при этом было взято денег 50 руб. [19, с. 49].

Первое назначение Г. Ф. Елизаров получил весной 1576 г., когда царь Иван Грозный ходил походом на Оку для обороны Берега от крымского хана «Девлет-Кирея», а царская ставка находилась в Калуге. Нарядом и обозом командовали боярин кн. В. А. Сицкий и М. Д. Карпов. Им в помощники назначались головы, служилые люди из Муромы, среди которых указаны братья Василий и Иван Дурасовы, Алексей Чертков, Булгак Мертвого, а также «Семен и Григорей Федоровы дети Елизарова» [20, с. 265].

Во многих источниках подчеркивается, что Г. Ф. Елизаров был помещиком Муромского уезда. Его поместья находились в Кумелском, Куземском и Замотренском станах Муромского уезда. Именно здесь в дальнейшем мы видим поместья его сыновей Михаила и Осипа [21, с. 136].

Первое самостоятельное воеводское назначение Г. Ф. Елизаров получил в 1587 г. В разрядной записи за этот год указаны воеводы ряда Казанских пригородов – Тетюшей, Лаишева, Арска, Олатех – в них начальными людьми (головами) записаны казанские жильцы. После воеводы «в Олатех» читаем следующую запись: «В Тагильском острогу голова муромец Григорей Елизаров». Следующим по списку идет «новый город на Самаре», где указан «воевода князь Григорей княж Осифов сын Засекин» [20, с. 390], который через год построит Царицын, а в 1590 г. – Саратов. Далее в этой разрядной записи указаны начальные люди Свияжска, Санчурска, Чебоксар, Кузьмодемьянска, Васильгорода, Нижнего Новгорода, Алатыря, Арзамаса и Курмышы, а также «нового города на Уфе» [20, с. 390–391].

Видимо, за эту службу в Тагильском остроге Г. Ф. Елизаров получил награду в виде придачи к поместному окладу 100 четей. В 1588/89 г. в боярском списке он указан выборным дворянином по Мурому с окладом в 400 чети, потом

исправлено на 500 чети. Против его фамилии стоит помета «нет», что означает, что он отсутствовал в Москве [13, с. 233].

Действительно, ему было поручено особое задание. В боярском списке за следующий год, в котором записаны дворяне, назначенные к участию в Шведском походе 1589/90 г., у Г. Ф. Елизарова уже указан поместный оклад 500 чети. Против его фамилии стоит помета «В Мещеру збирать» [13, с. 329]. Следовательно, он был отправлен в Мещерские земли (Шацк, Касимов, Кадом, Елатьма и Темников) собирать служилых и даточных людей для участия в этом походе царя Федора Ивановича против шведов. Осенью 1589 г. началась русско-шведская война, завершившаяся подписанием Тявзинского мира 1595 г. и возвращением отторгнутых ранее Швецией русских городов – Корелы, Ивангорода, Яма и Копорья. Сведений об участии Г. Ф. Елизарова в этой войне пока не обнаружены.

В конце 1593 г. был отправлен для строительства города Тары в Сибирь воевода князь Андрей Васильевич Елецкий, а у него в товарищах были два письменных головы: Борис Доможиров и Григорий Елизаров. В царском наказе этому Григорию Елизарову поручалось строить будущий острог Тары: «А пригород строить и быть в городничих и у всякого дела, и у житниц Григорью Елизарову, да ему же со князем Андреем и с Борисом во всяких делах быть и писать товарищем, и ведать всякой сбор и ясаших ведать ему ж». Он же отвечал за государеву казну, «за мяхкую рухлядь». Это были соболя, черные лисицы, шубы собольи, которые поступали в казну в виде собираемых с местного ясачного населения государевых податей. Также было предусмотрено выменивать эту «мяхкую рухлядь» у местных людей, отдавая взамен привезенные медные котлы (35 котлов) [22, с. 356].

Всего в эту экспедицию из Понизовых городов (Казани, Тетюшей и др.), а также из Тобольска, Тюмени и других городов было направлено 1541 человек конных и пеших ратных людей (1194 конных и 347 пеших) [22, с. 355, 357]. После строительства города Тары, когда в феврале 1595 г. на смену кн. А. В. Елецкому был отправлен из Москвы его родственник, князь Федор Борисович Елецкий, и с ним голова Василий Михайлович Хлопов, видимо вскоре (в 1596 г.) Григорий Елизаров, как и кн. А. В. Елецкий, также вернулся из Сибири, а его товарищ Борис Доможиров в дальнейшем отличился в походах против царя Кучума. Возможно, что этот Григорий Елизаров – будущий воевода Саратова, хотя твердой уверенности в этом нет, нужен поиск дополнительных источников, где бы было указано хотя бы отчество этого письменного головы.

Г. Ф. Елизаров указан также выборным дворянином по Мурому в первой известной нам муромской десятне 1597 г., опубликованной

В. Н. Сторожевым. Здесь он записан по выбору с прежним окладом 500 чети, и добавлено, что деньги он «емлет из чети», то есть являлся четвертчиком [23, с. 65]. Видимо, это была Галицкая четверть, так как через несколько лет он получал деньги именно из этой четверти (если только он не перешел из другой четверти, что, хоть и редко, но случалось). Всего в этой муромской десятне было 5 выборных человек – 3 четвертчика (Г. В. Волынский, Г. Ф. Елизаров и Д. Н. Замытцкий) и 2 – получавших жалование с городом (И. А. Чертков и Г. И. Новосильцев).

В боярском списке 1598/99 г. Г. Ф. Елизаров также указан по выбору из Муромы [13, с. 256]. Видимо, в это время Г. Ф. Елизаров службу нес в столице и все события, связанные с избранием Бориса Годунова на царство, не прошли мимо него. Если бы он находился на Таре, то против его фамилии стояла бы помета «В Сибирь», которая имеется у многих других служилых людей.

Именно в чине выборного дворянина по Мурому Г. Ф. Елизаров получил свое новое назначение головой в Саратов. Он находился в Саратове уже с начала осени 1600 г. Здесь он сменил воеводу Михаила Григорьевича Волынского. В разрядной записи за 7108 (1599/1600) г. записано: «На Саратове воевода Михайло Григорьев сын Волынской», а за следующий 1600/1601 г. запись другая: «На Саратове голова Григорей Федоров сын Елизаров» [24, с. 98, 116]. М. Г. Волынский был представителем Государева двора, поэтому указан как воевода. В другой разрядной книге в записях за 1600/1601 и 1601/1602 г. говорится просто: «На Саратове Григорей Елизаров» [25, с. 188, 198].

Г. Ф. Елизарову пришлось решать сложную проблему, связанную с пребыванием в Саратове в течение полугода русского и персидского посольств. Подробности этих событий хорошо известны. В сентябре 1600 г. из Москвы в Персию к шаху Аббасу был отправлен царский посол кн. А. Ф. Жировой-Засекин. Вместе с ним возвращался домой посол шаха Аббаса Перкулы-бек со свитой. Посольский караван плыл по Волге через Казань, где к ним присоединились персидские купцы со своими людьми. 15 октября караван был в Самаре, а 24 октября потерпел крушение у Курдюма, в 7 верстах от Саратова. Пришлось всем зимовать в Саратове. Благодаря стараниям воеводы Григория Елизарова крупный международный скандал удалось избежать. Незваные гости в апреле 1601 г. продолжили путь к Астрахани. Подробности данных событий хорошо известны [26, 27]. Следует отметить, что опубликованные Н. И. Веселовским источники (свыше 30 документов) содержат еще немало сведений о внутренней жизни в Саратове, занятиях жителей, составе гарнизона и гостях города в этот период.

Среди таких источников – царский указ об отправке посольства в Персию, роспись по-

дарков для шаха Аббаса (за сохранность которых пришлось отвечать воеводе Саратову), донесение (отписка) посла А. Ф. Жирового-Засекина из Казани в Москву, 12 отписок этого посла из Саратову царю Борису Годунову, 4 отписки царю воеводы Казани Василия Кузьмина, челобитные на имя царя казанских стрельцов, кречетников и толмача, которые вынуждены были зимовать в Саратове, 2 донесения царю Г. Ф. Елизарова, письма персидского посла Перкулы-бека из Саратову царю Борису Годунову и персидскому купцу Магмету, находящемуся в Москве, а также 2 две царские грамоты воеводе Г. Ф. Елизарову и две – послу кн. А. Ф. Жировому-Засекину [5].

Из других документов, опубликованных С. А. Белокуровым, известно, что ровно через год после крушения этого каравана Г. Ф. Елизаров вполне мог снова испытать аналогичные трудности с непредвиденной зимовкой очередных гостей, но на этот раз все обошлось. Теперь непогода повредила караван с русскими послами в Грузию – Иваном Афанасьевичем Нащокиным и Иваном Леонтьевым. Их сопровождали возвращавшиеся домой грузинские послы во главе с князем Сулейманом [28, с. 330]. Цель посольства – принятие присяги новому царю Борису Годунову от грузинского царя Александра и его сыновей. 27 сентября 1601 г. оба посольства отплыли из Казани в сторону Самары. Караван был большой. Послов сопровождали до Астрахани 30 стрельцов на легких стругах, «да с государевым с Астраханским лесом на судах 70 стрельцов». Грузинских посольских людей, включая слуг, было 17 чел., русских было немного больше (включая плотников, иконников, кречетников, толмачей и др.) [28, с. 343–344]. К каравану присоединились 141 чел. торговых людей и ярыжников, да под послов отпущено до Самары в гребле 116 человек (в Самаре предполагалась замена этих гребцов на самарских стрельцов до Саратову). Всего – свыше 400 чел. [28, с. 347].

Караван отплыл с Казанского устья на Самару 29 сентября 1601 г., а вечером 30 сентября суда пришли в Тетюши. Здесь, в Тетюшах, внезапно начавшаяся буря сильно потрепала караван: «И встало, государь, в ночи погоды великое и полоса; и суды, государь, у нас, холопей твоих, и у кречетников, и у толмачей разбило, и запасишко, государь, наш и рухледишко и у кречетников и у толмачей потопило, и коробку, государь с твоим государевым наказом и з грамотами выняли из воды...» [28, с. 355]. Суда с грузинскими послами, государевым лесом и стрелецкие суда остались целы, потому что стояли в безопасном месте «не под дворы ниже того места, на глуби, где в погоды мочно стоять» [28, с. 348].

Несколько дней пришлось ждать в Тетюшах прибытия новых судов, взамен поврежденных,

к тому же большое судно, купленное послами, оказалось непригодным для плавания. «И та деи у них буса не грузна и носит ее на воде погоды и кормою и носом, и стороною вниз. И как погоды стало, якоря их на мели не удержали, и поволокло их суды по камению, и суды их разбило» [28, с. 348]. В итоге первая попытка 5 октября отплытия из Тетюшей в Самару оказалась неудачной.

Наконец 7 октября 1601 г., так и не дождавшись прибытия из Казани новых трех стругов, караван отправился далее в Самару, куда прибыл 10 октября. В дальнейшем по пути к Саратову послов ожидало еще одно несчастье. Отплыв 40 верст от Самары «под Василчиковым островом встало погоды великое и пришел мороз, и снег выпал в оборник и затоны все стали; и стояли, государь, мы и грузинский посол на Василчикове острову 10 ден» [28, с. 355]. В это же время в Понизовых городах находились русские отряды, предназначенные для похода на Терек, некоторые суда с войсками также замерзли на Волге между Самарой и Саратовом. Уже и грузинский посол смирился, что в эту навигацию до Астрахани не доплыть, говоря послу Нащокину, что «зимовать нам на дороге» [28, с. 356]. Но потом наступило резкое потепление, «дал Бог оттепелей и погоды», караван поплыл дальше и пришел в Саратов 22 октября 1601 г. [28, с. 356]. Сбор всех войск намечался в Астрахани, а в городах были заранее заготовлены припасы, так что по сравнению с предыдущим годом проблем с вынужденной зимовкой было бы меньше.

Корм послам, выданный в Казани на 4 недели до Астрахани, из-за длительной задержки в пути закончился в Саратове (часть корма выделялась деньгами). Грузинский посол просил воеводу Г. Ф. Елизарова дать ему новый корм с Саратову до Царицына из расчета на 10 дней. Запасов продуктов в Саратове к зиме было припасено немало, особенно, учитывая прошлогодний печальный опыт. Кроме того, во все Понизовые города были доставлены дополнительные запасы в связи с тем, что готовился новый поход на Терек (из Казани в сторону Астрахани двигались вдоль Волги конные отряды, а по Волге плыли суда с пехотой). Поэтому Г. Ф. Елизаров предложил послам калачи, хлеб, мясо, мед, вино. Однако грузинский посол хотел получить не продукты, а деньгами по Казанской росписи. Не забудем, что все это происходило осенью 1601 г. когда во всей стране был массовый голод и цены на все продукты сильно подскочили.

К счастью для саратовцев и Г. Ф. Елизарова, после неожиданных заморозков вновь в конце октября ненадолго установилась теплая погода. Посольский караван находился в Саратове только одни сутки, и 23 октября суда отплыли далее к Царицыну. Прибыв в Царицын 28 октября, грузинский посол также хотел получить

у местных воевод Василия Овцына и Андрея Шерфетдинова на своих 17 человек корм деньгами, а не продуктами. Посольский караван 7 ноября благополучно достиг Астрахани, и в тот же день «Волга тотчас стала», навигация завершилась [28, с. 356].

В 1602 г. Г. Ф. Елизаров, продолжая служить на Саратове, принимал новых гостей с Кавказа, направлявшихся в Москву, – посла от сына Шевкала (тарковского шамхала) «князя Андия», потом послов от других сыновей шамхала – от «Суркай-Шевкалова и Салтан-Магмутова». Вместе с ними приехали кабардинский черкасский Сюнчалей мурза Янглычев, а также дворяне (уздени) князя Солоха и Казыя Шепшукова [28, с. 364–372].

Г. Ф. Елизаров завершил службу в Саратове летом 1603 г. В Боярском списке 1602/1603 г. он указан по-прежнему выборным дворянином по Мурому с окладом 500 чети и пометой «На Саратове», которая не зачеркнута, что подтверждает его пребывание в этом городе в 1603 г. Всего в этом боярском списке было записано 4 выборных по Мурому. Г. Ф. Елизаров указан предпоследним, впереди него – «гречанин Миколай Юрьев» и Истома Чертков, а после него – Григорий Новосильцев [13, с. 274].

Известно, кто сменил Г. Ф. Елизарова в Саратове. В Разрядных книгах под 111 (1602/1603) г. ещё упоминается «голова Григорей Федоров сын Елизаров», а уже под 112 (1603/1604) г. приводятся следующие сведения: «На Саратове Борис Микифоров сын Давыдов да Иван Савостьянов» [24, с. 151, 175].

В мае 1603 г. под конец саратовской службы Г. Ф. Елизаров принимал в Саратове имперских послов Стефана Какаша и Георга Тектандера, направлявшихся из Империи в Персию через Россию. Их цель заключалась в создании анти-турецкой лиги, в которую помимо Империи и некоторых иных европейских стран должны были войти Россия и Персия. По словам Какаша, они плыли по Волге из Казани до Астрахани в составе огромного каравана из 70 судов (видимо, русские войска и припасы направлялись на Кавказ). Имперские послы, отправившись из Казани 11 мая, двигаясь днем и ночью, прибыли 16 мая в Самару, 21 мая – в Саратов, 23 мая – в Царицын и 27 мая 1603 г. – в Астрахань [29, с. 25]. Возможно, что вместе с ними прибыл в Саратов новый воевода Б. Н. Давыдов.

Примерно в это же время из Персии возвращался в Москву хорошо известный Г. Ф. Елизарову по зимовке в Саратове русский посол кн. А. Ф. Жировой-Засекин с новым персидским послом от шаха Аббаса Лачин-беем (послы прибыли в Москву 28 августа 1603 г., следовательно, в начале июня они останавливались в Саратове). Князь М. М. Щербатов описал торжественный прием Лачин-бея, назвав его «великим послом»: «Сей посол прибыл в Москву Августа 28 числа,

а был первый раз представлен Государю Сентября 3 дня, в которой день и был приглашен к царскому столу» [30, с. 188]. Об этом же говорится в одной из разрядных записей: «Того ж году августа в 28 день прииош к Москве кизылбашской посол Лачин бек, а с ним приишли государевы послы: князь Олександра Федорович Жировой-Засекин, да Темир Васильев сын Засекой да дьяк Ивашка» [31, с. 63].

Возможно, что вместе с ними вернулся в столицу и Г. Ф. Елизаров. В те годы для служилых и торговых людей из Понизовых городов существовал только один путь в Москву – по Волге до Нижнего Новгорода в составе караванов судов. Осенью 1603 г. Г. Ф. Елизаров уже получал в Москве жалование. В Кормленной книге Галицкой чети записано: «По 20 рублев. Григорей Федоров сын Елизаров ... ему жалованья на нынешней на 112-й год оклад его сполна 20 рублев «дано». Деньги взял сам. Григорей деньги взял и руку приложил» [32, с. 13]. Грамотный Г. Ф. Елизаров расписался сам в получении денег. В этом списке получателей после Г. Ф. Елизарова стоит князь Д. М. Пожарский с аналогичным размером жалования.

Вскоре после возвращения домой Г. Ф. Елизаров был назначен приставом при очередном грузинском посольстве. Эти послы царя Александра (старец Кирилл и подъячий Сава Назарьев) прибыли в ноябре 1603 г. в Казань вместе с членами посольства Нащокина и Леонтьева. Грузинские послы долго находились в Нижнем Новгороде, и только 6 февраля 1604 г. были отправлены в Москву в сопровождении пристава нижегородца Мисюря Соловцова [28, с. 376–377; 33, с. 301–302]. В Москве первым приставом был назначен Г. Ф. Елизаров, а М. Соловцов оставался вторым приставом.

В документе о приеме грузинских послов в Посольском приказе 18 февраля 1604 г. отмечено: «А посыланы по них пристава Григорей Елизаров да Мисюрь Соловцов» [28, с. 377]. 4 марта 1604 г. царь назначил аудиенцию грузинским послам. Приставы были прежние – Григорий Елизаров и Мисюрь Соловцов. Они же сопровождали грузинских послов 9 марта на приеме у бояра на Казенном дворе [28, с. 390, 398].

18 марта 1604 г. Г. Ф. Елизаров указан единственным приставом, когда грузинские послы были в Успенском соборе, а затем на патриаршем дворе на благословении у патриарха Иова. В этот день присутствовали на службе многие высшие церковные деятели и старцы из монастырей [28, с. 407, 413].

В конце апреля 1604 г. Г. Ф. Елизаров вместе с М. Соловцовым был назначен сопровождать грузинских послов в обратный путь до Казани. Сохранился наказ приставам («Память Григорью Федоровичю Елизарову да Мисюрю Соловцову») от 28 апреля о сопровождении послов. Приставы должны следить, чтобы послам

не продавали заповедных товаров, чтобы они не покупали кречетов и соколов, чтобы в городах были заранее подготовлены к их приезду дворы и еда и не было бы нигде больных и нищих [33, с. 313].

Грузинские послы выехали из Коломны в Нижний Новгород вместе с русским посольством к царю Александру, которое возглавил М. И. Татищев. В Нижний Новгород оба посольства приехали 16 мая 1604 г., а отправились оттуда в Казань 19 мая [33, с. 322]. В конце мая 1604 г. Григорий Елизаров завершил эту миссию в Казани и вернулся в Москву. Из Казани до Астрахани послов сопровождали уже другие приставы.

Осенью 1604 г. начался поход Лжедмитрия I на Москву. Против него было собрано большое войско. Служилые люди, в том числе выборные дворяне, должны были подготовиться в своих вотчинах и поместьях вооруженных конных и пеших воинов. Количество поставленных воинов может косвенно свидетельствовать о богатстве данного дворянина. С выборного дворянина по Мурому Г. Ф. Елизарова было отправлено 9 человек конных даточных людей в полк правой руки боярина Д. И. Шуйского [13, с. 390].

События, произошедшие после смерти Бориса Годунова, мятеж под Кромами в мае 1605 г. и переход на сторону самозванца царского войска, в том числе муромцев и рязанцев, напрямую связаны с нашим героем. Именно во время царствования Лжедмитрия I происходят коренные изменения в его служебном положении. Это видно на примере муромской десяти 1605 г., составленной в период Лжедмитрия I. В этой десяти среди выборных дворян по Мурому указаны два сына Г. Ф. Елизарова – Михаил и Осип, причем они получают жалованье из чети, остальные 2 выборных остались прежние, получавших жалование с городом (И. А. Чертков и Г. И. Новосильцев) [23, с. 58]. Сам же Г. Ф. Елизаров стал в это время московским дворянином, уступив место «в выборе» своим двум сыновьям. Видимо, это была награда за поддержку самозванца. Пробыть в ряды столичного дворянства муромскому дворянину было очень почетно. Оставаясь сторонником царя Дмитрия, Г. Ф. Елизаров в начале царствования Василия Шуйского в 1606 г. когда произошло восстание Ивана Болотникова, возглавил оппозицию новому царю. В отличие от рязанцев, возглавляемых П. П. Ляпуновым, и других служилых людей, перешедших во время осады Москвы Болотниковым в ноябре 1606 г. на сторону царя Василия, муромцы во главе с Г. Ф. Елизаровым, сопротивлялись дольше и были покорены вооруженной силой.

Об этих событиях в Муроме осенью 1606 г. С. Ф. Платонов ничего не писал, и саратовцам данный эпизод биографии Г. Ф. Елизарова неизвестен. В Новом летописце и Карамзинском хронографе ничего не говорится об участии

муромских помещиков в восстании Болотникова. Однако в актовых материалах, как выяснил И. И. Смирнов, который в своей монографии подробно разобрал восстание Болотникова, в том числе события в Нижегородском крае и в городе Муроме, довольно часто упоминаются муромцы и их руководитель Г. Ф. Елизаров. Именно он осенью 1606 г. среди прочих дворян возглавлял в Муроме повстанческое движение против царя Василия Шуйского [34, с. 356].

Царская грамота от 15 декабря 1606 г. перечисляет имена «воров и изменников», которые были во главе движения в Муроме. На первом месте стоит *«Григорий Елизаров да сын его Михалка»*. Они вместе с Семеном Чаадаевым подняли восстание за «царя Дмитрия». Вскоре в Муром к Григорию Елизарову прибыли из Нижегородского уезда посланцы от Ивана Доможирова, чтобы согласовать совместные действия против правительственных войск. Также велись переговоры Г. Ф. Елизарова с руководителем восставших в Арзамасе Борисом Ивановичем Доможировым (уж не тот ли, который 10 лет назад служил в Сибири с Г. Елизаровым?). Однако это восстание было подавлено в самом зародыше. Разрядная запись, опубликованная С. А. Белокуровым, сообщает об отправке воевод *«Григорья Григорьева сына Пушкина да Сергея Ододурова с ратными людьми под Муром, под Орзамас, под Олатырь»*. Эти воеводы *«города многие поворотили царю Василию и ко кресту привели»*. В другой записи говорится про *«Григорья Григорьевича Сулешу Пушкина»* [35, с. 44, 185]. Прибывший в Муром 11 декабря 1606 г. правительственный отряд во главе с Григорием Языковым, Иваном Плещеевым, князем Иваном Болховским, Федором Дурасовым подавил восстание. Дата прибытия в Муром указана в царской грамоте: *«...писали есте к нам, что вы декабря в 11 день в Муром приехали»*. Жителей Муром заставили «крест целовать» царю Василию. Г. Ф. Елизаров с сыном Михаилом и другие руководители движения были арестованы. Среди них – Семен Чаадаев с сыном Михаилом, Петр Власьев, Иван Чуркин, Петр Копнин, Григорий Новосильцев, Иван Чертков, Иван Мертваго, Данила Рыцарь, Петр Ратаев. Большинство из них хорошо известны по муромским десятиям 1597 и 1605 г. В Москву были сразу же отправлены муромцы посадские люди во главе с Семейкой Черкасовым с челобитной. Преодолев за 4 дня расстояние от Москвы до Муром (300 км!), они уже 15 декабря были в Москве. В этот день, 15 декабря 1606 г., царь Василий отправил грамоту в Муром *«воеводе Григорию Языкову с товарищи»*, в которой благодарил их за службу: *«И нам ваша служба и раденье ведома, и мы вас за вашу службу пожалуем великим нашим жалованием»*. Царь приказал изменника Григория Елизарова с сыном Михаилом и ещё 10 мятежников-детей

боярских прислать в Москву «с добрыми приста-
вы, сковав крепко» [36, с. 206–207].

В Муром были назначены преданные царю Василию воеводы Иван (в другом месте Григорий) Петрович Акинфов, приказной человек Иван Чаадаев (родственник изменника), губной староста Василий (вместо старосты Ивана Мертваго), городской приказчик Иван Опраксин [35, с. 206].

После доставки мятежников в Москву Г. Ф. Елизаров повинился в своих винах, был прощен царем Василием, перешел на его сторону. Болотников в это время упорно сопротивлялся в Калуге, к нему на помощь спешил Илейка Муромец, так что для царя Василия важно было, чтобы служилые люди Мурома были на его стороне. И это видно из дальнейших событий, связанных с осадой царскими войсками Тулы. Служилые люди из Мурома приняли активное участие в этой осаде. Именно «Муромец сын боярский Фома Сумин сын Кровков» предложил затопить Тулу, после чего 10 октября 1607 г. восставшие сдались [37, с. 77].

В боярском списке 1606/07 г. среди выборных по Мурому указаны сыновья Г. Ф. Елизарова Михаил и Осип, а также Истома Чертков и Григорий Новосильцев – бывшие мятежники [38, с. 141].

Михаил и Осип Елизаровы также указаны в боярском списке 1610/11 г. как выборные по Мурому с окладом по 500 чети [39, с. 97]. Их отец в это время служил воеводой в сибирском Кетском остроге.

Весной 1608 г. царь Василий Шуйский отправил Г. Ф. Елизарова воеводой в самый восточный уголок страны – Кетский острог. Этот небольшой острог расположен в 200 км ю/в Нарыма на реке Кеть. По мнению П. Н. Буцинского, первоначальное место этого острога «находилось при р. Кети, значительно выше нынешнего села Кетского, а именно в Енисейском уезде (17 в.), в Урнуковой или Пумпокольской волости, прибли-

зительно верст на 200 от упомянутого села» [40, с. 24–25]. Острог основан, видимо, в 1602 г., когда произошел бунт нарымских остяков, чтобы держать в повиновении верхние кетские волости. Среди начальных людей Кетского острога современный исследователь Е. В. Вершинин упоминает первым сургутского казачьего атамана Тугарина Федорова в 1602 г., письменного голову из Тобольска Посника Бельского (1604–1605), другого письменного голову Владимира Молчанова (1607–1608), Григория Федоровича Елизарова в 1608–1612 гг., а потом снова Тугарина Федорова в 1614 г. [41, с. 158]. Как видим, за 1613 г. начальных людей нет.

А. П. Барсуков в своем списке воевод указал Г. Ф. Елизарова в Кетском остроге дважды – в 1601–1602 гг. и с 1608 по 23 июня 1611 г., а уже 12 июля 1611 г. у него записаны новые воеводы – Федор Волынский и Иван Благой [7, с. 100].

Здесь есть ряд неточностей, некоторые из которых можно объяснить. Первая запись основана на упоминании Г. Ф. Елизарова в Сибирском летописном своде (Книги записной), впервые опубликованной еще Н. И. Новиковым. Летописец после перечисления воевод и других приказных людей в разных сибирских городах, в том числе воеводы в Березове в 1600–1601 гг., указал первого воеводу в Нарымском остроге Мирона Хлопова «на атаманово место Тугаринова», и далее отметил: «В Кетском остроге первой воевода Григорей Федоров сын Елизаров» [42, с. 117; 43, с. 141].

Здесь летописец только констатировал факт назначения впервые в эти остроги (Нарымский и Кетский) воевод, а не приказных голов, не приурочивая это назначение к определенной дате. Хлопов и Елизаров будут вместе находиться в Сибири в 1610–1612 гг. Вторая запись А. П. Барсукова о воеводстве Г. Ф. Елизарова (1608–1611) вполне реальная, соответствует повторным сведениям из этой Книги записной и подтверждена многочисленными актовыми материалами. Что

Кетскій острогъ (Кетцкой острогъ, Кецкой острогъ, Кетской, Кетцкой, Кецкой).

На рѣкѣ Кети, притокѣ Оби.

- 1.—109 (1601)¹—110 (1602)², „первый воевода“ Григорій Ѳедоровичъ Елизаровъ.
- 2.—113 (1605)³, Посникъ Бѣльской.
- 3.—116 (1608)⁴—119 (1611), іюня 23⁵, Григорій Ѳедоровичъ Елизаровъ.
- 4.—119 (1611), іюля 12⁶, Ѳедоръ Волынской, Иванъ Благой.
- 5.—123 (1614—15)⁷—129 (1621)⁸, Чеботай Ѳедоровичъ Челищевъ.

касается записи А. П. Барсукова о якобы сменщиках Елизарова уже с 12 июля 1611 г. (Федор Вольтинский и Иван Благой), то эти воеводы служили в другом городе – Сургуте, а не в Кетске. В источнике, на который ссылается А. П. Барсуков, говорится об ответе Г. Ф. Елизарова на отписку тобольского воеводы кн. И. М. Катырева-Ростовского. Вот что пишет из Кетского острога вскоре после 12 июля 1611 г. Г. Ф. Елизаров: «В нынешнем, господине, в 119 году, июля в 12 день, прислали, господине, ко мне из Сургута Федор Вольтинский, Иван Благой, Тобольскую твою грамоту» [44, стб. 209].

О пребывании Г. Ф. Елизарова в Кетском остроге в 1608–1612 гг., а также о его предшественнике – Владимире Михайловиче Молчанове, о событиях в этом регионе, сообщается в многочисленных документах, собранных Г. Ф. Миллером во время его путешествия по Сибири в 1733–1742 гг. Часть из них была опубликована еще в 1822 г. (в СГГД), в 1875 г. (в РИБ), в 1915 г. А. М. Гневушевым и С. К. Богоявленским (в ЧОИДР), а остальные документы – в 1937 и 1941 гг. А. И. Андреевым в «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера (здесь же – повторная публикация некоторых документов). Судя по данным документам, Г. Ф. Елизаров оставался воеводой в Кетском остроге не только в 1611 г., но и ещё в августе 1612 г.

В СГГД были опубликованы две грамоты, адресованные воеводе Кетского острога Григорию Федоровичу (фамилия не указана). Первая грамота сообщает о победах кн. М. В. Скопина-Шуйского под Тверью над тушинцами в июле 1608 г. (получена только в декабре 1608 г.), а вторая – от руководителей ополчения Ляпунова, Трубецкого и Заруцкого о событиях под Москвой в марте – июне 1611 г. Она была написана 23 июня 1611 г. (получена в Кетском остроге 26 ноября 1611 г.) [45, с. 384–385; 46, с. 547–549]. Отсутствие фамилии получателя долгое время не позволяло идентифицировать этого Григория Федоровича с Г. Ф. Елизаровым.

Новые 2 грамоты, опубликованные в РИБ, были отправлены Г. Ф. Елизаровым из Кетского острога воеводе Тобольска князю Ивану Катыреву-Ростовскому. Здесь приводится уже имя и фамилия: «Григорей Елизаров челом бьет». В первой грамоте Г. Ф. Елизаров в июле 1609 г. сообщает о действиях служилых людей Кетского острога (сургутских годовальщиков) против тунгусов и о недостатке в Кетском остроге хлебных запасов. Во второй грамоте (июль 1611 г.) Г. Ф. Елизаров высказывает свое мнение против переноса Кетского острога далеко на запад к устью Кети, на левый берег Оби, резонно обосновывает это тем, что будет потерян при этом контроль над ясачными восточными волостями, и их невозможно будет оборонять от враждебных тунгусов [44, стб. 206–213; 47, стб. 203–206].

Много актовых материалов опубликовано А. М. Гневушевым в ЧОИДР в 1915 г. Одна из самых ранних известных грамот, отправленных Г. Ф. Елизаровым по прибытию его осенью 1608 г. в Кетский острог, относится к декабрю 1608 г. Воевода сообщает, что тунгусы готовятся напасть на сборщиков ясака и на кетских ясачных остяков. Здесь же говорится, что «в прошлом году» прежний голова Кетского острога Владимир Молчанов послал служилых людей на Енисей, «к Тюлькину сыну», но остяки ясак не дали, они платят ясак киргизским людям и не хотят подчиняться русским воеводам [48, с. 68–69]. В одной из более ранних грамот приводится отчество Владимира Молчанова: «господину Владимиру Михайловичу Роман Трокуров да Иван Внуков да Филипп Голенищев челом бьют». В этой грамоте говорится об убийстве Лжедмитрия I и восшествии на престол Василия Шуйского [48, с. 65]. Почему-то исследователи до настоящего времени не указывают отчества этого предшественника Г. Ф. Елизарова, который служил здесь в 1606–1608 гг. Е. В. Вершинин отмечал, что Владимир Молчанов (без отчества) служил в Кетском остроге в 1607–1608 гг., хотя грамота этому голове была отправлена из Тобольска в Кетский острог еще в июле 1606 г. [41, с. 158].

В конце ноября 1609 г. Г. Ф. Елизарову писали из Сургута воеводы Федор Вольтинский и Иван Благой о событиях лета 1609 г., о походе Скопина Шуйского, о победе под Тверью 15 июля, об успехах под Коломной, Ярославлем, Зарайском и под Москвой. Этот документ публикаторы озаглавили следующим образом: «Отписка из Сургута в Нарым с государевой грамотой, извещающей о победе под Тверью над литовскими людьми и о приближении Крымского вспомогательного войска. 1609, после 18 ноября». Эта царская грамота была получена в Сургуте 28 ноября («118 году, ноября в 28 день прислана к нам в Сургут государева грамота»), видимо, она была отправлена из Москвы в начале августа 1609 г. В ней ничего не говорится о событиях после освобождения Твери. Публикаторы адресовали эту грамоту в Нарым, хотя адресат «Григорий Федорович» – это Г. Ф. Елизаров, который служил в Кетском остроге. Дата отправки «после 18 ноября» – также не совсем точная, ведь она была только получена в Сургуте 28 ноября. Обычно воеводы сразу же переписывали и пересылали грамоты в другие города. Поэтому дату отправки документа из Сургута логичнее указывать «после 28 ноября» [48, с. 74–75].

В середине декабря (после 12 декабря 1609 г.) Г. Ф. Елизаров из Кетского острога писал в Тобольск воеводе И. М. Катыреву-Ростовскому о мятеже тунгусских людей, которые не хотят давать ясак [48, с. 75–76]. Новые вести о враждебных действиях тунгусов Г. Ф. Елизаров отправил

самому царю Василию Шуйскому вскоре после 17 декабря 1609 г. [48, с. 76].

После 29 декабря 1609 г. Г. Ф. Елизаров отправил новую грамоту в Тобольск о нападении тунгусов на ясашных кузнецких остяков, которые жили на Енисее [48, с. 77].

6 января 1610 г. в Сургуте были получены две грамоты из Тобольска, список с которых воеводы Федор Волынский и Иван Благой сразу же отправили Г. Ф. Елизарову (привез ее в Кетский острог 16 февраля 1610 г. новокрещен Олешка Апатаков). В этих грамотах Скопин Шуйский писал о прежних победах над тушинцами в апреле – июле 1609 г. (Старая Руса, Порхов, Каменка, Холмицы, Псков с пригородами, Торжок, Тверь), а также о новых победах в августе – сентябре 1609 г. (Калязин, Переславль, взятие Шереметевым Касимова, поход его к Суздалю и Троице, успехи Андрея Дедевшина под Белой и разгром тушинского воеводы кн. Д. М. Черкасского Михаилом Сухотиным в Вяземском уезде). В конце этой отписки сургутские воеводы сообщают Елизарову радостную весть об отправке хлебных запасов за прошлый (!) и нынешний год в Сибирь. Этот хлеб в ближайшее время должны привезти в Верхотурье (были до этого перебои с доставкой хлеба в Сибирские города). При отсутствии собственной пашни во многих сибирских городах это было очень важно. Получается, что в 1608/09 г. и в 1609/10 г. хлеб из центральных регионов в Сибирь не поступал. Публикаторы данного документа озаглавили его следующим образом: «Отписка из Сургута в Кетский острог о победах, одержанных над воровскими людьми князем Скопиным-Шуйским. 1610 г. 16 февраля». На обороте документа имеется следующая запись: «Господину Григорию Федоровичю. 118-го году Февраля в 16 день грамоту привез из Сургута новокрещен Олешка Апатаков». Логичнее было бы указать в названии дату составления документа «после 6 января», ведь 16 февраля она была уже получена в Кетском остроге [48, с. 77–79].

После свержения Василия Шуйского и установления власти Семибоярщины сибирские воеводы, в том числе Г. Ф. Елизаров, продолжали получать вести о событиях в районе Москвы, правда, с большим опозданием. Для Г. Ф. Елизарова источником информации был воевода ближайшего к Кетскому острогу Нарыма Мирон Хлопов, который пересылал ему письма из Москвы, Перми, Тобольска, Сургута.

В актах времени междоусобицы, опубликованных в 1915 г. С. К. Богоявленским, приводится 5 писем, адресованных Г. Ф. Елизарову. В грамоте московских бояр от 24 июля 1610 г., которую прислали воеводы Сургута в Кетский острог (адресована «господину Григорию Федоровичю») говорится о свержении царя Василия Шуйского, присяге боярам во главе с кн. Ф. И. Мстиславским, пока не будет выбран

новый царь, о борьбе «против Польских и Литовских людей и того вора, который называется царевичем Дмитрием». Эта июльская грамота дошла в Тобольск только в октябре 1610 г., из Тобольска отправлена в Сургут, и лишь 10 декабря сургутский казак Иван Торопчин привез ее в Кетский острог [49, с. 3].

Потом были грамоты о присяге королевичу Владиславу, об организации ополчения Ляпунова, Трубецкого и Заруцкого. Эту грамоту воевода Нарыма М. Т. Хлопов отправил Г. Ф. Елизарову в ноябре 1611 г. с сургутским стрельцом нарымским годовальщиком Савкой Ивановым [49, с. 46].

Осенью 1611 г., в самый критический период для страны, троюкие старцы (архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын) отправили известную грамоту в разные города. Список с нее из Перми переслали в Тобольск (получена 15 января 1612 г.), отсюда в Сургут и Нарым (получена 23 февраля), а 6 марта служилый казак поляк Яцкой Высоцкий из Сургута привез ее Елизарову в Кетский острог. Это знаменитое послание, чтобы все православные с женами и детьми во всех городах пели молебны по три дня «з звоном» и постились три дня с молитвой о победе над врагом. Хлопов сообщает Елизарову, что в Нарымском остроге это уже сделано, и призывает в Кетском остроге «те списки велети прочести всяким людем учинить по тому-ж» [49, с. 48].

Следующая грамота, отправленная из Нарыма 29 марта 1612 г., получена 11 апреля Г. Ф. Елизаровым в Кетском остроге. В этой грамоте приводятся сведения, полученные от двух польских пленников о событиях ноября 1611 г. – осада Москвы, победа ополченцев под Ростовом и взятие пленных, говорится, что Ходкевич находится в Можайске, послы из польского гарнизона отправлены к королю с ультиматумом и приводятся другие сведения. Эту грамоту привез Г. Ф. Елизарову из Нарыма казак Федька Вепров [49, с. 50].

Последние известные грамоты отправлены Г. Ф. Елизарову из Сургута и Нарыма после 12 августа 1612 г. Воеводы Иван Благой и Мирон Хлопов сообщали «господину Григорию Федоровичю» о враждебных замыслах вогуличей и остяков. Из Нарыма эту грамоту привез в Кетский острог сургутский казак Юшка Данилов [49, с. 61–62]. Следовательно, еще в августе 1612 г. эти воеводы знали, что Г. Ф. Елизаров продолжает находиться в Кетском остроге.

К сожалению, сведений о воеводе Кетского острога Г. Ф. Елизарове после августа 1612 г. не обнаружено. Неизвестно, где и когда он умер. Какой-то Григорий Елизаров (без отчества) в 1617 г. в Москве был объезжим головой в Белом городе для «береженья» от огня и от всякого воровства в районе от Никитской улицы по Неглинную [50, стб. 298; 51, стб. 408]. Возможно, что это наш герой, так как через 10 лет

Михаил Григорьевич Елизаров, сын Г. Ф. Елизарова, также был объезжим головой в Москве именно в этом районе (от Никитской по Неглинную) [50, стб. 920; 51, стб. 1367].

Грамоты, опубликованные А. И. Андреевым из портфелей Миллера, позволяют сделать вывод, что сменщика из Москвы Г. Ф. Елизаров так и не дождался. Весной и летом 1613 г. донесения из Кетского острога идут не от воевод, а от обычных служилых людей. В марте 1613 г. сургутскому воеводе Ивану Благово писали из Кетского острога кетские служилые люди Молчан Лавров и Иван Ясырь о том, что они посылали ясатчиков в Тунгусы и в Тюлькину землю [52, с. 226]. Летом 1613 г. вновь кетский служилый человек Молчан Лавров сообщал сургутскому воеводе Ивану Благово об ясаке с Тюлькиной земли и с тунгусов [53, с. 227]. Молчан Лавров известен как томский казачий голова, который в 1618 г. строил новый город Кузнецк вместе с сыном боярским Остапом Харламовым (Михалевским) и татарским головой Осипом Кокоревым, а потом в 1621 г. – Мелесский острог на реке Чулыме [54, с. 451–452; 55, с. 263–264].

Известны 2 сына Г. Ф. Елизарова: старший – Михаил, младший – Осип (Иосиф). Также упоминается их младшая незамужняя сестра Федосья, которая умерла в 1621 г. 9 сентября 1621 г. Осип Григорьев Елизаров дал вклад в Троице-Сергиев монастырь по сестре своей девице Федосье «летник и вошвы» – за 30 руб. Вдова Г. Ф. Елизарова, которую звали Анна, умерла в 1623 г. 12 октября 1623 г. Осип Григорьев Елизаров дал вклад по матери своей Анне шубу за 30 руб. [19, с. 49].

Возможно (если учитывать эти вклады Осипа), Г. Ф. Елизаров был женат дважды, и Осип с Федосьей были от второго брака, и для Михаила Анна была мачехой.

Михаил и Осип Елизаровы уже в первые годы царствования Михаила Романова стали московскими дворянами, оба участвовали в обороне Москвы в 1618 г., а Осип еще сопровождал в Дедулино посольство боярина Ф. И. Шереметева [21, с. 35, 39].

Как и отец, братья были четвертчиками Галицкой чети, их денежный оклад к 1627 г. составлял по 40 руб., а поместный у Михаила 950, а у Осипа – 800 чети. За Московское осадное сиденье часть поместья были им даны в вотчину (вотчинная грамота дана 2 сентября 1619 г.) [56, с. 80–81].

Михаил Елизаров в 1620–1623 гг. был вторым воеводой в Тюмени вместе с Федором Федоровичем Пушкиным. В Дворцовых разрядах М. Г. Елизаров ошибочно записан в Тюмени как Михаил Михайлович, а в Книгах разрядных, Сибирской летописи и в актовых материалах – Михаил Григорьевич [50, стб. 440, 462, 485; 51, стб. 764–765, 873, 928; 43, с. 146]. В 1625 г. он был приставом у Персидских послов, сопровождал

их в мае – июне 1625 г. из Москвы до Казани. Он неоднократно приглашался к царскому столу во время различных праздников (Крещение, Вербное воскресенье, Светлое воскресенье и др.). Во время отсутствия царя Михаила в столице М. Г. Елизаров оставался в Москве с боярином Ф. И. Шереметевым, был объезжим головой в Белом городе, а в последние годы жизни назначен вторым судьей в Московский судный приказ (помощником к окольничему С. В. Прозоровскому). Умер 20 июля 1639 г. [50, стб. 440, 462, 485; 51, стб. 764–765, 873, 928; 43, с. 146]. Известен его сын Иван, который в 1686 г. подал родословную, и другой сын Афанасий (в родословной не указан) [15, с. 180].

Осип Елизаров в 1615/16 г. во время восстания казанских татар и луговой черемисы был направлен собирать ратных людей в Суздаль, потом вместе с братом участвовал в обороне Москвы [50, стб. 205; 21, с. 35, 39]. Он также принимал участие во многих дворцовых церемониях, приглашался на праздничные обеды, присутствовал во время приема польских послов 23 августа 1637 г., оставался в Москве во время отъезда царя в Троицу, при угрозе татарского нападения в 1638 г. находился на Туле, как и многие другие дворяне [50, стб. 699, 818; 57, стб. 708, 848, 859, 876; 58, с. 183]. В 1642/43 г., когда боярин Ф. И. Шереметев был назначен судьей в Приказ Новой чети, то Осип Елизаров был отправлен среди прочих дворян к нему «для выимки по росписи» в Китай-городе [57, стб. 708]. Осип Елизаров завершил службу в 1646 г., попросив «его от службы отставить». Ему пошли на встречу и записали вместо него по московскому списку (в дворяне московские) его сына Никиту с поместным окладом 500 чети и денежным – 20 руб. [59, с. 101].

Жена Осипа Марья – дочь «царицыны чину дьяка» Ивана Федорова. Свадьба была в 1620/21 г., когда тесть дал в приданое зятю свою выслуженную вотчину (бывшее село, ставшее пустошью Воробино в Можайском уезде). У Никиты Осиповича от брака с некоей Анной из детей известна только дочь Авдотья, вышедшая замуж за Семена Ерофеевича Алмазова. Кроме старых выслуженных вотчин в Муромском уезде у Никиты и его двоюродных братьев Ивана и Афанасия Михайловичей было поместье в Кошелеве стане Московского уезда (Радонежская десятина) – пустошь Ошитково, со временем ставшее вновь селцом при новом владельце С. Е. Алмазове [60, с. 125; 61, с. 230]. Видимо, мужского потомства у Осипа Елизарова не было. Про сыновей Ивана и Афанасия Михайловичей сведений также не обнаружено. Князь П. В. Долгоруков писал, отмечая скудость сведений о потомках Г. Ф. Елизарова и его сына Михаила: «Сын его Иван Михайлович оставил потомство. Елизаровых-Гусевых в гербовнике

не находится, и нам совершенно неизвестно, существует ли в настоящее время эта фамилия?» [62, с. 93].

Это все известные на настоящий момент сведения об одном из начальных людей Саратова, служившем в этом городе через 10 лет после его основания. Г. Ф. Елизаров с честью выдержал тяжелые испытания, выпавшие на его долю как в Саратове, так и в удаленном Кетском остроге, сумев сохранить за Россией огромные сибирские территории, причем без какой-либо поддержки из центра.

Список литературы

1. *Герасимов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов : Друкарь, 1923. 378 с.
2. *Оппокова В. И.* Прошлое Саратовского края. Саратов : О-во истории, археологии и этнографии при Сарат. ун-те ; [Москва : Д. З. Аксанов], 1924. 128 с.
3. *Акимов Т. М. Ардабацкая А. М.* Очерки истории Саратова (XVII и XVIII века). Саратов : Саратовское областное государственное издательство, 1940. 112 с.
4. *Семенов В. Н.* Начальные люди Саратова. От первого воеводы до последнего первого секретаря. Саратов : Надежда, 1998. 352 с.
5. *Посольство в Персию князя Александра Федоровича Жирового Засекина* // Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией : в 3 т. Т. 2 : Царствование Бориса Годунова, Василия Шуйского и начало царствования Михаила Федоровича / под ред. Н. И. Веселовского (Труды Восточного отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. 21). СПб. : Лештуковская Паровая Скоропечатня П. О. Яблонского. Лештуков пер. № 13, 1892. С. 1–143.
6. *Разрядная книга 1559–1602 (1604)* // Синбирский сборник. Историческая часть/издатели П. Л. Н. Языковы, А. Хомяков, Д. Валуев. М. : в типографии А. Семена, 1845. С. 1–154.
7. *Барсуков А. П.* Списки городских воевод и др. лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1902. 611 с.
8. *Протоколы заседаний общего собрания членов Саратовской Ученой Архивной Комиссии: Протокол № 154 от 1 февраля 1913 г.* // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов : Типография Союза Печатного дела, 1913. С. 24–26.
9. *Герасимов А. А.* Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов : Типография Союза Печатного дела, 1913. С. 61–82.
10. *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М. : Наука, 1975. 608 с.
11. *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). Издание третье. СПб. : Типография М. А. Александрова (Надеждинская, 43), 1910. 624 с.
12. *Житие архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия* (Подготовка текста, перевод и комментарии О. А. Белобровой) // Библиотека литературы Древней Руси : в 19 т. Т. 14 : Конец XVI – начала XVII века / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Поньрко. СПб. : Наука, 2006. С. 356–463.
13. *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М. : РГГУ, 2004. 506 с.
14. *Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: дополнение (А–К)* (публикация Л. Е. Шабаева) // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2021. Вып. 10. С. 119–270.
15. *Савёлов Л. М.* Родословные записи. Вып. 3. М. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1909. 248 с.
16. *Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.* / подгот. к печати А. А. Зимин. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 456 с.
17. *Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: выборное московское дворянство* (публикация Л. Е. Шабаева) // Российская генеалогия : научный альманах. М., 2019. Вып. 5. С. 138–402.
18. *Белоусов М. Р.* Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник : [в 2 т.]. Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2009. Т. 2. 463 с.
19. *Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря* / отв. ред. Б. А. Рыбаков; издание подготовили Е. Н. Клинина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. М. : Наука, 1987. 440 с.
20. *Разрядная книга 1475–1598 гг.* / подг. текста, ввод. ст. и ред. В. И. Буганова. М. : Наука, 1966. 616 с.
21. *Осадный список 1618 г.* // Памятники истории Восточной Европы : в 9 т. Т. 8 / сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М. ; Варшава : Древлехранилище, 2009. 692, (1) с.
22. *Наказ князю Андрею Елецкому с товарищами, отправленными в Сибирь для построения города на реке Таре, с приложением описи посланного с ними. 1593–1594* // Миллер Г. Ф. История Сибири : в 2 т. Т. 1. М. ; Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1937. С. 354–361.
23. *Сторожев В. Н.* Десятни XVI века. № 3. Муром (1597 г.) // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции : в 21 кн. Кн. 8. Отдел III. Историко-юридические материалы. С. 65–91.
24. *Разрядная книга 1598–1604 гг.* // Разрядные книги 1598–1638 гг. / сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина ; отв. ред. В. И. Буганов. М. : Институт истории АН СССР, 1974. С. 14–179.
25. *Разрядная книга 1550–1636* / сост. Л. Ф. Кузьмина ; отв. ред. В. И. Буганов : в 2 кн. М., 1975. Кн. 2, вып. 1. 244 с.

26. Рабинович Я. Н. Первоначальный Саратов в 1590–1609 гг.: историография вопроса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 90–97. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2015-15-4-90-97>
27. Рабинович Я. Н. История первоначального Саратова 1590–1604 годов: характеристика источников и хронология событий (до начала Смутного времени) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 80–87. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2016-16-1-80-87>
28. Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного Архива Министерства иностранных дел. Вып. 1 (1578–1613 гг.). М., 1889. С. I–СХХIX, 1–582.
29. Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг. / пер. с нем. А. И. Станкевича // ЧОИДР. 1896. Кн. 2. Материалы иностранные. С. 1–54.
30. Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен, сочиненная князем Михаилом Щербатовым : в 7 т. Т. 7, ч. 1. СПб. : Изданием Императорской Академии Наук, 1790. 366 с.
31. Разрядная книга 1475–1605 гг. / сост. Л. Ф. Кузьмина, О. В. Новохатко ; под ред. В. И. Буганова, Н. М. Рогожина : в 4 т. Т. 4, ч. 2. М. : Памятники исторической мысли, 2003. 144 с.
32. Четвертки Смутного времени. 1604–1617 гг.: Кормленная книга Галицкой Четверти 7112 г. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / сост. и пред. Л. М. Сухотина // Чтения в обществе истории и древностей российских (далее – ЧОИДР). 1912. Кн. 2. С. 1–41.
33. Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.) (Смутное время Московского государства. Вып. 1) / под ред. Н. В. Рождественского // ЧОИДР. 1918. Кн. 1. С. I–VI+1–328.
34. Смирнов И. И. Восстание Болотникова 1606–1607 гг. М. : Государственное издательство политической литературы (Госполитиздат), 1951. 588 с.
35. Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М. : Типография Штаба Московского военного Округа. Остоженка, Всеволожский пер., д. военного ведомства, 1907. XXVIII+312 с.
36. Грамота царя Василия Шуйского о волнениях в Муромском и Нижегородском уездах. 1606, декабря 15 // Восстание И. Болотникова: документы и материалы / сост. А. И. Копанев, А. Г. Маньков. М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1959. С. 206–207.
37. Новый летописец // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ) : в 43 т. Т. 14. Первая половина. СПб. : Типография М. А. Александрова (Надеждинская, 43), 1910. С. 23–154.
38. Боярский список 1606–1607 гг. с указанием об участии в боевых действиях против восставших // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608 : сборник документов / отв. ред. Н. М. Рогожин ; Ин-т российской истории. М. : Наука, 2003. № 39. С. 132–155.
39. Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства: Боярский список 119-го году, сочинен до московского разорения при Литве с писма думного дьяка Михаила Данилова // ЧОИДР. 1909. № 3 (230). С. 73–103.
40. Буцинский П. Н. К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. Харьков : Типография Адольфа Дарре, 1883. 28 с.
41. Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург : Муниципальный учебно-методический центр «Развивающее обучение», 1998. 204 с.
42. Записки, к Сибирской истории служащие, или описание, сколько в Сибири... в котором году и кто имяны... на Воеводствах бывали... // Древняя Российская Вивлиофика..., изданная Николаем Новиковым... Изд. 2 : в 20 ч. Ч. 3. М. : В типографии Компании типографической, 1788. 487 с.
43. Сибирский летописный свод (Книга записная): Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи // ПСРЛ. Т. 36. М. : Наука, 1987. С. 138–177.
44. Отписка Тобольского воеводы князя Ивана Катырева Ростовского в Кетский острог Григорью Елизарову, о перенесении, буде окажется удобным, Кетского и Нарымского острогов на новое место. Ответ Елизарова на сию отписку. 1611, июля 12 // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее – РИБ) : в 40 т. Т. 2. СПб. : В типографии бр. Пантелеевых. Казанская ул., № 33, 1875. Стб. 206–213.
45. Грамота из Сургута от Федора Волынского и Ивана Благово в Кетский острог, известительная: об одержании боярином князем Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским с помощью шведов и смолян, под Тверью совершенной победы над Зборовским, Шаховским и прочими изменниками... 1609, декабрь // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел : в 4 ч. Ч. 2. М. : в типографии Селивановского, 1819. № 194. С. 384–385.
46. Окружная грамота от осадивших Москву воевод: боярина князя Дмитрия Трубецкого, Ивана Заруцкого, Прокопия Ляпунова и всякого звания жителей в Сибирские города: о вероломстве поляков и об укреплении всех русских и подданных Татар и Остяков в единодушном противоборстве врагам Отечества. 1611, июня 23 // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел : в 4 ч. Ч. 2. № 262. С. 547–549.
47. Отписка из Кетского острога в Тобольск, о действиях служилых людей против Тунгусов, нападавших на ясачных людей, и о недостатке хлебных запасов для прокормления Остяков в зимнее время. 1609, июля 6 // РИБ. Т. 2, № 89. Стб. 203–206.
48. Акты времени правления царя Василия Шуйского (19.5.1606 г. – 17.7.1610 г.) / собр. и ред. А. М. Гневушев (Смутное время Московского государства. Вып. 2-й) // ЧОИДР. 1915. Кн. 2 (253). Материалы историко-литературные. С. I–XIX+1–422.

49. Акты времени междоусобия (1610–17.7.1613) // под ред. С. К. Богоявленского и И. С. Рябинина (Смутное время Московского государства. Вып. 3) // ЧОИДР. 1915. Кн. 4 (255). Материалы историко-литературные. С. V–XVIII+1–240.
50. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II Отделением Собственной ЕИВ канцелярии (далее – Дворцовые разряды) : в 4 т. СПб. : в Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1850. Т. 1 (1612–1628). [4], XXXVI, [2] с., 1184, XII стб.
51. Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные II-м Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии : в 2 т. СПб. : В Тип. II отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1853. Т. 1 (1614–1627). XV, II с., 1380 стб.
52. Отписка кетских служилых людей Молчана Лаврова и Ивана Ясыря сургутскому воеводе Ивану Благово о посылке ясатчиков в Тунгусы и в Тюлькину землю. 1613, после 14 марта // Миллер Г. Ф. История Сибири : в 2 т. М. ; Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1941. Т. 2, № 106. С. 226.
53. Отписка кетского служилого человека Молчана Лаврова сургутскому воеводе Ивану Благово об ясаке с Тюлькиной земли и с тунгусов. 1613, июнь // Миллер Г. Ф. История Сибири : в 2 т. Т. 2, № 108. С. 227.
54. Челобитная томских казаков Федора Борисова с товарищами о жаловании за службу в Кузнецкой земле. 1617–18 г. // Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1, № 95. С. 451–452.
55. Отписка томских воевод князя Ивана Шеховского и Максима Радилова в Москву об отправке ими служилых людей на Чулым для устройства там острога. 1621 после 26 мая // Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2, № 163. С. 263–264.
56. Боярская книга 1627 г. / под ред. и с предисл. В. И. Буганова ; подгот. текста и вступ. статья М. П. Лукичева и Н. М. Рогожина. М. : Институт истории СССР Академии Наук СССР, 1986. 208 с.
57. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии : в 4 т. СПб. : в Тип. II отд-ния Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1851. Т. 2 (1628–1645). [4], IV с., 976 стб., II с.
58. Горбатов Е. Н. «Подлинный» боярский список 1638/39 года // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. Выпуск шестой. М. : Старая Басманная, 2019. С. 163–235.
59. Боярская книга 1639 г. / подг. текста В. А. Кадика, М. П. Лукичева, Н. М. Рогожина ; вступ. статья М. П. Лукичева ; предисл. Н. М. Рогожина. М. : ИРИ РАН, 1999. 266 с.
60. Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII ст. : в 11 вып. Вып. 5 : Радонежская десятина (Московского уезда). Издание Императорского общества Истории и Древностей Российских при Московском университете М. : В университетской типографии (М. Катков) на Страстном бульваре, 1886. 220 с.
61. Холмогоровы В. и Г. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII ст. : в 11 вып. Вып. 10 : Можайская десятина (Московского уезда). Издание Императорского общества Истории и Древностей Российских при Московском университете. М., 1901. VII+284 с.
62. Долгоруков П. В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым : в 4 ч. Ч. 4. СПб. : в типографии III отделения собств. ЕИВ канцелярии, 1857. 482 с.

Поступила в редакцию 21.09.2024; одобрена после рецензирования 25.10.2024;
принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 21.09.2024; approved after reviewing 25.10.2024;
accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 110–117

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 110–117

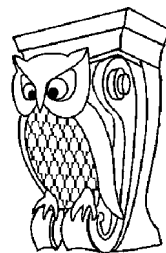
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-110-117>, EDN: YNHKIU

Научная статья

УДК 908(470.44)|1908/1917|+929Гераклитов

Личные связи А. А. Гераклитова периода работы в Саратовской ученой архивной комиссии как фактор его научной биографии

И. А. Пчелинцев

Саратовский областной музей краеведения, Россия, 410031, г. Саратов, ул. Лермонтова, д. 34

Пчелинцев Илья Алексеевич, старший научный сотрудник отдела хранения и научной обработки фондов, хранитель фонда «Фотографии, негативы», I.Pchelincev@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3016-4763>, AuthorID: 932802

Аннотация. В данной статье рассматривается, каким образом неформальные связи А. А. Гераклитова (1867–1933), приобретенные им за время работы в Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК) (1908–1917 гг.), повлияли на его путь в исторической науке. На материалах личной переписки очерчивается круг его ближайших товарищей в комиссии, что дает определенное представление о социальном и интеллектуальном облике СУАК. Отмечается влияние на Гераклитова социально-психологических аспектов принадлежности к провинциальному историческому сообществу. Характеризуется участие А. А. Гераклитова в съездах, организуемых столичными научными обществами, повлекшее возникновение контактов с представителями других ученых архивных комиссий, а также взаимодействие с университетским сообществом, которое, весьма вероятно, поспособствовало его вхождению в преподавательский состав вновь учрежденного историко-филологического факультета Саратовского университета.

Ключевые слова: А. А. Гераклитов, научная биография, история российской науки конца XIX – начала XX в., провинциальная интеллигенция, социология науки, научные сообщества, СУАК, ученые архивные комиссии, история университетов, историческая антропология науки

Для цитирования: Пчелинцев И. А. Личные связи А. А. Гераклитова периода работы в Саратовской ученой архивной комиссии как фактор его научной биографии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 110–117. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-110-117>, EDN: YNHKIU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

A. A. Geraklitov's personal connections from the period of his work at the Saratov Scientific Archival Commission as a factor in his scientific biography

I. A. Pchelintsev

Saratov Regional Museum of Local Core, 34 Lermontova St., Saratov 410031, Russia

Ilya A. Pchelintsev, I.Pchelincev@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3016-4763>, AuthorID: 932802

Abstract. This article examines how informal connections of A. A. Geraklitov (1867–1933), established during his work in the Saratov Scientific Archival Commission (SSAC, Russian: Саратовская ученая архивная комиссия, СУАК) in 1908–1917, influenced his path in historical science. Based on the materials of personal correspondence, the circle of his closest comrades in the commission is outlined, through which a certain idea is given about the social and intellectual aspects of the SSAC. The influence of the socio-psychological aspects of belonging to a provincial historical community is considered. A. A. Geraklitov's participation in the congresses organized by metropolitan scientific societies and the resulting contacts with the representatives of other scientific archival commissions, are characterized, as well as the interaction with the university community, which has most likely contributed to his entry into the teaching staff of the newly established historical and philological faculty of the Saratov University.

Keywords: A. A. Geraklitov, scientific biography, history of Russian science of the late 19th – early 20th centuries, provincial intellectuals, sociology of science, scientific communities, SSAC, scientific archival commissions, history of universities, historical anthropology of science

For citation: Pchelintsev I. A. A. A. Geraklitov's personal connections from the period of his work at the Saratov Scientific Archival Commission as a factor in his scientific biography. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 110–117 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-110-117>, EDN: YNHKIU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Историческая биография – один из самых древних и самых популярных жанров в исторических исследованиях. Пройдя через антитезис методологических «потрясений» XX в., историческая биография перешла в новое качество в виде таких исследовательских парадигм, как «новая биографическая» и «персональная» истории в русле микроисторических подходов. От описаний жизней «замечательных людей» историки перенесли свое внимание на «маленького человека», и оказалось, что этот подход тоже весьма продуктивен для познания прошлого, поскольку расширяет предметное поле исследований и таким образом приближается к идеалу «тотальной истории». Подобные методологические новации связаны с именами К. Гинзбурга, Э. Ле Руа Ладюри, Н. Земон Дэвис и др.

Изучение же биографий ученых требует специального подхода. Являясь с политической точки зрения людьми «малыми», лучшие из них в интеллектуальном плане, несомненно, люди «замечательные». К тому же очевидно, что историки, осознавая важность корпоративной памяти и будучи заинтересованными в ее увековечивании и распространении, довольно часто обращаются к рассмотрению биографий своих коллег-предшественников. Нет необходимости говорить о том, что изучение историографической традиции любой проблемы является обязательным разделом исторического исследования. Одной из возможных оптик для приложения к научной биографии стал историко-антропологический подход. С интересным проектом его применения в этой области выступил Д. А. Александров в своей программной статье «Историческая антропология науки в России». В ней он обращает внимание на межличностные и корпоративные отношения внутри научного сообщества, на неформальные объединения ученых, проблемы покровительства и зависимости, повседневность научных учреждений. Статья вызвала отклик в научном сообществе, только в РИНЦ на данный момент она имеет 103 цитирования [1]. Предложенный Д. А. Александровым подход представляется продуктивным для создания социальной истории провинциальных исторических сообществ конца XIX – начала XX в., поскольку позволяет рассмотреть, что представляли из себя эти сообщества в социальном и интеллектуальном планах, каким образом они формировались и функционировали в условиях, когда доступность профессионального исторического образования явно не отвечала потребностям нарождающегося краеведческого движения.

В данной статье мы рассмотрим случай А. А. Гераклитова (1867–1933) – краеведа, книговеда, историка мордовского народа – и попытаемся увидеть, какую роль в формировании его как историка сыграли личные связи, приобретенные

им во время работы в Саратовской ученой архивной комиссии (далее – СУАК) в 1908–1917 гг.¹ В печати уже появлялись общие биографические очерки, посвященные Александру Александровичу [2; 3, с. 5–18], публикации и обзоры биографических материалов [4–6], однако влияние межличностных контактов на его научную биографию еще не становилось предметом отдельного исследования. Основным источником для реконструкции личных связей историка послужила его переписка «суаковского» периода, хранящаяся в его личном фонде в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (ф. 38) и в фонде СУАК в Государственном архиве Саратовской области (ф. 407).

Первоначально академическая траектория А. А. Гераклитова складывалась вполне традиционно: в 1887 г. он окончил Саратовскую мужскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Казанского университета, но уже два месяца спустя отчислился по собственному желанию, быстро разочаровавшись в университетских порядках [см. 7]. Вернувшись в Саратов, Гераклитов поступает писцом в местную казенную палату. Тем не менее жажда к получению знаний у будущего краеведа остается: его ученица Ю. А. Кузнецова свидетельствует, что в этот период своей жизни, спасаясь от рутины чиновничьей службы, Александр Александрович изучает французский, немецкий, итальянский и английский языки [2, с. 117]. В дневниковых записях от 1908 г. прослеживается интерес к старинным книгам и определенные навыки в их атрибуции [8, л. 12–13].

Эта любовь к книге и привела А. А. Гераклитова к вступлению в ряды СУАК 23 марта 1908 г. Он увидел у одного сослуживца книги со штампом комиссии и узнал от него, что архивная комиссия обладает огромной библиотекой и что вступить в нее не составляет труда. СУАК действительно не позиционировала себя как элитарное общество. Напротив, создание губернских ученых архивных комиссий (далее – ГУАК) в России было частью процесса формирования провинциальной интеллигенции, начавшегося с появлением земского самоуправления [9, с. 29]. Идеальные предпосылки этого движения российские историографы усматривают в «областническом» направлении, основанном на построениях А. П. Щапова. Он провозглашал основным содержанием русской истории локальные, областные процессы в противовес правительственной централизации [9, с. 42]. При открытии СУАК в 1886 г. саратовский губернатор А. А. Зубов отметил, что «история общерусская и при том, история не государства только, но и народа, возможна лишь в том случае, когда предварительно будет создана и закончена история местная, областная» [10, с. 30]. Эту дихотомию центра и провинции председатель СУАК В. П. Соколов впоследствии перенес в социальную плос-

кость: «Если университетская наука не чужда кастовой замкнутости и аристократической исключительности, то областная наука чужда той и другой» [10, с. 171]. Хотя изначально большинство членов СУАК представляло дворянское сословие, заложенные в ее основание установки не могли не привести к расширению состава комиссии за счет разночинцев. Сам Гераклитов уже позже отмечает: «К началу революции наша комиссия по составу своему была наиболее демократичным из Саратовских обществ» [11, с. 32]. В этом высказывании, возможно, присутствует определенная конъюнктура, так как эти строки были опубликованы в 1923 г., но факт остается фактом – к началу XX в. правление комиссии, за исключением председателя и его товарища, составляли сплошь разночинцы.

К этому ядру разночинного актива СУАК сразу же после вступления примыкает и Гераклитов. За редким исключением он присутствует на собраниях, участвует в обсуждении докладов и в прениях по самым разным аспектам деятельности СУАК, активизирует работу по сбору членских взносов для преодоления тяжелого материального положения общества. Прямо в день своего избрания в члены комиссии Александр Александрович назначается на должность товарища библиотекаря С. Д. Соколова (1878–1933) – выходца из семьи ремесленника, библиографа, члена СУАК с 1907 г., автора биобиблиографического справочника «Саратовцы – писатели и ученые». Совместная работа в библиотеке перерастает в дружбу на всю жизнь. В собраниях Саратовского областного музея краеведения (далее – СОМК) хранятся отдельные оттиски опубликованных работ Гераклитова до 1913 г. в одном переплете с его дарственной надписью на авантитуле: «Милому и единственному другу / Семену Дмитриевичу / Соколову / на добрую память. / А. Гераклитов / 26/IV-1913. / Саратов» [12]. В личном фонде Соколова в СОМК хранятся письма Гераклитову от разных лиц, написанные в советские годы [13–14].

В дружеском тоне написаны письма Александру Александровичу от правителя дел С. А. Щеглова (1861–1915) – археолога, этнографа, члена СУАК с 1897 г. [15, л. 28, 62–63; 16, л. 16, 58], происходящего из сельского духовенства. Сразу приметив в новоиспеченном «архивнике» бескорыстного энтузиаста краеведения, Щеглов привлекает его к канцелярской работе комиссии. 6 февраля 1909 г. Гераклитов избирается хранителем исторического архива. В конце 1910 – начале 1911 г. Щеглов был его товарищем, т. е. заместителем. Оценив профессиональные качества своего начальника по архиву, Сергей Александрович рекомендовал именно Гераклитова, когда к нему обращались с просьбой указать человека, компетентного в архивных поисках [15, л. 13, 17–18], а в письме от 4 апреля

1912 г. предлагает ему заняться редактурой своего описания г. Петровска [15, л. 28].

Близким другом А. А. Гераклитова становится и Б. В. Зайковский (1878–1934) – археолог, хранитель музея СУАК в 1902–1911 гг. В дневнике Александра Александровича имеются записи о совместных с Зайковским поездках на Увек и городище левого бережного Саратова. В петербургской части архива Гераклитова сохранились письма Зайковского, которые тот писал из Царицына в июле 1916 г., когда выезжал туда для организации музея местного края при обществе содействия внешкольному образованию [17, л. 30–39]. В них Богдан Викторович обращается к своему корреспонденту не иначе, как «дорогой отче» (впоследствии С. Н. Чернов «повысит» Гераклитова до «владыки»)².

Некоторые факты свидетельствуют об определенном противостоянии Александра Александровича представителям привилегированных сословий внутри СУАК. В письме, написанном ему студентом Санкт-Петербургского археологического института В. А. Пасенко (вероятно, в 1911 г.), мы встречаем реакцию корреспондента на некий конфликт: «У Вас, действительно, творится нечто, похожее на столпотворение Вавилонское: Тилло, Шахматов-junior и Вы заговорили разом и на непонятных друг другу языках <...> А все потому, что у нас, в России, науки не любят, и она как бы существует лишь для “избранных”. У Вас вот капралы добиваются звания генерала-от-археологии, читают лекции, ставят живые картины etc.» [18, л. 29 об]. Не вполне ясно, кого конкретно Пасенко именует «капралами». Судя по контексту письма, имеются в виду охочие до признания представители аристократии, не желающие при этом заниматься черновой архивной работой, скрытой от посторонних глаз. Что касается упомянутых студентом лиц, с обоими из них у Гераклитова действительно были разногласия. А. А. Тилло (1846–1918) – саратовского вице-губернатора, первого председателя СУАК, на протяжении долгих лет оказывавшего ей материальную поддержку, Александр Александрович аттестует в своем дневнике не иначе как «пакостника первостатейного» по неизвестным причинам [8, л. 33 об]. Под «капралом», читающим лекции, вероятно, имеется в виду В. А. Шахматов (1864–1916), прочитавший публичную лекцию «Пугачев в Саратове» 20 декабря 1910 г. в зале Коммерческого собрания. Вячеслав Александрович был представителем Саратовской ветви рода Шахматовых, потомственных дворян Саратовской губернии, и членом СУАК с 1896 г. В посланном А. Н. Минху вскоре после лекции отзыве Гераклитов эмоционально высказывает свое недовольство выступлением, отмечая стремление автора «с развязным видом угощать слушателей фантастическими измышлениями ради праздного любопытства» и тенденцию «во что бы то ни стало выставить

героем коменданта Бошняка и свалить всю ответственность на Ладыженского» [19, л. 1–2]³. Лекция не была единственным случаем, когда В. А. Шахматов демонстрировал тенденциозный подход к интерпретации исторических событий. Так, например, на общем собрании СУАК 14 апреля 1912 г. он активно выступал против собрания комиссией материалов по революции 1905–1907 гг. [20, с. 2–3 (2-й пагинации)]. У Гераклитова же пристрастность любого толка вызывала отторжение. В его воспоминаниях можно встретить такие выражения: «... ценю больше дела, чем принципы: по плодам их узнаете их» [3, с. 106] и «... право же, не так уж черен черт, как его малюют, как его малевали пристрастные в своем партийном увлечении публицисты» [3, с. 113]. Столь различные точки зрения на принципы работы историка не могли не породить конфликтов внутри комиссии. Протест Александра Александровича вызвала не только субъективность лектора, но и множество допущенных им неточностей в изложении фактов, что могло нанести репутационный ущерб комиссии, поэтому этот отзыв он планировал напечатать и просил одобрения А. Н. Минха.

В своем письме Александру Николаевичу, характеризуя общее положение дел в СУАК, Гераклитов пишет: «У нас в К[омисси]и теперь такая разруха, что и не приведи Боже! Если дело пойдет таким же порядком и далее, то нам мелко надобно уходить из К[омисси]и. А мы все же как-никак работали для нее, работали в то время, когда чистые господа брезговали приложить к ней руки (курсив мой. – И. П.)» [21, л. 120]. Налицо некое дистанцирование Гераклитова от «господской прослойки» комиссии, однако против дельной ее части он не имел никаких предубеждений. Как мы видим, Александр Александрович состоял в переписке с А. Н. Минхом (1833–1912) – землевладельцем Аткарского уезда, членом-основателем СУАК, виднейшим и плодотворнейшим деятелем саратовского краеведения. К моменту вступления Гераклитова в комиссию Минх отошел от активного участия в ее деятельности и поселился в Аткарске, но, несмотря на почтенный возраст и почти полную слепоту, проявлял живой интерес к делам СУАК до самой своей смерти, что ясно из вышеприведенных писем по поводу лекции В. А. Шахматова. С их помощью мы убеждаемся в том, что Александр Николаевич воспринимался Гераклитовым (и другими членами СУАК наверняка тоже) как человек, имеющий достаточно авторитета для того, чтобы разрешать возникшие между членами общества разногласия. Минх же, в свою очередь, высоко ценил работу Александра Александровича в комиссии. В своем ответе на отзыв о лекции он пишет: «...большинство дельных членов Ком[ис]сии с глубоким уважением всегда будут относиться к вашей не заменимой (так в оригинале. – И. П.) ученой архивной

деятельности, что уже не раз высказывал Вам лично» [18, л. 34]. О подлинной дружбе свидетельствуют сохранившиеся письма от нотариуса Г. Г. Дыбова-младшего (1868–1920) – историко-графа, члена СУАК с 1901 г., который был товарищем хранителя архива в 1911–1914 гг., и от А. Ф. Садовникова – аткарского фотографа-любителя, члена СУАК с 1908 г.

Активное участие А. А. Гераклитова во многих направлениях работы СУАК приводит к тому, что именно ему доверяется представлять комиссию на различных съездах, организуемых столичными научными обществами. На заседании 14 апреля 1911 г. он избирается делегатом от СУАК на XV археологический съезд в Великом Новгороде 22 июля – 5 августа 1911 г. [22, с. 38 (2-й пагинации)]. Археологические съезды в Российской империи проводились по инициативе Московского археологического общества, бывшего одним из самых активных научных обществ того времени в плане развертывания работы с провинцией. Целью съездов была консолидация научного сообщества и привлечение внимания к проблемам исторической науки. В XV съезде принимали участие представители университетов, духовных академий, научных обществ и ученых архивных комиссий. В своем отчете о командировке Александр Александрович дает характеристику приуроченной к съезду выставки, стараясь отметить сходство экспонируемых предметов с находками в Саратовской губернии. Кроме того, он сообщает свои впечатления по поводу посещения секций съезда. Наиболее продуктивной, по мнению краеведа, была секция археологии и архивоведения, на которой обсуждались самые животрепещущие вопросы организации архивного дела в России. Отчет был прочитан на собрании 4 октября 1911 г., члены собрания встретили его аплодисментами и постановили напечатать в 29 выпуске Трудов СУАК [23, с. X]. Дополнительные штрихи к характеристике съезда дает письмо Гераклитова к жене от 24 июля 1911 г., полное остроумных наблюдений: «Публика съезда очень пестра по своему составу: есть и неизбежные везде скучающие девицы, которым все равно: археологический ли съезд или курсы по анатомии. Самое лучшее время – вечер, когда мы собираемся за чаем. Вот тут-то и начинается настоящий археологический съезд <...> Я, по крайней мере, узнал не мало (так в оригинале. – И. П.) интересного и поучительного» [18, л. 107]. С докладом Александр Александрович на съезде не выступал, однако поездка прошла не без пользы для СУАК: здесь саратовский делегат заводит знакомства с представителями других архивных комиссий, организывает обмен книгами и другими ценными предметами материальной культуры, его интересует состояние исторических архивов при комиссиях, а также возможность устройства

в Саратове курса лекций Московского археологического института.

На общем собрании 30 марта 1914 г. А. А. Герасимов избирается делегатом на съезд представителей губернских ученых архивных комиссий в Санкт-Петербурге [24, с. 285]. Съезд организовывался Императорским русским историческим обществом (далее – ИРИО) с целью выяснения состояния архивного дела в России. Ему предшествовала серьезная подготовка – еще в 1911 г. при ИРИО была создана особая комиссия, разославшая по губерниям запросы о состоянии местных архивов. Рассылка подобных запросов была одной из основных форм взаимодействия центральных научных обществ с провинцией. Таким образом эти общества ставили перед своими провинциальными корреспондентами исследовательские задачи, последние же, в свою очередь, проходили определенную школу собирания информации и их интерпретации. Так, на основании запроса ИРИО Герасимов разработал анкету для архивов различных учреждений в губернии. Результатом работы стала статья «Архивы Саратовской губернии» [25]. Позднее ИРИО составляло методические рекомендации по систематизации архивов ГУАК [26, л. 24 об].

Непосредственно на съезде, по собственному признанию, Александр Александрович «полки водил». Он выступал с репликами по каждому пункту повестки съезда и был включен в комиссию для разработки финальной резолюции [27, с. 12–13, 26, 37–38, 46–51, 61–62]. Этот съезд имел историческое значение, по его итогам все ГУАК были приняты под Высочайшее покровительство, а также было принято решение о выделении ежегодных субсидий каждой архивной комиссии в размере 3000 рублей. Дальнейшее развитие его положений подготавливало почву к созданию централизованной государственной архивной системы, что и было осуществлено уже другой, советской властью в 1918 г.

Участие в съездах и ведение переписки по делам СУАК приводит к возникновению у А. А. Герасимова контактов и с представителями других архивных комиссий. В ноябре 1910 г. за отправку в Тамбов бумаг из фамильного архива графов Сухтеленов Герасимов избирается членом Тамбовской УАК, 4 февраля 1911 г. – членом Витебской УАК. На археологическом съезде в Новгороде Александр Александрович знакомится с членом Тверской УАК П. Ф. Симоном (1845–1924) и членом Калужской УАК В. Н. Халаевым. С первым он обменивается изданиями и монетами, со вторым ведет переговоры об уступке словаря мокшанского наречия, принадлежащего СУАК. 12 декабря 1911 г. Герасимов избирается членом Пензенской УАК [15, л. 14]. Помимо этого, в личном фонде Герасимова хранится его переписка с Калужской, Нижегородской, Курской и другими архивными комиссиями [18, л. 5, 27, 115]. Часто именно

через него налаживается обмен изданиями между комиссиями, таким образом личные связи Александра Александровича служат на пользу всей СУАК.

Особо теплые отношения складываются у него с председателем Ставропольской УАК Г. Н. Прозрителевым (1849–1933) – присяжным поверенным, краеведом, музейным работником, архивистом, публицистом, видным общественным деятелем Северного Кавказа. 12 августа 1908 г. Герасимов, занимаясь увекской керамикой, направляет Григорию Николаевичу просьбу о присылке керамики с золотоордынского Маджарского городища для сравнения с увекской [16, л. 17–18]. После этого между ними возникает прочный научный контакт: они обмениваются своими работами, предоставляют друг другу площадку для публикации на страницах изданий своих комиссий. Впоследствии этот контакт перерастает в дружбу. Прозрителев рассказывает в письмах о своих поездках, о службе присяжного поверенного и обо всех трудностях напряженной работы по спасению архивов в Ставрополе. Поздравляя Александра Александровича с избранием членом Ставропольской УАК в августе 1910 г., он пишет: «С этим избранием вы становитесь еще ближе и роднее мне... Я уверен, что наша заочная дружба будет прочна, тверда и не поколеблется, когда мы и лично встретимся» [16, л. 140]. В ГАСО хранится дело под названием «Фотографии дома Тилло А. А., подаренного Саратовской архивной комиссии», в нем присутствует две фотографии, подаренные Прозрителевым Герасимову [28, л. 5–6]. Одну из них, на которой Григорий Николаевич изображен среди связок документов, он подписал так: «Сию в раздумье и не знаю, справлюсь ли со всей этой беспорядочно нагроможденной массой загрязненных и разбитых дел» [28, л. 6]. В этом деле, судя по названию, должны присутствовать фотографии, сделанные только в доме Тилло, поэтому можно было предположить, что Прозрителев приезжал в Саратов, но на самом деле этот снимок был сделан в Ставрополе. О нем Григорий Николаевич упоминает в письме от 6 февраля 1912 г.: «... пришел фотограф и снял меня в “моем” архиве. Измученный и крайне удрученный, я сел на дела и опустил голову. Пришлю Вам эту карточку» [15, л. 23]. Встреча друзей по переписке состоялась на съезде представителей ГУАК. В 1916 г., когда Григорию Николаевичу предложили должность председателя Кавказской археографической комиссии, он советует со своим саратовским другом [17, л. 63–64].

О прямом концептуальном влиянии именно «архивников» на научные воззрения А. А. Герасимова говорить не приходится – все они не были профессиональными историками, к тому же историческое краеведение в тот момент находилось на стадии накопления материала

(что, собственно, и было задачей, которая ставилась перед учеными архивными комиссиями при их учреждении). Представляются более важными социально-психологические и образовательные факторы влияния этого сообщества на Александра Александровича. Оно объединяло представителей нарождающегося провинциального исторического сообщества – бескорыстных тружеников краеведения, единомышленников – и таким образом давало им ощущение сопричастности к важному для общества делу сохранения и изучения истории родного края, а совместная работа приводила к обмену знаниями и навыками.

Однако членами СУАК становились и профессиональные историки – несмотря на декларируемую дистанцированность от университетской науки, комиссия стремилась повысить свой академический престиж за счет принятия их в свои ряды. Гераклитов мог похвалиться тем, что входил в одно общество с такими знаменитыми учеными, как Д. И. Иловайский, И. Е. Забелин, В. О. Ключевский, В. И. Иконников, А. Н. Пыпин. К началу XX в. среди членов комиссии мы видим А. А. Лебедева – профессорского стипендиата Киевской духовной академии, специалиста по палеографии, истории русской церкви и русской литературы; П. Н. Черняева – антиковеда, приват-доцента Варшавского университета; С. Н. Чернова и П. Г. Любомирова, оставленных при Санкт-Петербургском университете для подготовки к профессорскому званию. С учреждением в 1909 г. в Саратове Императорского Николаевского университета в состав комиссии вошли его первые профессора В. И. Разумовский, И. А. Чувевский и Н. Г. Стадницкий. Большая часть именитых ученых, конечно, являлась членами СУАК формально, однако некоторые из них были вовлечены в ее деятельность достаточно активно. После открытия в сентябре 1917 г. историко-филологического факультета Саратовского университета профессор кафедры всеобщей истории В. А. Бутенко и профессор кафедры сравнительного языкознания М. Р. Фасмер принимают участие в заседаниях правления СУАК, предлагают прочитать курсы лекций для членов комиссии, а профессор кафедры русской истории В. И. Веретенников в ноябре 1917 г. был избран на должность товарища председателя СУАК [29, л. 13 об]. Члены СУАК, в свою очередь, пополнили профессорско-преподавательскую корпорацию нового факультета: С. Н. Чернов и П. Г. Любомиров вошли в ее состав в сентябре 1917 г., а в июне 1918 г. к ним присоединился и сам А. А. Гераклитов в качестве младшего ассистента кафедры русской истории. Вероятно, не в последнюю очередь это избрание было обусловлено контактами профессоров с Гераклитовым по работе в СУАК, ставшей для Александра Александровича и других членов комиссии настоящей школой

самоподготовки, а для историко-филологического факультета – кузницей местных кадров.

Контакты А. А. Гераклитова с учеными не ограничивались Саратовским университетом. В годовых отчетах по историческому архиву упоминается, что с документами комиссии работали профессиональные историки, в том числе из европейских университетов [30, с. 56 (2-й пагинации)]. Помимо этого, в личном фонде Александра Александровича хранятся письма от Н. П. Лихачева (1862–1936) – виднейшего специалиста в области библиотечного дела, источниковедения, дипломатики и сфрагистики, преподавателя Петербургского археологического института. В 1909 г., еще в начале своей «архивной» деятельности, Гераклитов задумал составление сборника филиграней на бумаге XVIII в. и обратился к именитому ученому за консультацией по вопросу их зарисовки, на что получил ответ, сохранившийся в личном фонде Александра Александровича [16, л. 49]. В 1916 г. уже сам Лихачев писал в Саратов с просьбой выслать отсутствующие у него выпуски Трудов СУАК [17, л. 46]. В 1915–1916 гг. Гераклитов знакомится с эвакуированными в Саратов преподавателями и сотрудниками Киевского университета. Среди них С. И. Маслов (1880–1957) – литературовед, исследователь истории печати на Украине и И. М. Каманин (1850–1921) – палеограф, один из ведущих украинских архивистов своего времени. Их сближал с Гераклитовым общий интерес к истории книги, и все вместе они, видимо, входили в некий книговедческий кружок со старообрядческим священником Георгием Фомичевым. Свидетельством этому служит приглашение, написанное отцом Георгием в виде документа XVI–XVII вв. [17, л. 92]. Вероятно, именно эти знакомства помогли саратовскому краеведу впоследствии опубликовать свои статьи в изданиях Украинской академии наук.

Не всегда общение с профессурой проходило на равных: в своих тетрадях с XV Археологического съезда в Новгороде А. А. Гераклитов с раздражением отмечает «презрительное отношение белой кости (проф.) к черной... На 24/VII были назначены экскурсии и осмотр ризницы Соф[ийского] собора. В первую очередь с НВ (так в оригинале. – И. П.) Покровским попала одна аристократия. Всех возмущает крайняя небрежность и невнимание распорядителей съезда» [31, л. 42 об]. Но тем не менее дистанция между мирами «областной» и «университетской» наук через их взаимодействие в рамках деятельности УАК постепенно сокращалась.

Набираясь опыта в обработке архива СУАК, постепенно и сам Александр Александрович примеряет на себя роль наставника. Некоторые киевские студенты в период эвакуации принимают участие в работе комиссии, в том числе под руководством Гераклитова помогают разбирать дела архивов губернских учреждений.

В фонде краеведа отложились письма студентов А. Д. Вадковской, С. И. Сомчевской и В. Михалкина, написанные в 1916 г. [17, л. 48–50, 69, 72–74]. Из них становится ясно, что между студентами и Александром Александровичем установилась прочная личная связь и научный контакт даже после их возвращения в Киев.

Как мы видим, работа в СУАК давала А. А. Герасимову возможность взаимодействовать с представителями самых разных слоев общества – от сельского учителя до родовитых помещиков и чиновников высокого ранга. Саратовец заводит знакомства с членами УАК в других городах, с университетскими преподавателями, взаимодействует с центральными научными обществами и постепенно сам начинает свой путь наставничества в науке. Комиссия стала для него тем интеллектуальным пространством обмена знаниями и опытом, каким в свое время не смог для него стать Казанский университет. Помимо этого, СУАК сыграла в его биографии и роль социального лифта: с весьма высокой долей вероятности можно утверждать, что личные контакты, приобретенные во время работы в комиссии, поспособствовали избранию Герасимова в состав преподавателей историко-филологического факультета Саратовского университета. Так сын мелкого чиновника, которого в свое время могли отдать учиться в ремесленное училище, стал университетским преподавателем.

Примечания

- ¹ Дальнейшая работа А. А. Герасимова в краеведческих организациях Саратова – ИСТАРХЭТ, НВОНОК – и в Саратовском университете остается за рамками данного исследования.
- ² В православной церкви принято обращение «отец» к священникам и «владыка» к епископам.
- ³ И. К. Бошняк (1717–1791) – комендант Саратова в 1773–1774, 1782–1788 гг., М. М. Ладыженский (1723 – ок. 1801) – Главный судья Саратовской канторы опекунов иностранных поселенцев в 1774–1782 гг.

Список литературы

1. Александров Д. А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3–22.
2. Кузнецова Ю. А. Александр Александрович Герасимов: Материалы для биографии // Ученые записки Саратовского университета. 1959. Вып. 2. С. 117–127.
3. Герасимов А. А. Воспоминания / подг. текста, публ., коммент. и вступ. ст. Н. А. Попковой. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2004. 120 с.
4. Соломонов В. А. В изучении источника он выступает мастером большого калибра... (С. Н. Чернов о научной деятельности А. А. Герасимова) // Археология Восточно-Европейского степи. 2007. Вып. 8. С. 262–279.
5. Попкова Н. В. А. А. Герасимов: страницы биографии (по материалам архива СГУ) // Из истории Саратовского края : сб. ст. и док. / под ред. В. Н. Данилова. Саратов : Издательство ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020. С. 51–61.
6. Пчелинцев И. А. Биографические материалы А. А. Герасимова в фондах Саратовского областного музея краеведения // Личные фонды государственных архивов как научно-информационный ресурс : материалы Всероссийской научной конференции историков и архивистов / предисл. М. М. Леонова. Самара : ООО «Слово», 2021. С. 89–97.
7. Пчелинцев И. А. Почему А. А. Герасимов ушел из Казанского университета? (по материалам переписки с А. Е. Герасимовым) // Двадцатые Межрегиональные образовательные Пименовские чтения. Глобальные вызовы современности и духовный выбор человека : сборник научных трудов. Саратов : Издательство Саратовской митрополии, 2023. С. 138–142.
8. Отдел редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Инв. № 3415.
9. Бердинских В. А. Уездные историки. Русская провинциальная историография. М. : Новое литературное обозрение, 2003. 522 с.
10. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. 1886 12/XII 1911 г.: Ист. очерк / сост. В. П. Соколов. Саратов : тип. Союза печ. дела, 1911. [6], 262, 46, II с., 5 л.
11. Герасимов А. А. История Саратовского края XVI–XVIII вв. Саратов : Друкарь, 1923. 376, III с.
12. Книга. Сборник статей Герасимова А. А., члена Саратовской ученой Архивной комиссии // Саратовский областной музей краеведения (далее – СОМК). СМК 76194. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=8692556> (дата обращения: 06.06.2024).
13. СОМК. СМК 15038/127.
14. СОМК. СМК 15038/135.
15. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 407. Саратовская губернская ученая архивная комиссия. Оп. 2. Д. 231.
16. Архив СПБИА РАН. Ф. 38. А. А. Герасимов. Оп. 1. Д. 117.
17. Архив СПБИА РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 121.
18. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 588.
19. Отдел редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Инв. № 3427.
20. Протокол общего собрания Саратовской ученой архивной комиссии 14 апреля 1912 года // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1913. Вып. 30. С. 1–4 (2-й пагинации).
21. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 730.
22. Протокол общего собрания Саратовской ученой архивной комиссии 14 апреля 1911 года // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1911. Вып. 28. С. 36–40 (2-й пагинации).

23. Протокол общего собрания Саратовской ученой архивной комиссии 4 октября 1911 года // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1912. Вып. 29. С. V–X (2-й пагинации).
24. Протокол общего собрания Саратовской ученой архивной комиссии 30 марта 1914 года // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1914. Вып. 31. С. 283–286.
25. Гераклитов А. А. Архивы Саратовской губернии // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1913. Вып. 30. С. 3–31 (1-й пагинации).
26. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 271.
27. Труды Первого Съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений. 6–8 мая 1914 г. СПб. : Типография Главного Управления Уделов, 1914. VII, 107 с.
28. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 579.
29. ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 308.
30. Гераклитов А. А. Отчет по историческому архиву за 1909 год // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1910. Вып. 26. С. 52–60 (2-й пагинации).
31. Архив СПбИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 208.

Поступила в редакцию 08.06.2024; одобрена после рецензирования 26.07.2024;
принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 08.06.2024; approved after reviewing 26.07.2024;
accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 118–129

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 118–129

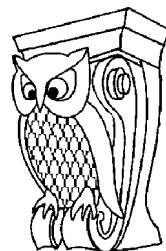
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-118-129>, EDN: YZWTTY

Научная статья

УДК [061.23(73):338.439(470.44)]|1921/1923|

Американская администрация помощи и ее участие в борьбе с голодом в Поволжье (начало 1920-х годов)

А. А. Герман

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, a.a.german@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7571-7645>, AuthorID: 296863

Аннотация. В статье исследуется деятельность Американской администрации помощи (АРА) – благотворительной организации США в России – в период массового голода 1921–1923 гг., показана ее конкретная роль в ликвидации голода в Саратовском Поволжье. Для оказания помощи было задействовано 300 сотрудников, приехавших из Америки, и около 10 тыс. советских граждан. Гуманитарная миссия помогала голодающим детям и больным питанием, одеждой, медикаментами в первую очередь в самых «пораженных» голодом губерниях Поволжья. АРА занималась также отправкой посылок от частных лиц или других организаций для спасения голодающих. Бюджет АРА, использованный для преодоления голода в России, превышал 60 млн долларов. Анализ деятельности АРА демонстрирует высокую степень сострадания и солидарности государственных органов и общественности США, проявленных в отношении населения ряда регионов России, оказавшегося перед угрозой вымирания.

Ключевые слова: Американская администрация помощи, борьба с голодом, благотворительность, Россия, Поволжье, США

Для цитирования: Герман А. А. Американская администрация помощи и ее участие в борьбе с голодом в Поволжье (начало 1920-х годов) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 118–129. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-118-129>, EDN: YZWTTY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

American Relief Administration (ARA) and its participation in the fight against hunger in the Volga region (early 1920s)

A. A. German

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Arkadiy A. German, a.a.german@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7571-7645>, AuthorID: 296863

Abstract. The article examines the activities of the American Relief Administration (ARA), a US charitable organization in Russia, during the mass famine of 1921–1923, and shows its specific role in eliminating hunger in the Saratov Volga region. 300 employees who came from America and about 10,000 Soviet citizens were involved in providing assistance. The humanitarian mission helped starving children and the sick with food, clothing, and medicines, primarily in the most famine-stricken provinces of the Volga region. ARA was also involved in sending parcels from individuals or other organizations to rescue the hungry. The budget of the ARA used to overcome hunger in Russia exceeded \$ 60 million. The analysis of the activities of the ARA demonstrates a high degree of compassion and solidarity between government agencies and the public of the United States, shown in relation to the population of a number of regions of Russia facing the threat of extinction.

Keywords: American Relief Administration (ARA), fight against hunger, charity, Russia, Volga region, USA

For citation: German A. A. American Relief Administration (ARA) and its participation in the fight against hunger in the Volga region (early 1920s). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 118–129 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-118-129>, EDN: YZWTTY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В насыщенной большим количеством драматических и трагических событий истории нашего Отечества в XX в. присутствуют мирные годы, когда судьба многих миллионов россиян оказалась поставленной на грань жизни и смерти.

Речь идет о грандиозной гуманитарной катастрофе – тотальном голоде, разразившемся в России на рубеже 1910–1920-х гг., приведшем к колоссальным жертвам и фактически поставившим под вопрос само существование российского на-

рода во многих регионах страны. К сожалению, этот сюжет нашего прошлого до сих пор находится в тени. Еще менее исследованными остаются вопросы, связанные с ролью международной общности в борьбе с российским голодом. Некоторый интерес исследователей к обозначенным проблемам, проявившийся в 1990-х гг., быстро сошел на нет.

Заметный вклад в исследование истории международной помощи россиянам, оказанной в голодные годы конца второго – начала третьего десятилетий XX в. внесли такие отечественные историки как А. А. Макаренко [1], В. Т. Макаров и В. С. Христофоров [2], В. А. Баламутенко и О. Г. Чинова [3], Ф. С. Коротаев [4], Р. А. Латыпов [5], Н. Ш. Усманов [6], Е. М. Хенкин [7]. По данной теме диссертацию защитил Н. Ш. Цихлашвили [8], подготовил и издал монографию В. А. Поляков [9].

Из зарубежных авторов следует отметить Х. Фишера [10], П. Хиберта и О. Миллера, [11], П. Вейдинга [12], а также активно сотрудничавшего с учеными Саратовского государственного университета исследователя из США Джеймса Лонга [13]. Несмотря на существенные достижения исследователей, научный потенциал данной темы еще далеко не исчерпан.

Для современного взаимосвязанного и взаимозависимого мира особо значимым представляется первый опыт широкой мобилизации международной общности для оказания помощи многим миллионам голодавших россиян на огромной территории нашего государства. Опыт преодоления политических, идеологических, социальных, религиозных и иных разногласий, совместной работы во имя очень важной общей цели вполне может быть востребован сегодня как в России, так и в мировом сообществе.

Не менее важными представляется опыт конкретного присутствия, деятельности и взаимодействия различных иностранных благотворительных миссий по оказанию продовольственной и иной помощи страдающему населению, опыт взаимоотношений иностранных благотворительных миссий и властных структур, оценка масштабов, качества и эффективности иностранной помощи, ее возможностей в деле преодоления масштабных природных, социальных и техногенных катастроф, которые, к сожалению, нередки в современном беспокойном мире.

Одной из крупнейших иностранных благотворительных организаций, в числе первых откликнувшихся на бедственное положение голодающего населения Советской России, стала Американская администрация помощи (АРА). Возглавлял её в то время министр торговли США Герберт Гувер. В состав АРА входил целый ряд различных благотворительных структур: Всемирный лютеранский союз, Христианский союз молодежи, Объединение католических благотворительных обществ, Союз баптистов и др.

После окончания Первой мировой войны в рамках деятельности данной организации правительство и народ США помогли населению многих стран мира оправиться от последствий войны. АРА открывала многочисленные миссии помощи в Европе в 1919 г. (в Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и других странах). Основная цель организации заключалась в предоставлении продовольственной помощи, но также помогали и медикаментами, занимались переселением и многим другим.

АРА пыталась открыть миссию в России еще в 1919 и 1920 гг., однако попытка не увенчалась успехом, поскольку большевики опасались, что американцы начнут вмешиваться в гражданскую войну на стороне их противников. Однако после обращений патриарха Тихона и писателя А. М. Горького к зарубежной общественности по поводу голода в России на Западе узнали о реальных масштабах бедствия и вновь предложили свою помощь [10, р. 8–24.].

26 июля 1921 г. председатель АРА Г. Гувер обратился к А. М. Горькому с предложением предоставить пищу, одежду и лекарства для 1 млн детей России [14, л. 33]. 28 июля 1921 г. А. М. Горький от имени правительства России ответил о принципиальном согласии со всеми выдвинутыми условиями и о скорейшей необходимости переговоров [9, с. 421].

С 10 по 20 августа 1921 г. в Риге состоялись сложные переговоры между директором АРА в Европе В. Брауном и заместителем Народного комиссара иностранных дел РСФСР М. М. Литвиновым, выступавшим от имени Центральной комиссии помощи голодающим (Центркомпомгола). Г. Гувер ещё в первой телеграмме к А. М. Горькому выставил условия, выполнение которых зависело от советского руководства, а не от Центркомпомгола, который американский министр считал, как отмечал впоследствии Литвинов, только некой благотворительной организацией, а потому мандат Литвинова не был признан. Чтобы не срывать переговоры, М. М. Литвинов подписал договор не от Центральной комиссии помощи голодающим, а в качестве замнаркома, официального представителя Советского государства. Для этого ему пришлось запрашивать с курьером в Ригу мандат за подписью Председателя Совнаркома, а также копию приказа ВЧК об освобождении американцев из провинциальных тюрем и копию объявления в газете, где подтверждалась возможность свободного выезда из РСФСР всех американцев [15, л. 1].

Отмеченные выше копии были необходимы в силу того, что АРА готова была помочь голодающим РСФСР при условии немедленного освобождения всех находящихся в России американских пленных, а также предоставления возможности выезда из России всем американцам,

желающим этого [16, л. 1]. 12 августа в газетах «Правда» и «Известия» было опубликовано объявление о возможности беспрепятственного выезда 76 американских граждан из РСФСР [17, л. 2].

В. И. Ленин тщательно следил за ходом переговоров в Риге и настойчиво рекомендовал создать комиссию Политбюро для разрешения возникающих вопросов. В записке Политбюро от 11 августа он так определил главную линию советского правительства: «Условия поставить архистрогие. За малейшее вмешательство во внутренние дела – высылка и арест». Советские руководители очень боялись, что помощь АРА может быть использована для свержения советской власти [8, с. 185; 9, с. 14; 10, р. 98]. Таким образом, несмотря на уступки в отношении американских граждан, находившихся на территории Советского государства, какие-либо другие политические уступки ни в коем случае не могли быть приняты.

После урегулирования всех формальных вопросов 20 августа 1921 г. было подписано соглашение [18, с. 281–286] и началась интенсивная работа по оказанию помощи голодающим России, в том числе и бедствующим Саратовского Поволжья [19, л. 1–2; 20, с. 123].

Американцы заявили о немедленной высылке первых вагонов с продовольствием, причем Г. Гувер обещал, что ежемесячно будет расходоваться 1,2–1,5 млн долларов на продовольственные поставки в Россию [20, с. 108].

В договоре прописывались условия деятельности благотворительной организации (АРА) на 1921–1923 гг., являвшиеся стандартными для всех 23 стран, получавших когда-либо помощь от АРА. Согласно подписанному соглашению, АРА могла ввезти в Россию любой необходимый персонал, за исключением лиц, задержанных по каким-либо причинам в 1917 г. в России. Такие могли попасть в РСФСР только с персонального разрешения советских органов.

В организации АРА для оказания помощи Советской России, было задействовано 300 сотрудников, приехавших из Америки, и около 10 тыс. советских граждан [2, с. 238–245]. Все-му персоналу АРА советское руководство должно было предоставить полную свободу, защиту, а также беспрепятственное передвижение во время пребывания его в советской стране. Служащие АРА могли бесплатно и свободно пользоваться всеми видами связи и транспорта.

Право на бесплатный и беспрепятственный проезд представителям американской миссии давали специальные мандаты и проездные билеты, которые выдавались советским руководством. В мандате обычно указывались фамилия имя отчество и должность служащего АРА, район его работы. В нем перечислялись льготы: проезд на любом виде транспорта осуществлялся

за счет советской власти, по первому требованию необходимо было предоставлять сотруднику помещение для работы и бесплатное использование телеграфной линии. Мандаты имели срок своего действия. Обычно их выдавали на 3 месяца, а потом заменяли. Разовые проездные билеты выдавали через Народный комиссариат путей сообщения (НКПС), а оплачивались они Центромкомпомголом [21, л. 110].

Американские продукты миссия могла разгружать в Советских портах (Петрограде, Мурманске, Астрахани, Новороссийске), либо в портах Риги, Ревеля, Либавы, Гельсингфорса. При прибытии грузов в зарубежные порты советское руководство должно было информироваться об этом не менее чем за 5 дней. Американская миссия согласилась на досмотр грузов, а также обещала не ввозить в Россию алкогольные напитки. Все расходы за хранение, разгрузку, доставку продуктов с порта до места назначения возлагалась на советскую сторону. Она же отвечала за оперативность доставки американских грузов к месту назначения, а также следила за их сохранностью.

Советское руководство обязывалось возмещать ущерб в случае краж и хищений продуктов в пути, ненадлежащего их использования. Все продукты миссии должны были распределяться от имени АРА и находились в ее собственности до момента их потребления детьми и больными. Для американцев предоставлялись помещения под склады, конторы, кухни, в которых проводилось питание голодающих. Все эти объекты содержались за счет местных средств и должны были поддерживаться в рабочем состоянии.

В связи с этим советским правительством были осуществлены чрезвычайные меры по подготовке портов и железных дорог для приема и транспортировки американского продовольствия. Досрочно вошел в строй Новороссийский порт. С начала января 1922 г. Народный комиссариат путей сообщения (НКПС) выделял по 140 вагонов в сутки для перевозки грузов иностранных организаций [6, с. 123].

В целях быстрее налаживания и осуществления иностранной продовольственной помощи голодающим 22 сентября 1921 г. ВЦИК издал приказ № 211 (1354), в котором предписывалось все обращения АРА ко всем подведомственным советской власти организациям рассматривать в срочном порядке. Оговаривались и сроки рассмотрения – не более 48 часов с момента поступления.

АРА в свою очередь гарантировала политическую направленность своей деятельности в России. Гуманитарная миссия обещала помогать голодающим детям и больным питанием, одеждой, медикаментами и ставила своей задачей помочь в первую очередь самым «пораженным» голодом губерниям Поволжья.

Американской стороной были сняты некоторые ранее поставленные требования. В частности, она отказалась от притязания на право экстерриториальности и получение гарантий полного невмешательства советских властей в деятельность АРА. Уполномоченные АРА также сняли свое первоначальное требование о внесении советским правительством денежного залога в один миллион долларов. Эта сумма должна была выступить в качестве гарантии того, что поставки из США будут использованы по назначению, а именно для помощи голодающим детям [22, л. 16].

Таким образом, можно говорить о том, что российским представителям на переговорах удалось добиться некоторого успеха, хотя надежд на это было довольно мало. В частности, существовало решение Политбюро ЦК РКП (б), в котором предписывалось принять предложение Гувера, «даже если не удастся путем переговоров изменить выставленные им предварительные условия» [3, с. 77].

Соглашение было достигнуто и начало воплощаться в жизнь, но ни одна из сторон, заключивших его, не смогла скрупулезно выполнять его по причине того, что ситуация с голодом в Советской России представляла собой особый случай, не вписывавшийся в имевшуюся практику помощи другим странам.

Имея на руках текст договора, Гувер тотчас через АРА начал поставки и распределение помощи в Россию. Первая группа американских спасателей прибыла в Москву в конце августа 1921 г. Американское судно «Феникс» с продовольствием прибыло в Петроград 1 сентября 1921 г., а 6 сентября открылась первая столовая АРА в Советской России.

Структура управления АРА в 1921–1923 гг. выглядела следующим образом: организация делилась на несколько отделов – организационное бюро, секретариат, транспортная, врачебная, статистическая, счетно-финансовая, хозяйственная части и комендатура. С 1 февраля 1923 г. в структуре Управления, согласно решению его организационного бюро, произошли некоторые изменения: материальная часть из транспортного отдела была выделена и передана хозяйственному, в него же вошла комендатура. Это было сделано для более удобного функционирования организации. Во главе управления стоял уполномоченный.

Центральное представительство АРА размещалось в Москве. Вся территория Советской России, охваченная голодом, представителями АРА была разделена на округа (дистрикты), области, районы.

В Поволжский округ входило 7 областей: Казанская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Царицынская, Оренбургская, Уфимская.

В каждую область могло входить несколько административно-территориальных субъектов

РСФСР как полностью, так и частично, то есть, границы областей не всегда соответствовали границам административно-территориальных образований. Каждая область формировалась из учета наличия железных дорог, рек, расположения складов, возможностей доставки продовольствия в отдаленные голодающие селения. В каждой области был свой американский представитель.

Саратовская область включала в себя Саратовскую губернию, Область немцев Поволжья, Уральскую губернию Киргизской АССР (Основную часть бывшей Уральской губернии ныне занимают Западно-Казахстанская и Атирауская области Республики Казахстан). Область привязывалась к двум крупным железнодорожным узлам: Саратову и Ртищеву. Там были созданы крупные продовольственные склады АРА и оттуда продукты развозились по населенным пунктам области, включая и Уральскую губернию.

В свою очередь, каждая область делилась на районы, их границы практически совпадали с границами губерний и национальных областей. Так, на территории рассматриваемого нами Саратовского Поволжья существовало два района: Саратовская губерния и Область немцев Поволжья. В каждом из этих районов (в Саратове и в Марксштадте) АРА имело свои представительства. Они имелись и во всех других районах, образованных этой организацией [23, с. 5–7].

Первоначально для осуществления помощи голодающим временный глава миссии АРА Филипп Кэрролл пытался организовать работу АРА по общепринятым правилам, которые заключались в определенном принципе раздачи пищи через местные организации под непосредственным контролем американцев. Для этого он пытался создать совместные комитеты из американских и русских представителей, что должно было способствовать лучшей координации действий. Однако небольшевицкая интеллигенция отказывалась вступать в комитеты, боясь тем самым попасть под подозрение советской власти [24, с. 146]. Поэтому было принято решение налаживать работу помощи через советские органы власти.

Для контроля и организации деятельности АРА при советском правительстве был учрежден Полномочный представитель правительства РСФСР при АРА, а в губерниях его Уполномоченные. Однако в дальнейшем, согласно постановлению ВЦИК от 7 декабря 1921 г., функции Полномочного представительства РСФСР при АРА были расширены – он объединил деятельность всех заграничных организаций. Соответственно, изменились и функции его Уполномоченных по Саратовской губернии и Области немцев Поволжья – они стали шире. Изменилось и название должности – «Уполномоченный Полномочного представительства РСФСР при всех заграничных организациях помощи

голодающим». Свою деятельность Уполномоченные Полномочного представителя правительства РСФСР по Саратовской губернии и Области немцев Поволжья в Саратове и Маркштадте начали в ноябре 1921 г.

В 1922–1923 гг. территориальные границы деятельности управления Уполномоченного Полномочного представительства по Саратовской губернии расширились за счет присоединения к нему Области немцев Поволжья, Уральской и Букеевской губерний Киргизской АССР, Николаевского уезда Царицынской губернии и Пугачевского уезда Самарской губернии. 1 апреля 1923 г. дополнительно были присоединены Астраханская губерния и Калмыцкая область, а весь район деятельности стал называться Нижним Поволжьем.

Особо полномочным представителем правительства РСФСР при заграничных организациях Помощи был назначен Александр Эйдук. Летом 1922 г. его на этом посту заменил Константин Ландер. Оба полномочных представителя правительства внесли немалый вклад в дело содействия работы АРА в России. Непосредственно курировал эту работу первый заместитель председателя Совнаркома РСФСР Л. Б. Каменев [6, с. 129].

Для практической реализации миссии АРА в России ее руководством совместно с правительством Советской России был создан специальный Русско-американский комитет помощи детям (РАКПД). Он находился в Москве и возглавлялся представителем АРА в России полковником Уильямом Хаскеллом и представителем правительства РСФСР при АРА А. В. Эйдуком [12, р. 206]. Организация занималась контролем доставки американских продуктов в советские и зарубежные порты и дальнейшим их распределением по регионам. При комитете был образован Совет русских экспертов (врачей, специалистов по питанию) из заинтересованных ведомств РСФСР. Отдел принимал участие в подготовке общих директив, в частности, формулировал общие положения по практическому осуществлению детского питания в районах голода.

РАКПД состоял из нескольких отделов. Административный отдел занимался сбором статистических данных, высчитывал нормы питания, разрабатывал план организации столовых и питательных пунктов, занимался обучением кадров инструкторов. Отдел снабжения отвечал за сохранность грузов в складах и складах, поставлял топливо, отвечал за транспорт. Врачебный отдел должен был наблюдать за врачебной помощью, распределять врачебно-санитарный материал, принимать все меры, необходимые против распространения эпидемий. Финансовый отдел занимался оплатой расходов по переброске продуктов внутри страны, закупкой инвентаря, топлива для работы столовых. Советское

правительство в свою очередь должно было выделять на последний отдел денежные средства для ведения работ РАКПД. Несмотря на помощь со стороны советского правительства, организация по возможности должна была распределять компенсацию всех своих затрат по губерниям и городам. Каждый город должен был платить, сколько может, из своих накладных расходов. Тот же принцип действовал и по губерниям [25, л. 317].

В каждом округе, где разворачивалась помощь, открывались областные и районные исполнительные комитеты РАКПД. Их число устанавливалось Центральным исполнительным комитетом в Москве в зависимости от размера предполагаемой работы. Во всех комитетах РАКПД присутствовали представители как от АРА, так и от советской власти (обычно это были представители местных Губисполкомов). Все это требовалось для поддержания тесной связи в работе советских органов и иностранной организации. Как правило, в каждом округе одновременно работало не более 7–8 американцев, остальной персонал набирался из местного населения [6, с. 128]. При его подборе американцы руководствовались исключительно деловыми качествами людей.

В деревнях и селах, наиболее пострадавших от голода, образовывались местные комитеты РАКПД. Обычно они состояли из председателя сельского исполкома, представителя Компомгола, одного школьного учителя, фельдшера (или доктора), уполномоченного по транспорту и нескольких представителей от села или деревни. Все члены Комитета избирали себе административный персонал: председателя, секретаря и казначея. Основная задача местных комитетов заключалась в том, чтобы помочь АРА наладить работу добавочного питания на местах. Они занимались организацией столовых, доставкой американских продуктов с местного склада в столовые, контролировали работу кухонь, заботились о сохранности продуктов питания, следили, чтобы продукты хранились в должном состоянии. Местные комитеты непосредственно отчитывались перед районными и областными РАКПД.

Таким образом, местные комитеты РАКПД сами формировали штат своих сотрудников, который утверждался центром. Выбор сотрудников в местные комитеты производился по мере возможности из жителей местности, в которой проходило оказание помощи местному населению. Отделения АРА, находящиеся в маленьких поселках, где обычно работал персонал только из местных, ежемесячно посещались сотрудниками АРА соответствующих округов.

Местные комитеты утверждали в своих районных отделениях списки особо нуждающихся детей, а также матерей в ожидании или кормления, которые могли получить добавочное пита-

ние. Также Уполномоченный местного комитета, только через районную контору РАКПД, в назначенный ей день мог забрать со склада продукты для столовых на 1-2 недели. Для этого Уполномоченному необходимо было предоставить районному комитету готовые и заранее утвержденные списки на питание, отчеты по столовым, и только после утверждения всех документов ему на руки выдавался ордер. С ним со склада под расписку на накладной, можно было получить продукты. Продукты получали чистым весом и записывали их на приход продуктовой книги. Однако не всегда весь продуктовый ассортимент присутствовал на складе в наличии. Если какие-либо продукты отсутствовали, их заменяли другими, на основании специальной таблицы, составленной АРА (табл. 1).

При этом интересно, что все продукты могли быть заменены, кроме муки. А вот какао можно было заменять любыми продуктами из списка. После получения продуктов на местные комитеты возлагалась полная ответственность за перевоз и сохранность груза.

Таблица 1

Таблица замены одних продуктов другими, равными по весу

Название продукта	Заменитель
Мука	Замена не разрешается
Бобы	1/2 кукурузной крупы и 1/2 муки
Рис	1/2 кукурузной крупы и 1/2 бобы
Кукурузная крупа	1/2 мука и 1/2 рис
Жиры	1/2 бобы и 1/2 молоко
Молоко	1/2 мука и 1/2 бобы
Какао	Мука, бобы, кукуруза, крупа, рис и жиры

Сост. по: [26, л. 44].

АРА выставяла определённые требования по условиям хранения продуктов в столовых. Из отправляемых на места циркуляров видно, что одним из главных условий было предоставление отдельного помещения для американских продуктов. Запрещалось хранить продукты на сыром полу или на чердаке без потолка [26, л. 45]. Тем самым организация заботилась о как можно большей сохранности питания в свежем виде.

Ставились требования и по безопасности. Так обязательным условием были железные решетки на окнах и два замка на дверь кладовой. Американцы всячески старались уберечь свои продукты от кражи и расточительства. Поэтому ключи от замков по предписанию АРА находились один у председателя местного комитета, а другой у заведующего столовой.

Нужно заметить, что, несмотря на первоначальное желание американцев заниматься лишь наблюдательным контролем за проведением питания голодающих, они сочли необходимым

лично заниматься организацией местных комитетов и непосредственно контролировать раздачу продуктов в столовых. Американский персонал контролировал работу РАКПД и принимал окончательное решение по вопросам его работы. Помимо этого, он передавал необходимые инструкции и вносил коррективы в работу организации. Очевидно, это было вызвано желанием как можно быстрее сформировать аппарат и наладить его работу по оказанию помощи голодающим. Но тем не менее ни одно распоряжение АРА или РАКПД не имело за собой законной силы без визы (подтверждения) Полномочного представителя от центрального представительства РСФСР или Уполномоченного местной советской власти.

Согласно правилам, установленным американцами, пищу в столовых могли получать дети в возрасте от рождения до 14 лет включительно (прошедшие медицинское обследование и признанные голодающими). Главным критерий при выборе была степень нуждаемости. Для подтверждения дети должны были получить удостоверение от школьных советов или комитетов учащихся.

Карточки на паек АРА изготавливались, хранились и распределялись на места Центральным карточным столом, находящимся при Управлении Уполномоченного представительства РСФСР. Уездные карточные бюро и уездные комитеты, получив от Центрального карточного бюро карточки, рассылали их дальше сельским местным комитетам. Карточки изготавливались на 3 месяца с недельными талонами. Таким образом, те, кто хотел получить карточки на паек АРА, должны были подать в карточное бюро, а где их не было – в районные или местные комитеты заявление с приложенными документами о нуждаемости.

Всем, кто попадал в списки на питание, утвержденные районным местным комитетом, получали от местной комиссии индивидуальные входные карточки. Срок их действия ограничивался одним годом и обозначал недели по календарю. В карточках содержалась следующая информация: фамилия имя отчество «столующегося», его возраст, место проживания, а также фамилия Уполномоченного представителя от РСФСР и АРА.

При обследовании в карточку заносилось дата обследования, рост человека в сидячем положении и его вес. Номер входной карточки соответствовал номеру из списка. Для каждой столовой существовали свои списки, поэтому питающиеся как бы прикреплялись к определенной столовой. Обеды из столовой отпускались детям и персоналу столовой по купонам обеденных карточек. Заведующий столовой отрезал или зачеркивал химическим карандашом число, соответствующее определенному дню месяца. Неиспользованные купоны карточек на следующий день уже считались недействительными.

Если же ребенок не посещал столовую в течение недели без особых на то оснований, его лишали права в дальнейшем посещать питательный пункт. Все получающие дополнительный паек АРА могли продолжать получать местные пайки от государства.

Местный комитет, по распоряжению АРА, устанавливал точные часы выдачи продуктов повару, закладки их в котел и раздачу обедов голодающим. Время обычно выбирали наиболее подходящее под местные условия. Не разрешалось выдавать обеды в то же время, когда местное население обычно обедало дома. Уносить еду домой запрещалось, порция должна была быть съедена в столовой. Поэтому еда выдавалась только в готовом виде и только в столовых или закрытых учреждениях, где существовали кухни (школы, больницы, и т. д.).

Неиспользованные обеды могли быть розданы детям лишь по особым спискам, составляемым дополнительно местным комитетом. При каждой детской столовой создавались материнские комитеты. Членов комитета выбирали из самых необеспеченных матерей, дети которых питались в столовой. В их обязанность входило следить за всеми детьми во время обеда, чтобы не допустить уноса остатков пищи домой. Помимо этого, они должны были наблюдать за правильным приготовлением обедов, выдачи порций и хлеба. Однако материнские комитеты не могли вмешиваться в работу заведующего столовой [5, с. 36–39].

Персонал столовых, состоящий из заведующего, контролера, повара, чернорабочего, сторожа кладовщика (истопника по совместительству), счетовода (конторщика) и инспектора, получали обед в двойной порции, которую они могли съесть только в питательном пункте. Получать денежное вознаграждение и государственный паек им строго запрещалось.

Число служащих в столовых по распоряжению АРА должно было соответствовать минимуму, необходимому для нормального функционирования питательного пункта. Ставилось ограничение: 20 служащих на 1 тыс. кормящихся детей. Помимо этого, американские представители строго следили за тем, чтобы в одной столовой не работали близкие родственники, сократив, таким образом, риск злоупотреблений.

Состав рациона, получаемого детьми во всех столовых АРА, вне зависимости от региона, был приблизительно одинаков. При этом они не подменяли принятые на советской территории нормы снабжения.

Продукты, выдаваемые АРА для приготовления пищи, по утверждению организации, были самого лучшего качества. Суточная калорийность их составляла в среднем 778 калорий. Кормили, как видно из табл. 2, один раз в день. Всего на одного ребенка приходилось около

20 фунтов (8,2 кг) продуктов в месяц. В сваренном виде обед по объему составлял пол-литра супа, который выдавался специальным ковшом этой меры. Хлеб для столовых выпекали в специальных пекарнях. На 100 фунтов (около 41 кг) муки пекарь должен был предоставить столовой 113 фунтов (46,3 кг) хлеба. При этом нельзя было платить пекарю мукой или использовать муку АРА по другому назначению. Такие злоупотребления строго наказывались.

Таблица 2

Меню в столовых АРА

Дни недели	Первое блюдо и его состав, г	Второе блюдо и его состав, г
Понедельник	Сладкое какао: Какао – 13,7 Сахар – 39,3 Молоко – 65 Мука – 9,8	Хлеб: Мука – 98,5
Вторник	Рисовый пудинг: Сахар – 15,75 Рис – 68,8 Молоко – 39,9	Хлеб: Мука – 88,7
Среда	Рис с лапшой: Молоко – 19,2 Мука – 49,2 Рис – 49,2 Жиры – 19,6	Хлеб: Мука – 88,7
Четверг	То же, что и в понедельник	
Пятница	То же, что и во вторник	
Суббота	Бобы: Мука – 19,6 Бобы – 137,9 Жиры – 19,6	
Воскресенье	То же, что и в среду	

Сост. по: [22, л. 8 и 26, л. 45].

АРА старалась составить легкоусвояемый рацион из питательных продуктов, направленный на восстановление пищеварительного аппарата детей (см. табл. 2), разрушенного употреблением различных, часто несъедобных суррогатов. По сообщению с мест, в городах дети через некоторое время после зачисления их в столовые, начинали поправляться и прибавлять в весе. Однако здесь нужно учитывать, что в городах дети были более обеспечены домашним питанием, чем в сельской местности, но и там отмечались значительные улучшения состояния здоровья детей, посещавших столовые.

Все продукты, находящиеся в потреблении, распределялись строго по весу. Повару продукты выдавались каждый раз согласно норме меню и количеству едоков. За этим велась строгая отчетность. Выданные продукты записывались в книгу обедов и заверялись подписью контролера. После этого продукты списывались в расход по продуктовой книге. При выдаче обедов необходимо было сразу же заносить отметку о выдаче

на отрывном купоне карточки. Таким образом, при подсчете купонов, контролер мог посчитать расход продуктов. Количество расходуемого хлеба можно было проверить, сверив количество муки, выданной по продуктовой книге, с количеством полученного хлеба. Понедельные продуктовые отчеты, а также ведомости о движении детей, где фиксировалось их выбытие из столовых по каким-либо причинам (смерть, отъезд, переход в другую столовую) ежемесячно должны были предоставляться в местные комитеты.

При недостаточной сети питательных пунктов и в общем незначительном числе питающихся по сравнению со всей массой голодающих обстановка требовала по возможности равномерного распределения помощи, поэтому в столовых АРА были установлены очереди при зачислении на питание. Дети, более или менее оправившиеся, при врачебном осмотре снимались со снабжения, а на их место зачислялись другие.

При необходимости производили сокращение количества детей на питание. Для этого заведующий столовой должен был собрать общее собрание родителей, из числа которых выбирались представители комиссии по сокращению детского питания. В комиссию могли попасть только самые нуждающиеся. Состав комиссии утверждался местным комитетом АРА. Он же предоставлял представителю и секретарю комиссии информацию о количестве мест, которые должны быть сокращены. На основании этих данных комиссия выбирала самых голодающих детей, которых оставляли на питании. Список сокращенных вместе с актом передавался комиссией в местные комитеты АРА, а карточки и списки сокращенных детей передавались в карточное бюро.

Так, например, в Маркштадском уезде Области немцев Поволжья с питания в январе 1922 г. было снято 38 041 детей, что составило 10% от всех питающихся. Необходимо отметить, что даже если количество питающихся сокращалось, а продуктов становилось больше, чем едоков, порции все равно не увеличивали, их оставляли до следующей варки и засчитывали уже в счет последующей порционной выдачи.

С весны 1922 г. АРА смогла распространить свою деятельность и на взрослое население. Это стало возможным потому, что еще в конце 1921 г. конгресс США выделил 20 млн. долларов для закупки у американских фермеров кукурузы с целью её отправки голодающим в Россию. Реально помощь АРА распространилась на взрослых голодающих в Саратовской губернии с марта, в Области немцев Поволжья – с апреля 1922 г. В связи с этим комитеты РАКПД были реорганизованы в комитеты содействия АРА [6, с. 124].

Согласно инструкциям АРА, продукты в первую очередь получали кормящие или беременные женщины, затем больные и только потом

голодающие. Их определяли местные комитеты под контролем американского инспектора. Никакая политическая, религиозная или расовая принадлежность не могла повлиять на зачисление. Однако необходимо было подтвердить, что человек является действительно нуждающимся. Для этого работающее население должно было предоставить удостоверение о нуждаемости с мест службы (Месткомами, Рабкомами и Фабкомами). Безработные должны были предоставить билет отдела распределения рабочей силы, свидетельство о нетрудоспособности или болезни. Нуждаемость граждан, проживающих в сельской местности, устанавливалась местными властями.

На практике в столовых АРА первыми питание стали получать кормящие матери до 6 месяцев (однако в этом случае ребенок не мог получать добавочного питания) и беременные с 7 месяцев (при наличии справки). Остальное взрослое население могло рассчитывать на сухой паек. Как и требовала инструкция, из всех вышеперечисленных категорий на питание зачислялись только самые нуждающиеся.

Для учета и организации питания на местах организовывалась регистрация взрослого населения, которая проводилась членами комитета в порядке подворной описи жителей данного селения с проверкой на месте хозяйственных ресурсов у тех заявивших себя голодающими, кто вызывал сомнения. При регистрации голодающие подразделялись на категории. К первой категории относились люди, не имеющие даже суррогатов для питания и пораженные симптомами голода, ко второй – недоедающие. Сухой паек, выдаваемый голодающим, состоял из 2,87 кг муки в неделю в сухом виде или из 13 кг кукурузы в месяц. К лету 1922 г. на содержании АРА находилось более 500 тыс. взрослых жителей Саратовской губернии и свыше 200 тыс. человек взрослого населения Области немцев Поволжья. В это время количество выдаваемых пайков было самым большим за весь период деятельности АРА [27, л. 192].

Выдача кукурузы также требовала строгой отчетности. Саратовская Окружная АРА собирала данные по всем уездам Саратовской губернии и Области немцев Поволжья к 15-му и 30-му числу каждого месяца. Их присылали телеграммой, в которой должны были предоставляться сведения по количеству питающихся. Помимо всего прочего, еженедельно должны были сообщаться сведения по весу и дате получения и израсходования кукурузы, количество выданных пайков с указанием даты и времени их раздачи и на какой срок пайки были выданы.

Существенной была помощь продовольствием для больных. В Саратовской губернии и Области немцев Поволжья существовало немало лечебных учреждений и пунктов, нуждавшихся в продуктовых пайках для больных.

Дополнительные продуктовые пайки для больных, находящихся на излечении в больницах, выдавались от имени американского народа ежедневно, бесплатно и только в готовом виде. Медицинский персонал не мог получать продукты. Меню для обедов составлялось медицинским отделом АРА и не подлежало изменению. Заведующий больницей или лицо на это уполномоченное должны были присылать каждые две недели подробный отчет о количестве ежедневно приготовленных и выданных порций, а также информацию о количестве пациентов на последнее число составления отчета.

Меню необходимо было предоставлять к 10 утра в назначенный для каждой больницы день в отдел АРА на перекрестке улиц Ильинской (ныне ул. им. В. И. Чапаева) и Немецкой (ныне проспект им. П. А. Столыпина), так чтобы они могли получить причитающиеся им пайки в тот же самый день. При получении отчета АРА выдавало пищевой ордер, по которому больница могла получить продукты на следующие две недели. Саратовские больницы получали продукты со склада АРА № 17 каждые две недели в пятницу или субботу на следующие две недели, которые начинались с понедельника. Таким образом, не было перерывов в питании.

Продуктовые пайки считались в собственности АРА до конечного потребления их больными в столовых, поэтому АРА выдвигало жесткие требования к перевозке и хранению продуктов. Все продукты подлежали строгому взвешиванию. От склада АРА до переброски продуктов на склад больницы груз должен был сопровождаться заведующим больницей. Так же как и в обычных столовых, продукты АРА должны были храниться отдельно от другого продовольствия и так, чтобы контролер АРА мог беспрепятственно в любое время провести контроль. Были правила и по употреблению продуктов. Так, банку молока, один раз открыв, нужно было полностью использовать, так как хранить ее уже было нельзя. При выпечке хлеба действовали те же правила, как и при обычном питании детей в столовых.

Одновременно с выдачей кукурузы в деревнях и селах распространялись инструкции в виде листовок по ее употреблению. В листовке содержались рецепты приготовления различных блюд из нее (кукурузная каша, хлеб, сухари). При этом рецепты были простыми и дополнительных ингредиентов почти не требовали, за исключением соли, соды, иногда дрожжей. Также в инструкции содержалась информация о том, как хранить кукурузу и что делать в случае обнаружения плесени.

Для взрослого населения проводились различные медицинские мероприятия [5, с. 36–39]. В конце февраля 1922 г. Уполномоченный АРА Д. Кинни организовал санитарную часть в Саратовской губернии, во главе которой поставили женщину-врача Красовскую. Врачебный

отдел состоял из заведующего и 10 сотрудников. АРА занималась снабжением санитарной части медицинскими средствами. Первоначально деятельность её распространялась на Заволжские уезды Саратовской губернии и Область немцев Поволжья. Затем медпомощь была расширена и на оставшиеся уезды Саратовской губернии, а также на Уральскую губернию. Путем взаимного соглашения был установлен порядок распределения медикаментов, учета потребности, отчетности и контроля. Эту потребность в уездном масштабе выяснял Губернский отдел здравоохранения (Губздрав). Он же контролировал и утверждал потребность вообще всех заявителей.

Учреждения и организации, желавшие получить медикаменты, подавали заявления в Губздрав. Там при удовлетворении заявления ставили визу и регистрировали заявку. Две копии заявления должны были попасть также к Уполномоченному представителю при всех зарубежных организациях. И далее, одна копия, утвержденная Уполномоченным, попадала к представителю АРА. Последний, в случае надобности, проводил обследование лечебных учреждений, подавших заявку, и в зависимости от результата обследования выносил одно из трех решений: удовлетворить, отклонить, временно задержать.

Принятое решение доводилось до медико-санитарной части управления, в случае отказа или задержки объяснялась причина такого решения.

В случае отказа Управление должно было предпринять необходимые меры, чтобы устранить все причины, по которым в помощи было отказано. После этого заявитель ставился в известность о возможности получения помощи. Затем заявитель мог обратиться в АРА, где и получал по накладным со склада АРА необходимые медикаменты. После получения медикаментов ксерокопия накладной отправлялась для отчетности в Медсанчасть и Губздрав. Таким образом, в обязанности Губздрава входило: наблюдение за всей врачебной помощью, в соответствии с основными принципами, установленными АРА, распределение врачебных и санитарных материалов, наблюдение за правильным распределением и доставкой материалов по назначению, а также принятие всех необходимых санитарных предупредительных мер против эпидемий.

От АРА также были учреждены инспектора и инструктора в количестве трех человек, а дополнительный контроль за распределением осуществлялся в «летучих» ревизиях медсанчасти.

Однако первоначально для того, чтобы не ждать первых поездных отчетов, так как помощь требовалось оказать как можно быстрее, АРА выдавало первые медикаменты в качестве аванса. Для этого Губздравом предоставлялись сведения по нормальной годовой потребности:

больничных, амбулаторных участков. На основании таких данных АРА упаковывало для каждого отдельного участка пакет медикаментов, указывая на коробке конкретный адрес участка, а также список прилагаемых медикаментов и медицинских предметов.

Врач, получивший такую посылку, должен был представить через Уездный отдел здравоохранения (Уотздрав) в Управление расписку в получении, которая затем направлялась в отделение АРА. Однако выдача аванса не означала, что при обследовании данного медицинского учреждения АРА не могла отказаться от дальнейшего его снабжения или изменения состава направляемых препаратов. При обследовании в первую очередь особое внимание обращалось на возможное наличие какого-либо медицинского оборудования и препаратов на участке, распространенность заболеваний, количество коек в больнице, амбулаторную посещаемость, плотность населения и другие условия данной местности.

Отдельным пунктом в условиях снабжения медикаментами стояло условие АРА о немедленном их распределении сразу по получении в уезде. Категорически запрещалось создавать при Уотздраве какие-либо запасы. Исключение составляли вазелин и рыбий жир. Часть вазелина передавалась в Уотздрав, для изготовления различных мазей. Рыбий жир отдавали Уотздраву на хранение, так как наиболее рациональное его использование приходилось на зимнее время года. В Области немцев Поволжья при поступлении рыбьего жира от АРА его оставляли на хранение и распределение в Облздравотделе, так как другие возможности хранения отсутствовали. Американской организацией выдавались лишь списки учреждений, куда и в каком количестве должен был рыбий жир попасть. Хранился жир на складах Международного союза помощи детям (МСПД), входившего в организацию Нансена.

Ежемесячные отчеты по положению санитарного дела в регионе стекались в Москву. В специальные формы вписывали информацию о состоянии зданий, их снабжении продуктами и медикаментами, статистику болезней и смертельных случаев. На основании данных сведений Саратовской губернии и Области немцев Поволжья на каждый уезд выделялись медикаменты и продукты питания для больных. Основными принципами поставки медикаментов от АРА служили равномерность, степень нуждаемости и количество коек в лечебных и детских учреждениях [28, л. 9].

Отдельно стоял вопрос о таре. Тара, в которой отпускались пищевые продукты, представляла известную денежную ценность и являлась с начала операции собственностью АРА. В обязанности заведующего столовой входило следить за тем, чтобы тара не портилась

при открывании и опорожнении. В пустом виде её надлежало хранить в безопасном месте. При получении следующей порции продуктов заведующий должен был сдавать пустую тару обратно на склад. При получении тары на склад её тщательно проверяли. Принималась она только в хорошем состоянии. Без разрешения медицинского отдела АРА тару нельзя было продавать или использовать не по назначению. В случае утери тары или ее порчи столовые должны были возмещать ущерб.

Американская администрация помощи занималась также отправкой посылок от частных лиц или других организаций для спасения голодающего населения. Таким образом, появилась возможность получать от родственников или знакомых, живущих в Америке, продукты питания. Соглашение АРА с советским правительством о посылках было подписано 19 октября 1921 г. Процедура называлась «продуктовыми переводами» и состояла в следующем: родственники или знакомые в Америке посылали 10 долларов или продуктов на эту сумму в управление АРА (Нью-Йорк, Бродвей № 42), сообщая, на чье имя и адрес нужно будет отправить посылку. Все эти данные АРА переправляла в контору в Москве, чтобы убедиться, что посылки попадут по назначению. Оттуда адресату доставлялось сообщение, что ему пришла посылка из Америки. От получателя требовалось лишь прибыть в ближайший от его места жительства пункт АРА по распределению посылок. Помимо этого, американец мог просто пожертвовать деньги, и тогда продукты попадали нуждающимся по усмотрению АРА. Посылки должны были доставляться без задержек, так как основная их часть уже ждала своего распределения на складах, открытых в Москве, Петрограде, Самаре, Казани, Симбирске, Уфе, Саратове, Оренбурге, Царицыне.

Каждая 10-долларовая посылка весила 53 кг, и содержала следующие продукты: 22 кг белой муки, 4,5 кг риса, 20 банок сгущенного молока, 4,5 кг сахара, 4,5 кг бобов, 4,5 кг жиров, 1,4 кг чая. Благодаря ей, семья из 4 человек могла прожить один месяц [29, л. 2].

Были и 20-долларовые посылки. В них получалось двойное количество тех же самых продуктов. Продуктовые посылки могли быть и 30-долларовыми. Максимальная цена посылки могла составлять 100 долларов. Минимальная вещевая посылка стоила не 10, а 20 долларов; туда входили шерстяная и хлопчатобумажная ткань, все необходимые материалы для пошива одного костюма и белья.

Отдельно выделялись посылки для преподавателей. В основном они выдавались преподавателям второй ступени (высшей школы), но на них имели право 10% преподавателей первой ступени (школьных учителей), и 2% административного персонала вузов. Критерием распределения служила только нуждаемость.

Списки на получение посылок по этому принципу составлялись комиссией из трех человек: представителей от Уполномоченного представителя, от профсоюза и от АРА. Выдавались посылки АРА непосредственно тем лицам, которым они предназначались, с собственных складов американской организации, или на местах через агентов по индивидуальным спискам. Посылки выдавались не больше одной и не меньше половины один раз в 30 дней. Такое ограничение стояло из-за большого количества выдаваемых посылок, и для того, чтобы каждый мог получить посылку хотя бы один раз.

Советское руководство разрешило беспослиный ввоз посылок и бесплатную их транспортировку по территории страны. Но с самого начала оно относилось настороженно к данной системе оказания помощи, не приветствовало ее расширение, опасаясь того, что программа посылок станет каналом, через который «внешние враги» будут помогать «внутренним», будет служить средством распространения «контрреволюции». В отличие от программы питания детей, программа посылок практически не оставляла большевистским чиновникам шансов влиять на выбор получателей; они понимали, что большинство реципиентов будут составлять не «пролетарии», а те лица, которые характеризовались большевиками как «враги народа».

Представители власти не раз ставили вопрос о нецелесообразности посылочных операций, обосновывая это тем, что у наиболее нуждавшегося в помощи населения нет ни родственников, ни знакомых за границей. Рабочие и крестьяне получали 40% от общего числа посылок, в то время как интеллигенция и городские обыватели – 60%. С едва скрытым упреком советская сторона указывала, что половина всех посылок приходится на долю еврейского населения [8, с. 132].

В целом бюджет АРА, использованный для преодоления гуманитарной катастрофы в Советской России, превышал 60 млн долларов. Основные источники поступления средств в этот бюджет в округленном виде показаны в табл. 3.

Несложно подсчитать, что почти 44% бюджета АРА составляли государственные ассигнования, из чего следует, что Конгресс и правительство США самым активным образом участвовали в оказании помощи голодающему населению России. Интересно, что в формировании бюджета АРА для работы в России участвовало и Советское правительство. Почти 19% этого бюджета составили предоставленные им золото и кредит. 37% бюджета АРА составили взносы общественных организаций и пожертвования частных лиц.

Анализ бюджета АРА позволяет наглядно увидеть высокую степень сострадания и солидарности как государственных органов, так и обществности США, проявленных в отношении

населения ряда регионов России, оказавшегося перед угрозой вымирания.

Таблица 3

Основные источники финансовых средств АРА для помощи голодающим России в период 1921–1923 гг.

Наименование источника	Сумма, доллары
Собственные фонды АРА	10 000 000
Ассигнования Конгресса США на питание голодающих в России	20 000 000
Ассигнования Конгресса США на закупку медицинского оборудования и материалов	4 000 000
Распределительный объединенный комитет США	2 326 000
Медицинское имущество отпущенное Красным Крестом США	3 600 000
Фонд памяти Лауры Спельман Рокфеллер	500 000
Продовольственные переводы АРА	6 000 000
Американское общество помощи Поволжью	195 000
Общество «Объединенное диско»	105 000
Менониты США и Канады	219 000
Американское общество друзей России	415 000
Совет католического научного общества «Благо». США	100 000
Общество южных баптистов	120 000
Международная ассоциация христианской молодежи	50 000
Федеральный церковный совет США	30 000
Пожертвования частных лиц	1 000 000
Золото и кредит, предоставленные Советской Россией	11 433 000
Всего	60 093 000

Сост. по: [30].

Исследованный в статье опыт советско-американского сотрудничества при определенных условиях вполне может быть использован и в современной системе сотрудничества двух стран, даже несмотря на наличие немалых противоречий в их отношениях.

Список литературы

1. Макаренко А. А. Могучая сила пролетарской солидарности (поддержка зарубежным пролетариатом Советской страны в 1921–1925 гг.). М. : Политиздат, 1976. 319 с.

2. Макаров В. Т., Христофоров В. С. Новые данные о деятельности Американской Администрации помощи (АРА) в России // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 238–245.
3. Баламутенко В. А. Чижова О. Г. «АРА к нам идет без задних мыслей, но возни с ней будет много»: Деятельность Американской администрации помощи в России. 1921–1923 гг. // Исторический архив. 1993. № 6. С. 76–95.
4. Коротаев Ф. С. Из истории борьбы за хлеб в начале НЭПа (1921–1923 гг.). Пермь : ПГПИ, 1978. 77 с.
5. Латыпов Р. А. Американская помощь Советской России в период голода 1921–1923 гг. // Вестник института Кеннана в России. Вып. 8 / под ред. Л. Дробижева. М. : Издательство РОО «Содействие сотрудничеству Института им. Дж. Кеннана с учеными в области социальных и гуманитарных наук», 2005. С. 31–46.
6. Усманов Н. Ш. О поддержке деятельности организации АРА властями Советской России (1921–1923 гг.) // Власть. 2009. Март. С. 123–136.
7. Хенкин Е. М. Очерки истории борьбы Советского государства с голодом (1921–1922). Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1988. 171 с.
8. Цихлашвили Н. Ш. Американская помощь народам России в начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 304 с.
9. Поляков В. А. Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия. Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2007. 735 с.
10. Fisher H. H. The Famine in soviet Russia 1919–1923: The operations of the American Relief Administration. New York : Macmillan, 1927. 609 p.
11. Hiebert P. C., Miller O. O. Feeding the Hungry. Russia Famine 1919–1925. Scottdale : Mennonite Central Committee Publ., 1929. 463 p.
12. Weindling P. From Sentiment to Science: Children's Relief Organisations and the Problem of Malnutrition in Inter-War Europe // Disasters. 1994. P. 203–211.
13. Long W. J. The Volga Germans and the Famine of 1921 // Russian Review. 1992. № 4. P. 510–526.
14. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 27. Саратовский губком ВКП (б). Оп. 2. Ед. хр. 40.
15. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 5. Секретариат В. И. Ленина (1917–1924). Оп. 1. Ед. хр. 2019.
16. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 2386.
17. О выезде американских граждан из РСФСР // Правда. 1921. 12 августа.
18. Соглашение между Правительством РСФСР и Американской администрацией помощи от 20 августа 1921 г. // Документы Внешней политики СССР : в 24 т. Т. IV / под ред. Э. Петровской. М. : Госполитиздат, 1960. 840 с. С. 281–286.
19. Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе (далее – ГИАИП). Ф. ОАФ-Р-38. Областная и уездные комиссии помощи голодающим и ликвидации последствий голода Области немцев Поволжья. Оп. 3. Ед. хр. 39.
20. Герман А. А. Большевицкая власть и Немецкая автономия на Волге (1918–1941). Саратов : Издательство Саратовского университета, 2004. 520 с.
21. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 790. Управление уполномоченного полномочного представителя правительств РСФСР и УССР при всех заграничных организациях помощи голодающим по Нижнему Поволжью. 1921–1923. Оп. 1. Ед. хр. 176.
22. ГИАИП. Ф. 762. Исполнительный комитет Покровского уездного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Покровск 1918–1919 гг. – Самарской, 1919–1922 гг. – Саратовской губернии. Оп. 1. Ед. хр. 290.
23. Об организации Русско-американского комитета помощи детям. Саратов : ГИЗ, 1921. 18 с.
24. Раззаков А. Д. Проблемы оказания помощи голодающим Советской России в 1921–1923 гг. Контент-анализ книги Бенджамина Вейсмана «Герберт Гувер и помощь голодающим Советской России в 1921–1923 гг.» // История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований : сборник статей итоговой научно-практической конференции (г. Казань, 11–12 марта 2010 г.) / отв. ред. А. И. Ногманов. Казань : Издательство Ин-та Татар. Энциклопедии АН РТ, 2010. Вып. 2. С. 141–150.
25. ГИАИП. Ф. ОАФ 38. Оп. 3. Ед. хр. 6.
26. ГАСО. Ф. 790. Управление уполномоченного полномочного представителя правительств РСФСР и УССР при всех заграничных организациях помощи голодающим по Нижнему Поволжью. 1921–1923. Оп. 1. Ед. хр. 141.
27. ГАСО. Ф. 608. Саратовская уездная комиссия помощи голодающим. Оп. 1. Ед. хр. 6.
28. ГАСО. Ф. 790. Оп. 1. Ед. хр. 142.
29. Помощь голодающим. Американские посылки // Известия. 1922. 15 февраля.
30. Саратовский областной музей краеведения. Отдел хранения и научной обработки фондов. Научно-вспомогательный фонд 1610.

Поступила в редакцию 01.08.2024; одобрена после рецензирования 25.10.2024; принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 01.08.2024; approved after reviewing 25.10.2024; accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 130–135

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 130–135

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-130-135>, EDN: ZFWEGY

Научная статья

УДК [94+355.721](470.44)|1941/1945|

Помощь населения Саратова и области госпиталям в годы Великой Отечественной войны

О. С. Лёвина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Лёвина Оксана Сергеевна, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, lyovina.oksana2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6592-754X>, AuthorID: 895836

Аннотация. В годы Великой Отечественной войны тыловые районы страны стали центрами, где создавалась сеть эвакуационных и местных госпиталей. Одним из таких регионов стало Саратовское Поволжье. В статье рассматриваются патриотические движения, развернувшиеся в Саратове и области по оказанию различной помощи со стороны населения госпиталям, в которых лечились раненные солдаты и офицеры Красной армии. Автор приходит к выводу, что горожане и сельчане сразу же откликнулись на призывы местных властей о помощи. Вместе с тем, жители региона и сами выступали с патриотическими инициативами, которые находили самую широкую поддержку. Всесторонняя помощь госпиталям стала весомым вкладом населения Саратовской области в победу над врагом.

Ключевые слова: война, врачи, город, госпиталь, местное население, помощь, раненные

Для цитирования: Лёвина О. С. Помощь населения Саратова и области госпиталям в годы Великой Отечественной войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 130–135. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-130-135>, EDN: ZFWEGY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The assistance of the population of Saratov and the region to hospitals during the Great Patriotic War

O. S. Lyovina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Oksana S. Lyovina, lyovina.oksana2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6592-754X>, AuthorID: 895836

Abstract. During the Great Patriotic War, the rear areas of the country became centres where a network of evacuation and local hospitals was created. One of those regions was the Saratov Volga region. The paper considers the patriotic movements that unfolded in Saratov and the region to provide various assistance from the population to hospitals in which wounded soldiers and officers of the Red Army were treated. The author comes to the conclusion that people of the city and villagers immediately responded to the calls of the local authorities for help. At the same time, the residents of the region themselves came up with patriotic initiatives that found the widest support. Comprehensive assistance to hospitals became a significant contribution of the population of the Saratov region to the victory over the enemy.

Keywords: war, doctors, city, hospital, local population, help, wounded

For citation: Lyovina O. S. The assistance of the population of Saratov and the region to hospitals during the Great Patriotic War. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 130–135 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-130-135>, EDN: ZFWEGY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В первые месяцы войны в тыловых регионах началось создание сети госпиталей. Постановлением СНК СССР «О дополнительном формировании эвакуогоспиталей» от 7 июля 1941 г. был утвержден «план дополнительных формирований эвакуогоспиталей на 750 000оек...» [1, с. 148]. В дополнение к данному документу 22 сентября выходит постановление

Государственного комитета обороны № 701 сс «Об улучшении медицинского обслуживания раненных бойцов и командиров Красной армии», передавшее эвакуационные госпитали в ведение Народного комиссариата здравоохранения Союза ССР [1, с. 398]. Наконец, 6 октября 1941 г. принимается постановление Секретариата ЦК ВКП (б) «Об организации Всесоюзного

комитета помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной армии», которым в союзных республиках, краях, областях создавались комитеты, на которые возлагалась организация «широкой общественной помощи органам здравоохранения в деле обслуживания больных и раненых бойцов и командиров Красной армии» и «шефства предприятий, учреждений над госпиталями» [1, с. 424]. Можно констатировать, что данный документ завершил организационно-правовое складывание госпитальной сети в тыловых регионах страны. Одной из первых областей, приступивших к развертыванию сети эвакуационных и местных госпиталей, стала Саратовская. Уже на следующий день после начала войны Саратовским облисполкомом издается распоряжение о размещении госпитальных формирований.

Тема функционирования госпиталей в Саратовской области и оказание им всевозможной помощи от промышленных предприятий, культурно-образовательных учреждений, колхозов, населения стала активно изучаться в 2000-е гг. В советской историографии данный вопрос исследовали Д. П. Ванчинов и Д. Ф. Фролов, отметившие «роль партии», поддерживавшей и руководившей патриотическим движением населения по оказанию помощи эвакуогоспиталю [2, 3]. Н. С. Судоргин подошёл к рассмотрению темы шефской помощи госпиталям с критических позиций, констатируя тормозящее воздействие бюрократических проволочек советских учреждений на инициативы жителей Саратова и области [4]. В статье В. В. Петрова акцент сделан на подготовку кадров медицинских сестёр. Многие саратовчанки, пройдя курсы их подготовки, дежурили в госпиталях и больницах [5]. Весомый вклад в изучение проблемы внесли саратовские медики, подготовившие в 2000-е гг. несколько научных статей [6, 7]. Авторы высоко оценили помощь госпиталям со стороны местного населения. Общим, образно говоря, слабым местом их исследований является ограниченность архивной базы; авторы довольствовались материалом только местных архивов. Данная статья, написанная на широком круге архивных источников, извлечённых как из центральных, так и из областных архивов, отчасти восполняет этот пробел.

Первые железнодорожные эшелоны с ранеными стали прибывать в Саратов в конце июля – начале августа 1941 г., а в октябре создаётся областной комитет помощи больным и раненым бойцам и командирам Красной армии под председательством секретаря обкома ВКП (б) И. Т. Виноградова. Осенью 1941 г. был образован областной отдел эвакуогоспиталей, призванный координировать и контролировать всю их работу. Его возглавил врач К. К. Соломатин. Первейшей задачей отдела стал поиск дополнительных помещений для госпиталей. Под

них передавались наиболее вместительные здания, в том числе помещения зооветеринарного института, общежитие пединститута, гостиницы «Астория», «Москва», «Россия» и «Европа» в Саратове, корпус городского совета в Энгельсе, а также школы районных центров и крупных сел. Решением облисполкома и городских районных исполнительных комитетов под эвакуогоспитали были перепрофилированы почти все городские больницы, глазная клиника, туберкулезный и детский психоневрологический санатории в Саратове, а также ряд медицинских учреждений в Аткарском, Базарно-Карабулакском, Вольском, Пугачевском, Петровском, Балашовском районах [8, л. 16–17]. Организация госпитальной инфраструктуры усложнялась постоянной эвакуацией в Саратовскую область госпиталей из других регионов страны и зоны военных действий. Так, в сентябре 1941 г. область приняла и разместила госпитали Харьковского военного округа, а несколько позднее – ленинградские медицинские учреждения.

Не менее остро стоял вопрос обеспечения госпиталей койками: их катастрофически не хватало. На 6 октября 1941 г. в госпиталях и больницах области насчитывалось 21 860 коек, вместо 33 300 необходимых [9, л. 223]. Среди населения Саратова, районных центров, сел и деревень развернулось движение по сбору кроватей, матрасов и топчанов, набитых соломой и опилками. Жертвуя домашней кроватью, саратовцы довольствовались топчанами и лежаками. К 1 февраля 1942 г. в области было развернуто необходимое количество больничных коек [10, л. 110].

Одновременно с созданием коечного фонда шёл процесс формирования кадрового потенциала госпиталей. Особенно остро чувствовалась нехватка хирургов. 11 декабря 1941 г. Исполком Саратовского областного совета постановил: «а) к 15 декабря с[его] г[ода] перераспределить специалистов врачей-хирургов, освободив их от административной работы, использовав по прямому назначению; б) к 25 декабря с[его] г[ода] в каждом госпитале организовать курсы по военно-полевой хирургии для врачей не хирургов...» [11, л. 95]. Саратовские врачи стали одними из первых и самых активных участников консультаций по вопросам применения в лечении раненых тех или иных методов, которые проводились медицинскими сотрудниками Государственного научно-исследовательского института физиотерапии Наркомздрава РСФСР [12, л. 9–10]. Ввиду нехватки в госпиталях и больницах медицинских сестёр, в большинстве медицинских учреждений организовывались ускоренные курсы подготовки младшего медицинского персонала.

Уже к концу 1941 г. в госпиталях и больницах стал остро ощущаться недостаток перевязочного материала. 31 января 1941 г. личным

распоряжением заместителя председателя Совета по эвакуации А. Н. Косыгина в Саратов было отправлено два вагона медикаментов, бинтов, ваты, но этого оказалось недостаточно [13, л. 5]. Главный хирург госпиталей Саратовской и Пензенской областей, заслуженный деятель науки РСФСР С. Р. Миротворцев через областную газету «Коммунист» обратился к населению области с просьбой заняться изготовлением корпии [14, л. 29 об.]. Была даже отпечатана листовка «Изготавливайте корпию» тиражом 20 000 экземпляров [15, с. 7]. Сам инициатор этого начинания вспоминал: «Мы экономили вату. А между тем можно легко и хорошо заменить вату корпией. Корпией называется старый полотняный материал, расщепленной булавкой на отдельные волокна, и сделать ее может каждая домохозяйка, каждый студент, каждый школьник. Корпия легка, пушиста, нежна, гигроскопична и служит великолепным подкладочным материалом для перевязок. Я решил организовать в Саратове изготовление корпии. Газета «Коммунист» выпустила моё обращение к учителям города Саратова и области, в котором я, изложив важную роль корпии как прекрасного заменителя ваты, просил изготавливать ее для наших госпиталей. На мой призыв откликнулись сотни советских людей – и в университете, и в медицинском институте, и в других вузах, а также в школах изготавливали корпию, тем более, что материалом для её изготовления служило старое, рваное, уже никуда не годное бельё. <...>. Одновременно во всех районах изготавливали корпию, и в скором времени ко мне стали прибывать громадные партии изготовленной корпии, которая после стерилизации в автоклавах направлялась в госпитали и заменяла собою вату» [16, с. 155].

На призыв С. Р. Миротворцева откликнулись домохозяйки, научные работники, школьники, пионеры и т. д. «Корпийное движение», как в шутку называли его саратовские врачи, внесло определённый вклад в обеспечение госпиталей перевязочным материалом. С. Р. Миротворцев также предложил использовать в качестве бинтов, которых катастрофически не хватало, марлевые подушечки, набитые продезинфицированными еловыми и сосновыми опилками. В Саратове оперативно организовали промышленное производство по выпуску данной продукции медицинского назначения, которое успешно функционировало три года.

Население области оперативно откликалось на обращения властей оказать помощь госпиталям. Например, когда возникла острая нехватка постельного белья для тяжелораненых, расположенных в общежитии саратовской профтехшколы, горожане буквально в недельный срок собрали для них по 100 полотенец и наволочек, 30 одеял и нижнее бельё на 26 человек [17, л. 133 об.]. С. Р. Миротворцев

с благодарностью вспоминал об одной из инициатив саратовцев: «В один из госпиталей пришли восемь домохозяек и сказали: “Мы желаем взять на себя обязательство работать в кухне всю войну, сколько бы она не продолжалась”. Они взяли на себя обязательство чистить картофель для варки на пятисоткроватный госпиталь. И вот, наблюдая их всю войну, я должен сказать, что они мало того, что с честью выполнили своё обязательство, но и принесли большую пользу госпиталю. Рано утром они приходили в госпиталь, а в это время им уже отвешивался картофель, который нужен был на питание раненых в течение целого дня, и они его чистили, мыли в специальных баках и оставляли на кухне» [16, с. 154].

Широко развернулось шефское движение над госпиталями. Если колхозы главным образом помогали продуктами, дровами, то саратовцы и жители области мыли полы в больничных палатах, стирали и гладили постельное бельё, бинты, одежду раненых, зашивали её. Стремясь создать комфортную обстановку в госпиталях, жители городов, сел и деревень несли домашнюю утварь, посуду, предметы личной гигиены. Так, госпиталь в Лысых Горах был полностью укомплектован за счёт местного населения, которое принесло постельное бельё, тюфяки, подушки, посуду, тазы, самовары, ведра, зеркала, занавески на окна, скатерти, цветы [3, с. 84]. В три вольских госпиталя местные жители на 25 октября 1941 г. было сдано «много различной посуды, подушек, носовых платков, полотенец, музыкальных инструментов и другие различные подарки» [18, л. 18]. Жены служащих учреждений районного центра Куриловка взяли шефство над несколькими палатами расположенного в городе эвакуогоспиталя и «культурно их оборудовали: сделали из своих материалов занавески на окна, салфетки принесли, банки с комнатными цветами, всех бойцов обеспечили кисетами» [19, л. 24]. Широко распространение получила такая форма шефской помощи, как сбор подарков раненым и больным солдатам и офицерам к различным праздничным датам. Власти на местах всячески поддерживали это движение.

Помощь госпиталям со стороны населения оказывалась не только хозяйственно-материальная, но и эмоционально-психологическая. Партийные органы области и руководство госпиталей уделяли большое внимание их «культурно-просветительной работе». Раненым бойцам и офицерам показывали кинофильмы, устраивали музыкально-поэтические представления, спектакли, готовили стенгазеты, помогали написать письма родным и близким, читали газетные передовицы и литературные произведения. Например, в эвакуогоспитале № 3287 с мая по октябрь 1942 г. шефские организации дали 9 концертов, провели 7 вечеров художественной самодеятельно-

сти, 65 киносеансов [19, л. 29]. Перед ранеными выступали саратовские деятели культуры и науки. Так, в госпиталях с лекциями об общественно-политических взглядах и деятельности Н. Г. Чернышевского выступала его внучка – Н. М. Чернышевская. Она провела 155 лекций и 1251 беседу. Только за 1943 г. их прослушало 25 000 человек. Фотография Н. М. Чернышевской была помещена на доску отличников госпиталя № 995, а руководство госпиталя выразило ей благодарность за её культурно-просветительскую деятельность [20]. Поправившиеся после ранений бойцы и офицеры, лечившиеся в этом госпитале, присылали с фронта письма, в которых выражали благодарность за «заботу, любовь и внимание», «замечательные лекции и доклады». Вместе с Н. М. Чернышевской культурно-просветительскую работу в госпиталях проводили и другие сотрудники музея. Для раненых и больных рядового состава они разработали лекции «Н. Г. Чернышевский – великий патриот нашей родины», «Роман “Что делать?”», «Н. Г. Чернышевский и война». «Бывали случаи, – писала В. В. Смирнова, – когда лекции о Н. Г. Чернышевском изъясняли желание слушать бойцы, только что принесённые в палату после операции» [21, с. 39].

Преподаватели Саратовского государственного медицинского института, помогая подшефным госпиталям, за годы войны прочитали в них 1350 лекций [3, с. 105]. «От всей души, от всего сердца воинов Красной армии мы приносим руководству: профессорам, доцентам, ассистентам, студентам и всем работникам университета благодарность. Ваша забота, любовь и внимание, которые Вы оказываете раненым бойцам и офицерам своими замечательными лекциями, докладами вселяют в нас бодрость, силу и полную уверенность в победе над врагом», – писали в коллективном письме преподавателям института вылечившиеся бойцы и офицеры [22]. Бывшие пациенты эвакогоспиталя № 1305 летом 1943 г. прислали с фронта сотрудникам гастронома № 1 г. Саратова, осуществлявшим шефство над госпиталем, письмо, в котором благодарили за «все сделанное» для них и заверяли, что будут «бить фашистскую нечисть, не щадя своей жизни» [23, л. 111–112].

Анализ источников позволяет констатировать, что шефское движение над госпиталями со стороны населения, которое можно назвать патриотическим начинанием «снизу», опережало партийную инициативу по данному вопросу. Секретарь Саратовского обкома партии И. Т. Виноградов, выступая 12 сентября 1942 г. на собрании городского партийного актива, упрекнул руководство города за недостаточное внимание, уделяемое госпиталям. «В связи с необходимостью усиления помощи нашим госпиталям, помощи в обслуживании раненых, нам надо всей парторганизации резко поставить вопрос

об усилении шефской помощи», – заявлял он [24, л. 53 об.].

На местах власти оперативно усилили оказание шефской помощи госпиталям и иным медицинским учреждениям. Уже 28 октября 1942 г. секретарь Вольского горкома партии П. Н. Илюхин сообщал в докладной записке И. Т. Виноградову о «широком размахе движения по оказанию помощи раненым бойцам» в районе [19, л. 139].

Всеохватывающим в области стало донорское движение. Оно началось с ноября 1941 г. Станция переливания крови в Саратове принимала в день от 300 до 500 добровольцев, желавших сдать кровь. Нередко для этого им приходилось выстаивать не один час в очереди. Заведующий военным отделом Балашовского горкома ВКП (б) сообщал 11 ноября 1941 г. руководителю областного военного отдела обкома, что доноров «приходит много» и им приходится стоять в очереди до двух и более часов, чтобы сдать кровь [25, л. 14]. За годы войны донорами стали 42 000 жителей Саратова и области; из них 13 являлись почётными донорами. Они сдали 71 тыс. литров крови [2, с. 197]. Некоторые сдавали кровь по несколько десятков раз. Например, работница крекинг-завода Т. И. Алексеевская сдала кровь 61 раз, сборщица того же завода Л. Ф. Александрова – 38 раз, сестра-хозяйка станции переливания крови А. П. Сахнова – 60 раз и т. д. [26, с. 95]. Следует отметить, часть сданной донорами крови отправляли в Москву. Заведующий областным отделом здравоохранения Г. И. Лаврицев в служебной записке от 5 февраля 1942 г. в обком ВКП (б) указывал, что «в настоящее время» необходимо «заготавливать ежедневно не менее 75 литров консервированной крови», из которых 25 литров – для Москвы [19, л. 66].

Саратовские доноры стали зачинателями движения по отчислению денежной компенсации за сданную кровь на постройку боевой техники. Так, в феврале 1943 г. они перечислили 233 тыс. рублей на строительство самолёта «Саратовский донор» [27, л. 128]. Их примеру последовали доноры Куйбышевской области, обратившиеся 27 марта 1943 г. телеграммой к И. В. Сталину, в которой просили «дать указание об открытии специального счёта на строительство эскадрилий “Советский донор” как для скоростной доставки донорской крови, так и на дополнительное строительство эскадрилий мощных боевых самолетов для скорейшего окончательного разгрома врага» [28, л. 95].

Помощь госпиталям, особенно со стороны населения, была массовой и повсеместной, но носила, с точки зрения властей, неорганизованный характер. Областная власть пыталась поставить ее в контролируемые и управляемые рамки, объединив с шефской помощью культурно-образовательных организаций, промышлен-

ленных предприятий и колхозов. В докладной записке отдела о выполнении решения бюро обкома ВКП (б) от 5 августа 1942 г., в частности, говорится, что «по ряду госпиталей города Саратова в порядке опыта создаются шефские советы из представителей шефских организаций, в задачу которых будет входить координирование всей работы шефов в данном госпитале под руководством комиссара госпиталя.<...>. Опыт показывает, что в целях улучшения руководства работой по шефству над госпиталями было бы целесообразно создать комитеты помощи раненым по районам и городам, где имеются госпитали» [17, л. 29 об.]. Если политико-идеологическая работа в госпиталях была предметом постоянного внимания партийно-советских органов всех уровней, то «культурно-просветительское обслуживание» раненых и больных являлось заботой всего населения Саратова и области. Движение по оказанию помощи госпиталям выражалось в различных формах, но неотъемлемой составляющей всегда оставалась их самоотдача, готовность пожертвовать последним, чтобы раненые скорее полностью восстанавливались и могли отправиться вновь на фронт освобождать родную землю от врага.

Список литературы

1. В штабах Победы. 1941–1945. Документы : в 5 кн. / отв. ред. А. К. Сорокин. Кн. 1. 1941. «Вставай, страна огромная». М. : Научно-политическая книга, 2020. 576 с.
2. Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Исторический очерк. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1976. 304 с.
3. Фролов Д. Ф. Саратовская областная партийная организация в борьбе за оказание помощи раненым воинам Советской Армии в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1951. 322 с.
4. Судоргин Н. С. Формирование и функционирование системы госпитального лечения в годы Великой Отечественной войны. (На материалах партийно-государственных структур и общественных организаций областей Нижнего Поволжья) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1993. 174 с.
5. Петров В. В. Деятельность эвакогоспиталей на территории Саратовской области в годы Великой Отечественной войны // Бюллетень медицинских Интернет конференций. 2016. Т. 6, № 1. С. 150–152.
6. Мурылёв Ю. А., Мурылёв В. Ю. Организация работы госпиталей тыла страны на территории Саратовской области в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Саратов : Издательство Саратовского медицинского университета, 2000. 64 с.
7. Соколов В. Ю., Мурылёв Ю. А., Мурылёв В. Ю., Якимов Д. К. Организация лечения раненых и больных в лечебных учреждениях г. Саратова в годы Великой Отечественной войны. Развёртывание эвакуационных госпиталей в начальный период войны (июнь 1941 – июнь 1942 гг.) // Вестник Российской военно-медицинской академии. 2018. № 2 (62). С. 226–233.
8. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-2302. (Областной отдел здравоохранения Саратовского областного Совета депутатов трудящихся). Оп. 3. Д. 9.
9. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594. (Саратовский обком ВКП (б)). Оп. 1. Д. 2319.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 644. (Государственный комитет обороны СССР). Оп. 1. Д. 36.
11. ГАСО. Ф. Р-1738 (Саратовский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет). Оп. 14. Д. 16.
12. Российский государственный архив научно-технической документации. Ф. 186 (ЦНИИ курортологии и физиотерапии Министерства здравоохранения СССР). Оп. 1-б. Д. 53.
13. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6822 (Совет по эвакуации при Совете народных комиссаров СССР). Оп. 1. Д. 481.
14. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2864.
15. Данилов В. Н. Организация и работа госпиталей на территории Саратовской области в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Территория милосердия. Саратовские госпитали в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / сост. Г. В. Скорочкина, А. Г. Колдина, С. О. Козурман, О. Е. Скучаева. Саратов : Издательство ФГБОУ ВО «Саратовская юридическая академия», 2020. С. 3–7.
16. Миротворцев С. Р. Страницы жизни. Л. : Медгиз, Ленинградское отделение, 1956. 198 с.
17. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2845.
18. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2600.
19. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2866.
20. Стабенов А. Н. М. Чернышевская среди раненых бойцов в госпитале № 995. г. Саратов. 24 июля 1944 г. // Музей Н. Г. Чернышевского. Общий фонд. № 4308. (Коллекция. Фотофонд).
21. Смирнова В. В. Шла Великая Отечественная... // Пропагандист великого наследия. Из истории Дома-музея Н. Г. Чернышевского : сб. статей / отв. ред. А. А. Демченко. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1984. С. 35–42.
22. Письмо раненых бойцов и офицеров университету // Коммунист. 23.12.1944. № 252.
23. ГАСО. Ф. Р-2018. (Саратовская областная контора главного управления показательных гастрономических и бакалейных магазинов Министерства торговли СССР). Оп. 2. Д. 26.
24. РГАСПИ. Ф. 17. (Центральный комитет КПСС). Оп. 43. Д. 1625.
25. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2602.
26. Аверьянов Е. Г., Садчиков Д. В., Осипова О. В., Кулигин А. В. Размышления о былом Материалы к 90-

летию первого переливания крови в Саратове и 80-летию службы крови Саратовской области. Исторический очерк / под общ. ред. Д. В. Садчикова. Саратов : ГБОУ ВПО СГМУ им. В. И. Разумовского, 2012. 128 с.

27. РГАСПИ. Ф. 628 (Коллекция документов, писем и телеграмм советских и зарубежных граждан об их пожертвованиях в фонд обороны СССР). Оп. 1. Д. 143.

28. РГАСПИ. Ф. 628. Оп. 1. Д. 173.

Поступила в редакцию 17.09.2024; одобрена после рецензирования 24.09.2024; принята к публикации 10.11.2024; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 17.09.2024; approved after reviewing 24.09.2024; accepted for publication 10.11.2024; published 31.03.2025

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

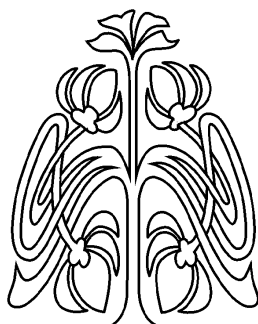
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 136–141

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 136–141

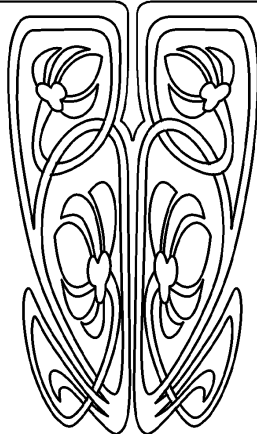
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-136-141>, EDN: ZIVKPN

Рецензия

УДК 94(47+57)(049.32)+929[Ионенко+Кабытов+Федорова]

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Портрет историка в координатах времени: ученики об учителе и наставнике

Рецензия на книгу: *Кабытов П. С., Фёдорова Н. А. Профессор Иван Михайлович Ионенко: личность и время. 2-е изд., испр. и доп. Казань : Издательство Казанского университета, 2024. 224 с.*

А. Е. Бусыгин

Бусыгин Андрей Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, независимый исследователь, busygin.andrei@gmail.com

Аннотация. В рецензии охарактеризованы основные положения второго, исправленного и дополненного издания книги П. С. Кабытова и Н. А. Фёдоровой, посвященной описанию жизни и научного творчества профессора И. М. Ионенко. Авторы рецензируемой книги, в прошлом студенты и аспиранты И. М. Ионенко, рассказывают о его жизненном пути, становлении как историка и преподавателя вуза, его научных достижениях и общественной деятельности. Личность Учителя и наставника, стремившегося научить своих учеников профессиональному подходу к изучению исторической правды, раскрывается в контексте времени, в котором он жил и работал, подчеркивается, что при подготовке молодых кадров историков важно не только вооружить их инструментарием исторического исследования, но и наладить духовную связь между наставником и его учениками. Авторы сумели передать обаяние личности своего Учителя, научившего их не только добывать информацию, но и располагать ее в системе нравственных координат. В заключение сделан вывод, что выпуск второго издания книги свидетельствует о ее востребованности.

Ключевые слова: профессор Ионенко, Смоленская губерния, Казанский университет, Великая Российская революция, Великая Отечественная война, научная школа, правда истории, наставник

Для цитирования: Бусыгин А. Е. Портрет историка в координатах времени: ученики об учителе и наставнике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 136–141. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-136-141>, EDN: ZIVKPN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review's report

Portrait of the historian in the coordinates of his time: Students about their teacher and mentor

Book review: Kabytov P. S., Fedorova N. A. *Professor I. M. Ionenko: Personality and his Time. Second edition, corrected and supplemented. Kazan, Kazan University Publ., 2024. 224 p. (in Russian).*

A. E. Busygin

Andrey E. Busygin, the independent researcher, busygin.andrei@gmail.com

Abstract. The review characterizes the main provisions of the second, corrected and supplemented edition of the book by P. Kabytov and N. Fedorova, devoted to the description of the life, research and teaching activities of professor I. M. Ionenko. The authors of reviewed book, former students and graduate students of Ionenko talk about his formation as a historian, his

achievements as a historian and social activities. Personality of the Teacher and mentor, who taught his students a professional approach to historical reseaches, is revealed in the context of the time in which he lived and worked. The book emphasized that when preparing young historians, it is not only to equip them with the tools of historical research, but also to establish a spiritual connection between the mentor and his students. The authors managed to convey the charm of personality of their Teacher, who taught them not only to extract and summarise information, but also to arrange it in the system of moral coordinates. In the review is concluded that the release of the second edition of the book indicates its necessity and demand.

Keywords: Professor Ivan M. Ionenko, Smolensk province, Kazan University, The Great Russian Revolution, The Great Patriotic War, The historical Verity, The Mentor

For citation: Busygin A. E. Portrait of the historian in the coordinates of his time: Students about their teacher and mentor. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 136–141 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-1-136-141>, EDN: ZIVKPN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Первое издание этой монографии было осуществлено Самарской Гуманитарной академией и появилось примерно за год до второго [1]. Почему в Самаре? Логично было бы предположить, что именно Казанский университет первым проявит инициативу издания книги о профессоре И. М. Ионенко (1913–1989), который много лет трудился в Казани. Ответ прост: потому, что в Самарском университете много лет работает один из учеников казанского профессора П. С. Кабытов, выпускник Казанского университета 1969 г. Книга им инициирована и написана в соавторстве с ученицей Ивана Михайловича Н. А. Федоровой, которая закончила Казанский университет в 1981 г. Первое издание было приурочено к 110-й годовщине со дня рождения видного историка и вышло в 2023 г., который был объявлен в России годом педагога и наставника. Оно получило положительные отклики, а затем и Казанский университет включил эту монографию в план своих юбилейных изданий. Это позволило авторам книги продолжить работу, расширив источниковедческую базу исследования, подробнее рассказать о некоторых сторонах многогранной деятельности профессора И. М. Ионенко, более детально и эмоционально показать время, условия жизни и работы профессора и его коллег. Этому, в частности, способствуют рисунки и фотографии, которые присутствовали и в первом издании, есть они и во втором. Но главное – изучены и использованы при написании монографии новые архивные документы, привлечены фонды музея истории Казанского университета, новые материалы из личных архивов семьи Ионенко, его учеников и авторов монографии. Автору данного отзыва довелось высказаться о первом издании этой книги [2]. Появление второго, исправленного и дополненного, даёт возможность продолжить разговор о личности И. М. Ионенко, который был и моим учителем тоже, ещё раз высказаться о монографии, одним из авторов которой является П. С. Кабытов – друг со студенческой скамьи.

В настоящее время биографии известных ученых, писателей, политических деятелей, других знаменитостей прошлого часто пишутся писателями, журналистами, публицистами. Примеров более чем достаточно и нет необходимости их здесь

приводить. Главные отличительные черты таких работ – образность языка и домисливание чувств, впечатлений и мыслей героя повествования. Спору нет – это домисливание, как правило, вполне правдиво и придаёт дополнительную яркость изложению. Рецензируемая работа – другая. Это профессиональный труд ученых-историков. Все строго документировано. Так же, как математик получает удовольствие от красоты доказательства теоремы, коллеги-историки, знакомящиеся с рецензируемой книгой, не смогут не оценить профессионализм, с каким авторы анализируют эпистолярное наследство профессора Ионенко. Или вот самое начало книги – описание Смоленщины, малой родины будущего профессора-историка, особенностей этого региона, где задолго до столыпинской аграрной реформы получило распространение хуторское землевладение. Без этого исторического и экономико-статистического анализа было бы непонятно, как в крестьянской семье мог появиться юноша, играющий на скрипке, знающий и любящий русскую поэзию Серебряного века, стремящийся к получению высшего образования и обладающий ярко выраженной склонностью к занятию исторической наукой. Впрочем, если бы не Великая русская революция, неясно, как сложилась бы судьба будущего историка. Но революция произошла, вызвав поистине тектонические сдвиги во всех слоях российского общества. Она определяющим образом повлияла на судьбу юного хуторянина, который после окончания педагогического техникума в 20-летнем возрасте стал директором школы колхозной молодёжи, затем закончил ЛГПИ имени А. И. Герцена, где начал формироваться как историк. А далее – это призвание давало себя знать, «пробивалось» повсюду, куда бы судьба не забрасывала этого молодого человека. Судьбу свою он «делал» сам, напрягая все свои силы, полностью используя тот потенциал, который был дан ему от природы. По окончании педагогического института в 1939 г. он получил направление на работу в вуз, что было скорее исключением, чем правилом. В годы Великой Отечественной войны не сразу, но всё же сложилось так, что он смог сосредоточиться на изучении опыта войны и истории

военных действий, и на фронте стал практикующим историком. А по завершении войны его жизненный путь определился окончательно: преподаватель в вузах (хотя и до войны, и сразу после неё одно время преподавал и в школах), учёный-исследователь, профессор, создатель собственной научной школы, подготовивший немало кандидатов и докторов наук, всего более 30. Авторы монографии последовательно знакомят читателей с этапами жизненного и творческого пути И. М. Ионенко.

Призвание к занятиям историей в личности Ивана Михайловича соединилось с талантом преподавателя. И не просто преподавателя, он обладал качествами, необходимыми для того, чтобы стать наставником молодёжи, её Учителем. И стал таковым! К сожалению, далеко не к каждому преподавателю, читающему лекции студентам, они тянутся, испытывают потребность быть ближе, общаться за пределами аудитории. Если это происходит, получаемые молодыми людьми знания становятся как бы неотделимыми от личности того, кто этими знаниями делится с ними. А это придаёт знаниям особые качества. Не то чтобы в этом случае они лучше усваиваются. Дело не в этом! Они как бы «оживают», материализуются, становятся неотделимыми от голоса, интонации, жестов Учителя. Именно поэтому ученики Ивана Михайловича с такой теплотой вспоминают его. История как учебная дисциплина и как наука воспринимаются ими и сегодня в неразрывной связи с образом Учителя. В первое издание рецензируемой книги были включены воспоминания его учеников, знакомство с которыми об этом и свидетельствует. В данном издании, часть этих воспоминаний цитируется, но далеко не всё. А жаль!

Есть много свидетельств тому, как внимателен был Учитель к повседневным нуждам студентов и аспирантов. Но главное, видимо, все же не в этом, а в стремлении и призвании Учителя научить молодых людей в шуме прошедшего и текущего времени выделять причинно-следственные связи, находить движущие силы происходящих в обществе изменений, вычленять главное и закономерное, т. е. научить исторически мыслить. Только двигаясь таким путём можно докопаться до правды в исторической науке, которая объективно существует (её только надо обнаружить) вопреки политической конъюнктуре момента. Авторы книги особо подчёркивают, рассказывая о своём учителе: «Всю свою жизнь он доказывал, что без правды в исторической науке не может быть правды в обществе» [3, с. 89].

В последнее время появилось много рассуждений о том, что такое «историческая правда». Высказываются мнения, что таких «правд» много (у революционеров, к примеру, одна, у властей предрежащих – другая). Есть и такое мнение, что исторической правды вообще не существует, а есть только исторический миф, сложившийся со временем, и не следует его трогать: народ, мол,

верит в него, и это хорошо. Надо подчеркнуть, что И. М. Ионенко говорил о правде в исторической науке, а не об «исторической правде», а это разные понятия! Иногда он употреблял словосочетание «правда истории», (такие примеры приводятся в книге), но как следует из контекста, в данном случае под историей он понимал не исторический процесс, а историю как науку и учебную дисциплину. Анализ понятия «историческая правда» требует отдельной статьи, если не монографии. Здесь же важно отметить, что в советский период, в который уместилась вся сознательная жизнь И. М. Ионенко, было немало проблем с утверждением правды в исторической науке, и он, по мере сил, старался эти проблемы решать. Авторы рецензируемой книги упоминают о том, что в 1950-е гг. защищались диссертации, написанные в «традиционном для того времени историко-партийном формате» [3, с. 73]. Этот формат предполагал, что все «научные» выводы должны вписываться в официальную сталинскую концепцию Великой российской революции. Причём надо отметить, что эта концепция настолько овладела умами (что неудивительно в тоталитарном государстве), что понадобились годы и годы после смерти И. В. Сталина, чтобы её поколебать. Авторы пишут о том, как в начале 60-х гг., И. М. Ионенко, выступая на обсуждении одной кандидатской диссертации, отметил, что стремление соискателя везде показать главенствующую роль большевиков противоречит фактам, правде истории [3, с. 119]. Власти строго следили за тем, чтобы все строго придерживались официальной концепции и не своевольничали. Если «крамола» в выступлении на заседании кафедры ещё могла пройти мимо глаз и ушей начальства, то более широкое её распространение грозило серьезными карами. Авторы книги пишут о том, как университетские ученые решили возродить деятельность общества «Истории, археологии и этнографии (ОИАЭ) при Казанском университете и издавать “Труды” общества. И. М. Ионенко был поставлен во главе редакционной коллегии задуманного издания. Первый же выпуск “Трудов” не понравился руководству обкома КПСС, в нём, якобы, “неверно трактовались” программные материалы партии. Об этом сигнализировали некоторые бдительные анонимщики. “Труды” были изъяты не только из библиотек, но даже у частных лиц» [3, с. 126–127].

Сам И. М. Ионенко во всех своих публикациях и в своей докторской диссертации на тему «Революционная борьба и национально-демократическое движение солдатских масс Поволжья и Приуралья в Октябрьской революции», защищённой в 1966 г., строго придерживался исторических фактов. Он всегда проверял и перепроверял полученные данные, этому учил своих студентов и аспирантов. Авторы книги пишут: «Обострённая щепетильность к правде факта, особенно когда

это касалось “неудобных” для официальных кругов положений и фактов, принятых в то время приемов ухода от острых вопросов, всегда отличали стиль научной работы Ивана Михайловича» [3, с. 147–148]. Если бы это было принято только в то, прошедшее время... Вот почему и сегодня особенную важность имеет такая констатация, содержащаяся в книге: «Ивана Михайловича всегда отличало понимание ответственности историка. Своих учеников ... он убеждал собственным примером, что кроме эрудиции и суммы профессиональных знаний историк должен прежде всего иметь совесть» [3, с. 101].

Уместны ли упреки в адрес профессора Ионенко, признававшегося в том, что что «сказать всю правду в своих трудах не смог, что знал намного больше, чем было позволено раскрывать в научных трудах и в студенческих аудиториях университета» [3, с. 205–206]? Нет, конечно! Нужны не упреки, а понимание трагичности этой ситуации, порождённой трагичностью того времени.

Почти три десятилетия своей жизни И. М. Ионенко посвятил изучению истории революционного движения солдатских масс в тыловых округах страны. Авторы рецензируемой книги справедливо отмечают, что во многом благодаря трудам И. М. Ионенко и его учеников региональная проблематика данной темы приобрела общероссийскую научную значимость. Нашего молодого современника может насторожить устаревшее к сегодняшнему дню словосочетание «солдатские массы». Слово «массы», применительно к обществу, очень часто встречалось в марксистской литературе (достаточно вспомнить известный афоризм К. Маркса: «Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами») и было общеупотребительным весь советский период. В современных исторических, социологических и политологических трудах оно практически не используется. Но для 60-х гг. прошлого века говорить о «солдатских» (или «крестьянских», прочих других) массах было делом обычным и привычным. С тех пор, как И. М. Ионенко защитил свою докторскую диссертацию, прошло почти 60 лет. Разумеется, за прошедшее время некоторые сделанные им выводы требуют уточнения (и авторы рецензируемой работы это признают), что естественно. Но в данной связи важно подчеркнуть, что для его времени они звучали по-новому. Во многом благодаря тому, что историк Ионенко (один из немногих тогда) в основу своего исследования положил комплексный подход: он осознавал, что историю сложного социального организма необходимо изучать с максимальным учётом всех его составляющих. Авторы рецензируемой книги подчёркивают, что И. М. Ионенко на рубеже 1950–1960 гг. блестяще овладел исследовательским инструментарием, для него заметно стремление вести анализ документального материала на стыке

гуманитарных наук, в том числе историографии, права, социальной психологии. Помимо архивных материалов, он включал в научный оборот материалы устной истории [3, с. 145]. К сегодняшнему дню «устная история» превратилась в отрасль исторической науки, но для времени, в которое работал И. М. Ионенко, это был крупный шаг в развитии исторического инструментария.

Когда И. М. Ионенко в 1970 г. начал заведовать кафедрой истории СССР историко-филологического факультета Казанского университета, в полной мере проявился его талант организатора научного процесса (во втором издании книги раскрытие этой составляющей его деятельности получило дальнейшее развитие). В данной рецензии, продолжая сюжет об исследовательском инструментарии, которым владел профессор Ионенко, уместно выделить его интерес к использованию в исторических исследованиях математико-статистических методов. В те годы в Казанском университете эти методы начали активно и эффективно использовать этнографы, которыми руководил профессор Е. П. Бусыгин, и историки под руководством И. М. Ионенко. Последнего интересовали теоретические проблемы источниковедения – каковы, в частности, границы возможностей использования математики в обработке исторических источников? Таким образом, под руководством И. М. Ионенко был дан старт новым идеям, которые начали полномасштабно реализовываться в условиях информационного общества.

Рисую портрет своего Учителя, авторы книги показывают, что он как бы постоянно «жил историей», ощущая, что каждый текущий момент перетекает в прошлое, которое становится историей. И одновременно старался делиться этим ощущением со своими учениками. Его увлечённость историей не ограничивалась кругом его основных научных интересов. Когда началось строительство Камского автозавода, Иван Михайлович в качестве заведующего кафедрой университета выступил инициатором и научным руководителем по научной разработке истории строительства КамАЗа, организовывал ежегодные археографические экспедиции Казанского университета на строительство комплекса заводов.

Во втором издании книги больше внимания уделено участию И. М. Ионенко в работе Учёного совета Государственного музея ТАССР (ныне – Национальный музей республики Татарстан), что позволило сделать акцент на этой стороне деятельности профессора. Эта работа была интересна и для него самого, выиграл и музей – «практикующий историк» с его обострённым чувством истории советовал, какие артефакты следует приобрести, давал ценные рекомендации по выстраиванию экспозиций музея, по работе с ветеранами и молодёжью, сам принимал участие в этой работе. Авторы отмечают, что к сотрудничеству с музеем И. М. Ионенко был приглашён В. М. Дьяконовым, возглавлявшим музей с 1942 по 1978 г. Это важно,

так как Владимир Михайлович был, несомненно, видным музейным работником, и он понимал, насколько полезным будет для музея участие в его работе незаурядного представителя университетской науки. Это сотрудничество длилось много лет: В. М. Дьяконов ушёл из жизни в 1984 г., а И. М. Ионенко в последний раз принимал участие в разработке новой экспозиции музея уже после его ухода в 1985–1986 гг. Активно помогал Иван Михайлович и становлению музея истории Казанского университета.

Он и свой боевой опыт поставил на службу исторического образования и воспитания молодёжи, много сил вложил в организацию на историко-филологическом факультете Казанского университета студенческого «Снежного десанта», участники которого изучали боевой путь 334-й Витебской ордена Суворова стрелковой дивизии, сформированной в начале Великой Отечественной войны в Казани. Во втором издании книги этой стороне его деятельности также уделено больше внимания. Иван Михайлович разработал проблематику и стал проводить спецсеминар по истории Великой Отечественной войны, написал и издал воспоминания «Нам жить и помнить (записки штабного офицера)» [4]. Его заслуга, – это уже дань университету, который стал для него родным, – написание (в соавторстве с В. А. Поповым) книги «Казанский университет в годы Великой Отечественной войны», изданной в 1985 г. [5]. Спустя почти 20 лет, в 2004 г. (И. М. Ионенко уже ушёл к тому времени из жизни), к 200-летнему юбилею университета была подготовлена фундаментальная «История Казанского университета 1804–2004». Сын Ивана Михайловича Сергей написал для этого издания главу «Первое послевоенное десятилетие» [6, с. 404–449]. Перу ученика И. М. Ионенко В. Ф. Телишева принадлежит глава «Военное лихолетье» [6, с. 364–403]. Автор этой главы многократно ссылается на книгу своего учителя об университете в годы войны, так что и Ивана Михайловича можно считать соавтором этого труда.

Рецензируемая книга ценна тем, что в ней говорится обо всех без исключения сторонах жизни учителя и наставника. Это позволяет раскрыть его личность «объёмно», представить его не только за кафедрой лектора в аудитории или работающего в зале архива, ведущего заседание кафедры, выступающего на научной конференции, но и как обычного человека, живущего в семье, испытывающего бытовые неурядицы, воспитывающего детей, старающегося организовать летний отдых для семьи. Здесь важны три составляющие. Первая – личная жизнь героя книги, в которой он был счастлив. Это любовь на всю жизнь со студенческой скамьи к той, что стала его женой, к Ольге Меньшиковой. Кстати, этой женитьбе Казань обязана тем, что именно в этот город был распределён уроженец Смоленщины, выпускник Ленинградского вуза Иван Ионенков: Ионенко он стал после

ранения на фронте, его документы оказались утерянными, а при оформлении новых, при выписке из госпиталя, его записали под новой фамилией – он не стал исправлять ошибку, это заняло бы столь ценное время. Дело в том, что в Казани жили родители его жены, у них на попечении находилась уже появившийся на свет сын молодой четы (но он тяжело заболел и скончался), и это наверняка повлияло на распределение на работу. Авторы рецензируемой книги посвятили немало добрых слов Ольге Владимировне, которая сама была творческой личностью, четырежды стала матерью, соратницей своего мужа, не только организовывала быт семьи, но и помогала в работе над книгой «Нам жить и помнить».

Вторая составляющая – духовная жизнь героя книги, его социальный статус. Портрет историка И. М. Ионенко – это портрет советского интеллигента, человека образованного, мыслящего, чувствующего свою ответственность перед обществом. О том, что он играл на скрипке и любил поэзию, уже говорилось. Но он и сам в юности писал стихи, уже в зрелом возрасте, в начале 1950-х гг. подготовил текст пьесы об одном из деятелей татарской культуры. По страницам «толстых журналов» он следил за ходом отечественного и мирового литературного процесса. Принимал активное участие в общественной жизни. И при этом, взаимодействуя с властью (что было неизбежно в его статусе преподавателя высшей партийной школы, а позже – заведующего университетской кафедрой на гуманитарном факультете), в то же время находился в некоторой оппозиции к ней, не принимая «правила игры», заключающиеся в том, чтобы «поддакивать» в стремлении что-то замолчать, а где-то обойти неудобный вопрос. Не в этом ли причина того, что власти на 60-летний юбилей учёного откликнулись более чем скромно – ограничились вручением почётной грамоты?

Третья составляющая повседневной жизни героя рецензируемой книги – бытовая, типичная для вузовских преподавателей в 50-е гг. (вплоть до 70-х, а то и 80-х включительно) не только в Казани, но и во всех городах СССР, где имелись высшие учебные заведения: проживание с семьей в коммунальных квартирах, летний отдых в снятой на лето деревенской избе, в палатке спортивного лагеря или в фанерном домике. Получение путёвки в дом отдыха или в санаторий было скорее исключением, чем правилом, даже для профессора. Семья Ионенко многими благами, которые сегодня считаются само собой разумеющимися (отдельная квартира, отдых в оздоровительном учреждении по путёвке и др.), получила возможность пользоваться после многих лет скитаний по коммуналкам с «удобствами во дворе» и стремлением создать уют в брезентовой палатке. Но семья была счастлива! Прогулки по Волге на собственной лодке и рыбалка с друзьями и учениками – что может быть лучше? Отсутствие

комфорта, довольствование малым при сосредоточении на духовной стороне повседневной жизни, было обычным состоянием вузовской интеллигенции в советский период. Болезнь «вещизма» её не затрагивала. С этой точки зрения семья Ионенко ничем не отличалась от семей коллег, преподавателей, профессоров и доцентов университета и других казанских вузов.

Говоря о качествах И. М. Ионенко как ученого-историка, наставника студентов и аспирантов, уместно задать вопрос: а откуда взялись все эти его качества? Кто его образовывал и воспитывал? Понятно, что на первом этапе жизни – семья, родители. Умение играть на скрипке, страсть к чтению, стремление к получению образования – это оттуда. Позже, как и другие представители новой советской молодёжи, Иван Ионенков воспитывался в Соболевском педагогическом техникуме эрудированными и квалифицированными преподавателями с университетским образованием из числа старой русской интеллигенции. Как не упомянуть здесь добрым словом землевладельца Н. Попова, который в 1910 г. в своём имении и на свои средства образовал женскую учительскую семинарию, позже преобразованную в педагогический техникум? А затем – учёба в Ленинградском государственном педагогическом институте. Здесь Иван слушал лекции выдающихся учёных, начинающих свою исследовательскую практику и педагогическую деятельность ещё в дореволюционный период – Б. Д. Грекова, Е. В. Тарле, В. В. Струве. Руководителем первого научного исследования И. Ионенкова стал Владимир Васильевич Мавродин (1908–1987), который являлся учеником Б. Д. Грекова. Работая под руководством В. В. Мавродина, молодой исследователь увлёкся средневековьем. Что интересно, после войны, когда И. М. Ионенко был готов вернуться к историческим исследованиям, он серьёзно думал продолжить свои изыскания под руководством В. В. Мавродина, но тот, попав под жернова критики «космополитизма», был исключён из партии, впал в опалу и научное руководство с его стороны стало невозможным. Так, начинающий медиевист был вынужден стать исследователем крестьянских и солдатских масс в эпоху Великой русской революции. Такая вот «случайность», характерная для послевоенной сталинской эпохи, резко изменила научную судьбу Ивана Михайловича.

Научным руководителем при написании И. М. Ионенко кандидатской диссертации была академик А. М. Панкратова (1897–1957). При написании докторской диссертации он получал консультации академика И. И. Минца (1896–1991). Академиков с полным правом также можно

назвать его учителями. Оба они подвергались критике в сталинский период. У обоих он учился самодисциплине, самоограничению, постоянной осторожности. И в то же время – научной смелости и порядочности.

И, конечно, Учителем, сначала младшего лейтенанта Ионенкова, а позже майора Ионенко, стала война. Она научила многому, прежде всего, – преодолевать себя, свои слабости, свой страх. Эти уроки пригодились ему уже после войны, в мирной жизни, когда надо было защищать свои научные позиции, бороться с ортодоксальными взглядами, отстаивать правду истории.

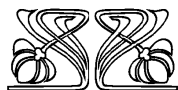
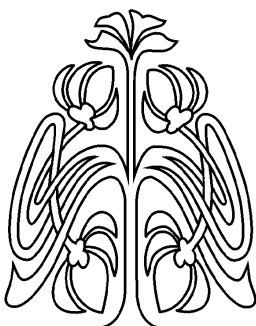
Важно подчеркнуть, что несмотря на все кардинальные социально-политические изменения, происшедшие в России на рубеже XX и XXI вв., научная преемственность исторической науки в Поволжском регионе не прервалась. Научная школа, созданная Иваном Михайловичем Ионенко, продолжает существовать. Дело, начатое им, подхватили его многочисленные ученики, у каждого из которых немало учеников собственных. Только один из них, автор рецензируемой книги П. С. Кабытов, подготовил 44 кандидата и 23 доктора наук. Так что эстафета, углубляющая и расширяющая исторические знания, эстафета, в которой передаются лучшие традиции научной основательности и честности, продолжается. П. С. Кабытов и Н. А. Фёдорова написали хорошую и нужную книгу о своём Учителе. А о том, что эта книга своевременна и востребована, свидетельствует её второе, исправленное и дополненное издание.

Список литературы

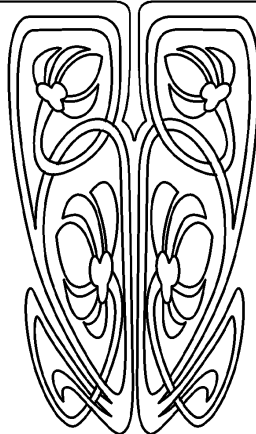
1. Кабытов П. С., Федорова Н. А. Профессор Иван Михайлович Ионенко: личность и время : монография. Самара : Самарская гуманитарная академия, 2023. 144 с.
2. Бусыгин А. Е. О портрете историка, написанного историками // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2023. Т. 163, кн. 1–2. С. 263–271. <https://doi.org/10.26907/2541-7738>
3. Кабытов П. С. Федорова Н. А. Профессор Иван Михайлович Ионенко: личность и время. 2-е изд., испр. и доп. Казань : Издательство Казанского университета, 2024. 224 с.
4. Ионенко И. М. Нам жить и помнить: Записки штабного офицера. Казань : Татарское книжное издательство, 1988. 190 с.
5. Ионенко И. М. Попов В. А. Казанский университет в годы Великой Отечественной войны. Казань : Издательство Казанского университета, 1985. 180 с.
6. История Казанского университета 1804–2004 / под общей редакцией И. П. Ермолаева. Казань : Издательство Казанского университета, 2004. 656 с.

Поступила в редакцию 24.09.2024; одобрена после рецензирования 28.09.2024; принята к публикации 20.01.2025; опубликована 31.03.2025

The article was submitted 24.09.2024; approved after reviewing 28.09.2024; accepted for publication 20.01.2025; published 31.03.2025

ПОДПИСКА

Подписка на печатную версию

Подписной индекс издания 36018
Оформить подписку на печатную версию
можно в Интернет-каталоге
ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru)
Журнал выходит 4 раза в год
Цена свободная

Электронная версия журнала находится
в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского

Институт истории и международных отношений

Тел.: +7(845-2) 21-06-32

Факс: +7(845-2) 21-06-51

E-mail: larisachernova@mail.ru

Website: <https://www.sgu.ru/structure/imimo>

ISSN 1819-4907 (Print). ISSN 2542-1913 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: История. Международные отношения. 2025.
Том 25, выпуск 1

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития
Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика
Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология
Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

